

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ПРИМОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АГРАРНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Жуплей Ирина Викторовна

**ФОРМИРОВАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ АГРАРНОЙ СТРУКТУРНОЙ
ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ
СИСТЕМ**

Специальность 5.2.3 – Региональная и отраслевая экономика
3. Экономика агропромышленного комплекса (АПК)

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора экономических наук

Научный консультант – доктор
экономических наук, профессор
Латкин Александр Павлович

Уссурийск – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ СИСТЕМ	17
1.1. Современные подходы к определению содержания категории «региональная экономическая система»	17
1.2. Сущность региональных экономических продовольственных систем, особенности формирования и развития, авторский подход	34
1.3. Исследование процессов трансформации отраслевых приоритетов продовольственного обеспечения на мезоуровне	55
ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ АГРАРНОЙ СТРУКТУРНОЙ ПОЛИТИКИ	73
2.1. Эволюция теоретико-методологических представлений и фундаментальных оснований структурной политики	73
2.2. Потенциал региональной экономической продовольственной системы в теории формирования аграрной структурной политики	89
2.3. Модель аграрной структурной политики развития региональных экономических продовольственных систем	103
ГЛАВА 3. МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ОЦЕНКИ СТРУКТУРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ РЕГИОНА	125
3.1. Методические подходы к формированию и анализу аграрной структурной политики	125
3.2. Классификация факторов и условий, влияющих на формирование аграрной структурной политики развития региональных экономических продовольственных систем	139
3.3. Методика оценки структурных сдвигов в региональных экономических продовольственных системах	153

ГЛАВА 4. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	167
4.1 Анализ тенденций развития потенциала региональной экономической продовольственной системы	167
4.2. Методика оценки потенциала региональной экономической продовольственной системы	184
4.3. Прогноз развития потенциала региональной экономической продовольственной системы	199
ГЛАВА 5. НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ И МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ АГРАРНОЙ СТРУКТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	211
5.1 Территориально-отраслевая дифференциация региональной экономической продовольственной системы	211
5.2 Оценка и прогнозирование результативности аграрной структурной политики развития региональной экономической продовольственной системы в формировании макроэкономических показателей Дальнего Востока	238
5.3 Направления аграрной структурной политики развития региональной экономической продовольственной системы	256
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	275
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	278
ПРИЛОЖЕНИЯ	337

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Достижение положительно-устойчивого состояния продовольственной безопасности государства основывается на обеспечении стабильной продовольственной обеспеченности регионов России. При этом существующая природно-географическая, институциональная, экономическая и социально-демографическая уникальность субъектов Федерации, с одной стороны, является ключевым преимуществом страны, позволяющим в целях социально-экономического развития задействовать широкий круг факторов и возможностей, с другой, – представляет опасность углубления существующих диспропорций в региональных продовольственных системах.

Значимость указанной проблемы отражается в новой редакции Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации (Указ Президента №20 от 21.01.2020), в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года», а также в ряде региональных стратегических документов, таких как «Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока до 2024 года и на перспективу до 2035 года», «Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года», «Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года».

Продовольственный сектор российского Дальнего Востока в течение последних лет находится в неблагоприятном состоянии из-за ухудшения демографической ситуации, физического и морального старения материально-технической базы, сокращения посевных площадей, негативного воздействия экономических санкций. К началу 2025 года в целом по макрорегиону полная самообеспеченность достигнута только по картофелю и хлебу, по остальным продуктам местное производство крайне недостаточное, даже по тем продуктовым группам, которые в советский период производились в достаточных объемах. Учитывая формирование подобной тенденции в продовольственном обеспечении жителей Дальнего Востока Российской Федерации, его высокую

зависимость от внерегионального производства продуктов питания, их импорта из Китайской народной республики при низком уровне использования собственного природно-ресурсного потенциала, будущее социально-экономическое развитие этого стратегически важного для России макрорегиона во многом определяется успешностью решения научной проблемы перехода к более эффективной аграрной структурной политике использования потенциала территории в решении задач улучшения качества жизни дальневосточного населения. Изложенное свидетельствует об актуальности темы настоящего диссертационного исследования.

Степень разработанности темы исследования. Проблемы, связанные с формированием и развитием региональных продовольственных систем, их структурными характеристиками и особенностями, в том числе в контексте продовольственной безопасности и продовольственной обеспеченности нашли отражение в работах многих отечественных и зарубежных авторов.

Значительный теоретический вклад в развитие методологии формирования и развития структурной политики внесли отечественные ученые С.Д. Валентей, М.И. Гельвановский, А.Г. Гранберг, Н.Я. Калюжнова, Ф.Д. Кожурин, В.Н. Лексин, В.Н. Лившиц, Н.П. Молчанова, Н.Н. Некрасов, А.С. Новоселов, А.И. Татаркин, Г.А. Унтура, Р.А. Фатхутдинов, А.Г. Шеломенцев, Р.И. Шнипер и др. Среди зарубежных исследователей структурных изменений следует выделить труды К. Беренса, Р. Бошма, А. Иссермана, Р. Капелло, Л. Коенена, П. Кругмана, М. Портера, Д. Сакса, Ж. Тиссе, К. Френкена и др.

Продовольственным системам различного уровня, их проблематике и региональным особенностям большое внимание уделено в трудах Б.А. Воронина, Н.А. Киреевой, А.К. Маркова, А.Н. Митина, Р.Г. Мумладзе, Л.С. Ревенко, А.И. Сутыгиной, О.В. Шумаковой и др. Исследования зарубежных ученых К. Галанакиса, П. Говарда, Х. Годфрея, Дж. Кауфмана, М. Спрингманна, Д. Тендалла и др. локализуются преимущественно в точках устойчивого развития продовольственных систем на макроуровне.

Для всестороннего раскрытия проблематики региональных продовольственных систем необходимо ее теоретическое восприятие также и в контексте продовольственной обеспеченности и продовольственной безопасности. Данная тематика широко представлена в трудах А.И. Алтухова, С.Г. Афанасьева, Л.Р. Ахметжановой, Т.М. Ворожейкиной, Н.М. Кабаненко, Е.С. Куликовой, А.П. Латкина, В.И. Назаренко, Д.В. Паршукова, Е.А. Погребцовой, Н.И. Пыжиковой, О. А. Рущицкой, А.Н. Сёмина, Е.В. Серовой, С.Н. Угримовой, И. Г. Ушачева и др.

Важным аспектам формирования и трансформации отраслевых приоритетов продовольственных систем посвящены работы Л.И. Абалкина, И.Н. Буздalова, Н.Л. Колесова, А.А. Колесняк, В.В. Леонтьева, П.А. Минакира, В.И. Набокова, А.А. Никонова, М.Ф. Польшова, Б.Е. Фрумкина и др.

Теоретико-методологические основы структурной политики заложили Р.С. Гринберг, В.В. Ивантер, Л.С. Казинец, Л.В. Канторович, О.Ю. Красильников, Р.Дж. Олсен, О.С. Сухарев, Н.В. Херцог, А.В. Чаянов, Ю.В. Яременко и др. При этом в изучение динамической составляющей структурных изменений на региональном уровне значительный вклад внесли В.С. Антонюк, С.К. Демченко, Н.Н. Михеева, Б.П. Плышевский, Ю.Д. Шмидт, М.А. Юдина и др.

В своем исследовании автор также опирался на методологические основы экономических потенциалов, которые представлены работами отечественных ученых Н.А. Алексеевой, А.Н. Анищенко, А.А. Гундоричева, Р.У. Гусманова, Е.С. Ковзуновой, Е.М. Кот, Н.В. Лясникова, З.А. Мироновой, О.М. Петрушиной, А.П. Потапова, Ю.Ю. Прониной, Е.В. Риц, Ю.А. Романовой, Д.В. Сенаторова, Д.А. Сыромятникова, Т.В. Усковой, П.П. Холодова и др.

Несмотря на значительный вклад вышеназванных авторов в развитие теории и методологии формирования структурной политики в части продовольственной безопасности и продовольственной обеспеченности, современные реалии функционирования региональных продовольственных систем в условиях новых внешних вызовов определяют необходимость обоснования эффективных для этих условий теоретико-методологических подходов к государственному

управлению их развитием для достижения стратегической цели продовольственного обеспечения на национальном и региональном уровнях. Актуальность и неразработанность указанных вопросов и их практическая значимость определили содержание цели и задач диссертационной работы, а также гипотезу исследования.

Объект исследования – региональная продовольственная система Дальнего Востока Российской Федерации.

Предмет исследования – организационно-экономические отношения, возникающие в процессе формирования и реализации аграрной структурной политики развития региональных продовольственных систем.

Цель диссертационного исследования – разработка теоретико-методологических положений и методического обеспечения формирования и реализации аграрной структурной политики развития региональных продовольственных систем.

Гипотеза исследования заключается в предположении, что разработка теоретических и методологических положений, а также формирование методического обеспечения аграрной структурной политики развития региональных продовольственных систем позволит обеспечить условия для устойчивого улучшения продовольственной обеспеченности населения Дальнего Востока Российской Федерации.

Задачи исследования:

1. Дополнить разработанный к настоящему времени теоретико-методологический подход к формированию аграрной структурной политики развития региональных экономических продовольственных систем (РЭПС).
2. Разработать методику оценки сегмента «сельское хозяйство» производственного потенциала РЭПС.
3. Уточнить и дополнить систему индикаторов критериальной оценки продовольственной самообеспеченности РЭПС.
4. Установить влияние на РЭПС структурных сдвигов в производственном базисе.

5. Разработать эконометрические модели структурных сдвигов в совокупности аграрных товаропроизводителей РЭПС.

6. Разработать концептуальную модель формирования аграрной структурной политики развития РЭПС.

Соответствие содержания диссертации паспорту научной специальности. Диссертация выполнена в соответствии с пунктами п. 3.1 «Теоретико-методологические основы анализа проблем развития сельского хозяйства и иных отраслей АПК», п. 3.2 «Вопросы оценки и повышения эффективности хозяйственной деятельности на предприятиях и отраслях АПК», п. 3.10 «Аграрная политика и государственная поддержка отраслей АПК», п. 3.15 «Прогнозирование развития агропромышленного комплекса и сельского хозяйства» паспорта специальности 5.2.3. – Региональная и отраслевая экономика (экономика агропромышленного комплекса (АПК)).

Методы исследования. Для решения задач и достижения цели исследования использован комплекс взаимно дополняющих методов. При обосновании теоретико-методологических положений, дополняющих подход к формированию аграрной структурной политики, а также при уточнении совокупности индикаторов критериальной оценки продовольственной самообеспеченности РЭПС использованы методы теоретического обобщения и сравнительного анализа. При разработке методики оценки производственного потенциала РЭПС и при построении концептуальной модели формирования аграрной структурной политики развития РЭПС применены экспертный метод, методы формализации и алгоритмизации. При исследовании влияния на РЭПС структурных сдвигов в производственном базисе, а также при построении эконометрических моделей использованы методы факторного, дисперсионного и корреляционно-регрессионного анализа.

Теоретическую основу исследования составили положения теории формирования структурной политики, научные труды отечественных и зарубежных ученых по вопросам структурной политики и развития продовольственных систем, а также по проблемам продовольственного

обеспечения и продовольственной безопасности; **методологическую основу** – положения диалектики, в том числе системный и комплексный подходы, обеспечившие целостность и комплексность диссертационного исследования.

Информационно-эмпирическая база исследования. Для разработки исследуемой проблемы автором в 2012–2018 гг. была проведена комплексная научно-практическая и методическая работа, которая в дальнейшем продолжалась и дополнялась. Информационно-эмпирическую основу для выработки рабочих гипотез составили официальные статистические данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, данные Годовых отчетов сельскохозяйственных предприятий Приморского края за 2014–2023 гг., а по отдельным показателям за 1997–2023 гг., законодательные и нормативно-правовые акты Российской Федерации, Дальнего Востока Российской Федерации, Приморского края, характеризующие направления и приоритеты социально-экономической политики федеральных и региональных органов власти в сферах экономического развития и продовольственной безопасности, а также программно-целевые документы государственной структурной политики развития Дальнего Востока Российской Федерации.

Научная новизна исследования заключается в решении крупной научной проблемы развития методологии формирования и реализации аграрной структурной политики региональных экономических продовольственных систем, учитывающей специфику продовольственной обеспеченности региона при эффективном использовании региональных ресурсов, а также влияние внерегиональных и зарубежных продовольственных рынков, что нашло свое отражение в **основных положениях, выносимых на защиту**:

1. Дополнен разработанный к настоящему времени теоретико-методологический подход к формированию аграрной структурной политики, в том числе: предложены авторские определения новых экономических категорий, связанных логической соподчиненностью и содержательной сущностью – региональная экономическая продовольственная система и потенциал региональной экономической продовольственной системы; предложено новое

направление структурной политики – аграрная структурная политика развития региональной экономической продовольственной системы, разработан алгоритм ее формирования. Новизна сделанного дополнения к подходу заключается в обосновании возможности применения уровня развития потенциала РЭПС в качестве целевого оценочного критерия развития региональной аграрной политики. Разработанные автором теоретико-методологические положения, дополняющие подход к формированию аграрной структурной политики, позволяют исследовать проблемы сельского хозяйства на мезоуровне (п. 3.1 «Теоретико-методологические основы анализа проблем развития сельского хозяйства и иных отраслей АПК» Паспорта специальности 5.2.3).

2. Разработана методика оценки сегмента «сельское хозяйство» производственного потенциала РЭПС, применение которой позволит определять группу аграрных товаропроизводителей, обладающую наибольшим производственным потенциалом, а также формировать рекомендации по развитию производственного потенциала региональной экономической продовольственной системы. Новизна предлагаемой методики заключается в комплексном формировании весовых оценочных показателей производственного потенциала РЭПС с дифференциацией товаропроизводителей по организационно-правовой форме, отраслевой специфике и масштабу деятельности, а также в предложении оценочной шкалы, позволяющей разделять группы товаропроизводителей РЭПС по уровню развития производственного потенциала (п. 3.2 «Вопросы оценки и повышения эффективности хозяйственной деятельности на предприятиях и отраслях АПК» и п. 3.10 «Аграрная политика и государственная поддержка отраслей АПК» Паспорта специальности 5.2.3).

3. Уточнена и дополнена система индикаторов критериальной оценки продовольственной самообеспеченности РЭПС, в которую входят: индикатор самообеспеченности региона продовольствием, индикатор физической доступности продуктов питания регионального производства согласно рациональным нормам питания, индикатор физической доступности продуктов питания зарубежного высококонкурентного производства, индикатор удовлетворения физиологических

потребностей в продуктах питания, индикатор «бедности», индикатор структуры затрат домашних хозяйств на продукты питания. Предложенная система индикаторов дает возможность осуществлять комплексное исследование продовольственной самообеспеченности региона, определять ее уровень в разрезе основных продуктовых групп, выявлять проблемы регионального экономического развития продовольственных систем. Новизна предлагаемой системы состоит в конструировании индикаторов в логике относительных показателей, связывающих фактические уровни самообеспечения региона с пороговыми значениями продовольственной безопасности. В отличие от общепринятых подходов к анализу продовольственной самообеспеченности, в оценочную совокупность включен индикатор физической доступности продуктов питания зарубежного высококонкурентного производства (п. 3.1 «Теоретико-методологические основы анализа проблем развития сельского хозяйства и иных отраслей АПК» Паспорта специальности 5.2.3).

4. Установлено влияние на РЭПС структурных сдвигов в производственном базисе, в частности: обоснована совокупность структурных факторов, тесно связанных с темпом роста производства сельскохозяйственной продукции; доказана его существенная зависимость от интенсивности и направленности структурных сдвигов; предложена эконометрическая модель влияния на РЭПС структурных сдвигов в сельском хозяйстве; оценены структурные факторы по степени их влияния на производственный базис РЭПС. Новизна подхода заключается в использовании структурных характеристик в качестве экзогенных факторов для моделирования на основе динамического ряда показателей, отражающих специфику сегментов РЭПС, в которых осуществляется первичное производство продовольствия, а также в исследовании характера структурных сдвигов в сельском хозяйстве региона и страны, проведения их сравнительного анализа (п. 3.2 «Вопросы оценки и повышения эффективности хозяйственной деятельности на предприятиях и отраслях АПК», п. 3.15 «Прогнозирование развития агропромышленного комплекса и сельского хозяйства» Паспорта специальности 5.2.3).

5. Разработаны эконометрические модели структурных сдвигов в совокупности аграрных товаропроизводителей РЭПС, а именно: модели положительно направленных сдвигов и модели общих структурных сдвигов в совокупности аграрных товаропроизводителей РЭПС. Применение моделей позволит ранжировать товаропроизводителей по степени их воздействия на формирование структурных сдвигов и строить прогнозные оценки перспектив развития РЭПС, а также определять перспективную группу товаропроизводителей в сельском хозяйстве региона. Новизна разработанных моделей заключается в комплексном учете структурных особенностей региона при оценке развития сельского хозяйства; в определении совокупности характеристик структурных сдвигов РЭПС, а также различий в степени их потенциального воздействия на изменение результативности аграрной политики (п. 3.10 «Аграрная политика и государственная поддержка отраслей АПК», п. 3.15 «Прогнозирование развития агропромышленного комплекса и сельского хозяйства» Паспорта специальности 5.2.3).

6. Разработана концептуальная модель формирования аграрной структурной политики развития РЭПС, в состав которой входят: концептуальная схема управления аграрной структурной политикой развития РЭПС; обоснованная система показателей оценки РЭПС; модель аграрной структурной политики развития РЭПС. Новизна и актуальность подхода связана с необходимостью научного обоснования перспективных траекторий развития сельского хозяйства российского Дальнего Востока и решения задач его продовольственной обеспеченности в среднесрочной перспективе, что во многом определяется новыми геополитическими условиями и внешними вызовами. С учетом предложенных автором дополнений подход позволяет формировать оптимальную структуру продовольственной обеспеченности региона продукцией регионального происхождения с определением оптимальной его доли в сочетании с продовольственными группами, которые не подлежат региональному производству (п. 3.1 «Теоретико-методологические основы анализа проблем

развития сельского хозяйства и иных отраслей АПК», п. 3.10 «Аграрная политика и государственная поддержка отраслей АПК» Паспорта специальности 5.2.3).

Теоретическая значимость диссертации состоит в разработанных теоретических и методологических положениях, расширяющих научные представления об управлении процессами формирования и реализации аграрной структурной политики в сфере продовольственной безопасности и продовольственной обеспеченности на мезоуровне; конкретизации содержания аграрной структурной политики развития региональных экономических продовольственных систем; уточнении состава системы индикаторов критериальной оценки продовольственной самообеспеченности региона; дополнении инструментальной составляющей методологии формирования аграрной структурной политики развития региональных экономических продовольственных систем.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что разработанные автором методика оценки сегмента «сельское хозяйство» производственного потенциала региональной экономической продовольственной системы и модели влияния на РЭПС структурных сдвигов могут быть использованы органами региональной власти при разработке приоритетных направлений развития аграрной политики и формирования (актуализации) программ социально-экономического развития территорий, о чем свидетельствуют справки о внедрении отдельных результатов диссертации. Ряд положений диссертации включены в учебные курсы «Региональная экономика», «Экономика агропромышленного комплекса», «Экономика предприятия (организации)» Приморского государственного аграрно-технологического университета.

Степень достоверности полученных результатов. Достоверность и обоснованность результатов исследования подтверждается корректным использованием современных эконометрических и статистических методов обработки больших объемов официальных данных, соответствующих цели и задачам исследования, анализом значительного объема научных работ

отечественных и зарубежных ученых, положительной апробацией на научных конференциях, публикациях в рецензируемых изданиях.

Апробация результатов диссертационного исследования. Результаты исследования представлены на следующих конференциях: Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы и перспективы развития науки и образования» (Тверь, 2024), заседании научной школы ФГБОУ ВО ВВГУ «Теория и методология эффективного управления социально-экономическими системами Дальнего Востока» (Владивосток, 2023), Дальневосточном научно-деловом форуме «Продовольственная безопасность в контексте глобальных геополитических и экономических вызовов (Владивосток – Уссурийск, 2023), Международной научно-практической конференции «Биотехнологии в АПК Дальнего Востока: состояние и перспективы развития» (Уссурийск – Тимирязевский, 2023), Международной научно-практической конференции «Вызовы современности и стратегия развития аграрной экономики» (Орел, 2022); Международной научно-практической конференции «Развитие научно-инновационного потенциала аграрного производства: проблемы, тенденции, пути решения» (Тверь, 2022); Международной научно-практической конференции «От импортозамещения к экспортному потенциалу: научно-инновационное обеспечение АПК» (Екатеринбург, 2021), Международной научной конференции «Фундаментальные и прикладные научные исследования в развитии сельского хозяйства Дальнего Востока» (Уссурийск – Тимирязевский, 2021), VIII Всероссийской научно-практической конференции «Современная экономика: обеспечение продовольственной безопасности» (Самара–Кинель, 2021), Международной научно-исследовательской конференции AgroBioTech «Приоритетные направления развития сельского хозяйства, прикладной биотехнологии и промышленного производства» (Барнаул, 2021) и др.

Публикации. По теме диссертации опубликовано 85 научных работ общим объемом 118 п.л., из них авторских – 52 п.л., в том числе 18 работ в рецензируемых научных из списка ВАК при Минобрнауки, 10 работ в изданиях, индексируемых в базах данных Scopus, 6 – в коллективных монографиях.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка литературы, включающего 461 наименование. Работа изложена на 364 страницах, содержит 29 таблиц, 45 рисунков, 9 приложений.

Во введении обоснована актуальность темы диссертационного исследования, степень ее изученности, определены цель и задачи исследования, обозначены объект, предмет, методы исследования, дано обоснование научной новизны, теоретической и практической значимости работы.

В первой главе «Теоретические положения формирования и развития региональных экономических продовольственных систем» проанализированы современные подходы к определению содержания категории «региональная экономическая система»; предложена авторская дефиниция региональной экономической продовольственной системы, дополняющая теоретико-методологический подход к формированию структурной политики; исследованы изменения отраслевых приоритетов регионального развития с учетом актуализации роли региональных экономических продовольственных систем.

Во второй главе «Методологические подходы к формированию аграрной структурной политики» выполнена этапизация теоретических представлений и фундаментальных оснований структурной политики; предложены в дополнение к подходу формирования аграрной структурной политики новые экономические категории – «потенциал региональной экономической продовольственной системы» и «аграрная структурная политика развития региональной экономической продовольственной системы»; обоснована необходимость их введения в категориальный аппарат аграрной структурной политики; разработана логическая схема формирования модели аграрной структурной политики развития региональной экономической продовольственной системы.

В третьей главе «Методический инструментарий оценки структурных преобразований в аграрном секторе региона» сделано обобщение используемых в российской и зарубежной теории и практике методических подходов к формированию и анализу структурной политики развития РЭПС; структурированы факторы и условия, влияющие на формирование аграрной

структурной политики развития региональных экономических продовольственных систем; представлена методика оценки структурных сдвигов в региональных экономических продовольственных системах; предложена дополненная система индикаторов критериальной оценки продовольственной самообеспеченности РЭПС.

В четвертой главе «Определение потенциала региональной экономической продовольственной системы Дальнего Востока Российской Федерации» выполнен анализ тенденций развития потенциала региональной экономической продовольственной системы макрорегиона; разработана методика оценки производственного потенциала РЭПС и представлены результаты апробации разработанной методики для условий Приморского края Дальнего Востока; предложен алгоритм прогнозирования производственного потенциала РЭПС; выполнено прогнозирование параметров функционально-отраслевой структуры и структуры товаропроизводителей производственного базиса РЭПС Приморского края для сегмента «сельское хозяйство».

В пятой главе «Направления совершенствования и механизм реализации аграрной структурной политики развития региональной экономической продовольственной системы Дальнего Востока Российской Федерации» исследована региональная экономическая продовольственная система макрорегиона в территориально-отраслевом контексте, проведены оценка и прогнозирование ее результативности в формировании макроэкономических показателей Дальнего Востока; разработаны эконометрические модели влияния на РЭПС структурных сдвигов в производственном базисе и в структуре товаропроизводителей, доказана адекватность и применимость разработанных моделей для использования в региональных условиях; представлена концептуальная модель формирования аграрной структурной политики развития РЭПС; сформированы рекомендации по развитию аграрной политики РЭПС Дальнего Востока России.

В заключении сформулированы выводы и дано обобщение результатов исследования.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ СИСТЕМ

1.1. Современные подходы к определению содержания категории «региональная экономическая система»

Региональная экономическая система (РЭС) на протяжении последних пятидесяти лет является одним из центральных объектов научных исследований как российской, так зарубежной экономической литературы. Это обусловлено не только влиянием различных экономических школ (неоклассической, кейнсианской, институциональной и др.), но постоянной эволюцией самого предмета исследования при изменении характера социально-экономического развития регионов, появления новых условий, способствующих региональному развитию, трансформации роли социально-экономической политики на мезоуровне, а также развития методологических инструментов анализа.

Как экономическая категория «региональная экономическая система» отличается достаточно большим многообразием интерпретаций, отражающих различные аспекты соответствующего объекта исследования [7, 119, 187]. В связи с чем, изучение сущности РЭС целесообразно начать с его определения, но учитывая при этом, что генезис данного понятия восходит к двум дефинициям – «регион» и «экономическая (социально-экономическая) система».

Регион в трактовках различных ученых в зависимости от научных подходов, целей исследования, социально-экономического и иного контекста приобретает свои отличительные черты и характеристики. Показательно в данном контексте, на наш взгляд, мнение А. Isserman'a, согласно которому «регион детерминирован тем вопросом, изучением которого мы занимаемся» [424]. Так, зарубежные исследователи, такие как К. Behrens и J.F. Thisse [399], преимущественно фокусируются на пространственных аспектах региона, используя для описания взаимодействия экономических агентов и потоков ресурсов инструменты

пространственной экономики (модели гравитации, пространственной автокорреляция, методов геостатистики). Научные изыскания этих ученых основаны на неоклассической парадигме с акцентированием на оптимизирующем поведении экономических субъектов и конкуренции в условиях региона. Однако даже в рамках неоклассического подхода учитываются факторы пространственной неоднородности, транспортные издержки, агрегация и дезагрегация данных.

J. Agnew [395], R. Boschma, L. Coenen, K. Frenken, и B. Truffer [403] включают в свои исследования эволюционные и институциональные аспекты развития региона, рассматривая взаимодействие инновационных процессов, кластерную организацию экономики и роль институциональных ограничений.

Работы Е.М. Hoover и F. Giarratani [421], M. Chen [406], и R. Capello [404] построены на широком спектре подходов, затрагивающих проблемы регионального развития, неопределённости и рисков, а также роли государственного регулирования.

Ряд российских ученых (О.М. Барбаков [32], С.И. Барзилов [33], Д.В. Василенко [51, 52] и др.) в своих исследованиях обращаются к особенностям российской экономической системы и специфике регионального развития в условиях отечественной экономики. Их исследования охватывают вопросы формирования региональных рынков, проблем диспропорций в региональном развитии, роли институциональных факторов и особенности государственной региональной политики в России.

А.Г. Гранберг [71, 73], А.Г. Шеломенцев [371] и др. делают акцент на методологических аспектах региональных исследований, разрабатывая индикаторы и методики оценки развития региона, изучая специфику межрегиональных сравнений, анализируя факторы конкурентоспособности регионов и проблемы пространственного неравенства.

Научные труды Ф.Д. Кожурина [152], Н.П. Молчановой [211], Н.Н. Некрасова [219] содержат широкий круг тем, связанных с региональной

экономикой, включая анализ региональных бюджетов, инвестиционной активности, трудовых ресурсов, и проблем устойчивого развития регионов.

Собственно рассмотрение сущностного содержания категории «регион», на наш взгляд, интересно выполнить с точки зрения ряда методологических позиций, сформировавшихся, с одной стороны, под влиянием зарубежных регионалистов [420], а, с другой, – под воздействием мировых процессов глобализации и регионализации [425]:

- регион как субъект государства;
- регион как корпорация;
- регион как рынок;
- регион как социальное сообщество.

В первом случае (регион представляется как субъект государства) в фокусе изучения «находятся различные аспекты федерализма, региональной экономической политики и государственного регулирования, воздействующие на экономический рост и социальное развитие регионов» (А.Н. Асаул) [26]. Данная методологическая позиция представлена также в работах таких авторов, как W.E. Oates [438], C.Tiebout [455] и др., которые освещают ключевые составляющие взаимодействия между центром и регионами, а также механизмы, с помощью которых осуществляется управление на местах.

Среди российских представителей методологической позиции «регион как субъект государства» можно выделить С.Д. Валентя [48, 49] и В.Н. Лексина [175, 430], рассматривающих в своих трудах проблемы и перспективы регионального управления в условиях меняющейся экономической и политической среды.

Особое внимание в данной области заслуживают исследования В.Н. Лившица, который провел глубокий анализ государственного управления экономикой на уровне регионов [182]. Этот ученый подчеркивает, что, несмотря на разнообразие определений и подходов к региону, большинство из них не выходят за рамки традиционных представлений о государственной региональной политике, которая, как правило, осуществляется в рамках высокоцентрализованной системы. В.Н. Лившиц акцентирует внимание на том,

что «решения принимаются по принципу сверху вниз, а это ограничивает возможности регионов и не позволяет им эффективно справляться с возникающими проблемами». Важным элементом в контексте рассматриваемой методологической позиции является создание механизмов обратной связи между центральными и региональными властями, что позволит не только учитывать местные особенности при разработке государственной политики, но и обеспечивать более гибкое реагирование на изменения в экономической и социальной среде.

Представление региона как корпорации предполагает его рассмотрение в качестве самостоятельного экономического субъекта, стремящегося к максимизации своей прибыли и других выгод. Такой взгляд на регион подчеркивает важность конкурентоспособности на уровне региона, которая становится ключевым понятием в этом контексте.

Термин «конкурентоспособность региона» вошел в научный обиход относительно недавно, в последние десятилетия XX века. Важный вклад в его развитие внесли такие зарубежные экономисты, как Пол Кругман [165], Майкл Портер [248] и Джеффри Сакс [285]. Они исследовали, как регионы могут улучшать свои позиции в глобальной экономике и какие факторы влияют на их развитие.

Конкурентоспособность регионов стала предметом изучения в работах российских ученых В.Н. Василенко[50], В.А. Ковшова [428], А.С. Новоселова [223, 225], Н.Я. Калюжной [137, 138], Г.А. Унтура [336, 456], Р.И. Шнипера [378], М.И. Гельвановского [62, 63], А.И. Татаркина [316, 321], Р.А. Фатхутдинова [347] и др.

Впервые термин «конкурентоспособность» в разрезе регионов в российской экономической науке был использован в исследованиях Р.И. Шнипера, который в своих работах также поднял ряд актуальных вопросов, касающихся экономической самостоятельности регионов, их внутренней структуры и противоречий интересов различных групп внутри региона. Также именно этот экономист впервые предложил систему рейтингов для оценки конкурентных

позиций различных регионов, что стало значимым вкладом в эту область исследования, при акцентировании внимания на роли власти в формировании идентичности региона и его конкурентных позиций.

Конкурентоспособность региона, согласно определению Н.Я. Калюжной – это «свойство, имеющее общие родовые черты с конкурентоспособностью на уровне компаний» [137]. Если в начале 90-х гг. XX в. М. Портер писал, что «конкурируют фирмы, а страны и регионы являются лишь средой, в которой развивается конкуренция» [248], то в начале XXI в. появляется понимание того, что основной формой конкуренции становится конкуренция между странами и регионами – интеграционными группировками стран. Регионы национальных экономик вовлекаются в сферы влияния более мощных экономических субъектов, превращаются в объекты интересов отдельных стран, геополитических центров, транснациональных корпораций.

В то же время конкурентные процессы распространяются и на мезоуровень – уровень регионов национальных экономик, на котором идет взаимодействие процессов макро- и микроуровня, переплетаются интересы национального государства, предприятий и самих регионов как агрегированных экономических систем. Конкуренция регионов становится одним из новых примечательных явлений экономики, получившим развитие в эпоху глобализации.

А.Н. Асаул, М.А. Джаман и П.В. Шуканов отмечают, что «в основе экономических отношений между странами и регионами лежат, с одной стороны противоречивые, а, с другой – взаимодополняющие процессы, заключающиеся как в соперничестве за перспективные рынки и привлечение факторов производства, так и во взаимовыгодном сотрудничестве и партнерстве в целях обеспечения конкурентоспособности» [27].

Обобщая взгляды различных авторов на проблему региональной конкурентоспособности, можно выделить несколько ключевых аспектов, которые определяют конкурентоспособность региона. Во-первых, это свойство региона эффективно использовать факторы, способствующие его развитию, особенно в сфере производства продовольствия и обеспечения населения. Во-вторых,

формирование источников конкурентных преимуществ (например, уникальные продукты или услуги), может обеспечить экономический рост и улучшение качества жизни. В-третьих, регионы должны уметь создавать новые структурные комбинации, используя человеческие и материальные ресурсы территории. Поэтому можно констатировать, что конкурентоспособность региона является не только экономическим, но и социальным вызовом, требующим комплексного подхода и взаимодействия всех заинтересованных сторон.

Понимание региона как рынка подразумевает его исследование в русле пространственной составляющей общего рынка страны. В данном случае регион выступает в качестве определенной зоны, где сосредоточены как потребители, имеющие свои потребности и предпочтения, так и производители, способные предложить товары и услуги для удовлетворения этих потребностей. Важно отметить, что в рамках этой методологической позиции ключевыми показателями являются объемы спроса и предложения, уровни потребления и производства товаров и услуг в регионе. Кроме этого, необходимо, чтобы рынок взял на себя функции самоорганизации, поэтому требуется высокая степень обеспеченности региона рыночной инфраструктурой, что отражено в исследованиях, проведенных А.С. Новоселовым и А.С. Маршаловой. Данными авторами проанализировано, как рыночная инфраструктура влияет «на экономическое развитие региона, способствуя привлечению инвестиций, что положительно сказывается на экономическом состоянии региона» [224, 226].

При представлении региона как социального сообщества фокусируется внимание на том, что регион – это «не просто экономическая единица, а общность людей, объединенных общей территорией и культурными, историческими и социальными связями» [125]. В данном представлении важнейшей функцией региона становится обеспечение социальной справедливости и благополучия граждан. По мнению А.Г. Гранберга, с которым мы солидарны полностью, современный регион должен быть способен не только к экономическому развитию, но и к социальной интеграции. Это подразумевает наличие механизмов, которые способствуют взаимодействию различных социальных

групп, обеспечивают доступ к образованию, здравоохранению и другим важным услугам. Таким образом, «регион как социальное сообщество должен обеспечивать не только экономическую стабильность, но и социальную гармонию» [75].

Академик А.Г. Гранберг в своих исследованиях также предлагает рассматривать регион через призму различных парадигм, таких как «регион-квазигосударство», «регион-квазикорпорация», «регион-рынок» и «регион-социум». Однако стоит отметить, что использование термина «квази» может вводить в заблуждение, так как «регионы действительно существуют как полноценные субъекты в рамках государственной структуры, выступающие как элементы управления, экономические единицы и социальные сообщества, каждая из которых имеет свои уникальные характеристики и потребности, ... что делает их многофункциональными и многогранными» [72].

Многогранность собственно терминологического восприятия категории «регион» через призму различных научных подходов, представленных в отечественной экономической литературе, подтверждается достаточно широким спектром дефиниций данного понятия, и позволяет нам выделить базовые определения экономической категории «регион» (Таблица 1).

Приведенные в таблице 1 дефиниции свидетельствуют о том, что регион как объект исследования является сложно структурированным образованием, требующим комплексного подхода к управлению и развитию, обладающим множеством системообразующих признаков.

Введение в экономическую науку наряду с экономической категорией «регион» категории «региональная экономическая система» может инициировать проблему их сравнения, в том числе проблему очерчивания границ отдельной РЭС и ее идентификации в рамках региона. Так, в научной литературе присутствует как отождествление понятий «регион» и «региональная экономическая система», так рассмотрение данных понятий в качестве отдельных экономических категорий.

Мы полагаем, что более корректно рассмотрение региональной

экономической системы в рамках региона, представляя ее структурированно с детализацией и формированием функций и свойств, характерных для РЭС.

Таблица 1 – Обзор понятий «регион» в контексте научных подходов

Подходы / Представители	Регион
Территориальный / Э.Б. Алаев	рассматривается как «пространственная единица, обладающая четко очерченными географическими границами» [8] (например, область или округ, которые выделяются на карте благодаря своим природным, климатическим или географическим особенностям)
Экономический / Ф.Д. Кожурин	«функционирует как часть национальной экономики и определяется как территория, на которой осуществляется производственная деятельность и где сосредоточены определенные виды экономической специализации» [152]; имеет соответствующую экономическую структуру, которая может быть подвержена изменениям в зависимости от рыночных условий и глобальных трендов
Социальный / О.М. Барбаков	понимается как система, «объединяющая людей с общими социальными и культурными характеристиками (уровень жизни, доступ к образованию и здравоохранению, а также культурные традиции и обычаи)» [32]; социальные связи и взаимодействия между населением формируют уникальную идентичность региона, что, в свою очередь, влияет на его развитие и стабильность.
Историко-этнический / Б.А. Райзберг	рассматривается в историко-этническом контексте, ключевыми являются такие факторы, как состав населения, историческая судьба, традиции и язык [260]
Системный / Н.И. Дорогов	представляется как «сложная система с характерными для нее структурой, функциями, связями с внешней средой, историей, культурой, условиями жизни населения» [98]; здесь взаимодействуют различные элементы (экономика, культура, экология и социальные структуры), влияющие на функционирование и развитие территории
Социально-экономический / А.А. Мироедов, А.А. Чуб, Л.С. Брюшкова	это «уникальная социально-экономическая система, относительно автономная территориальная единица» [208], развитие которой должно быть сосредоточено на «создании условий для воспроизводства ресурсного и человеческого капитала территории» [40]

Источник: составлено автором на основе [8, 32, 40, 98, 152, 208, 260].

Т.Л. Иванова и др., изучая проблематику изоморфности категорий «регион» и «региональная экономическая система», аргументированно утверждают, что использование понятия «региональная экономическая система» дает возможность «исследовать ситуацию большей множественности, системности, интегративности, комплексности на уровне, адекватном сложности поведения современных экономических систем» [129].

При этом, по мнению Т.Л. Ивановой, более глубокая детализация структуры

региона может быть обеспечена на базе формирования его отдельных РЭС, которые ориентированы на решение специализированных задач для сообществ заинтересованных сторон и достижение более высоких целей устойчивого развития как региональных экономических систем, так и региона в целом.

Дальнейшее углубление научного знания о содержании категории «региональная экономическая система» требует применения различных методологических подходов для адекватного описания и анализа наблюдаемых процессов. Выбор конкретного подхода или их комбинации зависит от специфики РЭС, поставленных исследовательских задач и доступных данных.

Среди наиболее распространенных методологических подходов можно выделить: классический, институциональный, неоинституциональный, эволюционный, пространственный, системный и комплексно-интегративный. Однако важно подчеркнуть, что эти подходы не являются взаимоисключающими, а часто дополняют и корректируют друг друга, обеспечивая более полное и глубокое понимание функционирования региональной экономики.

Классический подход, основанный на постулатах неоклассической экономической теории, рассматривает РЭС сквозь призму оптимизирующего поведения отдельных экономических агентов (домохозяйств и фирм) и механизмов рыночного равновесия. В таком контексте осуществляется фокусировка на распределении ресурсов, миграции рабочей силы и специализации производства на основе принципа сравнительных преимуществ. Предполагается совершенная конкуренция, полная информация и рациональное поведение всех участников.

Данный подход позволяет строить строгие экономико-математические модели и получать достаточно хорошо интерпретируемые результаты, однако его ограниченность заключается в определенном упрощении реальности по причине игнорирования ряда важных факторов (асимметрии информации, наличия внешних эффектов, монополистической конкуренции, пространственных различий в доступе к ресурсам, инфраструктуре и рынкам).

Институциональный подход существенно отличается от классического, акцентируя внимание на роли институтов (как формальных – законы, правила, государственные органы, так и неформальных – традиции, социальные нормы, культурные ценности) в формировании экономических стимулов, ограничений и правил игры. В РЭС этот подход позволяет анализировать влияние на экономическое развитие налоговой политики, системы регулирования, бюрократических процедур, коррупции, социального капитала и уровня доверия. Также институциональный подход помогает описать различия в экономическом развитии регионов, которые не могут быть объяснены только различиями в ресурсном потенциале или уровне технологий.

Неоинституциональный подход, развивая идеи институционализма, добавляет к анализу РЭС человеческий фактор, ограниченную рациональность и асимметрию информации. В региональном контексте неоинституциональный подход позволяет анализировать влияние различных форм государственного регулирования, роль лоббирования и влияния специальных интересов, проблемы «захвата государства» и «рентоориентированного поведения». Данный подход также учитывает адаптивные способности экономических агентов к изменяющимся институциональным рамкам, роль институциональных изменений в стимулировании инноваций и экономического роста.

Эволюционный подход рассматривает региональную экономическую систему как систему динамическую, постоянно адаптирующуюся к изменениям внешней среды, центрируя внимание на процессах накопления знаний, технологических инноваций и институциональных изменений. В рамках эволюционного подхода развитие РЭС рассматривается как результат взаимодействия множества агентов, случайных событий и отбора наиболее приспособленных экономических структур.

Пространственный подход, фиксируя внимание на географическом расположении экономических субъектов и их взаимодействии в пространстве, изучает влияние географических факторов на экономическую активность региональной экономической системы. В региональном контексте названный

подход позволяет оценить влияние географического положения РЭС на конкурентоспособность, определить оптимальные стратегии развития транспортной инфраструктуры и пространственного планирования.

Системный подход, рассматривая РЭС как целостную систему, состоящую из взаимосвязанных элементов (населения, предприятий, инфраструктуры, природных ресурсов, институтов и т.д.), позволяет выявлять взаимосвязи между ее элементами и исследовать влияние на функционирование системы в целом [218].

Комплексно-интегративный подход к региональной экономической системе предполагает комплексное применение различных методов исследования, взаимодополняющих друг друга и обеспечивающих многосторонний анализ. Это не просто использование нескольких инструментов параллельно, а целенаправленное сочетание качественных и количественных методов, макро- и микроэкономического анализа, с учетом специфики исследуемой РЭС.

В соответствии с вышепредставленными методологическими подходами к исследованию региональной экономической системы, можно выделить следующие ключевые свойства РЭС, характеризующие ее как сложную социально-экономическую систему:

1. Целостность (холизм) – означает, что РЭС функционирует как единое целое, изменение любого элемента – будь то крупное предприятие, малый бизнес, изменение законодательства или природное событие – вызывает цепную реакцию, влияющую на все остальные компоненты системы. Более того, целостность проявляется и в синергетических эффектах, когда совместное действие элементов приводит к результату, превосходящему сумму отдельных вкладов.

2. Структурированность – РЭС имеет четко определенную структуру, состоящую из различных взаимосвязанных элементов: предприятий разных отраслей, населения, инфраструктуры, финансовых институтов, государственных органов и т.д. Эти элементы выполняют специфические функции и распределены по уровням иерархии – от отдельных хозяйствующих субъектов до региональных

органов власти. Анализ структуры РЭС позволяет выявлять «узкие» места, зависимости и потенциальные точки роста.

3. Иерархичность – РЭС является одновременно элементом более крупных систем – национальной и глобальной экономик; цели отдельных элементов могут не совпадать с целями системы в целом; иерархическая структура определяет потоки ресурсов, информации и власти внутри системы. Наличие различных уровней управления (муниципальный, региональный, федеральный) – регулирует взаимодействие элементов и способствует координации действий.

4. Эмерджентность – по мере развития РЭС связи между ее элементами усиливаются, приводя к появлению новых, непредсказуемых свойств, которые невозможно объяснить, просто изучая свойства отдельных элементов. Понимание эмерджентных свойств РЭС крайне важно для эффективного регулирования и управления регионом.

5. Интегративность – РЭС обладает свойствами, не сводимыми к сумме свойств составляющих ее элементов, а результативность работы всей системы во многом зависит от способности интегрировать разнообразные элементы и обеспечивать их согласованную работу.

Региональную экономическую систему в обобщенном понимании можно представить как систему, которая использует имеющиеся ресурсы для создания различных благ (материальных, социальных и духовных), оперируя элементами РЭС и учитывая ее свойства и факторы, необходимые для удовлетворения потребностей населения региона (Рисунок 1). При этом результирующим критерием здесь выступает не только количественный показатель производимых благ, но и качественный (уровень жизни, доступность качественных услуг в сфере здравоохранения, образования и культуры, сохранение природного капитала).

Региональная экономическая система «проецируется на совокупность свойств, элементов и факторов, лежащих в основе ее функционально-производительной деятельности», которые четко обозначают функции РЭС в системе региона с позиций социо-экономико-экологического устойчивого развития [232]. Эта система далеко выходит за рамки простого производства

товаров; она включает в себя взаимосвязанные экономические, социальные и экологические аспекты, формируя уникальный региональный ландшафт.

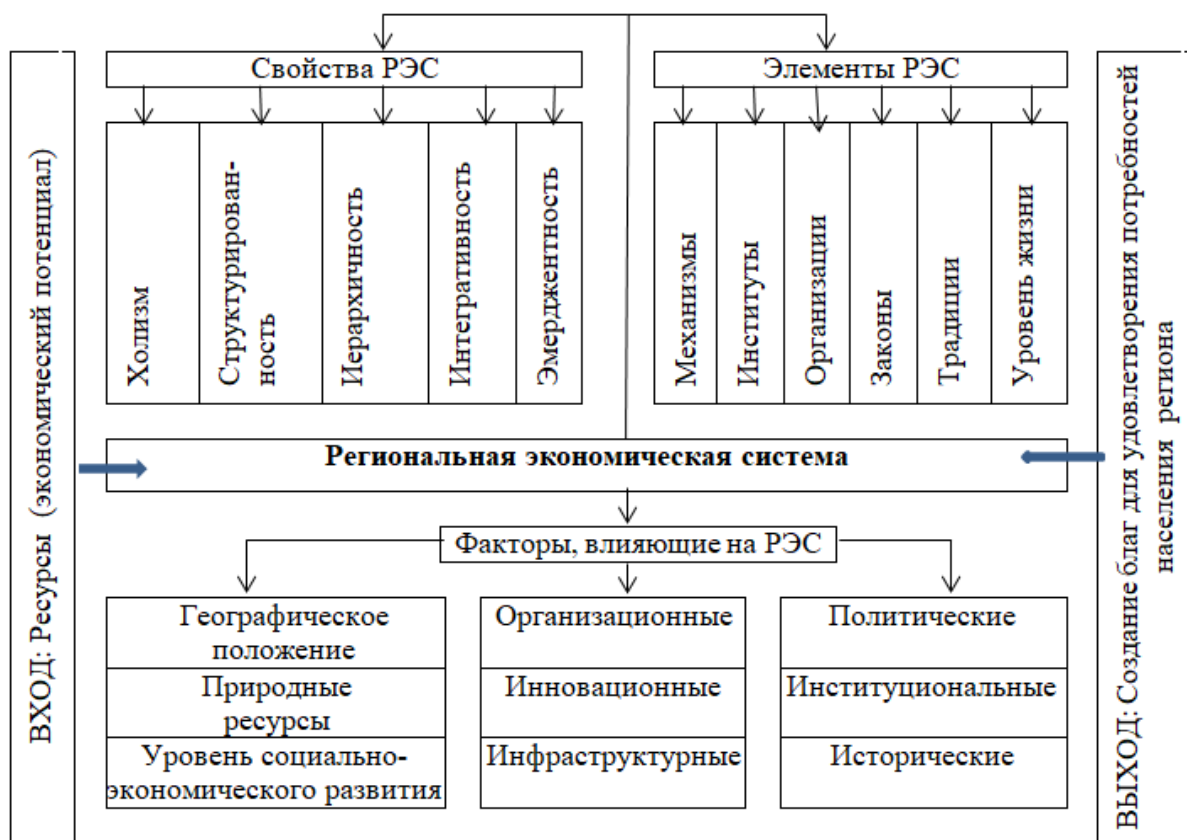

Рисунок 1 – Свойства, элементы и факторы РЭС.

Источник: составлено автором.

С учетом основных свойств региональной экономической системы, рассмотренных выше трактовок понятия «регион» и нашего понимания региональной экономической системы как производной от данной категории, представим обзор определений РЭС, используемых в отечественной научной литературе (Таблица 2). Полагаем, что для решения задач, поставленных в нашем диссертационном исследовании, более корректным будет использование комплексно-интегративного подхода к изучению региональных экономических систем, позволяющего учитывать как экономические, так и социальные, экологические и институциональные факторы и получить полную и адекватную картину функционирования РЭС и разрабатывать эффективные стратегии ее развития.

Таблица 2 – Обзор определений понятия «региональная экономическая система» в контексте методологических подходов

Подход / представители	Определение региональной экономической системы
Классический / О.Ю. Агафоненко, Ю.Л. Петрушевский	«Совокупность взаимосвязанных элементов, функционирующих в пределах определенной географической территории и обладающих уникальными характеристиками; взаимодействие компонентов РЭС фокусируется на распределении ресурсов, миграции рабочей силы, специализации производств на основе принципа сравнительных преимуществ» [7]
Институциональный / АИ. Бородин, Н.Н. Киселева	«Подсистема национальной экономики, совокупность хозяйствующих субъектов, формальных и неформальных институтов и объединений, которая опирается на специфические ресурсы – природные, трудовые, финансовые и инфраструктурные» [39]; взаимодействие экономических субъектов определяется региональным законодательством, правилами и традициями, что формирует уникальный хозяйственный механизм
Неоинституциональный / Д.В. Василенко, М.С. Оборин	«Совокупность взаимосвязанных подсистем (производительных сил, производственных отношений, организационно-экономических отношений технико-экономических отношений, механизмов ценообразования, стимулирования производства, финансового обеспечения и государственного регулирования)» [51], обеспечивающих «функционирование региона с учетом человеческого фактора, ограниченной рациональности и асимметрии информации» [232]
Пространственный / М.Э. Восканов [59]	Часть территории государства, характеризующаяся «относительной однородностью социально-экономических показателей, взаимодействующая с другими частями территории страны, имеющая органы управления и/ или общие программы развития федерального уровня» [59]
Эволюционный / Ю.А. Макушева, Г.П. Полякова	Сложный, динамически развивающийся объект, обладающий способностью к реализации определенных задач в достижении заданной цели, постоянно адаптирующийся к изменениям внешней среды [187]
Системный / П.А. Минакир	«Субнациональное экономическое пространство, компоненты которого представляют собой отдельные сектора экономики (энергетика, транспорт, ресурсный сектор экономики)» [205] и являются критически важными с точки зрения пространственной организации экономики
Комплексно-интегративный / Т.Л. Иванова, А.В. Кретьева, А.В. Игуменцева	Относительно самостоятельная, обладающая определенным набором природных ресурсов, экономическим потенциалом и человеческим капиталом социально-экономическая система, «способная к саморазвитию, интегративная по отношению к другим экономическим системам государства, нацеленная на достижение устойчивого развития единого экономического пространства территории и рост качества жизни населения» [129]

Источник: составлено автором на основе [7, 39, 51, 59, 129, 187, 205, 232].

В контексте применения комплексно-интегративного подхода также возрастает значимость функций региональной экономической системы, которые играют ключевую роль в определении содержания РЭС, ее развития и взаимодействия с внешней средой, а также структурирования. Достаточно полное и глубокое понимание этих функций, представлено, по нашему мнению, в монографии Х.А. Константиноиди [155].

Первая функция, о которой идет речь, – это функция синтеза преемственности и обновления в развитии территориального воспроизводства, направленная на преодоление системной неоднородности, часто наблюдающейся в региональных экономиках. Эта функция предполагает органичное соединение предыдущих достижений и новых результатов, что позволяет создать устойчивую и динамичную экономическую структуру. Вторая функция РЭС – это генерация качественно новых ресурсов для развития; предполагает создание новых механизмов для генерации капитала, которые могли бы опираться на возможности локального финансового рынка. Кроме того, она нацелена на решение проблемы избыточного долгового бремени, которое часто сдерживает развитие регионов.

Третья функция, которую выделяет Х.А. Константиноиди, – это системное обеспечение глобальной конкурентоспособности региональной экономической системы как целостного пространственного субъекта; направлена на переход порога меры, который превращает результаты количественного роста в качественные изменения. Причем для достижения глобальной конкурентоспособности регион должен не только адаптироваться к внешним условиям, но и активно формировать свои внутренние ресурсы и экономический потенциал.

Выше было отмечено, что функции РЭС служат основой для их структурирования. Так, В.Ю. Леонова предлагает структурировать РЭС согласно совокупности выполняемых функций «на ряд основных подсистем (элементов) взаимосвязанных между собой: эколого-географическую, социальную, производственно-экономическую» [180]. Обратим внимание, что в

производственно-экономическую подсистему предлагается включать материальное и нематериальное производство, а также производственную инфраструктуру. Д.М. Журавлев, исследуя РЭС, также акцентирует внимание на ее структуре, включающей «ряд автономных подсистем, каждая из которых характеризуется определенными объективно измеряемыми показателями» [111].

В.Ю. Леонова и Д.М. Журавлев, несмотря на некоторые различия в терминологии, сходятся во взгляде на региональную экономическую систему как на сложную структуру, состоящую из взаимосвязанных подсистем. Разбиение на подсистемы позволяет глубже понять функционирование региона и разработать эффективные стратегии управления.

А.И. Бородин, в свою очередь, предлагает более детализированный подход к анализу структурных характеристик региональных экономических систем выделяя «прямые и обратные связи, которые играют существенную роль во взаимодействии этих систем с природной средой» [39]. Прямые связи описывают уровень воздействия на окружающую среду и делятся на два типа: социально-экономические и экономико-экологические. Обратные связи, как указывает А.И. Бородин, отражают влияние состояния окружающей среды на общественное производство и качество жизни населения. Кроме того, этот ученый акцентирует внимание на необходимости выделения различных функциональных типов региональных экономических систем. Эти типы могут быть определены в том числе на основе преобладания определенных социально-экономических процессов и целевых установок, стоящими регионами.

Таким образом, следует резюмировать, что в отечественной экономической литературе достаточно широко представлено понимание необходимости разделения региональной экономической системы на ряд функциональных областей (автономных или относительно автономных подсистем), объединяемых общностью решаемых задач. Более того, разделение РЭС на функциональные области, обладающие определенной автономностью, является ключевым для понимания ее внутренней структуры и механизмов функционирования. Данный подход позволяет учитывать специфику отдельных секторов экономики, избегая

упрощенного, усредненного анализа.

Соглашаясь с этой позицией, автор данного диссертационного исследования считает необходимым выделить региональную экономическую продовольственную систему (РЭПС) в качестве значимой автономной подсистемы РЭС, отвечающей за продовольственное обеспечение региона (и/или продовольственную безопасность), формирование условий для достижения уровня продовольственного обеспечения региона при поступательном развитии производственного, инфраструктурного, трудового, карового, научного и пр. потенциала территории при решении социально-экономических задач.

В заключение сделаем ряд выводов.

Во-первых, региональные экономические системы представляют собой сложные и динамичные структуры, которые требуют комплексного подхода к исследованию и управлению. Следовательно, РЭС, – это не просто совокупность экономических процессов, но и сложная сеть взаимодействий, которая требует глубокого анализа и понимания. Важно учитывать при этом не только внутренние механизмы и процессы, но и внешние факторы, влияющие на развитие РЭС.

Во-вторых, изучение целостности, структуры, иерархичности, интегративности и эмерджентных свойств РЭС является ключевым для понимания ее функционирования и разработки эффективных стратегий развития.

В-третьих, выделение региональной экономической продовольственной системы как автономной подсистемы региональной экономической системы обосновано ее специфическими функциями и задачами, отличающими ее от других подсистем. РЭПС не просто производит и распределяет продовольствие; она представляет собой сложный комплекс взаимосвязанных элементов, включающий в себя сельскохозяйственное производство, перерабатывающую промышленность, транспортную инфраструктуру, оптовую и розничную торговлю, систему хранения и логистики, а также научно-исследовательские учреждения, занимающиеся вопросами повышения эффективности производства и обеспечения качества продовольствия.

В рамках диссертационного исследования предлагается детальная модель РЭПС, включающая в себя анализ всех вышеперечисленных элементов и их взаимодействия. Особое внимание будет уделено оценке продовольственной обеспеченности (продовольственной безопасности) региона, определяемой не только объемом производства продовольствия, но и его доступностью для населения, качеством и соответствием санитарным нормам.

Дальнейшее исследование предполагает разработку стратегии развития РЭПС, направленной на обеспечение продовольственной обеспеченности (продовольственной безопасности) региона. Эта стратегия должна учитывать специфику региона, его природно-климатические особенности и существующие инфраструктурные ограничения. В рамках стратегии будут определены приоритетные направления развития отраслей первичного производства продовольствия (сельское хозяйство, рыбная отрасль), инновационные технологии, необходимые инвестиции и механизмы государственного регулирования. Кроме того, в диссертации будут рассмотрены вопросы взаимодействия РЭПС с другими подсистемами РЭС и разработана комплексная модель РЭПС.

1.2. Сущность региональных экономических продовольственных систем, особенности формирования и развития, авторский подход

Выполненное нами изучение обширного теоретического материала по проблематике региональных экономических систем, представленного как отечественными, так и зарубежными исследователями, показало отсутствие строгой дефиниции «региональная экономическая продовольственная система», а в рамках существующих подходов к анализу региональных экономических систем данная категория не выделена в отдельную сущность, что ограничивает понимание специфики продовольственного обеспечения (продовольственной безопасности) на уровне региона.

При этом достаточно широко используемым в мировом контексте является

понятие «продовольственная система».

Согласно аналитической записке, представленной Организацией Объединенных Наций в 2020 году, мировая продовольственная система (МПС) определяется как «весь спектр действующих лиц, видов деятельности и биофизической и социально-экономической среды, участвующих в производстве, переработке, распределении, регулировании и потреблении пищевых продуктов» [442]. Это определение подчеркивает, что продовольственные системы включают не только экономические аспекты, но и социальные, экологические и культурные факторы, которые влияют на продовольственную безопасность и устойчивое развитие [437].

Классическая трактовка продовольственных систем предполагает их формирование в виде четырехуровневых совокупностей секторов экономики, которые синхронизированы со стадиями производственного процесса. Эти уровни включают первичное производство продовольствия, переработку, распределение и потребление. Однако в последние два десятилетия это видение значительно расширилось. В него были включены элементы из внешних сфер, таких как экология, социология и экономика, что привело к более комплексному подходу к анализу продовольственных систем [270].

Л.С. Ревенко, исследуя трансформации мировой продовольственной системы, подчеркивает важность изменений в понятийном аппарате, который используется для описания этих систем. Он указывает на то, что «такие изменения вызваны необходимостью обосновать комплексный характер воздействия на ключевые элементы МПС. Это, в свою очередь, направлено на достижение прогресса в трех основных направлениях: продовольственной безопасности, фермерской эффективности и экологической устойчивости» [269]. Ожидаемые результаты изменения МПС, по мнению данного ученого, локализованы в экономической, социальной и экологической плоскостях. При этом в процесс продовольственного обеспечения (самообеспечения – в отдельных случаях) интегрированы различные отрасли, субъекты, институты.

А.Н. Митин и Б.А. Воронин вводят в научный оборот термин «экономика

продовольствия», который они трактуют как сложную и многоуровневую систему. Эта система включает в себя не только организации и структуры, но и логистические потоки, которые играют ключевую роль в процессе производства и реализации продовольственных товаров. Основная цель этой системы – «удовлетворение потребностей населения в продуктах питания, что становится особенно актуальным в условиях глобализации и изменения потребительских предпочтений» [209].

Н.А. Киреева, в свою очередь, использует термин «продовольственная система», акцентируя внимание на её основных компонентах. К ним этот автор относит «отечественное производство продуктов питания, которое формирует предложение на внутреннем рынке» [145]. Это производство должно быть адаптировано к современным требованиям, включая экологические и технологические аспекты. Важным элементом является международная торговля продовольствием, которая обеспечивает доступ к разнообразным продуктам и позволяет странам обмениваться ресурсами. В эту систему также входят процессы вывоза и ввоза капитала, технологий, связанных с агробизнесом, что способствует модернизации и повышению эффективности производства.

А.К. Марков и Р.Г. Мумладзе рассматривают сектор экономики, «связанный с воспроизводством ресурсов продовольственного назначения, как систему продовольственного обеспечения» [189]. Это понятие охватывает весь цикл – от производства и переработки до распределения и потребления продовольствия. Важнейшими аспектами этой системы, по мнению этих ученых, являются производственная и рыночная инфраструктура, которая позволяет эффективно управлять потоками товаров, а также научные исследования и подготовка кадров, которые обеспечивают инновации и развитие сектора.

А.И. Сутыгина в своих научных исследованиях вводит понятие «национальная агропродовольственная система», подчеркивая, что ее развитие тесно связано с несколькими важными аспектами. Во-первых, это эффективность агропродовольственного комплекса, который включает в себя не только первичное производство продовольствия, но и переработку, хранение, транспортировку и сбыт продуктов питания. Конкурентоспособность этого

комплекса играет ключевую роль, так как от нее зависит, насколько отечественные производители могут успешно конкурировать с зарубежными товарами на внутреннем и внешнем рынках [302]. Кроме того, А.И. Сутыгина акцентирует внимание на деятельности торговых сетей, которые являются важным звеном в цепочке поставок. Они не только обеспечивают доступность продуктов питания для населения, но и влияют на формирование цен и спроса на них.

Изучение продовольственных систем в трудах зарубежных ученых последних лет локализуется преимущественно в точках устойчивого развития продовольственных систем на макроуровне (С.М. Galanakis [413], D.M. Tendall [454]), решения экологических проблем, обусловленных их развитием (Н.С.Ж. Godfray [416], Р.Н. Howard [422]). При этом концептуальное понимание собственно продовольственной системы здесь также, как и в исследованиях российских ученых, фокусируется в плоскости их социально-экологического характера; также четко вычленяется связь с состоянием окружающей среды, экономическим развитием и социальным благополучием (G.Tansey, A.Worsley [453], K. Pothukuchi, J.L. Kaufman [443], M. Springmann [450], R.E. Hall, O.J. Blanchard., R.G. Hubbard [418]).

Таким образом, следует констатировать, что в современной экономической литературе действительно отсутствует четкое и универсальное понимание об экономических структурах, «ответственных» за продовольственное обеспечение (продовольственную безопасность) на уровне региона, хотя проблематика продовольственной безопасности и продовольственной обеспеченности поднимается в чрезвычайно широком спектре исследований.

Это привело нас к необходимости выделения более узкой, по отношению к РЭС, экономической категории – «региональная экономическая продовольственная система» (РЭПС), которая представляет собой важную функциональную составляющую региональной экономической системы. Автор данного диссертационного исследования обоснованно выделяет РЭПС как значимую автономную подсистему региональной экономической системы,

ответственную за обеспечение продовольственной безопасности региона и достижение необходимого уровня продовольственного обеспечения населения территории. Соответственно, РЭПС определяется автором как «сложная, динамично развивающаяся функциональная подсистема региональной экономической системы, обладающая необходимой совокупностью ресурсов (природных, трудовых, производственных и пр.) для реализации задач продовольственной обеспеченности (продовольственной безопасности) региона, а эффективное функционирование этой системы является необходимым условием устойчивого социально-экономического развития территории» [110, 170, 366].

Представленная автором дефиниция региональной экономической продовольственной системы имеет отличия от известных экономических категорий (мировая продовольственная система, продовольственная система, агропродовольственная система, система продовольственного обеспечения) в том, что рассматривается как значимая автономная подсистема региональной экономической системы с присущими этой системе возможностями, ресурсами, ограничениями, традициями в продовольственных потребностях населения и каналах их насыщения; включает государственные управляющие структуры и частный бизнес; формирует условия и предпосылки для достижения оптимального уровня продовольственной обеспеченности населения региона.

Объектами исследования РЭПС являются такие элементы, как продовольственная система в целом, аспекты продовольственной безопасности и продовольственной обеспеченности, а также потенциал продовольственной системы. Продовольственная безопасность подразумевает защиту населения от нехватки продовольствия, а продовольственная обеспеченность – это наличие достаточного количества ресурсов для удовлетворения потребностей населения [196, 198]. Потенциал продовольственной системы включает в себя все возможности, которые могут быть использованы для улучшения этих показателей, включая инновации, технологии и инвестиции. (Детальное рассмотрение специфики и границ использования терминов «продовольственная безопасность» и «продовольственная обеспеченность» в рамках регионально

экономических продовольственных систем, а также потенциала РЭПС будет выполнено далее).

Также в соответствии с введенным нами определением РЭПС, ее структурную модель следует рассматривать как многоуровневую и многокомпонентную систему, включающую в себя не только первичное производство продовольствия, но и целый ряд взаимозависимых сегментов:

1. Первичное производство продовольствия (производственный базис) – базовый уровень региональной экономической продовольственной системы или ее базис, обуславливающий объемы продовольствия как регионального происхождения, так и поступающих извне по межрегиональным и межгосударственным каналам. Этот сегмент, являясь наиболее сложным и многоэлементным, имеет определяющее значение для региональной экономической продовольственной системы в целом (Рисунок 2).

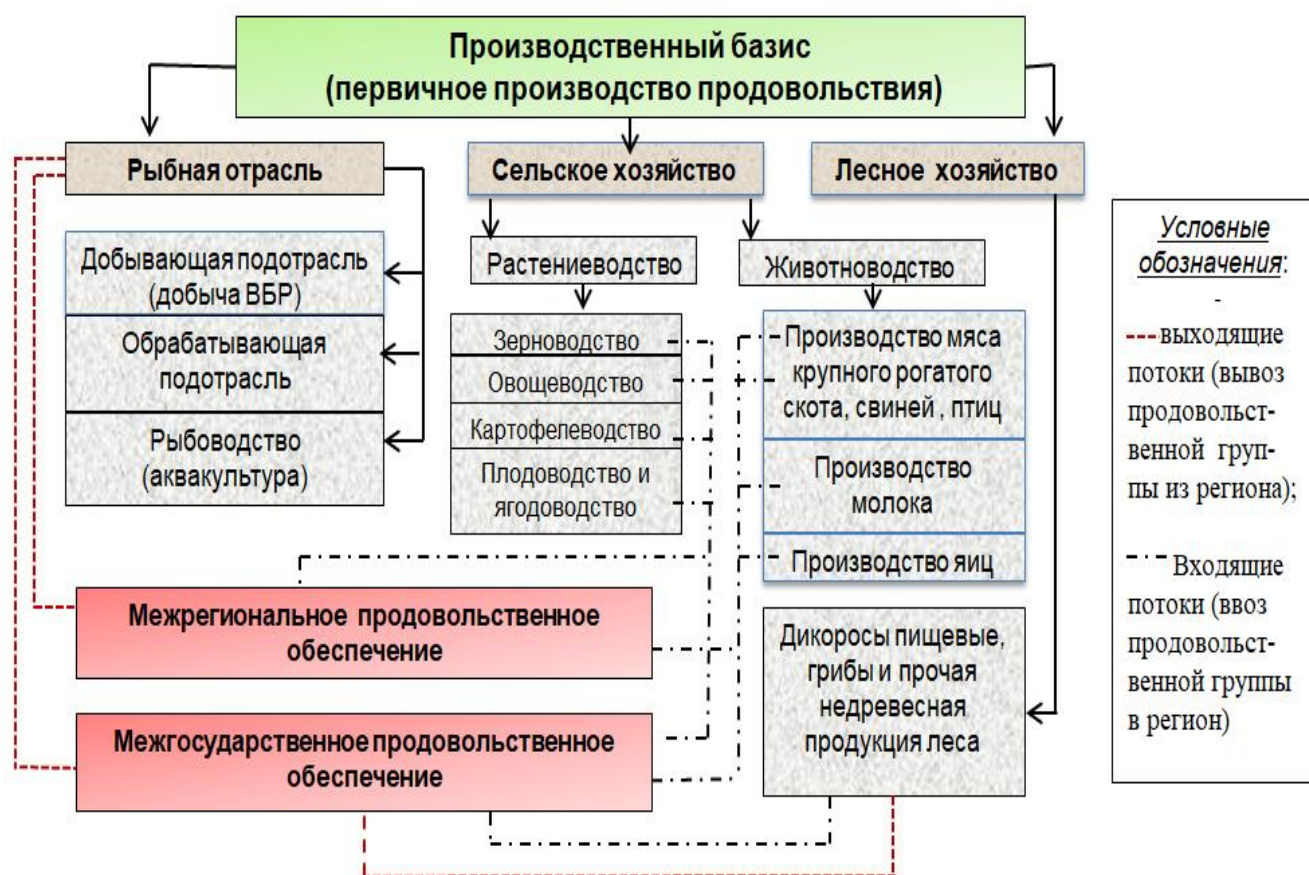

Рисунок 2 – Структурная модель производственного базиса РЭПС.

Источник: составлено автором.

2. Перерабатывающая промышленность – отвечает за переработку сельскохозяйственного сырья и производство широкого ассортимента продуктов питания.

3. Транспортная инфраструктура – обеспечивает доставку продовольствия от производителей к потребителям реализует; важность этого сегмента определяется тем, что эффективное функционирование РЭПС невозможно без развитой транспортной системы, а недостаточно развитая транспортная инфраструктура может приводить к значительным потерям продукции и повышению цен на продукты питания.

4. Система хранения и логистики. Сохранение качества и предотвращение потерь продовольственной продукции в процессе хранения и транспортировки являются критически важными для региональной экономической продовольственной системы. Это требует наличия современных складских помещений, оборудованных системами климат-контроля, а также эффективных логистических схем, обеспечивающих оптимальные маршруты доставки и минимальные сроки хранения.

5. Оптовая и розничная торговля – связывает производителей и потребителей продовольствия, обеспечивая доступность продуктов питания. Результативность торговой сети зависит от наличия различных форматов торговли, конкурентной среды, ценовой политики и уровня сервиса.

6. Научно-исследовательские учреждения – занимаются разработкой новых технологий в сельском хозяйстве, рыбодобывающем секторе экономики и пищевой промышленности, исследованием проблем продовольственной безопасности, а также обучением специалистов.

7. Высшие и средние специальные образовательные учреждения – предназначены для подготовки кадров для региональной экономической продовольственной системы.

8. Государственное регулирование – обусловлено тем, что государство, играя центральную роль в регулировании РЭПС, обеспечивает правовую базу, финансовую поддержку отраслей первичного производства продовольствия и

пищевой промышленности, контроль качества продуктов питания и разработку стратегии обеспечения продовольственной безопасности.

Таким образом, структурная модель региональной экономической продовольственной системы может быть интерпретирована как модель, структурированная по вышеописанным сегментам РЭПС, связи между элементами которой допускают описание в потоковой логике с выделением потоков, отражающих обеспечивающий, потребляющий и координирующий характер сегментов РЭПС (Рисунок 3).

Из схемы, представленной на Рисунке 3, видно, что в модели РЭПС логично вычленяются три функции.

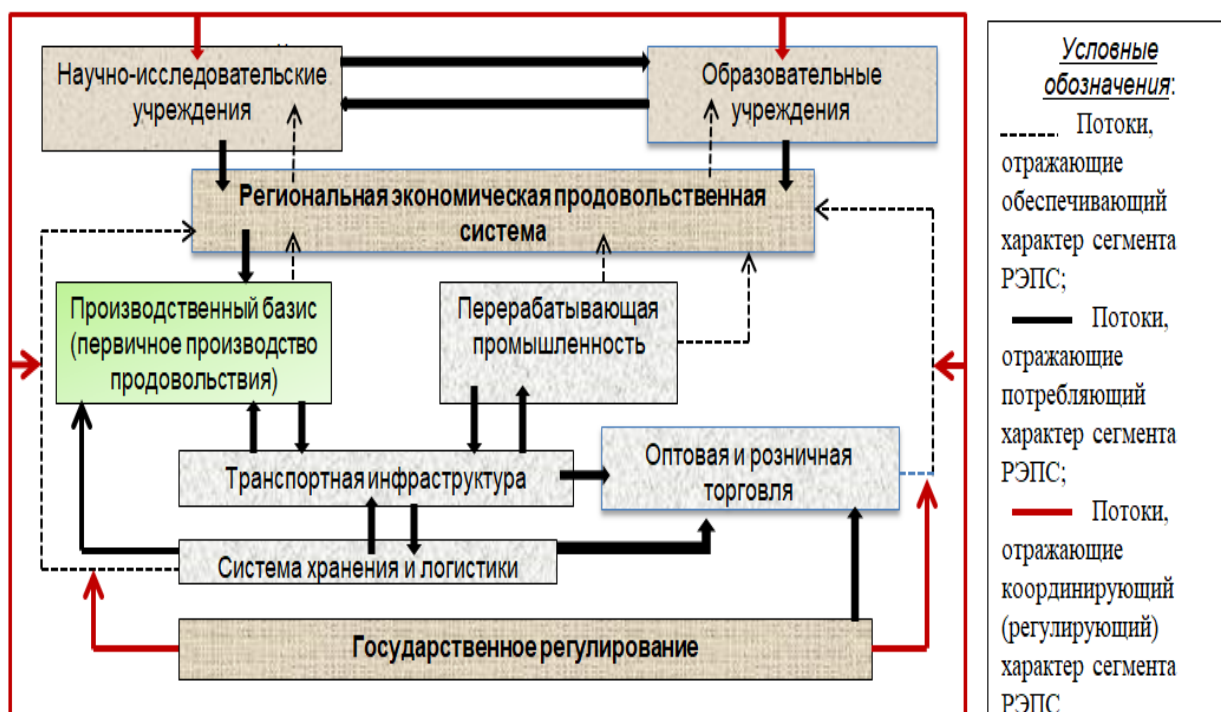

Рисунок 3 – Концептуальная модель РЕПС.

Источник: составлено автором.

Первая функция – потребляющая, которая отражает внутренний спрос РЕПС, представляя собой сложную «паутину» взаимозависимостей между отдельными сегментами; входными потоками является продукция, производимая другими сегментами РЕПС. Каждый сегмент выступает как потребитель для других, создавая циркулярный поток товаров и услуг. Важно отметить, что потребляющая функция выходит далеко за рамки чисто материальных потоков,

включая в себя широкий спектр услуг, критически важных для функционирования системы.

Вторая, обеспечивающая функция, означает, что потоки, направленные из различных сегментов РЭПС, аккумулируются для дальнейшего регионального потребления. Она включает в себя не только сбор и перераспределение материальных ресурсов (сырье, энергия, материалы), но и капитальные вложения, рабочую силу, технологии и информацию. Неравномерное распределение ресурсов между сегментами может привести к дисбалансам и снижению эффективности всей системы. Поэтому эффективное управление ресурсами, развитие инфраструктуры и логистических систем играют критическую роль в обеспечении устойчивого развития РЭПС.

Третья функция – координирующая, состоит в регулирующем воздействии государственных структур на входные и выходные потоки РЭПС и ориентирована на сбалансированное развитие РЭПС, устранение дисбалансов, стимулирование инноваций и повышение конкурентоспособности региона. Государство при этом играет ключевую роль в регулировании потоков как внутри, так и за пределами региональных экономических продовольственных систем.

Взаимодействие данных трёх функций формирует сложную динамическую систему, изменение в одном сегменте которой неизбежно вызовет цепную реакцию во всей РЭПС. Поэтому результативное управление РЭПС требует комплексного подхода, учитывающего взаимосвязи всех трёх функций и динамику изменений в каждом ее сегменте.

В рамках комплексного подхода для достижения целевых установок функционирования и развития РЭПС необходимо решение следующих задач:

- минимизация структурных деформаций в системе продовольственного обеспечения территории;
- оптимальное развитие производственного потенциала региона в секторах регионального хозяйства, производящих продовольствие;
- формирование межрегиональных связей для обеспечения населения продовольствием, которое не производится в регионе или производится в объеме, недостаточном для удовлетворения потребностей людей;

– обеспечение всех категорий населения в достаточном объеме качественным, экологически безопасным, экономически доступным продовольствием в соответствии с физиологическими нормами.

Таким образом, важнейшей предпосылкой региональной экономической продовольственной системы и одновременно ее ключевой целевой характеристикой является потенциальная возможность формирования определенного уровня продовольственной обеспеченности региона.

Осмысление отдельных методологических аспектов обеспеченности продовольствием населения страны и региона, а также развития региональных продовольственных систем зависит от правильного восприятия понятия и сущности такой сложной комплексной экономической категории, как продовольственная обеспеченность (или продовольственное обеспечение). Остается дискуссионным вопрос о содержании, сущностных характеристиках, границах применения данного понятия в практике управления социально-экономическими системами в современных условиях; при достаточно широком спектре формулировок понятия «продовольственная обеспеченность» не существует единого общепринятого определения этой экономической категории (при четко представленной трактовке понятия «продовольственная безопасность»).

Так, А.И. Алтухов, Г.И. Макин и М.А. Бабков рассматривают продовольственную обеспеченность как «ключевую способность государства, которая заключается в гарантировании удовлетворения потребностей населения в продуктах питания» [19]. Это обеспечение должно достигаться на уровне, который позволяет людям вести нормальную и здоровую жизнь. В своих дальнейших научных работах А.И. Алтухов уточняет, что понятие «продовольственная обеспеченность» охватывает более широкие аспекты, включая организационно-экономическую систему, которая должна быть способна эффективно реализовывать потенциал продовольственной безопасности в текущих условиях. Согласно его определению, продовольственная обеспеченность включает в себя «организацию товаропроизводящей сети, которая отвечает за перемещение как отечественных, так

и импортных продуктов питания от производителей к конечным потребителям» [13, 17].

В данном определении считаем важным акцентировать внимание на употреблении А.И. Алтуховым понятия «потенциал продовольственной безопасности», так как далее в исследовании будет введена новая экономическая категория «потенциал региональной экономической продовольственной системы», аккумулирующая в том числе характерные особенности потенциала продовольственной безопасности в редакции А.И. Алтухова.

В.Д. Кузьменкова акцентирует внимание на том, что концепция устойчивого развития общества и экономики включает в себя не только достаточные уровни производства сельскохозяйственной продукции, но и необходимость рационального импорта, который должен дополнять внутренние ресурсы [167]. Это означает, что страны должны стремиться к созданию таких условий, при которых производство продуктов питания будет достаточным для удовлетворения потребностей населения, а импорт будет служить лишь вспомогательным инструментом. Здесь нам хотелось бы выделить использование этим автором применительно к объемным характеристикам импорта продовольствия в качестве ключевого параметра его рациональности. Действительно, вопросы определения рационального размера, структуры, ассортимента импортных продуктов питания, являются важнейшими в практике управления продовольственными системами.

Г.С. Бондарева, в основном соглашаясь с мнениями ранее упомянутых ученых, углубляет понимание продовольственной обеспеченности, рассматривая её как систему взаимодействия между производителями, продавцами, потребителями и государственными органами. Эта система предполагает наличие экономических отношений и должна удовлетворять потребности населения в качественных продуктах питания, не только в стабильной экономической ситуации, но и в кризисных условиях [38]. То есть в интерпретации Г.С. Бондаревой продовольственная обеспеченность отражена с позиции ключевых игроков продовольственных систем.

Ряд авторов в своих научных изысканиях используют близкое к «продовольственной обеспеченности» понятие «продовольственная независимость». Так, А.А. Семенов определяет данное понятие как «состояние сельского хозяйства и агропромышленного комплекса (АПК) в целом, при котором обеспечивается надежное (бесперебойное) и достаточное (по медицинским нормам) снабжение населения страны отечественным продовольствием, исключающее угрозу голода или недоедания» [288]. В свою очередь, В.И. Губайдуллина и В.К. Нусратуллин акцентируют внимание на том, что понятие продовольственной независимости является доминантным при оценке способности страны обеспечивать себя продуктами питания. Это понятие включает в себя «не только уровень самообеспечения, но и общую эффективность функционирования экономической продовольственной системы» [78]. Продовольственная независимость, по мнению этих авторов, включает в себя множество факторов, таких как доступность ресурсов, технологии производства, инфраструктура и политика в области сельского, рыбного и лесного хозяйства. Самообеспеченность, как отмечают эти ученые, представляет собой важный элемент продовольственной независимости. Она отражает способность страны производить необходимые продукты питания для удовлетворения потребностей своего населения.

Т.И. Никитина, О.Д. Рубаева рассматривают понятие «продовольственная самодостаточность», которое они определяют как «состояние, при котором население полностью удовлетворяет свои продовольственные потребности» [221]. Это понятие подразумевает не только количественное, но и качественное обеспечение продовольствием, что имеет важное значение для социальной стабильности и здоровья нации. Однако некоторые исследователи выражают сомнения относительно целесообразности использования данного термина, обосновывая это тем, что акцент на «самодостаточности» может привести к иллюзии полной независимости и самоудовлетворения в вопросах продовольственного обеспечения. Это, в свою очередь, может вызвать стагнацию и даже регресс в экономическом развитии, так как будет снижаться мотивация к

улучшению технологий и оптимизации процессов производства и распределения. Поэтому В.А. Шабашев предлагает альтернативный термин – «самообеспеченность», подчеркивая, что данное понятие более точно отражает необходимость поддержания стабильного уровня продовольственного обеспечения [368]. Самообеспеченность предполагает активное участие государства и частного сектора в создании эффективной системы производства, переработки и распределения продуктов питания. Это включает в себя не только аграрный сектор, но и смежные отрасли, такие как логистика, переработка и торговля.

П.Д. Косинский и Г.С. Бондарева, акцентируя внимание на важности категории «самообеспеченность», конкретизируют состав этой категории. Они подчеркивают, что внутренние поставки продовольствия играют основную роль «в снижении зависимости от внешних торговых отношений при условии производства качественной продукции в объемах, позволяющих удовлетворить потребности населения на пороговом уровне по ценам, гарантирующим доступность большинства продуктов для всех социальных групп населения на всей территории страны» [158]. Таким образом, даже в формировании понятийного аппарата экономической категории «продовольственная обеспеченность» и связанных с ней понятий в научном мире отсутствует единообразие. На уровне региона проблемность и дискуссионность данных категорий усиливается еще в большей степени. Одним из наиболее часто поднимаемых вопросов в сфере изучения продовольственной обеспеченности является вопрос о том, нужно ли рассматривать продовольственную обеспеченность применительно к региональным экономическим системам или это комплексная макроэкономическая категория, требующая изучения на уровне государства в целом.

По мнению А.И. Алтухова, проблема продовольственной безопасности не может быть адекватно решена, если «рассматривать ее исключительно на уровне отдельных регионов, даже если эти регионы играют важную роль в продовольственном обеспечении страны» [16]. В связи с чем на уровне

конкретного региона следует использовать категорию его продовольственной обеспеченности за счет собственного производства и внешних поставок продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья, включая их импорт.

А.И. Алтухов также подчеркивает, что российская экономика представляет собой сложный многорегиональный организм, где каждый регион имеет свои особенности и потребности. Это подразумевает, что продовольственная обеспеченность должна рассматриваться не только с точки зрения внутреннего производства, но и с учетом внешних поставок. Важно отметить, что многие регионы зависят от импорта продовольственных товаров, что делает их уязвимыми к изменениям на мировых рынках.

Мы убеждены, что ввиду дифференциации условий регионов, обусловленной в том числе спецификой формирования спроса на продукты питания (зависящих от совокупности демографических характеристик территории, исторических традиций питания, энергоемкости жизнедеятельности и пр.), которые необходимо учитывать при управлении РЭПС, требуется отдельное рассмотрение категории «продовольственная обеспеченность» применительно к региону. Тем более что в соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 24.08.2021 N 2345-р «О внесении изменений в перечень показателей в сфере обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации» [263], акценты ответственности обеспечения продовольственной безопасности существенно сместились с федерального уровня на региональный, в том числе в системе продовольственного обеспечения регионов.

Раскрывая содержание продовольственного обеспечения на уровне региона, Н.В. Роднина, подчеркивает, что «продовольственное обеспечение включает в себя не только физическое наличие продуктов, но и интеллектуальную составляющую, которая включает факторы, процессы и результаты, влияющие на воспроизводство производительных сил, социально-трудовой сферы и производственных отношений» [276]. Это означает, что для эффективного продовольственного обеспечения необходимо учитывать как экономические, так

и социальные аспекты, что делает систему продовольственного обеспечения неотъемлемой частью устойчивого развития региона.

Нам близок подход Н.И. Пыжиковой, Н.М. Полянской и А.А. Колесняк, которые понимают продовольственное обеспечение региона как «сложную социально-динамическую систему» и «системно организуемый бизнес-процесс, в котором задействованы различные по роду деятельности, но объединенные общей целью участники» [256]. Основной целью системы продовольственного обеспечения, как утверждает этот коллектив авторов, является не только полноценное обеспечение населения региона продуктами питания, но и создание предпосылок для достижения продовольственной безопасности на уровне всей страны [247].

А.И. Татаркин и др., рассматривая продовольственную безопасность на уровне регионе (а не государства в целом), предлагают определять последнюю как «устойчивое развитие продовольственной системы, при которой все население имеет физический, экономический и социальный доступ к продовольствию, достаточному для удовлетворения индивидуальных диетических и культурных предпочтений, обеспечивающих ему активный и здоровый образ жизни» [315]. При этом на национальном уровне продовольственная независимость данными авторами трактуется как условие устойчивого социально-экономического развития страны, на региональном – как необходимость обеспечения индивидуального учета продовольственных потребностей населения.

Для региона, также, как и для страны в целом, отдельными авторами вводится понятие «продовольственная самообеспеченность». Например, И.П. Чупина и М.М. Трясцин определяют продовольственную самообеспеченность как процесс, который обеспечивает устойчивое удовлетворение потребностей населения в продуктах питания, основываясь на научно обоснованных медицинских нормах [367]. Это определение заостряет внимание не только на количестве продуктов, но и на их качестве, что является критически важным для здоровья различных групп населения. Кроме того, эти авторы подчеркивают необходимость более эффективного использования

ресурсов, доступных в регионе, для создания устойчивых цепочек продовольственных поставок.

Итак, исследование теоретических аспектов проблематики согласованности (соподчиненности, независимости) базовых понятий, «характеризующих условия формирования и функционирования региональных экономических продовольственных систем, актуализировало необходимость рассмотрения вопроса о том, за счет каких ресурсов (внутрирегионального, межрегионального или импортного происхождения) следует осуществлять насыщение региона продовольствием» [108]. В связи с чем структурируем подходы к продовольственному обеспечению, с одной стороны, как к предмету регионального управления, а, с другой – по уровню категорирования и соподчиненности понятий «продовольственная обеспеченность» и «продовольственная безопасность» применительно к региональным экономическим продовольственным системам [15, 22, 45, 93, 268, 449].

Первый подход предполагает тождественность категорий «продовольственное обеспечение» и «продовольственная безопасность» региона [56, 337]. Согласно данному подходу, акценты региональной политики должны смещаться «в сторону достижения высокого уровня самообеспечения территории качественными продуктами питания широкой номенклатуры, экономически доступными для населения региона в соответствии с физиологическими нормами при формировании условий для минимизации импорта продовольствия» [103, 108]. Ряд отечественных авторов указывают на наличие ограничений и недостатков подхода, заключающегося в изоморфизме категорий «продовольственная безопасность региона» и «продовольственная обеспеченность региона». В.А. Власов обращает внимание на то, что если в качестве цели достижения национальной продовольственной безопасности можно определить решение проблемы надежного обеспечения населения продовольствием, то для абсолютного большинства российских регионов это не только нереально, но экономически и политически невозможно и нецелесообразно [54].

И.Г. Ушачев, А.Г. Папцов и А.Ф. Серков, рассматривая общественное разделение труда как основу развития территориальной и отраслевой организации отечественного агропромышленного производства, пишут, что производство определенных видов сельскохозяйственного сырья и сельскохозяйственной продукции не может осуществляться с одинаковой эффективностью в разных регионах ввиду порой существенной дифференциации региональных условий, а конкретные отрасли и подотрасли продовольственного комплекса в силу ряда объективных причин закрепляются за определенными регионами страны [339].

Второй подход: «некоррелированность (или слабая коррелированность) продовольственного обеспечения региона и его продовольственной безопасности» [108]. Суть этого подхода состоит в стремлении решить продовольственные задачи РЭПС за счет ее наполнения продуктами питания по минимальной цене с игнорированием источника происхождения продовольствия, а требование продовольственной безопасности заменяется на требование насыщенности региона продовольствием. Существенным ограничением такого подхода является неспособность рыночных механизмов, действующих при отсутствии государственного контроля, в полной мере сбалансировать воспроизводственные процессы в аграрном секторе. Важно понимать, что наполненность РЭПС продуктами питания при игнорировании принципов продовольственной безопасности, решая кратковременные задачи («накормить население»), не соответствует стратегическим целям развития региона и государства в целом. Производственный базис продовольственной системы региона, производя необходимую для населения территории сельскохозяйственную продукцию, обеспечивает среду жизнедеятельности на сельских территориях. Вместе с тем достижение определенного уровня самообеспеченности населения продовольствием, особенно по базовым пищевым продуктам, необходимо, поскольку потеря страной продовольственной независимости может иметь для нее самые серьезные негативные последствия.

Третий подход к категорированию понятий «продовольственная обеспеченность» и «продовольственная безопасность» основывается на том, что в

категорию «продовольственное обеспечение» включается подкатегория «продовольственная безопасность» [255]. Это позволяет более точно определять удельные веса различных продовольственных групп, производство которых может быть поддержано в зависимости от природно-климатических условий, имеющейся инфраструктуры, логистических возможностей и других факторов, присущих конкретному региону.

Данный подход подразумевает более широкое и глубокое понимание термина «продовольственное обеспечение» по сравнению с более узким понятием «продовольственная безопасность». Такая более развернутая характеристика позволяет формировать структуру насыщения региона продовольствием, учитывая как те группы продуктов, производство которых возможно в данной местности и может удовлетворить потребности населения в необходимых объемах, так и те группы продуктов, которые не могут быть произведены в данной территории по объективным причинам, таким как климатические условия, недостаток ресурсов или технологические ограничения. В рамках такого подхода В. Папело и Б. Ковтун акцентируют внимание на важности реализации концепции самообеспечения региона продуктами питания. Эти авторы выделяют два ключевых аспекта: «результативность этой концепции и использование экономического потенциала для увеличения производства продовольствия, подчёркивая, что существует прямая связь между территориальной организацией национального продовольственного комплекса и распределением его роста по различным регионам страны» [238].

В условиях растущей волатильности мирового продовольственного рынка, которая наблюдается в последние годы, особенно на фоне торговых конфликтов между ведущими производителями и потребителями продовольствия, возникает необходимость пересмотра подходов к продовольственной безопасности. Третий подход, о котором идет речь, акцентирует внимание на важности комплексного обеспечения продовольственной безопасности, а также на диверсификации каналов поставок, которые могут включать как внутрирегиональные, так и межрегиональные и межгосударственные маршруты.

По мнению ряда экспертов, разделяемому автором настоящего исследования, в современных условиях приоритетным направлением региональных экономических политик является формирование безопасного уровня продовольственной обеспеченности региона через развитие производственного базиса, поддержание стабильности поставок товаров первой необходимости на внутренний рынок [102, 370], охрану «оказавшихся под угрозой глобальных цепочек поставок путем формирования «аварийных» запасов сырья и продукции с целью обеспечения устойчивости функционирования как собственного бизнеса, так ключевых контрагентов» [444], формирование «необходимого уровня устойчивости производственных систем» [415].

Региональная экономическая продовольственная система в числе прочих задач предусматривает увеличение внутреннего производства и потребления продовольствия регионального происхождения. Однако это вовсе не означает, что необходимо придерживаться политики продовольственной автаркии, которая подразумевает полное самообеспечение и изоляцию от внешних рынков. Напротив, в условиях единого государства необходимо стремиться к гармоничному взаимодействию между регионами, где каждый из них может вносить свой вклад в общую продовольственную безопасность.

В рамках третьего подхода к развитию сельского хозяйства особое значение, на наш взгляд, следует уделить потенциалу РЭПС, который должен активно развиваться в сотрудничестве с частным сектором. Как подчеркивает известный эксперт в области агрономии М.С. Оборин, в условиях существующего санкционного давления на Россию становятся особенно актуальными проблемы и особенности, связанные с развитием сельского хозяйства в регионах, которые характеризуются неблагоприятными природно-климатическими условиями [231]. Важным аспектом продовольственного обеспечения в рамках данного подхода является приоритетность продовольствия регионального производства, что будет содействовать укреплению продовольственной безопасности и экономическому росту. Однако для достижения этих целей необходимо стратегическое взаимодействие не только внутри одного региона, но и с другими регионами

Российской Федерации. Это взаимодействие включает в себя межотраслевое и межмуниципальное сотрудничество, а также сотрудничество на уровне других государств.

В этой связи следует отметить методический подход, разработанный А.Е. Шиловой, который направлен на обеспечение продовольственной безопасности в регионах, акцентируя внимание на основных видах продуктов питания. Этот подход включает в себя оценку продовольственного обеспечения РЭПС на основе двух критериев: уровня обеспеченности региона продуктами собственного производства и степени самообеспеченности с учетом межрегионального обмена [373]. Согласно нашему мнению, подход Шиловой А.Е. позволяет рассматривать продовольственное обеспечение как категорию более высокого уровня по сравнению с понятием «продовольственная безопасность». Это связано с тем, что продовольственное обеспечение охватывает более широкий спектр факторов, включая экономические, социальные и экологические аспекты, и предполагает активное участие различных субъектов в процессе обеспечения населения качественными и доступными продуктами питания.

Изучение исследований отечественных авторов по проблеме продовольственной обеспеченности региона (государства) в «увязке» с понятиями «продовольственная безопасность», «продовольственная самообеспеченность» применительно к региональным продовольственным системам, позволяет нам сделать вывод о том, что третий подход в большей степени соответствует задачам развития российской государственности в условиях агрессивности внешней среды и требуется дальнейшая его теоретико-методологическая проработка.

Продовольственная обеспеченность населения при этом как критерий устойчивого развития агропромышленного комплекса (АПК) страны дает возможность исследовать и оценивать эффективность взаимодействия импортозамещающей и экспортоориентированной стратегии структурной модернизации РЭПС, формирования целостных межотраслевых цепочек создания стоимости, механизмов внутригосударственного взаимодействия и регулирования [287]. Обеспечение продовольствием населения различных регионов Российской

Федерации, особенно тех, которые расположены далеко от административного центра, представляет собой одну из ключевых задач как для Федерального центра, так и для региональных властей и профильных министерств. Эта проблема становится особенно актуальной для территорий, граничащих с государствами, обладающими высокоразвитыми сельскохозяйственными секторами. В таких регионах необходимо не только обеспечить достаточное количество продовольствия, но и создать условия для его доступности и разнообразия.

В целом, ввиду наличия значительных структурных проблем в региональных экономических продовольственных системах многих регионов Российской Федерации, особенно географически удаленных от административного центра, их устойчивое развитие возможно при условии формирования и реализации структурной политики развития региональных экономических продовольственных систем.

В заключение сделаем ряд выводов.

1. Выделение категории «региональная экономическая продовольственная система» является важным шагом к более глубокому пониманию взаимодействия экономических, социальных и экологических факторов на уровне региона. Это позволит более эффективно разрабатывать и внедрять стратегии, направленные на обеспечение продовольственной обеспеченности и продовольственной безопасности и стабильного развития, а также повысить устойчивость региональных экономик к внешним вызовам.

2. Региональная экономическая продовольственная система – это не просто система, а целый комплекс взаимосвязанных процессов и факторов, которые необходимо учитывать для достижения устойчивого и безопасного продовольственного обеспечения населения региона. Важно, чтобы все эти аспекты работали в гармонии, что позволит не только повысить уровень жизни людей, но и обеспечить долгосрочную устойчивость региона в условиях меняющегося мира.

3. РЭПС выполняет ряд ключевых задач, направленных на обеспечение устойчивого и эффективного продовольственного обеспечения на территории

региона. Одной из основных задач является минимизация структурных деформаций в системе продовольственного обеспечения, что подразумевает необходимость анализа и устранения дисбалансов в производстве и распределении продовольственных товаров и позволяет избежать дефицита или избытка определенных продуктов.

4. Важным аспектом деятельности РЭПС является оптимальное развитие производственного потенциала региона в тех секторах экономики, которые занимаются производством продовольствия. Это включает в себя не только сельское, рыбное или лесное хозяйство, но и перерабатывающую промышленность, что позволяет увеличить добавленную стоимость продукции и создавать новые рабочие места.

5. Межрегиональные связи имеют большое значение для обеспечения продовольственной обеспеченности региона. Важно развивать торговые отношения с соседними регионами, чтобы компенсировать нехватку тех продуктов, которые не производятся в данном регионе или производятся в недостаточных объемах. Поэтому региональная экономическая продовольственная система должна быть гибкой и адаптивной, учитывающей как внутренние потребности региона, так и внешние факторы, влияющие на продовольственное обеспечение. Для достижения устойчивого развития РЭПС необходимо строить открытые и конструктивные отношения между регионами, избегая конфликтов и давления. Это позволит не только обеспечить продовольственную безопасность, но и создать условия для экономического роста и социального благополучия.

1.3. Исследование процессов трансформации отраслевых приоритетов продовольственного обеспечения на мезоуровне

Изменения приоритетов государственной политики развития региональных экономических продовольственных систем инициируют трансформацию отраслевых приоритетов в связи с тем, что роль продовольственных

экономических систем как в мировом сообществе, так и на уровне государства и региональных экономик, возрастая и видоизменяясь, неизбежным образом приводит к их модификации.

Ряд авторов акцентируют внимание на комплексном характере таких трансформаций, выходящих за рамки строго экономических процессов с вовлечением социальных, экологических, технологических и других аспектов в комплекс реализуемых преобразований, к которым в полной мере относится весь спектр обеспечения населения продовольствием.

Сельское, рыбное и лесное хозяйство, пищевая промышленность и распределение существенно изменились за последнее столетие благодаря урбанизации, механизации и модернизации. Их деятельность глубоко изменила экономику большинства стран, очевидным образом модифицируя отраслевые приоритеты в условиях актуализации роли региональных экономических продовольственных систем [405]. Кроме того, важно отметить, что трансформация продовольственных систем также затрагивает вопросы продовольственной безопасности и продовольственного обеспечения как на макро-, так и на микроуровне.

Характерные особенности, обуславливающие трансформационные изменения отраслевых приоритетов в рамках РЭПС, очевидным образом формируются под воздействием институциональных преобразований экономики страны и перемен в жизни общества (Таблица 3).

Точкой отсчета построенного автором хронологического ряда является 1970 год по следующим основаниям:

- с теоретической точки зрения: начало формирования в СССР региональной экономики как отдельного направления экономической науки;
- с практико-ориентированной точки зрения: принятие «Программы интенсификации развития сельского хозяйства».

Изменения в продовольственных системах России в период с 1970 по 1981 годы были вызваны необходимостью интенсификации сельского хозяйства и продовольственного сектора в целом.

Таблица 3 – Хронологический ряд изменений в процессах трансформации отраслевых приоритетов РЭПС

Период рассмотрения	Институциональные преобразования в государстве	Изменения в жизни общества
1970-1981 гг.	– Развитие региональной экономики как направления экономической науки. – Принятие «Программы интенсификации развития сельского хозяйства» (1970 г.) – Значительное субсидирование цен на продукты питания. – Направленность на поддержание и стабильность товарных и финансовых потоков	– Дефицит продовольствия. – Рост импорта продовольствия. – Развитие кооперативного движения – Создание агропромышленных комплексов
1982-1990 гг.	– Принятие Продовольственной программы СССР (1982-1990 гг.) – Принятие закона «О государственном предприятии (объединении)» (1987 г.). – Принятие закона «О кооперации» (1988 г.). – Структурные изменения в системе управления (1985 г.) – Проектирование региональных программ социально-экономического развития в части продовольственного обеспечения. – Принятие постановления «О концепции перехода к регулируемой рыночной экономике в СССР.	– Увеличение дефицита продовольствия при узкой ассортиментной линейке. – Несоответствие между ростом денежных доходов населения и темпами прироста сельхозпродукции. – Рост закупочных цен на продукцию сельского хозяйства. – Развитие подрядных отношений. – Создание агропромышленных объединений. – Переход к рыночной экономике.
1991-2000 гг.	– Распад СССР. – Реформирование продовольственных систем в условиях переходной экономики. – Указ Президента РФ «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР» (1991 г.). – Развитие фермерства.	– Переходная экономика. – Либерализация цен. – Уровень и структура внутренних цен приблизились к мировым ценам. – Инфляция. – Приватизация. – Низкий покупательский спрос населения. – Рост личных хозяйств населения.
2001-2013 гг.	– Принятие приоритетного Национального проекта «Развитие АПК». – Принятие программы «Основные направления агропродовольственной политики на 2001-2010 годы». – Присоединение к ВТО (2012 г.). – Реформирование аграрного сектора в условиях рыночной экономики. – Утверждение Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации (2010 г.). – Принятие Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2020 годы».	– Позитивная динамика макроэкономических показателей при «экспортно-сырьевой» модели экономики. – Рост импорт продовольствия и сельскохозяйственного сырья. – Значительный разрыв между средними ценами на продукцию сельского хозяйства и промышленности
2014 г. по наст. время	– Создание Евразийского экономического союза (ЕАЭС) (2015 г.). – Утверждение «новой» Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации (2020 г.). – Курс на «ускоренное импортозамещение». – Экономические санкции и контрсанкции (2014 г., 2018 г., 2022 г., 2024 г.)	– Введение экономических санкций в отношении российских юридических и физических лиц. – Рост инфляции. – Развитие импортозамещающих производств. – Ограничение доступа к высокотехнологической продукции импортного происхождения.

Источник: составлено автором.

Изменения происходили на фоне научно-технической революции, которая открывала новые возможности для повышения эффективности производства. Основной целью этих усилий было смягчение структурных деформаций, которые возникли в результате значительного государственного субсидирования цен на продукты питания.

Субсидирование, хотя и позволяло удерживать цены на продукты на доступном уровне для населения, создавало искажения в рыночных механизмах, что приводило к недостаткам в производстве определенных видов товаров, а также к снижению мотивации для повышения производительности труда. В таких условиях возникла необходимость в реформировании продовольственных систем для повышения их устойчивости. Важные аспекты формирования отраслевых приоритетов в этот период были исследованы рядом ученых, таких как Л.И. Абалкин [364], И.Н. Буздалов [42], Б.Е. Фрумкин [360] и др.

Эти ученые анализировали, как изменения в политике и экономике страны влияли на продовольственные системы, а также предлагали пути для их усовершенствования. Например, в своих работах они подчеркивали необходимость внедрения новых технологий, улучшения организации труда и управления на предприятиях, а также повышения уровня квалификации работников.

Также стоит отметить, что в этот период проводились эксперименты с внедрением элементов рыночной экономики в плановую систему, что создавало дополнительные сложности и противоречия. В результате, несмотря на определенные успехи, продовольственная система продолжала сталкиваться с проблемами, такими как нехватка продовольствия, неэффективное распределение ресурсов и низкое качество продукции. Таким образом, изменения в продовольственных системах России в 1970–1981 годах были комплексным процессом, который требовал глубокого анализа и научного подхода к решению возникших проблем.

Теоретическое осмысление проблематики приоритетов региональной экономической продовольственной политики в данном временном промежутке

подчеркивает важность регулирования процессов, связанных с созданием и функционированием агропроизводственных комплексов. Основное внимание уделяется поддержанию межотраслевых балансов на уровне регионов, что, в свою очередь, должно способствовать стабильности товарных и финансовых потоков. Однако реальная практика показала, что в условиях экономической нестабильности объем денежной массы в стране значительно превысил объем товарной массы. Это несоответствие стало одной из причин возникновения дефицита продовольствия и резкого увеличения импорта продуктов питания.

Внешнеэкономическая конъюнктура, которая на первый взгляд казалась довольно благоприятной для Советского Союза, на самом деле оказала сложное воздействие на развитие национального хозяйства и его регионов. Например, так называемый «нефтешок», вызванный многократным ростом цен на нефть в этот период, позволил государству аккумулировать значительные валютные средства, которые были направлены на решение краткосрочной проблемы обеспечения продовольствием населения страны [246], а не на мероприятия для глубокой и качественной перестройки национального хозяйства. Такой подход к управлению экономикой, в свою очередь, создал условия для формирования зависимости от импорта продовольствия, что негативно сказалось на продовольственной безопасности страны.

Краткосрочные выгоды, полученные от высоких цен на нефть, стали антистимулом для устойчивого и поступательного развития как всей экономики, так и ее отдельных региональных систем. В итоге, вместо того чтобы создать устойчивую продовольственную систему, страна оказалась в ситуации, когда зависимость от внешних поставок только усилилась.

Поэтому в качестве приоритета данного периода считаем целесообразным представить следующий тезис: «СССР – производитель и поставщик энергоресурсов на мировой рынок, а в продовольственной сфере – крупный импортёр продовольствия; региональные различия продовольственных систем нивелируются посредством субсидирования цен на продукты, а транспортные расходы – за счет финансовых ресурсов, полученных от внешнеэкономической

деятельности государства».

В 1970-х – первой половине 1980-х годов продовольственная проблема в Советском Союзе обострилась, что стало одной из ключевых причин как внутреннего, так и внешнего кризиса, с которым столкнулась страна в период «перестройки». Неверный выбор приоритетов в рамках РЭПС сыграл значительную роль в ухудшении ситуации. В то время как акцент смещался на развитие тяжелой промышленности, аграрный сектор оставался в запущенном состоянии, что привело к дефициту продовольствия и, как следствие, к социальной напряженности.

Нерешенность продовольственной проблемы стала катализатором необходимости пересмотра приоритетов РЭПС. В ответ на это в стране начали создаваться агропроизводственные комплексы, которые предназначались для интеграции различных сельскохозяйственных подразделений и научных институтов в единую систему. К задачам, которые должны были быть решены посредством таких комплексов можно отнести: эффективное использование ресурсов, улучшение координации между уровнями производства, повышение продуктивности аграрного сектора в целом [141].

Кроме того, в 70-е годы XX века в отечественной экономической науке активно развивалось новое направление – региональная экономика. Это направление сосредоточилось на изучении экономических процессов на уровне регионов, что позволило более детально анализировать проблемы, с которыми сталкивались отдельные области и районы. Уже в этот период видные ученые, изучая территориально-отраслевые факторы, ставят проблему неравенства развития территорий: Н.Л. Колесов и Л.И. Абалкин [364], А.Г. Гранберг [74], В.В. Леонтьев [181] и др.

Таким образом, продовольственная проблема не только обострила кризисные явления в СССР, но и стала толчком для институциональных реформ и изменений в экономической парадигме.

Понимание проблемных зон продовольственного обеспечения государства на фоне растущей межрегиональной дифференциации стало основой для

институциональных преобразований следующего выделенного нами периода: с 1982 по 1991 годы.

К началу 1980-х годов сельское хозяйство и сопутствующие отрасли экономики СССР столкнулись с серьезной стагнацией. Одним из ключевых факторов, усугубляющих эту ситуацию, стало ухудшение условий для импорта продовольствия. В частности, каналы поставок значительно сократились, а введенное США эмбарго на поставки зерна только усугубило дефицит. Это привело к тому, что даже несмотря на то, что общее питание населения соответствовало физиологическим нормам, возникли серьезные проблемы с удовлетворением растущих потребительских ожиданий.

В качестве основных причин, приведших к трудностям со снабжением населения продовольственными товарами в 80-х годах прошлого века, большинство авторов выделяют несоответствие между ростом денежных доходов населения и темпами прироста сельскохозяйственной продукции, а также значительный отток сельского населения, и как следствие, увеличение покупок продовольственных товаров в государственной торговой сети [197, 252, 330]. Кроме того, стоит отметить, что в данный период наблюдалась не только экономическая, но и социальная напряженность. Люди начали осознавать, что качество продовольственных товаров оставляет желать лучшего, а доступность определенных продуктов становилась все более ограниченной.

В ответ на данные вызовы стали разрабатываться новые стратегии и подходы к продовольственному обеспечению. В частности, акцент был сделан на необходимости повышения производительности сельского хозяйства и внедрения современных технологий. Также возникла идея о децентрализации управления продовольственными ресурсами, что позволило бы регионам более эффективно реагировать на свои специфические потребности.

Таким образом, хронологический промежуток 1982–1991 гг. стал временем значительных изменений в системе продовольственного обеспечения СССР, когда на фоне экономических трудностей и социальных вызовов возникла необходимость в реформировании существующих институтов и внедрении новых

подходов к аграрной политике.

Важнейшим институциональным преобразованием этого времени стало принятие «Продовольственной программы СССР на период 1982–1990 гг.», которая была направлена на решение острых проблем продовольственной безопасности страны. Это время ознаменовалось не только разработкой данной программы, но и ратификацией ряда значимых законов, таких как «О государственном предприятии (объединении)» (1987 г.) и «О кооперации» (1988 г.), которые должны были способствовать развитию национальной экономики и улучшению управления в различных отраслях.

Одной из ключевых мер, предусмотренных Продовольственной программой, стало реформирование управления агропромышленным комплексом. В 1987 году было принято постановление «Об улучшении управления сельским хозяйством и другими отраслями агропромышленного комплекса», которое инициировало создание многоуровневой системы агропромышленных объединений. Эти объединения должны были улучшить координацию и взаимодействие между различными руководящими структурами предприятий АПК. Важным решением, принятым в рамках Продовольственной программы, стало повышение закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, что, по замыслу разработчиков программы, должно было стимулировать производителей к увеличению объемов производства. Лозунгом перестройки стало «ускорение», которое подразумевал, прежде всего, необходимость повышения темпов роста производства продукции. Для достижения этого «ускорения» были предложены различные механизмы, среди которых особенно выделялись интенсификация производства за счет внедрения современных технологий и развитие новых форм организации труда.

Считаем возможным в качестве приоритета продовольственного обеспечения этого периода представить следующее положение: «Стремление к постоянному наращиванию производства продуктов питания, расширение их ассортимента и повышение качества, налаживание новых каналов поступления импортного продовольствия в страну». Преобразования национальной экономики

в целом (и ее продовольственной составляющей в том числе) в 1982–1990 гг. не принесли ожидаемых результатов. В течение этих лет государство столкнулось с серьезными продовольственными кризисами; значительного улучшения продовольственного снабжения добиться не удалось; реформы в экономической сфере приняли необратимый характер [120].

В июне 1990 г. Верховный Совет СССР принимает постановление «О концепции перехода к регулируемой рыночной экономике в СССР», советский период в экономической истории нашей страны завершается.

Очевидно, что при переходе от социалистической модели общественного устройства к капиталистической неизбежно должна произойти очередная трансформация отраслевых приоритетов РЭПС. В связи с чем выделим следующий хронологический период – реформирование продовольственных систем в условиях переходной экономики и в условиях распада СССР (1991–2000 гг.), когда потеряли свое значение многие экономические связи, построенные в соответствии с территориальным разделением труда; а новые внешние связи на мезоуровне формируются зачастую без учета схем межрегионального взаимодействия.

Переход России к рыночным отношениям посредством либерализации цен и приватизации государственной собственности при их низкой научной проработанности привел к ослаблению государственного регулирования и поддержки продовольственного сектора, падению производства во многих отраслях экономики. В результате этого перехода произошло значительное ослабление государственного регулирования, а также уменьшение поддержки продовольственного сектора, что, в свою очередь, вызвало падение производства в ряде базовых отраслей экономики. В условиях таких изменений наблюдалась явная тенденция к недостаточному производству основных видов продовольствия. Это негативно сказалось на финансовом состоянии большинства предприятий АПК России. Ситуация усугублялась ростом неплатежей и сохранением низкого покупательского спроса среди населения, что в свою очередь создавало дополнительные трудности для производителей и

дистрибьюторов.

Наиболее значительным институциональным преобразованием в этот период стала аграрная реформа, которая, как позже выяснилось, была лишь первым этапом более масштабных изменений в аграрной сфере. Для удобства дальнейшего обсуждения мы будем называть это преобразование первым этапом аграрной реформы, охватывающим период с 1991 по 2000 годы.

Важно отметить, что аграрная политика, проводимая российским правительством в это время, не может считаться полноценной реформой в строгом смысле этого слова. Скорее, это были разрозненные и зачастую неудачные попытки провести какие-либо реформаторские действия в аграрной сфере, которые не привели к ожидаемым результатам и лишь усугубили существующие проблемы, создавая новые вызовы для аграрного сектора.

Таким образом, переход к рыночным отношениям в России оказался сложным и противоречивым процессом, который не смог обеспечить устойчивое развитие продовольственного сектора и привел к серьезным экономическим последствиям. Необходимость более глубоких и продуманных реформ стала очевидной, однако их реализация столкнулась с множеством препятствий и сложностей, что создало дополнительные вызовы для будущего аграрной политики страны.

Одним из важнейших путей решения задач первого этапа реформы должна была стать структурная перестройка, нацеленная на коренное изменение отношений в продовольственной системе.

Первый этап аграрных преобразований в России начался в начале 1990-х годов, когда реформы были инициированы «сверху», без широкого общественного обсуждения и формирования общепризнанной официальной концепции. Основным документом, положившим начало реформам, стал Указ Президента РФ «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР» [334]. В этом указе колхозам и совхозам предписывалось в кратчайшие сроки провести реорганизацию, что вызвало множество вопросов и недовольства

среди населения и работников сельского хозяйства. (Для сравнения: запланированная продолжительность реформы Столыпина – двадцать лет.)

Согласно сценарию этого периода, предусматривалось, что в кратчайшие сроки необходимо ликвидировать колхозно-совхозное производство и на его базе создать фермерские хозяйства, основанные на частной собственности. Однако, как показала практика, такое резкое изменение системы привело к множеству проблем. Фермеры, не имея необходимой поддержки и ресурсов, зачастую не могли эффективно организовать свое производство.

Кроме того, планировалось отказаться от системы государственных заказов на сельскохозяйственную продукцию и перейти к свободной рыночной реализации. Это решение также имело свои негативные последствия. В условиях отсутствия стабильного спроса и высокой волатильности цен на продовольствие многие производители оказались в затруднительном положении, что способствовало резкому сокращению объемов производства. В результате, вместо ожидаемого роста производства и улучшения качества продукции, наблюдалось снижение объемов сельскохозяйственной продукции и ухудшение продовольственной ситуации в стране.

Таким образом, реформа в той форме, в которой она проводилась в Российской Федерации, «привела к либерализации цен, резкому сокращению государственной поддержки аграрного сектора и другим негативным факторам» [171]. Уровень и структура внутренних цен приблизились к мировым, что спровоцировало инфляцию. Серьезные финансовые кризисы, которые пережила Россия в этот период (в 1991, 1994 и 1998 годах), также оказали значительное отрицательное влияние на продовольственные системы страны. Каждый из этих кризисов сопровождался резким падением уровня жизни, увеличением безработицы и снижением доходов населения.

Здесь следует отметить, что аграрная реформа 1991– 2000 гг. не была результатом внутреннего развития основных деревенских социальных слоев – колхозного крестьянства и работников совхозов, которые сами по себе «дозрели» до изменения формы хозяйствования или землевладения и чаяния которых

реформа воплотила в себе. Она также не была имманентно присуща новому деревенскому социальному слою – фермерам. Следует констатировать, что фермерское хозяйство (мелкое – в российском варианте) оказалось не конкурентно крупным хозяйствам и, соответственно, не смогло поднять аграрный сектор России и ее регионов на качественно новый уровень.

В ходе аграрной реформы также резко выросло значение личного подсобного хозяйства (ЛПХ). Всплеск развития ЛПХ всецело был обязан структурным изменениям в коллективных хозяйствах, так как были сняты все ограничения на этот сектор, селяне получили достаточно большие земельные наделы для подсобного хозяйства. Отмена «первой заповеди колхозника» (обязательных, приоритетных перед всеми другими нуждами поставок сельскохозяйственной продукции государству) позволила хозяйствам все возрастающую часть агропродукции распределять между работниками в виде или натуральной оплаты, или продажи им по льготным ценам. Это также создало благоприятную основу для роста ЛПХ.

В данный период основными отраслевыми приоритетами являются: продовольственное обеспечение населения за счет импорта, развитие фермерства, расширение подсобных хозяйств населения, «выживание» широкого слоя населения. Приоритет РЭПС «на выживание» без корректировки условий социально-экономического развития, обрекал Россию на утрату продовольственной независимости и, в конечном счете, государственности.

На следующем хронологическом периоде (2001–2013 гг.) проводится «реформирование аграрного сектора в условиях рыночной экономики; осознается необходимость кардинальных изменений характера аграрной реформы 1991–2000 гг. и корректировки ее основных положений» [105]. Необходимость государственного регулирования переходных процессов и поддержки аграрного сектора стала очевидной.

Впервые за долгие годы реформ агропромышленный комплекс и продовольственные системы были признаны одним из приоритетов социально-экономической политики государства. Это стало значительным шагом вперед,

поскольку ранее аграрный сектор часто оставался на периферии государственного внимания. Но следует отметить, то вступление Российской Федерации во Всемирную торговую организацию (ВТО) в 2021 г. внесло определённые коррективы в развитие отечественного АПК (в как положительном, так и в отрицательном направлении), в том числе и в контексте продовольственной безопасности [357].

В этот период происходит трансформация подходов к определению отраслевых приоритетов. Важным шагом стало принятие ряда программ, направленных на развитие продовольственных систем и обеспечение продовольственной безопасности страны. Одной из ключевых инициатив стала «Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы». Эта программа была направлена на модернизацию сельского хозяйства, улучшение его финансовой устойчивости и повышение качества продукции. В 2010 году была утверждена Доктрина продовольственной безопасности, известная как Первая Доктрина. Она определила стратегические приоритеты для обеспечения продовольственной безопасности России и стала основой для разработки дальнейших мер в аграрной политике. Основной задачей Доктрины было снижение зависимости от импорта продовольственных товаров и развитие отечественного производства.

В начале 2000-х годов также усилилось внимание к региональной экономической политике. Это было вызвано опасениями, что игнорирование экономической неоднородности регионов может привести к их фрагментации и расслоению уровней развития. Такие процессы создавали угрозу единству страны, как в политическом, так в социально-экономическом аспектах [202]. В связи с этим был выбран основной инструмент региональной экономической политики, который заключался в необходимости активного вмешательства государства в развитие регионов. По существу, это была определенная реставрация советского механизма регулирования регионального развития. Разница заключалась в том, что перераспределение осуществлялось в форме маневрирования финансовыми

потоками и оказывало косвенное влияние на экономику через увеличение государственного инвестиционного спроса и государственных закупок товаров и услуг в определенных регионах, а не вело к прямому увеличению материально-технического и трудового потенциала отдельных территорий.

В данный период возрастает интерес к проблематике регионального саморазвития, формируются соответствующие научные школы, среди которых отдельно следует выделить школу академика А.И. Татаркина (Институт экономики Уральского отделения РАН).

А.И. Татаркин и С.В. Дорошенко формулируют ключевое определение саморазвития региона как его «устойчивой способности в условиях сложившейся в обществе макросреды обеспечивать расширенное воспроизводство валового регионального продукта за счет имеющегося потенциала собственных ресурсных возможностей и доходных источников в интересах реализации макроэкономических целей, общенациональных приоритетов и внутрирегиональных целевых установок системного характера» [321].

Терминологический инструментарий, касающийся саморазвития регионов, активно развивается в трудах российских ученых, что позволяет углубить понимание этой сложной проблемы. Например, Е.Д. Игнатьева и О.С. Мариев предлагают более детализированное понимание признака «расширенное производство валового регионального продукта» (ВРП) [132]. Они подчеркивают, что для эффективного саморазвития региона необходимо, чтобы его показатели превышали средние значения по стране. Данные ученые также выделяют несколько ключевых аспектов, которые влияют на саморазвитие региона. К ним относятся экономическая, финансовая, демографическая, социальная и экологическая составляющие.

В работах таких авторов, как Е.А. Захарчук, А.Ф. Пасынков и А.А. Некрасов, саморазвитие рассматривается как «комплексная система, способная не только самостоятельно устанавливать цели своего развития, но и определять критерии для их достижения» [117]. Более того, эта система должна обеспечивать рост за счет собственных источников доходов. Важным аспектом их

исследования является выделение двух ключевых критериев, по которым регионы могут быть отнесены к саморазвивающимся территориям: во-первых, темп роста ВРП должен превышать средние показатели по стране (также, как и в видении Е.Д. Игнатьевой и О.С. Мариева); во-вторых, регион должен обладать достаточными собственными источниками доходов.

Полагаем, что подход к экономическим системам через их саморазвитие можно в полной степени применить и к системам продовольственным.

Однако, начиная со второго десятилетия постсоветского периода, наблюдается снижение интереса к исследованиям, касающимся саморазвития регионов. Изучение релевантной литературы данного этапа также показало, что научно обоснованные предупреждения авторитетных российских ученых о рисках, связанных с возможной утратой национальной безопасности, зачастую игнорировались.

Например, А.И. Татаркин в своих исследованиях подчеркивает, что «чрезмерная централизация власти и ресурсов на федеральном уровне, а также избыточная регламентация деятельности региональных и муниципальных органов управления», приводят к неэффективному использованию централизованных средств [322]. Это создает риски для устойчивого развития регионов и их способности к саморазвитию. По его мнению, для успешного саморазвития необходимо расширить полномочия местных властей и создать условия для системного развития институтов саморазвития на рыночных принципах. Эту позицию поддерживает академик А.Г. Аганбегян, который показывает неэффективность расточительного использования центром бюджетных средств (завышение средств на выплату заработной платы руководителям государственных компаний, естественных монополий, работникам представительных и исполнительных органов всех уровней власти и пр.). А.Г. Аганбегян предлагает «прекратить постоянное принудительное государственное повышение цен в угоду государственным монополиям и олигархам, перекладывая трудности государственной организации на население», акцентируя внимание на том, что все составляющие макроэкономической

политики (особенно ценовая, налоговая, кредитная политика, ссудный процент) преследуют преимущественно фискальные цели [6].

По мнению П.А. Минакира, «само по себе стремление к межрегиональной конвергенции вполне соответствует мейнстриму современной (и не только) региональной экономической политики» [203]. Однако, несмотря на этот позитивный аспект, необходимо учитывать, что неравенство, проявляющееся в различиях темпов роста, уровня доходов и качества жизни, остается ключевой характеристикой экономического пространства. Это неравенство обусловлено неравномерным распределением конкурентных преимуществ, которые могут быть как рентного характера, так обусловленными агломерационными и институциональными факторами. Неравномерность, о которой идет речь, «особенно ярко проявляется в больших и экономически разреженных пространствах, таких как российская экономика» [205, 433].

Общей тенденцией при этом является то, что в долгосрочной перспективе наблюдается тенденция к снижению «базового неравенства», как в экономическом, так и в социальном плане. Это происходит под воздействием как объективных трендов, таких как технологические изменения и глобализация, так и благодаря активной государственной политике, направленной на перераспределение ресурсов.

Перенос центра тяжести в области экономической политики на региональный уровень стал особенно актуальным после кризиса 2009 года. Этот кризис, который обнажил уязвимость российской экономики, зависимой от экспорта сырья и внешних инвестиций, создал условия для последующего изменения экономической стратегии. Кратковременный восстановительный рост, который последовал за кризисом, оказался иллюзорным, и вскоре экономика вновь скользнула в депрессию. Это стало отправной точкой для выделения пятого этапа хронологии процессов трансформации отраслевых приоритетов РЭПС, который охватывает период с 2014 года по настоящее время.

Важнейшими институциональными событиями данного этапа стали экономические санкции и контрсанкции, введенные в 2014, 2018, 2022 и 2024

годах. Эти меры, инициированные в ответ на геополитические события (возвращение Крыма в состав Российской Федерации, конфликт на востоке Украины), стали значительным фактором, изменившим экономическую политику России. Санкции привели к необходимости пересмотра стратегий, что в свою очередь способствовало активизации курса на «ускоренное импортозамещение», который был заявлен в 2014 году [292].

Импортозамещение изначально воспринималось как «способ снижения зависимости от иностранных технологий и товаров, однако на практике этот процесс оказался гораздо более сложным и медленным» [70]. Основные препятствия, с которыми столкнулась российская экономика, включали нехватку передовых технологий, недостаток капитала и квалифицированных кадров. Кроме того, «многие предприятия оказались не готовы к быстрой адаптации и модернизации, что замедлило процесс замещения импортных товаров отечественными аналогами» [342].

Создание Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в 2015 году также стало важным событием в рамках пятого этапа трансформации отраслевых приоритетов РЭПС. ЕАЭС задумывался как инструмент для диверсификации экономических связей и снижения зависимости от западных стран [61, 82]. Но, несмотря на позитивные намерения, результаты создания союза оказались неоднозначными [123].

В 2020 году была утверждена «новая» Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, которая также стала ответом на вызовы, возникающие в условиях санкций и глобальной нестабильности [96]. Эта доктрина подчеркивает необходимость повышения самодостаточности в производстве продовольствия и уменьшения зависимости от импорта. Однако реализация этой стратегии требует не только финансовых вложений, но и комплексного подхода к развитию аграрного сектора, включая поддержку фермерских хозяйств, внедрение новых технологий и улучшение инфраструктуры [341, 393]. Важным аспектом пятого этапа трансформации отраслевых приоритетов является также изменение вектора экономической политики в

сторону более активного взаимодействия с восточными странами, особенно Китаем. Это связано со стремлением России найти новые рынки сбыта и источники инвестиций в условиях западных санкций [257]. Углубление экономических связей с Китаем и другими странами Азии становится ключевым элементом стратегии диверсификации, что может привести к созданию новых производственных цепочек и увеличению объемов торговли. Таким образом, пятый этап трансформации отраслевых приоритетов РЭПС, начавшийся в 2014 году, стал результатом сложного взаимодействия геополитических факторов, экономических санкций и внутренних вызовов. Этот этап характеризуется не только необходимостью импортозамещения и создания новых экономических союзов, но и поиском новых путей развития, которые могут привести к более устойчивой и самодостаточной экономике.

По нашему мнению, важной особенностью современного этапа является формирование новой концепции развития современных продовольственных систем, непосредственно влияющей на трансформацию отраслевых приоритетов в условиях актуализации роли региональной экономической продовольственной системы.

Резюмируя, сделаем следующие выводы. В условиях современных угроз и вызовов (таких как изменение климата, экономические и финансовые кризисы, глобализация и пр.) структурная политика развития региональной экономической продовольственной системы становится незаменимым инструментом для социально-экономического прогресса на уровне отдельных территорий. Необходимо учитывать региональные особенности, такие как потенциал местного производства, научные разработки, доступные ресурсы и другие факторы. При этом интенсивность структурных преобразований в разных регионах может существенно различаться ввиду неоднородности исходных условий. Существуют предпосылки для формирования теоретической концепции развития региональных экономических продовольственных систем, которая должна включать в себя анализ взаимодействия регионов, а также учитывать структурные характеристики сегментов РЭПС, особенно в сельском хозяйстве как в отрасли, осуществляющих первичное производство продовольствия.

ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ АГРАРНОЙ СТРУКТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

2.1. Эволюция теоретико-методологических представлений и фундаментальных оснований структурной политики

Структурная политика занимает особое по своей значимости место в рамках современных экономических теорий, представляя собой важный элемент, который необходимо учитывать при анализе экономических процессов.

Методологические основы, на которых базируется современная структурная политика, включают теории структурных сдвигов и кризисов. Эти теории были разработаны различными учеными и представителями экономической мысли, среди которых можно выделить таких авторов, как Н.W. Herzog, R.J. Olsen [419], Л.С. Казинец [136], А.В. Чаянов [365], О.Ю. Красильников [164], J. Esteban [411], а также многих других.

Для глубокого понимания современных проблем, с которыми сталкиваются регионы России, необходимо рассматривать их в контексте исторических и социально-экономических факторов. В связи с этим, в рамках данного исследования целесообразно провести анализ генезиса ключевых понятий, таких как «пропорция», «структура экономики» и «структурный сдвиг». При этом «понимание логической последовательности введения этих структурных дефиниций имеет критическое значение, поскольку именно они стали основой для дальнейшего развития экономических теорий и структурных исследований, проводимых вышеупомянутыми учеными» [130, 131, 171].

Автором диссертационного исследования на основании изучения значительного числа теоретических источников выделены основные этапы, на которые можно разделить развитие экономического знания в части формирования основ структурной политики, начиная с XVII века и вплоть до нашего времени. Построенная нами этапизация демонстрирует, как со временем менялись взгляды

на структурные изменения в экономике, а также как эти изменения отражали более широкие социальные и экономические трансформации.

Первый этап научного осмысления структурных аспектов в экономической теории, связан с работами основателя физиократической школы Франсуа Кенэ (1694-1774 гг.), который в своих исследованиях «уже на раннем этапе пытался выделить ключевые пропорции и определить структурные элементы экономики» [29, 109]. Кенэ выделял необходимость соблюдения определенных пропорций в структуре экономической системы как важнейшую предпосылку ее развития. Этот французский ученый считал, что сельское хозяйство – это единственная отрасль, в которой возможно «создание богатства за счет избытка потребительных стоимостей», а равновесная структура экономики должна формироваться на принципах рыночного ценообразования, а не под воздействием государства [143]. Это положение стало основой для последующих экономистов, таких как Адам Смит (1723–1790), Давид Рикардо (1772–1823) и Альфред Маршалл (1842–1924). Все они внесли свой вклад в понимание структуры экономики, однако их исследования преимущественно рассматривали эту структуру в статичном состоянии.

Адам Смит, например, в своей работе «Богатство народов» акцентировал внимание на роли труда и специализации в производственном процессе. Он утверждал, что разделение труда приводит к повышению производительности, что, в свою очередь, влияет на структуру экономики. Смит также подчеркивал важность свободного рынка и конкуренции как факторов, способствующих экономическому развитию [297].

Давид Рикардо, в свою очередь, представляет «концепцию сравнительных преимуществ», которая осветила вопрос о возможном воздействии на экономическую структуру государств их производственной специализации (то есть ориентированности на производство определенных видов товаров и услуг). Этот экономист рассматривал «взаимодействие между различными секторами экономики и подчеркивал, что эффективное распределение ресурсов является первостепенным для устойчивого роста» [273].

Альфред Маршалл, развивая идеи своих предшественников, предложил концепцию рыночного равновесия, которая, по его мнению, напоминала движение маятника. Он утверждал, что рынок имеет тенденцию возвращаться к состоянию равновесия, несмотря на воздействие различных факторов. Это представление о динамике рынка и его способности к саморегуляции стало важным вкладом в экономическую теорию [192].

Поэтому мы считаем возможным отметить, что исследования таких выдающихся экономистов, как Кенэ, Смит, Рикардо и Маршалл, стали основой для более глубокого понимания структурных аспектов экономики. В работах этих ученых не только подчеркивалась значимость пропорций и равновесия в экономической системе, но и был заложен фундамент для дальнейших исследований в таких областях, как макроэкономика и микроэкономика. С течением времени, по мере развития экономической науки, внимание к структурным аспектам экономики стало углубляться и расширяться, что способствовало более детальному анализу различных экономических процессов.

Второй этап теоретических представлений о структурном развитии общественного продукта можно связать с научной деятельностью Карла Маркса, который жил с 1818 по 1883 годы. В отличие от своих предшественников, таких как Ф. Кенэ, А. Смит и Д. Рикардо, Маркс подходил к анализу структурных процессов не как к статичным явлениям, а как к динамичным, постоянно изменяющимся и развивающимся. Это новаторское видение дало ему возможность глубже понять механизмы, лежащие в основе экономического роста и социальной динамики.

В своих трудах Маркс выделял два основных типа воспроизводства, которые определяются в зависимости от вещественной формы выпускаемого продукта. Первая структура включает в себя производство средств производства, таких как машины, инструменты и другие ресурсы, которые необходимы для производства товаров и услуг. Вторая структура, напротив, сосредоточена на создании предметов потребления, то есть товаров, которые непосредственно удовлетворяют потребности людей. Сам процесс воспроизводства может быть

простым или расширенным. Простой процесс воспроизводства подразумевает сохранение общественного продукта в неизменном масштабе и качестве, что означает, что объем производимых товаров и услуг остается на одном уровне. В то время как расширенный процесс воспроизводства характеризуется непрерывным увеличением количества производимых благ и повышения их качества, что, в свою очередь, приводит к экономическому росту и улучшению жизненного уровня [191]. Важно отметить, что К. Маркс не просто анализировал экономические структуры, но и предлагал теоретические основы для понимания их динамики и взаимосвязей. Его идеи о воспроизводстве и структурных изменениях в экономике стали основой для дальнейших исследований в области политической экономии и социологии.

Третий этап во многом связан с работами выдающегося ученого Дж. Б. Кларка, основателя школы маржинализма, который жил с 1847 по 1938 годы. Этот экономист стал известен благодаря своим глубоким исследованиям различных факторов, оказывающих влияние на динамику экономических процессов. В частности, он сосредоточил свое внимание на причинах, которые могут приводить к нарушениям равновесия в экономической системе. Кларк использовал метод анализа отраслевых диспропорций, который заключался в выявлении «комплементарности между основными макроэкономическими параметрами» [147].

Согласно исследованиям Кларка, изменения в структуре экономики могут происходить под воздействием множества факторов, которые дестабилизируют экономическую систему. Одним из таких факторов является увеличение численности населения, что, в свою очередь, ведет к росту потребительского спроса на товары и услуги.

Одним из ключевых понятий, введенных этим ученым, является термин «акселератор», посредством которого описывается механизм, при котором увеличение спроса на конечные товары вызывает многократный рост спроса на капитальные блага. Таким образом, эффект акселератора усиливает циклические колебания в экономике, создавая своего рода «эффект домино». Кларк также стал

первым экономистом, который определил концепцию «встроенных стабилизаторов», то есть таких элементов экономической системы, которые способствуют смягчению колебаний в экономике (например, система налогов и государственных расходов, которая может автоматически реагировать на изменения в экономической активности).

Ярким российским представителем этого этапа является теоретик организационно-производственного направления в российской экономической мысли Александр Васильевич Чаянов, который исследуя производственную деятельность крестьянских хозяйств, аргументированно показал, что внутри каждого хозяйства существует внутренняя пропорциональность, гармоничное соотношение между его составляющими – земля, труд, капитал, и это соотношение определяет его эффективность. Чаяновская модель представляет собой сложную систему взаимосвязей, где нарушение даже одной из составляющих этой внутренней гармонии неизбежно приводит к негативным последствиям [365].

Дальнейшее развитие экономической теории, обозначенный нами как четвертый этап «структурной» эволюции, отметило появление циклической составляющей в структурном развитии. Эта идея нашла свое отражение в трудах ярких представителей неоклассического направления – Йозефа Шумпетера (1883–1950 гг.), Джона Мейнарда Кейнса (1883–1946 гг.), Пола Самуэльсона (1915–2009 гг.) и Джея Форрестера (1918–2016 гг.).

Каждый из этих экономистов внес определенный вклад в понимание динамики экономических процессов и цикличности их развития. Шумпетер в теории «творческого разрушения» показывал, как инновации вызывают циклические колебания в экономике, заменяя устаревшие структуры новыми. Кейнс подчеркивал роль государственного регулирования в сглаживании экономических циклов и предотвращении кризисов. Самуэльсон, один из создателей современного неоклассического синтеза, глубоко проработал вопросы макроэкономического равновесия и циклических колебаний. Форрестер привнес в экономическую теорию системный подход, используя методы моделирования для

изучения сложных экономических процессов и предсказания их будущего развития. Объединяя работы этих ученых, мы получаем более полное понимание не только статической, но и динамической стороны экономического развития, включая циклические колебания и их влияние на структуру экономики.

Основная предпосылка неоклассиков заключается в концепции совершенной рыночной системы, которая оптимально распределяет все доступные производственные ресурсы. Это означает, что в идеальных условиях рынок сам способен находить равновесие, где предложение соответствует спросу, а ресурсы используются наиболее эффективным образом. Однако на практике, как показали исследования, рынки часто сталкиваются с различными искажениями, что делает необходимым вмешательство государства для стабилизации экономики.

Важным вкладом в теорию экономического роста является работа Роберта Солоу. В 1956 году он предложил модель, основанную на стандартной неоклассической производственной функции, которая учитывает убывающую доходность капитала. Солоу выделил два ключевых фактора, которые играют решающую роль в определении устойчивого уровня дохода на душу населения: уровень сбережений и темпы роста населения [214]. Он продемонстрировал, что более высокая норма сбережений ведет к увеличению капитальных накоплений. Это, в свою очередь, способствует экономическому росту, так как большее количество инвестиций в капитал позволяет производить больше товаров и услуг. Кроме того, Солоу отметил, что различные страны могут достигать различных устойчивых состояний в зависимости от их норм сбережений и темпов роста населения.

Таким образом, четвертый этап структурной эволюции экономики представляет собой важный шаг в понимании динамики экономических процессов, а также в разработке теоретических основ для государственного регулирования экономики. Исследования неоклассиков и кейнсианцев помогают создать более полное представление о том, как различные экономические

структуры взаимодействуют друг с другом и как они влияют на общее состояние экономики.

Пятый этап связан с исследованиями Л.В. Канторовича (1912–1986 гг.) и В.В. Леонтьева (1905–1999 гг.), обусловленными развитием экономико-математических методов и линейного программирования. Эти исследования, проведенные в середине XX века, стали «основой для применения математических моделей в различных областях экономики, включая изучение структурных сдвигов, которые играют ключевую роль в понимании динамики экономических процессов» [31].

Канторович и Леонтьев разработали ряд универсальных моделей, направленных на «оптимальное распределение ресурсов» [139] и формирование «межотраслевого баланса» [181], применяемых в том числе для анализа и устранения структурных деформаций.

При этом в условиях нашей страны пятый этап «пришёлся» на «советский» период, когда экономика имела плановый характер.

В условиях плановой, а не рыночной экономики, многие российские ученые-экономисты, такие как Л. Абалкин, А. Анчишкин, Ф. Клоцвог, В. Немчинов, Б. Плышевский и другие, занимались изучением структурных сдвигов [34]. Они выдвигали идеи о том, что планомерное формирование пропорций общественного воспроизводства должно обеспечивать устойчивость структуры экономики и защищать её от циклических колебаний.

Тем не менее, на практике реализация этих идей оказалась гораздо более сложной задачей. Несмотря на наличие достаточно детализированных планов и прогнозов, советская экономика сталкивалась с серьезными структурными дисбалансами и диспропорциями. Эти проблемы не только сохранялись, но и усугублялись в результате так называемых «шоковых» реформ, проведенных в конце XX века. Эти реформы (как нами было отмечено в п. 1.3), направленные на переход к рыночной экономике, привели к резким изменениям в структуре производства и потребления, что вызвало дополнительные трудности. Кроме того, переход к рыночным механизмам потребовал от экономики гибкости и

способности адаптироваться к новым условиям, что не всегда удавалось сделать эффективно.

Таким образом, исследования Л.В. Канторовича и В.В. Леонтьева, а также работы других ученых, подчеркивают важность комплексного подхода к анализу экономических процессов и структурных изменений в них. Они демонстрируют, что даже в условиях жесткого планирования необходимо учитывать динамику и изменчивость экономических систем, что в свою очередь требует постоянного обновления методов анализа и прогнозирования.

Шестой этап в эволюции теоретических представлений структурной политики (1991–2020 гг.), во многом обусловленный трансформациями экономической среды под влиянием глобализации, изменением потребительских предпочтений и пр., характеризуется «значительным расширением проблемного поля исследований в области структурных изменений». Понимание необходимости структурного регулирования «приводит к развитию вероятностных форм анализа, которые позволяют более точно моделировать и структурные сдвиги в экономике и прогнозировать характер их развития».

Так, в своих исследованиях D.C. Knudsen подчеркивает, что «вероятностный анализ структурного развития социально-экономических систем предлагает значительные преимущества по сравнению с традиционными методами, которые часто основываются на детерминированных подходах» [171]. Этот автор утверждает, что «использование вероятностных моделей позволяет не только количественно проверять гипотезы об изменениях в занятости или добавленной стоимости, но и учитывать региональные и секторальные особенности, что делает анализ более гибким и адаптивным к реальным условиям» [427].

J.A. Van der Linden и E. Dietzenbacher акцентируют внимание на межотраслевых и межрегиональных связях, которые оказывают значительное влияние на структуру производства. Ученые показывают, что изменения во входных коэффициентах, то есть в том, как «различные сектора экономики взаимодействуют друг с другом, становятся ключевым фактором, определяющим

структурные сдвиги» [457]. F. Kahrl и D. Roland-Horst в исследовании, сосредоточенном на экономике Китая, рассматривают важные аспекты взаимосвязи между экономическим ростом, изменениями в структуре экономики и потреблением энергии. В ходе анализа они подчеркивают, что «для достижения успешного экономического развития необходимо учитывать не только количественные показатели, такие как валовой внутренний продукт и темпы роста экономики, но и качественные аспекты, среди которых особое внимание уделяется энергоэффективности» [426].

На шестом этапе, который совпал с распадом Советского Союза, происходили значительные изменения в экономической системе страны, что привело к разрушению советской модели планирования. В это время в России имело место «ускоренное встраивание ранее плановой экономики в рыночные условия, что, в свою очередь, привело к отрицательным последствиям» [374], а развитие структурных преобразований происходило по чрезвычайно негативному для государства сценарию. В результате были практически разрушены сложившиеся в советский период территориальные, межотраслевые и хозяйственные связи; в разы усилились структурные дисбалансы в национальной экономической системе и ее территориально-отраслевой структуре, а «экономика не могла в полной мере удовлетворить потребности общества, что стало одной из причин для развития отрицательных структурных сдвигов в экономике» [160].

Седьмой этап (с 2021 г. по настоящее время) характеризуется изменением целевых установок исследований в сфере структурной политики со смещением фокуса научных изысканий в направлении проблематики изучения результативных (эффективных) преобразований (сдвигов) в территориально-отраслевых системах и экономике в целом.

Построенная нами этапизация развития теоретико-методологического осмысления структурной составляющей экономики отражает эволюцию научного интереса к данной проблематике в глобальном масштабе и позволяет проследить, как расширялось проблемное поле исследований, и как с течением времени

возрастала интенсивность изучения структурных аспектов функционирования экономик.

На наш взгляд, наиболее важные с практической точки зрения результаты были получены на пятом и шестом этапах. Именно в эти периоды разработаны модели и инструменты, позволяющие анализировать структурные изменения, прогнозировать их последствия и разрабатывать эффективные стратегии экономического развития. Однако современный седьмой этап отличается еще большей практической значимостью. В центре внимания находятся не только сами структурные изменения, но и структурная политика как инструмент управления этими изменениями. Исследования этого этапа ориентированы на анализ механизмов и условий формирования и реализации структурной политики, на разработку рекомендаций по выбору приоритетных направлений и оценку возможных последствий различных сценариев развития.

В целом, эволюция исследований структурной составляющей экономики демонстрирует постоянное стремление к более глубокому пониманию сложных процессов, происходящих в современной экономике, и использованию этого понимания для решения практических задач.

Но, при несомненном интересе на протяжении длительного периода различных научных школ к структурной политике и ее составляющим до сих пор отсутствует единый терминологический подход к базовым структурным терминам.

Так, О.С. Сухарев под структурной политикой понимает «правительственные долгосрочно ориентированные мероприятия, направленные на формирование и (или) возникновение эффективных межсекторных и внутрисекторных пропорций национальной экономической системы» [309].

Ученые НИУ ВШЭ (Ю.В. Симачев, А.А. Акиндинова, Ю.В. Яковлев) дают дефиницию рассматриваемого понятия в следующей редакции: «Структурная политика – действия государства, направленные на улучшение бизнес-среды и (или) структуры экономической активности в секторах и (или) технологических областях,

которые обеспечат лучшие перспективы для экономического роста и создания общественных благ по сравнению с отсутствием вмешательства государства» [293].

В.С. Антонюк определяет структурную политику как «подсистему социально-экономической политики государства, призванную выполнять функции соуправления развитием отраслей экономики совместно с частным бизнесом, распределения финансовых ресурсов между секторами, контроля за использованием предоставленных денежных средств в актуальных для определенного исторического этапа целях путем использования административных, нормативных и финансовых инструментов регулирования» [23].

Кроме того, в современном экономическом дискурсе существует множество различных интерпретаций термина «структурная политика». Это разнообразие трактовок связано с различными подходами к пониманию и применению данного понятия в разных контекстах. Одной из причин, способствующих возникновению путаницы, является неоднозначный перевод термина с английского языка. Например, в начале 1990-х годов в Россию пришло понятие «промышленная политика», которое является переводом английского термина «industrial policy» [240, 318, 319]. Однако в международной практике более подходящим и точным будет использование термина «структурная политика», поскольку он охватывает более широкий спектр мер, направленных на поддержку и развитие различных секторов экономики [359].

В российской экономической науке наблюдаются активные попытки адаптировать и переосмыслить концепцию структурной политики с учётом современных экономических реалий и вызовов. В частности, акцент делается на необходимости создания институциональных условий, которые будут способствовать устойчивому росту национальной экономики [91, 172]. Это подразумевает не только поддержку конкретных отраслей, но и развитие всей экономической системы в целом, что включает в себя улучшение делового климата, создание эффективных правовых рамок и поддержку инновационных инициатив. Важным аспектом также является интерпретация структурной

политики через призму теории трансакционных издержек. Эта теория позволяет глубже понять, как различные экономические агенты взаимодействуют друг с другом, какие издержки возникают в процессе этих взаимодействий и как можно оптимизировать соответствующие процессы для достижения более эффективных результатов. В таком контексте структурная политика может рассматриваться как набор мер, направленных на снижение трансакционных издержек, что, в свою очередь, способствует более эффективному распределению ресурсов и повышению конкурентоспособности экономики.

Структурная политика, являясь многоаспектным понятием, допускает рассмотрение как в широком, так и в узком смыслах. В широком понимании структурная политика охватывает все аспекты государственного воздействия на экономику, включая пропорции между различными секторами и отраслями. Это означает, что государство активно участвует в формировании структуры экономики, регулируя соотношения между производственными и непроизводственными секторами, а также между различными отраслями, в том числе и в рамках региональных экономических продовольственных систем.

В узком смысле структурная политика ограничивается воздействием на межотраслевые и внутриотраслевые пропорции. В этом контексте «региональная политика и экономическая политика рассматриваются как отдельные, но взаимосвязанные области» [124]. Региональная политика направлена на сбалансированное развитие различных территорий, а экономическая политика охватывает более широкий спектр вопросов, связанных с общими экономическими процессами. Таким образом, узкая трактовка структурной политики фокусируется на конкретных аспектах, таких как поддержка определённых отраслей, что может быть особенно актуально в условиях экономических кризисов или структурных изменений в стране. Зарубежные исследователи в области экономики активно используют такие концепции, как «активная модель структурных изменений» [402] и «адаптационная модель структурных изменений» [439]. Эти модели представляют собой различные подходы к пониманию и реализации структурной политики в разных странах.

Активная модель, как правило, подразумевает активное вмешательство государства в экономику с использованием прямых инструментов, направленных на осуществление изменений, которые способствуют прогрессивному развитию экономических систем. Такой подход наиболее характерен для экономики таких стран, как Италия и Франция, где государственные органы принимают на себя активную роль в управлении и регулировании структурных изменений.

С другой стороны, в таких странах, как Германия и Великобритания, наблюдается преобладание косвенных методов воздействия на экономическую структуру. Это может быть связано с историческим развитием данных стран и их экономической системой, которая в значительной степени ориентирована на рыночные механизмы и менее зависит от прямого вмешательства государства.

В развивающихся странах роль государства в регулировании экономики зачастую оказывается значительно более весомой. Это связано с тем, что такие страны, как правило, сталкиваются с серьезными структурными проблемами, которые могут быть вызваны, например, технологическим отставанием от более развитых стран или неэффективностью рыночных механизмов. В таких условиях структурная политика становится частью общей стратегии функционирования различных отраслей экономики, направленной на преодоление этих проблем и создание условий для устойчивого экономического роста.

В странах с развитой экономикой структурная политика, как правило, направлена на «выравнивание» существующих структурных дефектов, выступая в роли корректирующего механизма: государство пытается устранить диспропорции и недостатки в экономической структуре, что, в свою очередь, способствует более гармоничному развитию всех секторов экономики.

В рамках исследований структурной политики также выделяют два основных типа государственного вмешательства: функциональное и селективное. Функциональное вмешательство подразумевает действия государства, которые не направлены на поддержку каких-либо конкретных видов деятельности, а имеют более широкий, универсальный характер. В то время как селективное вмешательство, напротив, четко «ориентировано на поддержку определенных

отраслей, направлений или продуктов, что позволяет более эффективно решать специфические проблемы, возникающие в этих сегментах экономики» [434].

Однако на практике бывает довольно сложно четко разделить эти два типа вмешательства. Дело в том, что одна и та же структурная политика может проявляться как в функциональной, так и в селективной форме, в зависимости от ее целей, задач и контекста. В конечном итоге, успешная реализация структурной политики требует комплексного подхода, учитывающего как специфические особенности каждой страны, так и общие тенденции, наблюдаемые в глобальной экономике.

Обобщение теоретического материала по проблематике структурной политики, а также опыт собственных исследований, дает возможность выделить базовые теоретические понятия структурной политики, в рамках которых осуществляется ее управляющее воздействие и определить направления взаимосвязи и соподчиненности данных понятий (Рисунок 4).

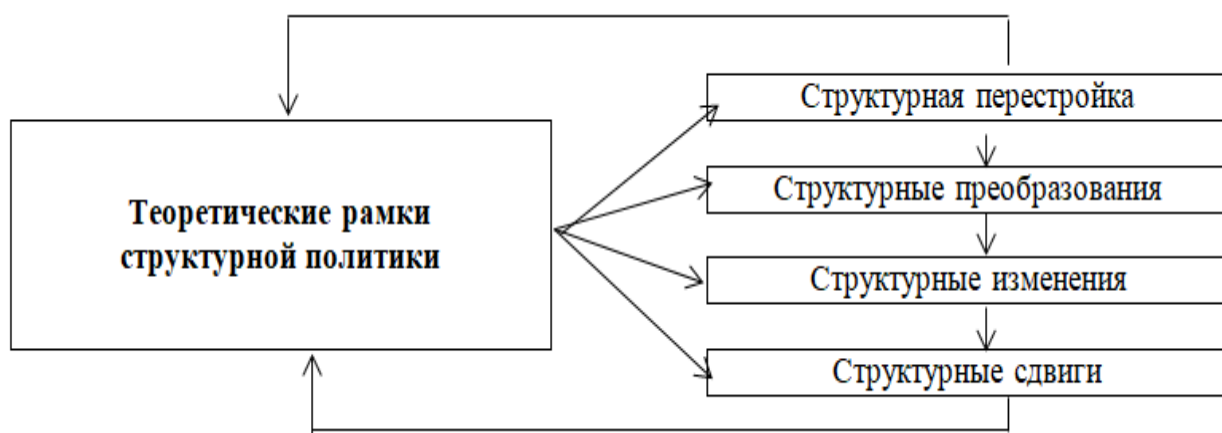

Рисунок 4 – Базовые понятия структурной политики.

Источник: составлено автором.

Центральным понятием современной структурной политики является структурная перестройка. Это понятие «охватывает глубокие и значительные преобразования в производительных силах, которые вызваны необходимостью технологического обновления, адаптированного к волатильным внутренним и внешним условиям» [171].

Большинство отечественных ученых единодушны в том, что структурная перестройка – это не просто поверхностные изменения в производственных процессах, а целый комплекс мероприятий, которые направлены на модернизацию экономики страны в целом [25, 77, 193]. Автор данного исследования полностью согласен с такой трактовкой термина «структурная перестройка», поддерживая необходимость ее осуществления как базиса для модернизации национального хозяйства, включая в себя и такие сферы, как развитие ресурсосберегающих и экологически чистых технологий.

Структурная перестройка, в свою очередь, инициирует целый ряд структурных преобразований. Эти преобразования направлены, с одной стороны, на сокращение неэффективных производств, которые не способны конкурировать на рынке, а с другой стороны – на увеличение доли конкурентоспособных производств и видов деятельности в экономике.

Продуктом структурных преобразований, по нашему мнению, являются «структурные изменения, которые в конечном итоге приводят к более эффективному использованию ресурсов, улучшению качества производимой продукции и повышению конкурентоспособности на рынке» [171].

В экономической литературе нередко отождествляются понятия «структурные сдвиги» и «структурные изменения» [407, 447]. С нашей точки зрения, структурные изменения – понятие более широкое по сравнению с понятием структурного сдвига, хотя последний также оперирует долевыми категориями. То есть в авторском понимании структурные сдвиги – это «локализованные структурные изменения, для которых возможно определить граничные точки, при переходе через которые структурный сдвиг «перерастает» в структурное изменение» [171]. То есть, по нашему мнению, структурные сдвиги следует рассматривать как определенные точки перехода, при которых экономическая система начинает изменяться в более широком смысле. Важно отметить, что эти точки не являются статичными; они могут варьироваться в зависимости от внешних и внутренних факторов.

О.Ю. Красильников определяет структурный сдвиг как качественное изменение взаимосвязей между сравнимыми элементами экономической системы, обусловленное различной динамикой их количественных соотношений [161]. Эти сравнимые элементы могут находиться на разных уровнях анализа: от отдельных домохозяйств и фирм до отраслей экономики, национальных экономик и даже мировой экономики в целом. Также этот ученый подчеркивает, что содержание структурного сдвига определяется сложным взаимодействием интересов различных субъектов хозяйственной деятельности – потребителей, производителей, государства. Результатом такого взаимодействия становится обновление ключевых качественных характеристик экономической системы, что может выражаться в изменении структуры производства, в появлении новых отраслей и исчезновении устаревших, в перераспределении ресурсов и т.д.

О.С. Сухарев акцентирует внимание на функционально-количественных аспектах структурного сдвига. Он рассматривает его как движение пропорций, объединенных в систему, обусловленное влиянием технологических изменений и воспроизводственных механизмов [306, 307]. Этот «распределительный процесс» определяется взаимодействием потребностей общества, наличием ресурсов и уровнем производительности.

С.К. Демченко идентифицирует структурный сдвиг как многофакторный механизм макроэкономической динамики, влияющий на важнейшие параметры общественного воспроизводства. Этим автором подчеркивается «значимость структурного сдвига для темпов и качества экономического роста, а также для социальной стабильности, выделяя роль институциональных факторов, которые способны либо стимулировать, либо тормозить структурные изменения [90]. Следовательно, структурные изменения и сдвиги в экономике являются важнейшими факторами, определяющими направление экономического развития.

Таким образом, современную структурную политику можно идентифицировать как механизм, который позволяет использовать структурные факторы для осуществления экономических преобразований в государстве, что особенно актуально, когда сформировавшиеся диспропорции в структуре экономики

начинают замедлять реальное экономическое развитие страны, отклоняя его от потенциально возможного уровня. Вследствие чего перед субъектами государственного управления неизбежно возникают проблемы обоснования конкретных предпочтений (или приоритетов) структурной политики; определения ее вида (активная, пассивная); формирование уровня селективности и регулирующих механизмов; и, в конечном счете, – обеспечения результативности проводимой структурной политики.

При этом, несмотря на достаточно глубокий уровень проработанности в отечественной и зарубежной научной литературе проблематики формирования и реализации структурной политики, к настоящему времени структурная политика развития региональной экономической продовольственной системы в качестве самостоятельного объекта исследования не выделяется. Но, по нашему мнению, на современном этапе развития теоретических представлений и фундаментальных оснований региональной структурной политики (согласно разработанной автором этапизации) необходимо изучать целостно и системно процесс взаимоосуществления, взаимовлияния и взаимодействия структурной политики и продовольственной обеспеченности, вводя понятие потенциала региональной экономической продовольственной системы. В связи с чем появляется необходимость выделения в качестве важнейшего направления региональной экономической политики аграрной структурной политики развития региональной экономической продовольственной системы и ее потенциала.

2.2. Потенциал региональной экономической продовольственной системы в теории формирования аграрной структурной политики

В предыдущих подразделах данного диссертационного исследования автором на основании теоретического анализа была аргументирована необходимость введения в научный оборот следующих экономических категорий: региональная экономическая продовольственная система и потенциал региональной экономической продовольственной системы. При этом потенциал

РЭПС нами был представлен как один из элементов объектной среды РЭПС, наряду с продовольственной системой, продовольственной безопасностью и продовольственной обеспеченностью.

Исследование репрезентативного объема научного материала при изучении подходов к содержанию категории «региональная экономическая система», а также выделение особенностей РЭПС, позволяет автору обозначить основные теоретические подходы, в рамках которых возможно рассмотрение потенциала РЭПС как экономической категории: неоклассический, пространственный и институциональный подходы. В соответствии с этими подходами формируется взгляд на оптимальные механизмы развития и роль государства (региона) в процессе формирования уровня продовольственной обеспеченности и (или) продовольственной безопасности территории.

Неоклассический подход, основанный на принципах свободной конкуренции и рационального выбора экономических агентов, утверждает, что потенциал региональной экономической продовольственной системы достигает максимума при минимальном государственном регулировании [43]. В идеале, рынок самостоятельно определяет цены, объемы производства и распределения продовольствия, эффективно размещая ресурсы. Однако при этом подходе игнорируются важные факторы, такие как внешние эффекты (загрязнение окружающей среды аграрным производством), несовершенство рынков (информация асимметрична, присутствуют монополии и олигополии) и наличие общественных благ (охрана биоразнообразия и пр.), которые не могут быть эффективно предоставлены рынком. В контексте РЭПС, неоклассический подход может быть применим частично, особенно в условиях развитых рынков с развитой инфраструктурой.

Пространственный подход (основан на теории пространственной экономики), в отличие от неоклассического подхода, учитывает при формировании и развитии потенциала РЭПС географические особенности региона, такие как климатические условия, наличие природных ресурсов, рельеф местности и плотность населения. Здесь акцентируется внимание на роли

транспортной инфраструктуры, которая существенно влияет на стоимость логистики и доступность продовольствия для потребителей. Концентрация производства в определённых районах, формируя агломерационные эффекты (снижение издержек производства за счёт концентрации ресурсов и рабочей силы), также является ключевым фактором, определяющим потенциал развития региональной продовольственной системы [18, 290]. Необходимо учитывать и наличие кластеров – пространственно-сконцентрированных групп взаимосвязанных компаний, работающих в одной или смежных отраслях (кластер молочной продукции, включающий фермы, перерабатывающие предприятия, логистические компании и пр.).

Институциональный подход рассматривает потенциал РЭПС через призму институциональной среды, так как «эффективные институты, обеспечивающие защиту прав собственности, прозрачность конкурентной среды, способствуют привлечению инвестиций в продовольственный сектор, повышению производительности труда и росту инноваций» [37, 314]. При этом в рамках институциональной экономики особое внимание уделяется роли государства в создании благоприятной институциональной среды, включая разработку и реализацию эффективной структурной политики в сфере развития региональных экономических продовольственных систем.

Поэтому далее исследование особенностей формирования и развития потенциала РЭПС, а также разработки эффективной региональной аграрной структурной политики будет осуществляться нами с позиций комплексного подхода, учитывающего взаимодействие всех трех вышеназванных подходов, так как нельзя рассматривать функционирование и развитие региональной экономической продовольственной системы лишь с позиций рыночной эффективности, игнорируя географические особенности территории и роли институтов.

Ввиду, с одной стороны, недостаточной разработанности в экономической литературе вопросов, связанных с продовольственной обеспеченностью в рамках РЭПС (в отличие от продовольственной безопасности), а, с другой стороны тем,

что продовольственная обеспеченность на уровне региона содержательно включает в себя продовольственную безопасность (показано нами в п. 1.2), рассмотрим экономическую категорию «продовольственная безопасность», осуществляя построение категории «потенциал продовольственной безопасности», которую, затем, расширив, спроецируем на продовольственную обеспеченность, и, в целом на региональную экономическую продовольственную систему.

Когда мы говорим о продовольственной безопасности, важно учитывать, что это понятие имеет глубокие корни и обширное значение, которое продолжает развиваться в рамках международной политики и экономики. В качестве методологической основы для обсуждения продовольственной безопасности служат определения, закрепленные в официальных документах, таких как «Римская декларация по всемирной продовольственной безопасности», принятая в 1996 году [274]. В этом документе подчеркивается, что любое государство несет ответственность за обеспечение права каждого своего гражданина на доступ к безопасным и питательным продуктам. Это право связано не только с физическим доступом к пище, но и с ее качеством, что включает в себя необходимость борьбы с голодом и недоеданием. Римская декларация также акцентирует внимание на необходимости минимизации бедности, что является важным аспектом продовольственной безопасности. С тех пор, как термин «продовольственная безопасность» стал широко использоваться в документах ООН и в экономических исследованиях, его значение расширилось. Теперь продовольственная безопасность рассматривается не только как доступ к пище, но и как «способность стран производить достаточное количество продовольствия, а также как устойчивость к экономическим и природным кризисам» [97].

В Декларации, принятой на Всемирном саммите по продовольственной безопасности (Рим, 16–18 ноября 2009 года) внесено уточнение в понятие продовольственной безопасности, подчеркивающее «необходимость принятия мер по физической, социальной и экономической доступности, а также

необходимости особого внимания по обеспечению доступности качественных продуктов питания для женщин и детей» [87].

В различных российских и зарубежных источниках можно встретить множество трактовок и подходов к понятию продовольственной безопасности. Например, такие исследователи, А.И. Алтухов [17], В.И. Назаренко [216], И.Г. Ушачев [340] предлагают свои интерпретации и определения, которые вносят разнообразие в понимание этого сложного явления.

Кроме того, продовольственной безопасности посвящены многочисленные монографии и диссертационные исследования. Так Т.В. Ускова [337], А.М. Грешонков [76], Т.М. Ворожейкина [57], А.А. Лысоченко [184], И.Ю. Федорова [356] и др. исследуют различные аспекты продовольственной безопасности, включая её экономические, социальные и экологические составляющие. Эти исследования подчеркивают важность многоаспектного подхода к решению проблем, связанных с продовольственной безопасностью, и необходимость разработки эффективных стратегий на уровне как отдельной страны, так и международного сообщества.

В «Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации» (далее – Доктрина) представлено следующее определение: «Продовольственная безопасность Российской Федерации – состояние социально-экономического развития страны, при котором обеспечивается продовольственная независимость Российской Федерации, гарантируется физическая и экономическая доступность для каждого гражданина страны пищевой продукции, соответствующей обязательным требованиям, в объёмах не меньше рациональных норм потребления пищевой продукции, необходимой для активного и здорового образа жизни» [332]. Это определение заостряет внимание на важности не только доступности продуктов питания, но и их качества, а также на необходимости соблюдения норм потребления, которые способствуют поддержанию здоровья населения [20]. В рамках Доктрины также вводится термин «продовольственная независимость», который подразумевает самообеспечение страны основными видами сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия [58].

Признавая высокую теоретическую и прикладную значимость созданного к настоящему времени понятийного аппарата важнейшей социально-экономической категории «продовольственная безопасность», в настоящем исследовании под продовольственной безопасностью понимается «ситуация, при которой все люди в любой момент времени имеют физический и экономический доступ к достаточной в количественном отношении безопасной пище, необходимой для ведения активной и здоровой жизни» [171]. При этом продовольственная безопасность должна рассматриваться на всех стадиях воспроизводственного процесса: от производства продовольствия до его обмена, распределения и потребления [234].

В современных условиях особое внимание следует уделить разработке теоретических и методологических положений, которые будут способствовать эффективному формированию структурной политики в области продовольственной безопасности и продовольственной обеспеченности.

В частности, можно выделить ключевые аспекты, которые требуют глубокого анализа и проработки:

1. Методология организационно-методического обеспечения процессов формирования результативной структурной политики развития региональной экономической продовольственной системы, в том числе в части обеспечения продовольственной безопасности и продовольственной обеспеченности на национальном и региональном уровнях.

2. Обоснование с методологической точки зрения использования в управленческой практике новой экономической категории «потенциал региональной экономической продовольственной системы», которая, по нашему мнению, позволяет дифференцировать отдельные государства и их внутригосударственные территориальные образования (в том числе продовольственные региональные экономические системы) по уровням имеющихся ресурсных внутренних возможностей для достижения необходимой величины и качества продовольственной безопасности и продовольственной обеспеченности.

Основополагающим элементом продовольственной безопасности выступает её потенциал, и как расширение данного понятия применительно к региональному уровню, – потенциал продовольственной обеспеченности. При этом оба данных потенциала (продовольственной безопасности и продовольственной обеспеченности) на мезоуровне выступают в рамках региональной экономической продовольственной системы. Поэтому считаем необходимым введение новой обобщенной экономической категории – «потенциал региональной экономической продовольственной системы» (или «потенциал РЭПС»).

Данное понятие, как и связанные с ним понятия «потенциал продовольственной безопасности» и «потенциал продовольственной обеспеченности», практически не разработаны в научной литературе. Хотя в условиях обострения внешнеэкономической конъюнктуры и введения санкций, дискуссии о поддержке отечественного производителя продуктов питания становятся все более актуальными. Как отмечают исследователи, такие как М.Н. Кабаненко, С.Н. Угрюмова [135], Е.А. Погребцова [243], Л.Р. Ахметжанова [30], важность теоретико-методологического обеспечения формирования потенциала продовольственной безопасности возрастает. Это связано с необходимостью создания устойчивых продовольственных систем, способных адаптироваться к изменяющимся условиям. По нашему мнению, потенциал продовольственной безопасности (на мезоуровне – потенциал продовольственной обеспеченности) как экономическая категория представляет совокупность экономических, технических, инфраструктурных, логистических, кадровых, природно-климатических составляющих, обеспечивающих формирование определенного уровня продовольственной безопасности (продовольственной обеспеченности) территории.

Таким образом, потенциал РЭПС, как обобщенная категория, включает в себя комплексный подход к решению вопросов продовольственной безопасности и продовольственной обеспеченности. Он требует интеграции усилий на уровне государства, бизнеса и общества, а также учета всех вышеупомянутых факторов.

Важно, чтобы регионы могли не только производить достаточное количество продуктов, но и обеспечивать их доступность для всех слоев населения, что, в свою очередь, будет способствовать снижению социальной напряженности и улучшению качества жизни.

Поэтому предлагаем ввести в авторской редакции экономическую категорию «потенциал региональной экономической продовольственной системы», под которым будем понимать интегративную величину ресурсного, производственного, научно-технического и инфраструктурного потенциалов, создаваемых при участии государства и частного бизнеса.

Состав формируемых элементов потенциала РЭПС, представленных в данной авторской дефиниции, обусловлен совокупностью сегментов региональной экономической продовольственной системы, включенной нами ранее в её модель (п. 1.2), и корректно отражает основные теоретические подходы, в рамках которых осуществляется рассмотрение потенциала РЭПС как экономической категории (Рисунок 5).

С учетом вышесказанного основными элементами, формирующими потенциал региональной экономической продовольственной системы, являются ресурсный, производственный, инфраструктурный потенциалы, потенциал финансовой системы и государственного управления. Эти элементы оказывают значительное влияние на два базовых сегмента данной модели: производственный базис и перерабатывающую промышленность, а также на результативность структурной политики региона.

Ресурсный потенциал в отечественных научных исследованиях рассматривается как в контексте обеспечения продовольственной безопасности (А.П. Потапов [251], П.П. Холодов [361], Н.А. Алексеева и З.А. Миронова [10] , А.А. Зайцев, Н.Д. Дмитриев и Д.Г. Родионов [112] и др.), так и продовольственного обеспечения населения (А.В. Яковлев [389], А.А. Колесняк и И.А. Колесняк [153], В.В. Ермолаев [101], Н.Р. Кельчевская, И.С. Пельмская, Е.В. Андреева [142]). Понимание ресурсного потенциала применительно к региональной экономической продовольственной системе, по сути, не отличается от общепринятого, и подразумевает разнообразные природные ресурсы, такие как земельные, водные,

климатические условия и биологические ресурсы. Оценка ресурсного потенциала в рамках РЭПС должна учитывать не только количественные характеристики, но и качественные аспекты.

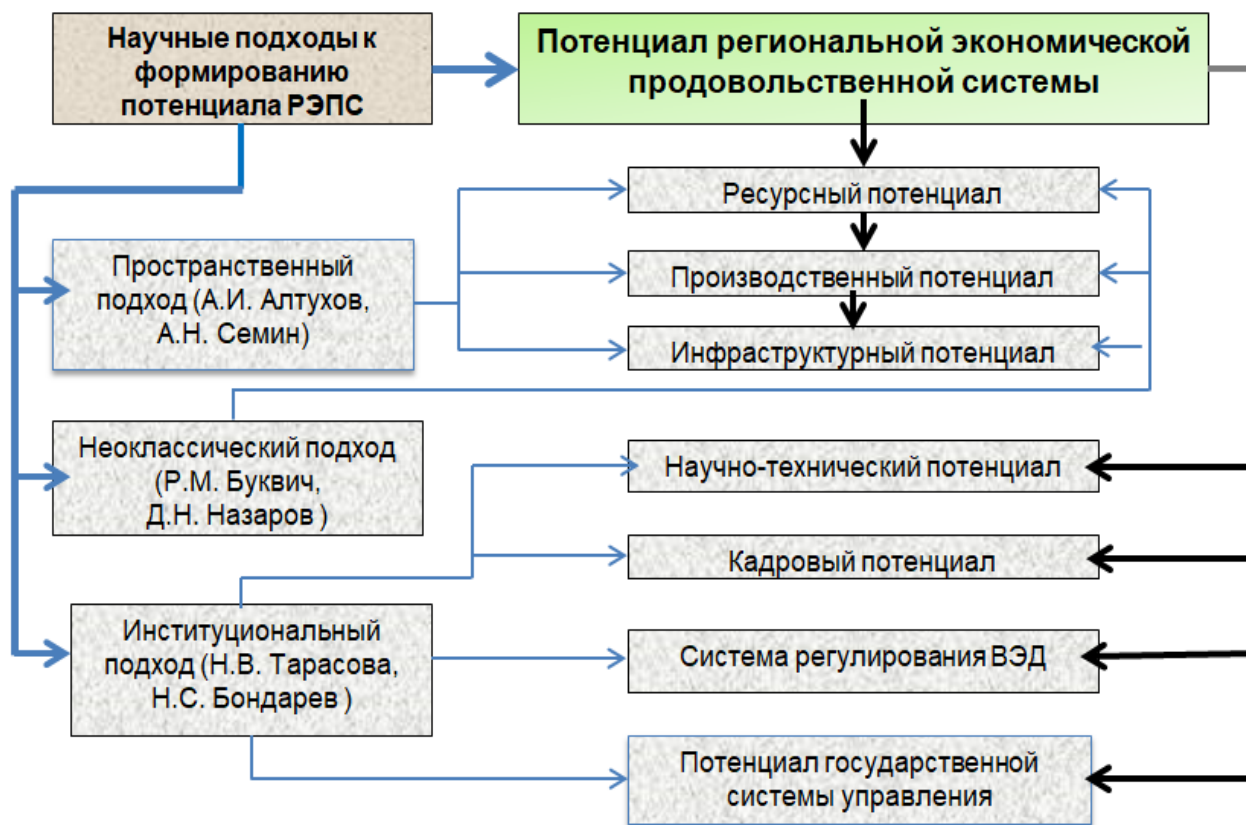

Рисунок 5 – Состав потенциала РЭПС: структурно-логическая схема.

Источник: составлено автором на основе [18, 37, 43, 290, 314].

Изучение производственного потенциала сосредоточено преимущественно в плоскости уровня предприятия [121], а применительно к продовольственной безопасности и продовольственной обеспеченности данный потенциал отечественными учеными рассматривается достаточно редко. Исключением, пожалуй, являются исследования А.Н. Анищенко, Н.В. Ляникова, Ю.А. Романовой [21].

Собственно термин «производственный потенциал» стал активно использоваться в экономической литературе с 90-х годов XX века. Сущность данной категории можно охарактеризовать посредством следующих составляющих:

1) связывает производственный потенциал с факторами производства и отдельными видами производственных ресурсов; в данном контексте не учитываются современные составляющие производственного потенциала (элементы информационных технологий, организационных ресурсов и инновационных процессов);

2) рассматривает производственный потенциал не только в контексте наличия ресурсов, но и в «привязке» с их эффективным использованием для получения определенных материальных благ и услуг; ограничением является то, что при таком понимании не учитываются потенциальные возможности предприятия в плане использования отдельных ресурсов и их влияния на производственные процессы;

3) определяет производственный потенциал как динамическую категорию, которая включает в себя не только текущие, но и перспективные возможности предприятия; производственный потенциал при этом может меняться в зависимости от внешних и внутренних факторов;

4) идентифицирует данный потенциал как комплексную систему, в которой взаимодействуют различные элементы (технологии, структуры и др.).

В рамках потенциала РЭПС под производственным потенциалом будем понимать совокупность всех товаропроизводителей, занимающихся производством продуктов питания, их техническую оснащенность, квалификацию рабочей силы и применяемые технологии.

Инфраструктурный потенциал является критически важным для эффективного функционирования региональной экономической продовольственной системы, что определяет его существенную роль в потенциале РЭПС. Ряд отечественных авторов рассматривают этот потенциал в «увязке» с вопросами обеспечения продовольственной безопасности и продовольственной обеспеченности: Е.С. Ковзунова [151], В.Ф. Стукач и Е.А. Грищаев [300], Н.Г. Небогатикова и Ю.В. Гапоненко [217] и др., представляя инфраструктурный потенциал как особую управляемую и саморегулирующую подсистему в институциональной системе региональной экономики для обеспечения

продовольственной безопасности и продовольственной обеспеченности территории.

Следует отметить наличие достаточно большого числа интерпретаций категории «инфраструктурный потенциал». Так, С.Н. Растворцева, Е.Э. Колчинская, В.С. Савченко [267], Е.Л. Плисецкий, Е.Е. Плисецкий [242], D. Marcelo, C. Mandri-Perrott, Sc. House, J. Schwartz [432] при формировании содержания инфраструктурного потенциала ориентируются на материальные объекты инфраструктуры (здания, сооружения, службы).

Фокусирование на функциональной стороне инфраструктуры при акцентировании на виды деятельности, обеспечивающие создание необходимых условий (электроэнергия, водоснабжение, управление отходами и т.п.) отмечено в исследованиях С. А. Дорониной, М. М. Кислицкого, И. М. Гоголева [99], U. Arifa, M. Javid, F.N. Khan [397], L. Gediminas [414] и др.

Т.В Ускова [338], Д.А. Сыромятников [311], Р.В. Шеховцов и О.С. Авакян [372] характеризуя инфраструктурный потенциал, выделяют транспортное и логистическое снабжение территорий.

Аккумулируя представленные к настоящему времени в научных исследованиях подходы к понятию «инфраструктурный потенциал» и учитывая сущностные характеристики РЭПС, считаем возможным сформулировать следующее определение: «Инфраструктурный потенциал как важный элемент потенциала региональной экономической продовольственной системы представляет собой комплекс ее производственных и непроизводственных объектов и характеристик, необходимых для эффективного функционирования РЭПС как управляемой и саморегулирующейся подсистемы региональной экономической системы».

На современном этапе высокую значимость также приобретают такие составляющие потенциала РЭПС, как потенциал государственной системы управления, потенциал финансовой системы и система регулирования внешнеэкономической деятельности.

Рациональная система финансирования и кредитования отечественного товаропроизводителя продовольствия способствует развитию предпринимательства и реализации проектов в сфере производства продуктов питания. Потенциал финансовой системы, в свою очередь, включает в себя доступность кредитов для производителей продовольствия, наличие различных финансовых инструментов, уровень процентных ставок, а также развитость системы финансового контроля и аудита. Применительно к проблематике продовольственной безопасности интересными, на наш взгляд, являются научные изыскания Р.А. Аландарова, К.О. Тархановского [9], Е.Д. Кормишкина, О.С. Саушевой [156], Н.Л. Полторацкой, Д.А. Завьяловой [245], О.М. Абдуразакова, В.Н. Лариева, Ю.П. Мороз [1].

Эффективная система государственного управления обеспечивает своевременное принятие управленческих решений, способствующих росту экономических показателей производителей сельскохозяйственной и рыбной продукции, а также продуктов их переработки. Потенциал государственной системы управления как координирующе-регулирующий элемент потенциала региональной экономической продовольственной системы выходит за рамки простого «своевременного принятия решений». Он включает в себя «качество государственного регулирования, прозрачность и предсказуемость принимаемых мер, эффективность взаимодействия различных уровней власти (федерального, регионального, муниципального), а также уровень коррупции и бюрократии» [46, 183, 362].

Система регулирования внешнеэкономической деятельности (в контексте РЭПС), формируя в том числе меры «таможенно-тарифного регулирования, обеспечивает защиту внутреннего регионального рынка от неконкурентоспособных импортных товаров и создает условия для экспорта местной продукции, что особенно актуально для регионов с высоким потенциалом экспортно-ориентированных производств» [94]. Работы Е.В. Риц [275], А.А. Гундоричева [81], О.М. Петрушиной [241] и других исследователей, несомненно, освещают эти аспекты, но для полного понимания потенциала РЭПС

необходимо учитывать взаимосвязь всех элементов потенциала региональной экономической продовольственной системы.

Достижение целевых ориентиров проводимой государством политики социально-экономического развития, в том числе «и в части продовольственной обеспеченности, зависит от уровня влияния на продовольственную систему региона совокупности имманентных региональной экономической продовольственной системе рисков» [170]. Поэтому в процессе формирования и развития потенциала РЭПС следует учитывать достаточно высокий уровень риска в ее сегментах.

Автором настоящего диссертационного исследования представлена типологизация рисков, касающихся потенциала региональной экономической продовольственной системы. Эта типология, с одной стороны, сформирована на основе обобщения различных классификаций рисков, разработанных множеством авторов, таких как [185, 394], и, с другой, – расширяющая приведенный в Доктрине продовольственной безопасности (в редакции 2020 года) состав рисков за счет включения институциональных, структурных и инвестиционных рисков (Рисунок 6).

Классификация рисков, предложенная в исследовании, делится на три основные группы, каждая из которых охватывает различные аспекты и источники рисков. Первая группа включает риски, которые обусловлены характером воздействия на продовольственную систему: риски экономические, социальные риски, технологические и санитарно-эпидемиологические.

Вторая группа рисков дифференцируется по причинам их возникновения. К ним относятся институциональные риски (зачастую обусловленные несовершенством законодательства), структурные риски (связанные с изменениями в территориально отраслевой, производственной и пр. структурах РЭПС), инвестиционные риски (возникающие из-за стохастического характера инвестиционной деятельности), а также внешнеполитические и внешнеторговые риски, которые могут возникать в результате изменений в международной политике и торговле. Кроме того, климатические и агроэкологические риски

также имеют значительное влияние на продовольственную систему, поскольку они могут существенно изменить условия производства.

Рисунок 6 – Классификация рисков потенциала РЭПС.

Источник: составлено автором.

Третья группа рисков касается конкретных секторов, в которых они возникают. Эти риски могут проявляться в различных звеньях пищевой цепи, включая сельское хозяйство, рыбное производство, переработку пищевых продуктов, а также в логистике и торговле.

Данная классификация рисков потенциала РЭПС позволяет более эффективно управлять рисками, разрабатывать стратегии минимизации их

негативного воздействия и повышать устойчивость региональной продовольственной системы. Расширение классификации за счёт институциональных, структурных и инвестиционных рисков подчеркивает важность учета не только природных и технологических факторов, но и макроэкономических и политических условий.

При этом введенная нами экономическая категория («потенциал региональной экономической продовольственной системы») позволит комплексно подходить к анализу и развитию продовольственной обеспеченности (продовольственной безопасности) на уровне регионов, учитывая совокупность факторов, влияющих на региональные экономические продовольственные системы.

Управление потенциалом РЭПС, в свою очередь, должно быть направлено на создание сбалансированной системы производства продуктов питания и обеспечение пищевой промышленности региона необходимыми ресурсами. Определяющим инструментом в этом процессе является структурная политика, которая должна обеспечивать рациональные пропорции между различными отраслями, производящими продовольствие, и способствовать эффективному управлению ресурсами региона.

2.3. Модель аграрной структурной политики развития региональных экономических продовольственных систем

Ранее в диссертационном исследовании показано, что аграрная структурная политика развития региональной экономической продовольственной системы как отдельное направление региональной структурной политики не имеет широкого представления в существующих исследованиях. Поэтому изучение ее модели предварим рассмотрением ряда научных трудов в области структурной политики с выделением специфических черт, присущих именно РЭПС, а также теоретическим анализом представленных как отечественными, так и

зарубежными авторами подходами к моделям структурной политики на мезоуровне.

Структурная политика как инструмент экономического роста находится в фокусе научных исследований многих российских ученых (О.С. Глазьев, О.С. Сухарев, С.А. Логвин, Ю.В. Яременко, и др.). Объединяют публикации данной структурной тематики «магистральные» направления, которые сохраняют свою актуальность и для продовольственных региональных экономических систем: внедрение структурной политики в России; формирование структурной политики в стратегическом планировании; важность учета специфики различных экономических систем при разработке структурной политики; порядок формирования структурной политики. В работе Ю.В. Яременко «Экономический рост. Структурная политика» разработаны центральные структурные приоритеты, которые могут стать «основой для эффективного преобразования экономики: восстановление поддерживающих функций добывающей промышленности в экономике, что позволит создать потребительский и инвестиционный спрос» [391], и подъем на этой основе обрабатывающей промышленности; модернизация производственного аппарата, насыщенного низкими технологиями (заводов сельскохозяйственного и транспортного машиностроения); восстановление технологического ядра обрабатывающей промышленности; материальное обеспечение национального потребительского стандарта [392].

Таким образом, структурные приоритеты, обозначенные в исследовании Ю.В. Яременко, представляют собой комплексный подход к преобразованию экономики, который требует скоординированных действий на всех уровнях – от государственной политики до частных инициатив. С.Ю. Глазьев и О.С. Сухарев в исследовании «Экономический рост России и структурная модернизация: проектный подход» основное внимание уделяют «структурной модернизации в контексте экономического роста» [68]. По мнению данных авторов, структурная модернизация должна осуществляться на основе проектного подхода в оценке необходимости структурной модернизации экономики. С.Ю. Глазьев и О.С. Сухарев формулируют аргументированный вывод, что структурная политика

должна учитывать интересы различных секторов экономики и предлагать меры, направленные на их синхронизацию и взаимодействие.

О.С. Сухарев в работе «Структурная политика: к новой инвестиционной модели экономического роста» исследует вопрос внедрения структурной политики в качестве инструмента формирования новой модели роста российской экономики, подчеркивая необходимость снижения рисков в секторах экономики посредством регулирования денежной массы и предлагая нивелировать внешние факторы (цены на энергоносители и т.д.) [305]. Также данным ученым в соавторстве с С.А. Логвиным в монографии «Управление структурными изменениями экономики» определен «порядок формирования структурной политики в рамках стратегического планирования, от целеполагания, диагностики (выявления и анализа) факторов» до разработки плана конкретных действий для правительственных структур и органов государственного управления по вертикали [308]. Мы полагаем, что предложенный О.С. Сухаревым и С.А. Логвиным порядок формирования структурной политики для экономической системы в целом, сохраняет свою значимость и при проецировании на условия региональных экономических продовольственных систем.

Широко представлены в отечественной экономической науке исследования по вопросам общих проблем структурных преобразований экономики, в том числе и на мезоуровне (Е.Ю. Доценко, Е.А. Рожковская, А.А. Широ, Ю.В. Якишин и др.).

Так, в монографии под ред. А.А. Широ «Трансформация структуры экономики: механизмы и управление» [327] проведено интересное исследование, в котором достаточно глубоко проанализированы структурные изменения как в российской, так и мировой экономических системах. В данной работе также выполнен анализ воздействия структурных изменений на различные сектора национального хозяйства России, что позволяет выявить существенные проблемы, с которыми сталкивается отечественная экономика: зависимость от экспорта сырьевых ресурсов, недостаточная диверсификация и низкая конкурентоспособность на международной арене.

В.В. Якишиным в ряде монографий исследуются проблемные вопросы теории структурной перестройки региональной экономики; «раскрываются закономерности, определяющие динамику структурных изменений в экономике регионов; формулируются основные принципы преобразований структуры социально-экономической системы «регион»» [385, 386, 387].

Е.А. Рожковская углубленно анализирует текущие проблемы, с которыми сталкивается экономика страны, подробно рассматривая значимые риски и уязвимости, такие как макроэкономическая несбалансированность, структурная деформированность и высокая степень импортозависимости. Особое внимание этот автор уделяет важности государственной поддержке реализации структурных реформ и необходимости разработки комплексной стратегии структурных преобразований, подчеркивая, что без целенаправленных действий в области структурной политики невозможно обеспечить долгосрочную экономическую безопасность и стабильность [277].

Е.Ю. Доценко, разрабатывая методологические основы структурного анализа, вводит понятие «структурная инерция», которое является важным для разработки эффективных экономических стратегий и политик. Этот автор развивает идеи интеграционной модели структурно-инерционной парадигмы экономического развития, что позволяет глубже понять, как различные сектора экономики взаимодействуют друг с другом и как эти взаимодействия влияют на общую структурную динамику [100]. Ряд глубоких исследований выполнены в разрезе анализа секторных и технологических изменений в экономике (Ю.В. Мелешко, Е.В. Дементьев, С.Ю. Солодовников и др.).

Ю.В. Мелешко рассматривает формирование структурной политики с учетом особенностей секторальной структуры производства в неиндустриальной экономике, анализируя его с точки зрения предмета труда [195]. Однако его исследования требуют дальнейшего развития в аспекте конкретных механизмов перехода и минимизации социальных издержек во время структурной трансформации. Необходимо проанализировать, какие инструменты структурной политики наиболее эффективны для стимулирования перехода от традиционного

сектора к высокотехнологичным отраслям, учитывая особенности трудовых ресурсов и национальных институтов.

В.Е. Дементьев в своих работах «Технологический суверенитет и приоритеты локализации производства» [88] и «Технологическое развитие и структурные изменения в экономике» [89] обосновывает необходимость выработки эффективной структурной политики в условиях промышленного развития и цифровой модернизации. На наш взгляд, эти научные труды требуют дополнения глубинным анализом влияния цифровизации на различные сектора экономики. Необходимо также рассмотреть не только положительные аспекты (повышение производительности труда и инновационная активность), но и вызовы, связанные с ростом безработицы в традиционных отраслях, усилением неравенства и с проблемами кибербезопасности.

Исследования С.Ю. Солодовникова о современной структурной политике и кризисе наноиндустрии подчеркивают необходимость более гибкого и адаптивного подхода к формированию структурной политики [298].

В целом, синтез подходов Ю.В. Мелешко, В.Е. Дементьева и С.Ю. Солодовникова позволяет сформировать комплексную модель формирования эффективной структурной политики, учитывающей как секторные особенности экономики, так и быстрые темпы технологических изменений.

Значимым направлением исследований в сфере структурной политики является проблематика ее оценки, эффективности и используемого инструментария (В.Г. Варнавский, Х.Н. Гизатуллин, О.Ю. Красильников, С.В. Палаш, Ю.И. Шмидт и др.).

О.Ю. Красильниковым в ряде работ представлены фундаментальные исследования, сосредотачивающиеся на анализе экономических структур на уровне регионов [162, 163]. Ученый разработал совокупность критериев оценки эффективности структурных сдвигов, в том числе показатели симметрии и асимметрии, которые помогают понять, как различные регионы развиваются и изменяются в своих структурных характеристиках.

В монографии Ю.И. Шмидт «Структурные сдвиги в аграрном секторе экономики» детально рассматриваются как теоретические, так и методические аспекты оценки структурных изменений в аграрной сфере [377]. Автор фокусирует внимание на факторах, способствующих этим изменениям, что является важным для понимания структурной динамики аграрной экономики. В ходе исследования Ю.И. Шмидт выделяет базовые направления, по которым необходимо совершенствовать аграрную структуру, в число которых включает производство продовольствия.

С.В. Палаш в работе «Методика оценки экономических эффектов государственных программ как инструментов структурной промышленной политики» проводит оценку результативности государственных программ в разрезе структурной политики промышленности [236]. В.Г. Варнавский [458], Х.Н. Гизатуллин, Ф.Н. Гарипов и З.Ф. Гарипова [66] при изучении проблемы управления структурными преобразованиями региональной экономики концентрируется на инструментах и методах структурной политики на региональном уровне, в том числе на применении экономико-математических моделей, подчеркивая их актуальность в условиях ужесточающийся внешнеэкономической конъюнктуры.

При разработке теоретических оснований структурной политики следует учитывать и зарубежные исследования (С. Freire, L. Romano, F. Traù, R.M. Samaniego, J.Y. Sun, A. Hullman, C. Berger и др.), в которых анализируются трансформации в структуре производства, занятости, технологиях и торговых потоках. Данные исследования охватывают широкий по масштабу спектр, начиная от макроэкономического уровня, где внимание уделяется общим структурным тенденциям и закономерностям, и заканчивая микроэкономическим, сосредоточенным на отдельных предприятиях и их структурной политике.

На макроэкономическом уровне, в работах С. Freire [412], L. Romano, F. Traù [446], а также R.M. Samaniego, J.Y. Sun [448], анализируются глобальные структурные процессы и их влияние на международную торговлю и инвестиции.

Эти исследования помогают понять взаимосвязь между характером промышленного развития и скоростью структурных изменений.

На мезоэкономическом уровне, исследования, проведенные А. Hullman [423], фокусируются на структурных процессах, характерных для европейских стран; анализируются эмпирические данные по структурным изменениям и экономическому росту.

На микроэкономическом уровне исследование С. Berger о селективной структурной политике в отношении отдельных предприятий подчеркивает важность индивидуальных стратегий и подходов, которые компании применяют для достижения конкурентных преимуществ [401]. Данный автор приводит пример успешной практики, когда в центре внимания находятся капиталоемкие высокотехнологичные предприятия, ориентированные на экспорт.

В целом, анализ значительного объема исследований в области структурной политики показывает необходимость дальнейшего развития методик оценки эффективности и совершенствования структурного инструментария, особенно для новых направлений региональной структурной политики, к которому мы относим аграрную структурную политику развития региональных экономических продовольственных систем. Это важно не только для управления структурными преобразованиями на уровне РЭПС, но и для создания устойчивой экономики региона и государства в целом.

Правовой базис структурной политики Российской Федерации представляет собой обширный массив нормативно-правовых актов. Однако эти документы не объединены в единый кодекс и рассредоточены по различным отраслям права, что создает определенные сложности в понимании и применении норм, касающихся структурной политики. А отсутствие единого кодифицированного акта приводит к рассогласованности действий разных ведомств, дублированию функций и, в конечном итоге, снижению эффективности затрачиваемых ресурсов.

Ниже мы охарактеризуем основные нормативно-правовые документы, группируя по основным уровням регулирования структурной политики.

Во-первых, выделим важнейшие государственные стратегии и программы, направленные на реализацию долгосрочных приоритетов развития науки, технологий и инноваций и непосредственно воздействующие на структуру экономики: Федеральный закон от 28.06.2014 N 172-ФЗ (ред. от 13.07.2024) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [354], «Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года» [254], «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации» [333]. Данные документы задают направления структурных преобразований, стимулируя развитие высокотехнологичных секторов, а также содержат цели и меры, направленные на изменение структуры экономики.

Конкретные меры реализации стратегических целей государства определяются в подпрограммах и федеральных проектах: Постановление Правительства Российской Федерации от 14.07.2012 N 717 (ред. от 25.12.2024) «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» [249], Распоряжение Правительства Российской Федерации №151-р «Об утверждении Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года» [261] и др. В этих документах устанавливаются цели и задачи структурной политики в разрезе приоритетных отраслей национальной экономики, а также утверждаются стратегические документы и планы.

Во-вторых, на уровне регулирования отдельных секторов экономики структурные изменения регламентируются специализированными федеральными законами и подзаконными актами. В частности, для региональных экономических продовольственных систем важны законы, в которых «прописаны» меры различные государственной поддержки, обозначены направления стимулирования инвестиций, представлены особенности регулирования конкуренции и другие инструменты структурной политики в рамках сегментов РЭПС: глава III №29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» («Государственное регулирование в области обеспечения качества и безопасности пищевых

продуктов) [353], №166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» [350], №264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» [357], №135-ФЗ «О защите конкуренции» [348] и др.

В-третьих, ввиду того, что структурные преобразования имеют региональную специфику, то в разрезе региональной структурной политики считаем необходимым дифференцировать нормативно-правовую базу по следующим направлениям [64]:

– *Законы (программы) о государственной поддержке развития отдельных регионов*, которые направлены на снижение межрегионального дисбаланса и изменение региональной структуры экономики. Например, «Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока до 2024 года и на перспективу до 2035 года» [264], «Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года» [265], «Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года» [262], «Об утверждении Концепции развития приграничных территорий субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа» [230], Федеральный закон «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» [351] и др.;

– *Указы Президента Российской Федерации, Постановления Правительства*, которые занимают важное место в реализации структурной политики, детализируя стратегические направления и устанавливая конкретные задачи для министерств и ведомств. Примерами являются: Приказ Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики №133 «Об утверждении Порядка отбора инвестиционных проектов для последующего возмещения части прямых понесенных затрат и требований к объектам агропромышленного комплекса» [253] и др.

– *Законодательство о регулировании отдельных отраслей* выделяем отдельно, ввиду того, что отрасли экономики (особенно составляющие производственный базис РЭПС) подвергаются специфическому государственному

регулированию. В каждой отрасли действуют свои законы и нормативные акты, регламентирующие деятельность предприятий и определяющие «правила игры» на рынке. К таким документам относятся: «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности» [352], Закон Приморского края №78-КЗ «О развитии сельского хозяйства в Приморском крае» [114], Закон Приморского края № 623-кз «О рыбохозяйственной деятельности в Приморском крае» [113] и др.

С нашей точки зрения, структурная политика развития РЭПС, в дополнение к вышеописанным группам нормативно-правовых документов должна также учитывать документы, законодательно регулирующие вопросы продовольственной обеспеченности (на мезоуровне) и продовольственной безопасности (на макроуровне). К таким документам относятся:

- Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [331];
- Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года [335];
- Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации [332];
- Международные рекомендации Организации Объединенных Наций относительно продовольственной безопасности, питания и различных вопросов сельского хозяйства, также другие основополагающие документы.

Таким образом, сложившаяся к настоящему времени система нормативно-правового регулирования Российской Федерации применительно к аграрной структурной политике государства требует совершенствования в части формирования прозрачности и непротиворечивости, а также создания правовых условий для развития эффективной структурной политики. Поэтому российское законодательство, регулирующее аграрную структурную политику, нуждается в серьёзной доработке с точки зрения комплексного подхода к регулированию аграрной структурной политики развития РЭПС.

Для этого целесообразно разработать единую методологию стратегического планирования с четким распределением ответственности между федеральными органами власти и регионами для устранения лага между стратегическими

документами и конкретными мерами их реализации. Необходимо обеспечить более тесную координацию между федеральным центром и региональными властными структурами в сфере регулирования отдельных секторов экономики и учитывать региональную специфику при разработке законодательства, регулирующего отдельные отрасли экономики, а также разработать эффективные критерии отбора и оценки эффективности программ поддержки социально-экономического развития отдельных регионов, отраслей, региональных экономических продовольственных систем.

Современная аграрная структурная политика в Российской Федерации должна основываться на глубоком понимании изменяющегося места нашей страны в глобальном контексте, а также на реалистичном определении её целей и разработке новых механизмов для их достижения, как на федеральном уровне, так и на уровне регионов и муниципалитетов. Определяющие особенности, которые, по нашему мнению, должны быть учтены в рамках аграрной структурной политики, заключаются в нескольких важных аспектах. Первое, объектом этой политики становятся не только отдельные отрасли АПК, но также и сами производители товаров и услуг. Это включает как крупные агропромышленные компании, так и фермеров, подсобные хозяйства, индивидуальных предпринимателей, которые играют значительную роль в аграрной экономике страны.

Второе, субъектом аграрной структурной политики выступает государство, которое можно рассматривать как современную абстрактную корпорацию. Это означает, что у государства есть своё юридическое лицо, оно включает в себя правительственные органы и гражданское население, а также имеет четко определенные границы. При этом важно, что существование такого государства возможно лишь при условии признания его другими государствами на международной арене. Третьим важным аспектом является то, что аграрная структурная политика формируется как национальная политика. В этом процессе участвуют не только государственные структуры и бизнес, но также научные и общественные организации, различные институты, что позволяет создать более

комплексный подход к разработке и реализации аграрной структурной политики, и способствует более эффективному достижению поставленных целей.

Таким образом, следует констатировать формирование к настоящему моменту концептуально-методологических изменений в современной структурной политике: от отраслевого фокуса и государственного доминирования к подходу, учитывающему интересы всех участников экономической системы и ориентированному на создание конкурентоспособной и динамичной экономики.

Для успешной реализации региональной структурной политики в целом и аграрной структурной политики развития региональных экономических продовольственных систем в частности целесообразно опираться на ряд основополагающих принципов, таких как [35, 92, 177, 258]:

1. Принцип макрорегулирования, который предполагает создание эффективной системы мониторинга и прогнозирования макроэкономических показателей как на региональном, так и на национальном уровнях. Это важно для своевременного выявления структурных дисбалансов в экономике и корректировки структурной политики развития РЭПС, что позволит предотвратить негативные последствия (экономические кризисы, резкие колебания в уровне занятости, дефицит или переизбыток производства продовольствия).

2. Принцип согласованности институциональных структур, который акцентирует внимание на необходимости гармонизации работы государственных и частных институтов, участвующих в реализации структурной политики развития РЭПС (государственных органов, бизнес-структур, научных учреждений и общественных организаций). Институциональная среда должна быть достаточно гибкой, чтобы корректно адаптироваться к внешним и внутренним изменениям; быстро реагировать на вызовы, инициированные реализацией структурных изменений.

3. Принцип ограниченности ресурсов, подчеркивающий важность рационального использования имеющихся ресурсов, так как в условиях

ограниченных бюджетов и нехватки инвестиций, особенно в сегментах РЭПС, необходимо тщательно планировать и ранжировать проекты по значимости.

4. Принцип своевременности трансформации региональной экономической продовольственной системы заостряет внимание на необходимости гибкости и способности РЭПС быстро реагировать на изменения в экономической среде, поэтому и структурная политика должна быть способна адаптироваться и меняться в ответ на вызовы и возможности. Структурные трансформации при этом должны происходить не только по мере необходимости, но и в рамках заранее запланированных стратегий, что позволит снизить риски и потери.

5. Принцип взвешенности, этапности и последовательности структурных изменений подчеркивает важность планомерного и последовательного подхода к реализации структурных реформ, что обуславливает важность разработки непротиворечивых планов и стратегий, с поэтапной их реализацией.

6. Принцип учета региональной специфики заключается в том, что общие стратегические направления структурной политики должны быть адаптированы к уникальным условиям и особенностям каждого отдельного региона и его региональных экономических систем. Это подразумевает отказ от универсального подхода, который не учитывает разнообразие экономических, социальных и природных факторов. Вместо этого необходимо разрабатывать дифференцированные стратегии, которые бы максимально учитывали различные аспекты функционирования и развития РЭПС.

Формирование моделей структурной политики в области региональной экономической продовольственной политики представляет собой сложный и многогранный процесс, который требует применения различных подходов. В этом контексте мы выделяем четыре ключевых подхода, которые получили широкое распространение в классической структурной политике: «жесткий» и «мягкий», а также «вертикальный» и «горизонтальный». Эти подходы не являются взаимоисключающими, на практике они часто комбинируются, что позволяет адаптироваться к уникальным условиям каждого конкретного региона.

При жестком подходе в структурной политике широко применяются меры поддержки тех отраслей, которые признаны приоритетными посредством их прямого бюджетного субсидирования, а также использования механизмов косвенного субсидирования, через протекционистский курс во внешнеэкономической политике и пр. (А.И. Татаркин [317], Д.А. Дегтерев [86], Л. Сюн [312]). То есть государство активно вмешивается в экономику через административные меры и директивные указания (О.В. Буклемишев [44], В.К. Фальцман [345, 346]). Это может включать в себя установление квот на производство определенных сельскохозяйственных культур, контроль за ценами, введение ограничений на импорт или экспорт продовольственных товаров, а также принудительную консолидацию сельскохозяйственных предприятий. Применение подхода может быть оправдано в условиях кризисов, когда необходимо быстро обеспечить продовольственную безопасность и стабильность на рынке. Основным недостатком жесткого подхода является, то, что он может привести к искажению рыночных механизмов, инициировав тем самым снижение общей эффективности производства.

Отсутствие (или ограничение) конкуренции может привести к стагнации и снижению качества продукции, так как производители не будут заинтересованы в улучшении своих товаров и услуг. Более того, жесткие меры могут способствовать возникновению коррупции и неэффективному распределению ресурсов.

В отличие от жесткого подхода, мягкий подход ориентирован на содействие росту конкурентоспособности национальных производителей и поддержку инвестиционных проектов, позволяющих частному бизнесу повысить уровень эффективности (Д.А. Звягина [118], Я.Ю. Радюкова, Н.Н. Пахомов [259]). Поэтому данный подход предполагает гибкие методы регулирования, которые основываются на сотрудничестве между государством и частным бизнесом. Мягкий подход также включает в себя организацию различного типа интегрированных структур в рамках РЭПС. Одним из ключевых преимуществ мягкого подхода является его способность стимулировать инициативу и

предпринимательский дух среди товаропроизводителей. В отличие от жесткого подхода, мягкие меры способствуют созданию более открытой и конкурентной среды, что в конечном итоге приводит к улучшению качества продукции и услуг. Как недостаток мягкого подхода следует отметить наличие потенциального риска несоблюдения отдельными товаропроизводителями установленных норм и стандартов, регулирующих в том числе качество продукции и безопасности продовольствия.

В странах европейского экономического сообщества получили развитие вертикальные и горизонтальные подходы к структурной (промышленной) политике (А.И. Татаркин [320], О.А. Романова, А.О. Пономарева [280], С.А. Толкачев [326]).

Вертикальный подход, соответствующий, по нашему мнению, жесткому подходу, предполагает стимулирование конкретных производств или отраслей при использовании в качестве инструмента господдержки всевозможных льгот (В.А. Слепов, Л.Я. Маршавина, Г.В. Артюхов [296], А.А. Гетманов, И.А. Маюрина [65]). Данный подход характерен преимущественно для развивающихся стран.

Горизонтальный подход аналогичен, на наш взгляд, мягкому подходу и ориентируется на создание общих для всех отраслей возможностей развития производства (А.А. Аликин [12], Д.А. Кузнецов [166], О.М. Барбаков [398]). При горизонтальном подходе акцентируется внимание на сотрудничестве между различными секторами экономики и заинтересованными сторонами. Это может включать в себя взаимодействие между сельскохозяйственными производителями, переработчиками, торговыми сетями и потребителями. Горизонтальный подход предполагает, что для достижения устойчивого развития продовольственной политики необходимо учитывать интересы всех участников процесса, а не только государства и производителей. Применяется этот подход для экономически развитых стран.

В действительности формирование моделей структурной политики развития региональной экономической продовольственной системы требует применения комплексного подхода, который будет учитывать и жесткие, и мягкие модели, а

также вертикальные и горизонтальные взаимодействия. Каждый из подходов имеет свои преимущества и недостатки, и их успешное применение зависит от конкретных условий и потребностей региона.

При разработке модели аграрной структурной политики развития региональной экономической продовольственной системы (далее – Модели) необходимо учитывать не только существующие проблемы, но и возможности, которые могут быть реализованы в процессе структурных изменений. Важно понимать, что последовательное и систематическое развитие методологических основ РЭПС должно основываться на глубоком анализе текущей ситуации в регионе, а также на прогнозировании будущих тенденций, а последовательная реализация основных компонентов структурной политики должна привести к осознанию необходимости активного проведения структурной политики в сфере продовольственного обеспечения региона.

В авторской дефиниции аграрная структурная политика развития РЭПС – это долгосрочно ориентированные мероприятия управляющего органа субъекта Федерации и частного бизнеса, направленные на поддержание, развитие, возникновение рациональных (эффективных) внутрисекторальных пропорций в региональной экономической продовольственной системе.

Автором построен алгоритм формирования модели аграрной структурной политики развития РЭПС (далее – Алгоритм), который содержит совокупность взаимосвязанных блоков, последовательная реализация которых приводит к оцениванию степени достижения задач аграрной политики развития (Рисунок 7).

Характерные особенности предложенного Алгоритма:

- построение целевых ориентиров формирования модели аграрной структурной политики развития региональных экономических продовольственных систем в логике обеспечения рациональных пропорций в важнейших сегментах РЭПС и ее потенциале;

- моделирование оптимальной структуры РЭПС, которое позволяет на основе эмпирических данных разработать проект структуры региональной экономической продовольственной систем для условий конкретного региона;

– формирование системы управления структурными изменениями в продовольственном обеспечении, как на этапе производства, так и на этапе распределения и потребления продовольствия.

Рисунок 7 – Алгоритм формирования модели аграрной структурной политики развития региональных экономических продовольственных систем.

Источник: разработано автором.

На этапе анализа структуры РЭПС изучается сложившаяся к моменту построения Модели структура в целом региональной продовольственной системы и ее отдельных сегментов посредством совокупности долевого структурных показателей (которые подробно будут рассмотрены в п. 3.3 работы). В качестве объекта структурного анализа в соответствии с поставленной социально-экономической задачей по продовольственной обеспеченности региона выбирается одна или несколько структур:

1. Функционально-отраслевая, воспроизводственная и технологическая структуры (Н.А. Яковенко, И.С. Иваненко, А.С. Воронов [388], Н.А. Аралкин, М.А. Шох [24], Л.И. Зинина, Т.В. Глухова [122], М.В. Терешина [323] и др.), которые формируют материальную основу региональной продовольственной системы и охватывают все этапы – от производства продовольствия до его распределения.

2. Территориальная структура (В.К. Бугаев [41], В.И. Тихий, О.В. Корева [324]), включающая географическое распределение элементов РЭПС. Важно учитывать региональные особенности, такие как климатические условия и наличие природных ресурсов, которые могут повлиять на состав производственного базиса продовольственной системы.

3. Институциональная структура (А.Ю. Никитаева [220], Ю.В. Матвеев, М.Е. Коновалова [194], В.Ф. Стукач, Е.А. Гришаев [300]), представляющая систему социально-экономических институтов, влияющих на направления и формы реализации экономических интересов субъектов хозяйственной деятельности. Данной структурой описывается взаимодействие между различными участниками продовольственной системы (производителями, переработчиками, дистрибьюторами, потребителями).

Анализ структур РЭПС с дифференциацией типам необходим для выявления структур, содержащих структурные деформации, то есть нуждающихся в структурном воздействии.

При формировании направлений трансформации (модернизации) структуры РЭПС используются результаты, полученные на предыдущем этапе, делается вывод о том, какие характеристики (сегменты) РЭПС требуют корректировки и формируются перспективные направления развития региональной структуры. Модернизация продовольственной системы должна быть направлена на повышение ее устойчивости и конкурентоспособности.

Формирование направлений, направленных на модернизацию структуры РЭПС возможно посредством обеспечения опережающих темпов развития отраслей и производств, обеспеченных местными источниками роста, но не в

полной мере реализованных в регионе. К их числу в большинстве территорий могут быть отнесены сельское и рыбное хозяйства, содержащие многовариантные структурные элементы, а также относительно технологически обособленные, требующие разновременного воздействия на процессы формирования конечного результата, составляющие производственный базис РЭПС. Модернизация их структуры с учетом базисных условий воспроизводственного цикла не только формирует программу экономного расходования материально-технических ресурсов, но и ориентирует на возрастание конечных результатов при снижении экологической емкости деятельности в расчете на единицу полезного эффекта. В силу этих обстоятельств в структуре региональных экономических продовольственных систем необходимо контролировать соотношение частей воспроизводимого в базисных для продовольственной региональной экономической системы секторах общественного продукта.

На этапе моделирования оптимальной структуры РЭПС с использованием полученных результатов предыдущего этапа делается вывод о том, какие характеристики (сегменты) РЭПС требуют корректировки и проектируется ее оптимальная структура. При этом оптимальная структура региональной продовольственной системы должна включать в себя не только экономические параметры, но и социальные аспекты, что делает задачу ее определения еще более сложной. Нужно учитывать, что для приведения существующей структуры РЭПС к оптимальной, следует сформировать последовательность управляющих действий, которые смогут инициировать желательные структурные изменения в экономике региона.

На завершающем этапе построения Модели в соответствии с результатами предыдущих этапов и выявленных структурных деформаций в сегментах региональной продовольственной системы формируются приоритетные направления структурной политики РЭПС в соответствии с целевыми социально-экономическими ориентирами.

Целевыми ориентирами формирования Модели является обеспечение рациональных пропорций в важнейших сегментах РЭПС (согласно

структурированной по сегментам модели региональной экономической продовольственной системы, представленной в п. 1.2 диссертационного исследования, Рисунок 3) и ее потенциале (понятие введено в п.2.2, Рисунок 5):

1) в сегментах первичного производства продовольствия (производственный базис) и перерабатывающей промышленности – подразумевает функционирование предприятий с различным объемом производства и различных организационно-правовых форм в рациональных пропорциях; соответствующая разработка структурной политики потребует разработки новых механизмов ее реализации;

2) в сегменте оптовой и розничной торговли – формирование соответствующей торгово-распределительной структуры, создание новой и развитие конкурентной оптово-розничной сети торговли сельскохозяйственным сырьем и продуктами питания, которая будет содействовать формированию рациональных пропорций между крупными розничными сетями и малыми рынками, ярмарками для местных фермеров и подсобных хозяйств;

3) в сегменте научно-исследовательских учреждений – соблюдение пропорций в научно-технической политике между фундаментальными и прикладными исследованиями в области сельского хозяйства и рыбной отрасли, которые должны обеспечивать селекцию новых сортов сельскохозяйственной продукции, сельскохозяйственных животных, объектов аквакультуры и пр.;

4) в сегменте образовательных учреждений – формирование пропорций между подготовкой специалистов высшего, среднего и дополнительного образования требуемых специальностей и квалификаций в сельском, рыбном хозяйстве, перерабатывающей промышленности, в том числе в соответствии с актуальными тенденциями (в сфере цифрового сельского хозяйства и др.);

5) в сегментах транспортной инфраструктуры и системы хранения и логистики – формирование рациональных пропорций в транспортно-логистической системе региона;

6) в сегменте государственного регулирования – управление структурой цен и издержек сельхозпроизводителей и производителей продукции из водных

биологических ресурсов; регулирование экспорта и импорта сырья, полуфабрикатов и готовой продукции, формирование рациональных пропорций в сфере ВЭД и пр.

Результативность структурной модернизации РЭПС зависит от государственной структурной политики, основанной на выборе оптимальных способов ее реализации.

При формировании структурной политики РЭПС необходимо учитывать выраженную специализацию российских регионов. Использование дифференцированного подхода к территориям, обладающим узким набором отраслей специализации и имеющим полиотраслевую специализацию, позволяет учитывать степень оптимальности условий ведения хозяйственной деятельности.

Важно отметить, что модель аграрной структурной политики развития РЭПС должна быть гибкой и адаптируемой [381, 383]. Внешние факторы, такие как изменение климата, колебания цен на мировых рынках, технологические прорывы и изменения в потребительском спросе, требуют постоянной корректировки стратегии. Модель должна обеспечивать быструю реакцию на эти изменения, позволяя своевременно адаптироваться и поддерживать устойчивое развитие региональной экономической продовольственной системы. Включение в модель сценариев развития с учётом различных рисков и неопределённостей, позволит принимать более взвешенные решения и минимизировать негативные последствия. Ключевым аспектом модели является постановка конкретных, измеримых, достижимых, релевантных и ограниченных по времени целей. Это не просто общие декларации о повышении эффективности, а чётко сформулированные задачи с количественными и качественными показателями.

Модель предусматривает интеграцию различных инструментов управления. Это, в том числе, механизмы финансовые (субсидии, льготные кредиты и т.п.) и административные (разработка и внедрение стандартов качества продукции, сертификация и контроль за соблюдением санитарно-гигиенических норм и пр.). Не менее важны информационные механизмы: система мониторинга цен, прогнозирование урожайности, анализ рыночной конъюнктуры, доступ к базам данных по инновациям и технологиям.

Таким образом, модель аграрной структурной политики развития РЭПС представляет собой динамический и многофакторный инструмент, обеспечивающий непрерывный мониторинг, анализ и управление сложной системой взаимосвязанных элементов продовольственного обеспечения региона.

В заключение сделаем ряд выводов.

1. Современное нормативно-правовое обеспечение структурной политики в Российской Федерации требует совершенствования, в том числе в части разработки формирования комплексного документа (например, ФЗ «О структурной политике»), а также разработки эффективных критериев оценки программ поддержки социально-экономического развития региональных экономических продовольственных систем.

2. Структурная политика, направленная на развитие РЭПС, должна создавать условия для деятельности производителей продовольствия, в первую очередь, в сельском хозяйстве; формировать адекватные пропорции в предпринимательстве смежных товаров, применяемых в производстве продуктов питания; инициировать рациональные пропорции экспорта и импорта продовольственных товаров.

3. Модель аграрной структурной политики развития РЭПС представляет собой инструмент стратегического планирования и управления, позволяющий не только оценить текущее состояние экономической системы, но и прогнозировать ее развитие на перспективу.

4. Модель дает возможность идентифицировать «узкие места» в структуре РЭПС и выявлять структурные деформации в продовольственном обеспечении региона, с выявлением проблем и разработкой целенаправленных корректирующих мер.

5. Формирование аграрной структурной политики развития РЭПС – это сложный и неоднозначный процесс, требующий разработки соответствующего методического инструментария, позволяющего в том числе осуществлять оценку результативности структурной политики и формирование ее приоритетных направлений.

ГЛАВА 3. МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ОЦЕНКИ СТРУКТУРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ РЕГИОНА

3.1. Методические подходы к формированию и анализу аграрной структурной политики

В современной российской экономике происходят важные преобразования, оказывающие влияние на качество социально-экономического развития страны. В связи с этим возникает необходимость рассмотрения структурных изменений с точки зрения современных методических подходов.

Значение методических подходов, используемых в процессе формирования и анализа структурной политики вообще, и аграрной структурной политики развития региональных экономических продовольственных систем в том числе, в современной теории регионального управления неоспоримо велико.

Следует отметить, что методические подходы к формированию структурной политики рассматриваются с разной степенью детализации в трудах представителей зарубежных и отечественных научных школ, которые мы условно разделим на три группы:

- исследования в области макроэкономики и экономического роста;
- труды по региональному развитию и пространственному анализу;
- изыскания в сфере институциональной экономики.

Ученые в области макроэкономики и экономического роста (J.E. Stiglitz [451, 452], O.J. Blanchard [400], R.E. Hall, R.G. Hubbard [418], K.S. Rogoff [445], G. Dosi [410], G.W. Mankiw [431], O.C. Сухарев [304] и др.), изучая влияние структурной политики на долгосрочный экономический рост, рассматривают вопросы анализа влияния структурных реформ (реформ рынка труда, финансового сектора, регулирования конкуренции) на макроэкономические показатели. В трудах этих ученых подчеркивается, что структурные реформы могут значительно изменить макроэкономические показатели, такие как уровень

безработицы, инфляция и общий экономический рост, что делает их рассмотрение особенно актуальным.

Представление структурной политики через призму институциональной экономики можно увидеть в трудах M.D. Krul [429], С. North [436], C.N. Onwusiribe [440], E. Ostrom [441], A.K. Dixit [408, 409], С.К. Демченко [90] и др., которые подчеркивают важность институтов и институциональных изменений в формировании структурной политики. Эти авторы заостряют внимание на том, как правительственные институты, правовая система и социальные нормы влияют на экономическую эффективность и распределение ресурсов. Обусловлено последнее тем, что институты, как правило, определяют правила игры в экономике, и институциональные изменения могут привести к значительным последствиям для структурной политики и её реализации.

Российские научные школы, которые занимаются вопросами регионального развития и пространственного анализа, рассматривают влияние структурной политики на региональное развитие и межрегиональные диспропорции. В работах А.Г. Аганбегяна [5], А.Г. Гранберга [72], Е.М. Бухвальда [47], А.П. Минакира [200, 201] и др. показано, как неравномерное распределение ресурсов и возможностей может привести к экономическим различиям между регионами, требующим разработки специальных государственных и региональных стратегий для устранения этих диспропорций.

Таким образом, научно-методические аспекты разработки и оценки структурной политики представляют собой сложный и многогранный процесс, который требует учета множества факторов и междисциплинарного подхода.

В российской научной литературе можно выделить шесть наиболее распространенных подходов к формированию и анализу структурной политики: системный анализ, стратегическое планирование, исследование потенциала региональной экономической системы, а также пространственный, инновационный и кластерный подходы. Мы классифицировали эти подходы на группы в зависимости от их специфического направления и целей, на решение которых они направлены (Рисунок 8).

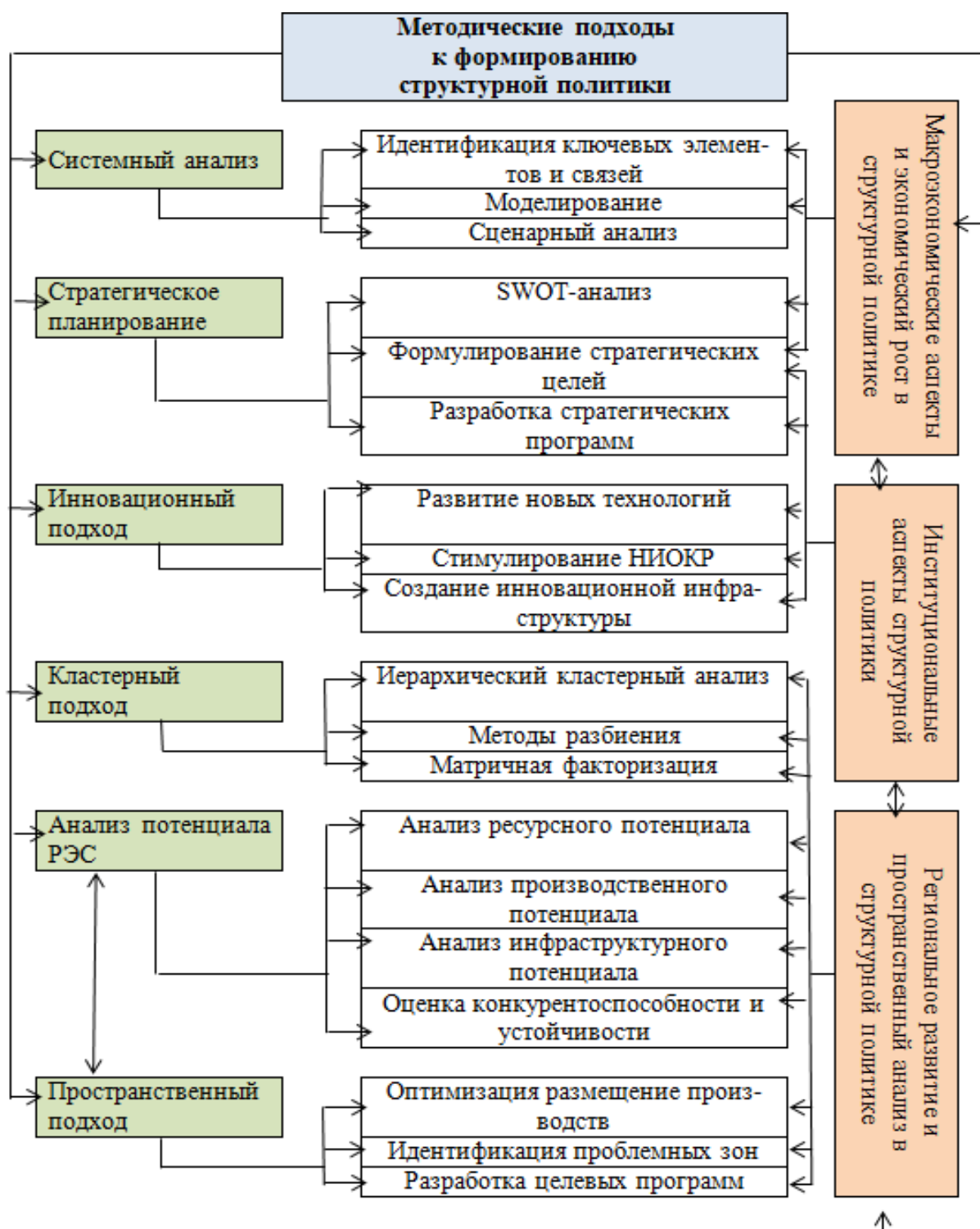

Рисунок 8 – Систематизация методических подходов к формированию структурной политики.

Источник: составлено автором.

Нам интересны данные подходы ввиду их приемлемости для условий региональных экономических продовольственных систем [159]. В современных условиях, когда глобальные вызовы (экономические кризисы, социальные

изменения, геополитические потрясения и пр.) «становятся все более актуальными и агрессивными, системный анализ приобретает особую значимость» [45].

Как методический подход, системный анализ представляет собой методологию, которая включает в себя последовательность действий, направленных на установление структурных взаимосвязей между переменными или элементами исследуемой системы. В контексте региональной экономической продовольственной системы этот подход становится особенно актуальным, так как позволяет глубже понять, как различные элементы взаимодействуют друг с другом, а также как на них влияют внешние факторы, включая государственную политику и экономические условия.

Системный анализ находит широкое применение в исследованиях, посвященных структурной политике и регулирующим воздействиям государства на национальную экономическую систему и ее региональные подсистемы. В этом контексте следует отметить значительный вклад отечественных ученых, таких как Г.Б. Клейнер, С.В. Палаш, В.П. Иваницкий, Е.П. Дятел и П.Т. Авкопашвили и др., каждый из которых развивает идеи системного анализа, внося свой вклад в понимание структурных взаимосвязей в экономике.

Г.Б. Клейнер в своих работах вводит понятие системного планирования, которое подчеркивает важность комплексного подхода к разработке и реализации структурной политики [148]. Этот ученый выделяет два типа структурных взаимосвязей, которые существуют в любой социально-экономической системе: «статусные взаимоотношения» и «функциональные взаимодействия». Статусные взаимоотношения относятся к иерархии и распределению ролей между элементами системы, в то время как функциональные взаимодействия касаются того, как эти элементы взаимодействуют и влияют друг на друга в процессе выполнения своих функций.

С.В. Палаш, в свою очередь, акцентирует внимание на проблемах, связанных с постановкой задач структурной политики [237]. Он подчеркивает необходимость определения стратегических ориентиров и согласованности

действий в условиях наличия множества целей, что особенно важно в современной экономике, где ресурсы ограничены и требуют эффективного распределения для достижения максимального эффекта. С.В. Палаш также затрагивает вопросы ресурсного обеспечения реализации структурной политики и акцентирует внимание на значении обратной связи в процессе управления, что позволяет корректировать действия в зависимости от изменяющихся условий.

В.П. Иваницкий и Е.П. Дятел поднимают вопрос о необходимости упорядочивания многообразного объема представлений и понятий об экономической жизни общества [127]. Они утверждают, что системный подход позволяет проводить исследование на категориальном уровне научного познания, начиная с основ диалектики, заложенных Платоном и Аристотелем. Это позволяет не только структурировать знания, но и выявлять закономерности, которые могут быть использованы для более глубокого понимания экономических процессов, проистекающих в том числе и в структурной сфере.

Системный анализ также подразумевает использование различных инструментов и методов, таких как идентификация ключевых элементов, моделирование, сценарный анализ и прогнозирование. Эти методы позволяют исследователям не только описывать существующие процессы, но и предсказывать их развитие в будущем (П.Т. Авкопашвили [3]). Применительно к региональной экономической продовольственной системе и формированию ее структурной политики можно использовать модели (корреляционно-регрессионные, эконометрические и пр.), которые учитывают факторы, влияющие на производство и распределение продовольствия. Кроме того, системный анализ может быть полезен для выявления проблем и недостатков в существующих системах.

Следующий рассматриваемый нами методический подход, – стратегическое планирование, – направлен на создание долгосрочных стратегий развития социально-экономических систем, не только общенациональных, но и региональных экономических продовольственных систем. В рамках стратегического планирования осуществляется постановка целей структурной

политики, определяются её задачи, инструменты и индикаторы, которые помогут отслеживать его прогресс и результаты.

О.Б. Березинская проводит глубокий анализ международного опыта в области структурной политики и предлагает научное обоснование стратегического подхода, уделяя внимание особенностям интеграции структурных проектов в социально-экономическую политику России [35]. Этот автор подчеркивает, что успешная разработка и реализация государственной структурной политики является ключом к достижению целевых показателей социально-экономического развития страны. О.Б. Березинская также фокусирует внимание на необходимости консолидации целевых параметров всех поддерживаемых государством стратегий в единых стратегических документах планирования, что подразумевает создание целостной системы, которая позволит более эффективно управлять ресурсами и координировать действия различных субъектов, участвующих в структурном процессе.

Другие исследователи, такие как В.С. Антонюк и Э.Р. Вансович, также вносят значительный вклад в понимание стратегического планирования и структурной политики. Они определяют целевую систему, субъекты и объекты, а также уточняют принципы и классификацию инструментов структурной политики.

Аргументированная позиция В.С. Антонюка и Э.Р. Вансовича заключается в том, что целевым ориентиром структурной политики должны стать региональные отраслевые сдвиги, которые могут способствовать прогрессивным изменениям в отраслевой структуре региона, что подразумевает формирование V и VI технологических укладов. Эти ученые предлагают также «методику структурной политики для моноспециализированных субъектов Российской Федерации, которая особенно актуальна ввиду того, что в регионах, где экономика преимущественно зависит от одной или нескольких отраслей, важно разрабатывать стратегии, направленные на диверсификацию и модернизацию структуры производства» [23].

Стратегическое планирование как методический подход включает следующие достаточно широко представленные в научной литературе методы [176,177]:

- SWOT-анализ для оценки сильных и слабых сторон структурной политики развития РЭПС, возможностей и угроз [157];

- формулирование стратегических целей, направленных для определения желаемого состояния РЭПС в будущем (например, повышение уровня самообеспеченности продовольствием, улучшение качества продуктов, рост экспорта) [379];

- разработка стратегических программ, представляющих конкретизацию стратегических целей посредством программ и проектов [279].

Кластерный подход, который мы отнесли к группе исследований по региональному развитию и пространственному анализу, в принципе, может достаточно эффективно применяться и в институциональном, и в макроэкономическом направлениях научных изысканий. Но как методический подход к формированию и анализу структурной политики, по нашему мнению, этот подход наиболее приемлем при проведении исследований регионально-пространственного уровня. Наша авторская позиция находит свое подтверждение в работах, Ю.В. Вертаковой, О.С. Прокопенко [53], Д.В. Головина, К.В. Полторака, Д.М. Горлова [69], М.Е. Коноваловой [154], Л.С. Маркова [190], А.Г. Фонотова и О.Е. Бергаль [358].

Н.Б. Хомерики и П.Н. Шелепа дают ёмкое, на наш взгляд определение кластерного подхода, согласно которому данный подход можно рассматривать как «эффективную модель территориально-отраслевой организации производства, которая активно способствует реализации инновационных предпринимательских проектов, направленных на экономическое развитие региона» [363]. Эти ученые обращают внимание на важную характеристику кластерного подхода, – синергетический эффект, который возникает благодаря взаимодействию между различными участниками – научными и проектными институтами, бизнесом, а также государственными и муниципальными органами управления.

В работах Ю.Б. Миндлина подчеркивается, что кластерный подход становится все более актуальным в современном бизнесе «обеспечивая доступ к специализированным исследованиям и разработкам, что особенно важно в высокотехнологичных отраслях» [206, 207]. Также этот автор описывает преимущества и недостатки кластерного подхода для предприятий-участников кластера и для региона присутствия кластера и экономики всей страны (Таблица 4).

Таблица 4 – Достоинства и недостатки кластерного подхода

Достоинства	
<i>Для участников кластера</i>	<i>Для региона присутствия кластера</i>
1. Повышение конкурентоспособности участников кластера	1. Развитие инфраструктуры региона
2. Повышение эффективности сотрудничества	2. Создание новых рабочих мест на предприятиях кластера
3. Привлечение инвестиций	3. Образование и подготовка кадров
4. Рост резистентности к кризисам	4. Рост конкурентоспособности предприятий АПК на мировом рынке
5. Возможности совмещения глобализации и локализации	5. Диверсификация российской экономики с целью снижения зависимости от экспорта сырьевых товаров
6. Производственная синергия предприятий	6. Развитие инновационного потенциала региона и страны
Недостатки	
1. Риск монополизации	
2. Зависимость от государственной поддержки	
3. Отрицательное влияние на другие предприятия региона присутствия кластера («агломерационная тень»)	
4. Неравномерное распределение выгод среди участников кластера	
5. Недоверие между участниками кластера и по отношению к государственным органам	
6. Необходимость поиска инвестиций	

Источник: составлено автором на основе [206].

Анализ потенциала региональной экономической системы и пространственный подход, по нашему мнению, являются достаточно близкими по целям и задачам их применения, в связи с чем на схеме, систематизирующей методические подходы к формированию и анализу структурной политики (Рисунок 8), оба подхода нами отнесены к направлению «региональное развитие и пространственный анализ». Применение методического подхода, состоящего в анализе потенциала РЭС, позволяет выявить сильные и слабые стороны региона, а

также возможности и угрозы, с которыми он может столкнуться в процессе формирования и реализации структурной политики развития РЭПС. Этот подход включает в себя систематическое изучение различных аспектов и факторов, влияющих на экономическое развитие региона и его структурные характеристики. Обратим внимание, что достаточно детальный теоретический анализ представленных в современной научной литературе видов потенциала региональной экономической системы нами был выполнен в рамках диссертационного исследования ранее (в п. 2.2) в контексте построения авторского теоретического подхода к формированию структурной политики развития региональной экономической продовольственной системы посредством введения экономической категории «потенциал РЭПС». Поэтому здесь акцентируем внимание на содержательной части методов, применяемых при использовании подхода «анализ потенциала РЭС», которые условно разделим на четыре группы: анализ ресурсного, производственного и инфраструктурного потенциалов, оценка конкурентоспособности и устойчивости РЭС.

Эмпирические исследования ресурсного потенциала региона, результаты которого являются входными параметрами при формировании структурной политики определенного субъекта Российской Федерации выполнены Е.А. Бессоновой, Е.М. Кот [159], Ю.Ю. Мерещенко [36], К.Э. Тюпаковым, В.С. Курносовым [329], О.В. Шумаковой, О.Н. Крюковой, А.А. Дегенгардт, Е.С. Осипенко [382], М.С. Распутиной, А.А. Бочаровой [266], Ю.С. Положенцевой, А.Ю. Скочко [244] и др.

Ряд авторов (О.В. Шумакова, Ю.С. Положенцева, А.Ю. Скочко и др.) акцентируют внимание на базовых характеристиках и направлениях экономического развития регионов, подчеркивая важность глубокого понимания ресурсного потенциала для достижения устойчивого экономического роста и формирования рациональных структурных пропорций в региональных системах. Е.А. Бессонова и Ю.Ю. Мерещенко предлагают методики для оценки ресурсного потенциал РЭС не только с количественной, но и с качественной точки зрения (анализ уровня развития инфраструктуры, кадрового потенциала,

технологического оснащения, а также экологических и социальных факторов, влияющих на эффективность использования ресурсов).

Отдельного внимания заслуживают исследования К.Э. Тюпакова и В.С. Курносова, которые обосновывают приоритетные направления повышения эффективности использования ресурсного потенциала агропромышленного комплекса. Подходы этих авторов выходят за рамки традиционного акцента на увеличение объемов производства и сосредотачиваются на более комплексном взгляде на устойчивое развитие. К.Э. Тюпаков и В.С. Курносов подчеркивают важность интеграции современных технологий и инновационных решений в агропромышленный сектор, что может существенно повысить его конкурентоспособность на рынке.

Таким образом, работы отечественных ученых в области ресурсного потенциала представляют собой важный вклад в понимание структурных преобразований в экономике. Они не только обосновывают теоретические подходы, но и предлагают практические рекомендации, которые могут быть применены на уровне регионов и отраслей.

Следует отметить труды, в которых производственный потенциал региональной экономической системы рассматривается как важное условие формирования определенного уровня продовольственной безопасности и продовольственной обеспеченности (Т.Н. Кислая [146], Р.У. Гусманов, С.А. Низамов [83], Т.В. Ускова [337], О.Г. Моронова [212] и др.). Такое понимание производственного потенциала очень важно для формирования целевых установок формирования структурной политики развития региональных экономических продовольственных систем. В отмеченных исследованиях обосновывается существенное влияние уровня развития производственного потенциала региональных экономических систем на обеспечение устойчивого роста продовольственной безопасности региона; выявляются сложившиеся тенденции ресурсного обеспечения региона, даются оценки эффективности их использования; устанавливается связь между уровнем развития

производственного потенциала и эффективностью управления структурными преобразованиями.

Исследования, раскрывающие оценку конкурентоспособности и устойчивости как метод, используемый при методическом подходе «анализ потенциала региональных экономических систем», сгруппируем по трем тематическим блокам. Первый блок объединяет работы авторов, которые фокусируются на разработке и применении методик оценки конкурентоспособности региональных экономических систем (методы оценки региональной конкурентоспособности): Т.С. Ильиной [134], И.А. Новоселовой [227], Н.Д. Гущенской, М.А. Сумароковой [85] и др.

Так, в исследовании Т.С. Ильиной представлен многофакторный подход к оценке конкурентоспособности РЭС с использованием коэффициентов, характеризующих эффективность использования ресурсов, уровень жизни и инвестиционную привлекательность. Методология, используемая в исследовании данного автора, основывается на группировании показателей и расчете композитных индексов.

И.А. Новоселова выделяет две модификации оценки конкурентоспособности: «борьба за производителя» (ориентированная на привлечение бизнеса) и «борьба за жителя» (ориентированная на качество жизни), используя качественно-количественный метод, анализирующий как объективные (природные ресурсы), так и субъективные (институциональные факторы) факторы.

Н.Д. Гущенская, М.А. Сумарокова предлагают методику анализа эффективности региональной агропродовольственной системы с использованием интегральных показателей. В методике данных авторов применяется процедура нормализации и взвешивания показателей, что позволяет ранжировать факторы по их влиянию.

Исследования, которые мы отнесли ко второму блоку, объединяет устремленность на изучение наличия взаимосвязи между

конкурентоспособностью РЭС и устойчивым развитием регионов (Е.Н. Захарова, М.В. Иванова [116] и др.)

В третий блок мы включили труды, посвященные влиянию внешних факторов на региональную конкурентоспособность и устойчивость. В этом ключе считаем необходимым обратить внимание на ряд публикаций. В статье Л.В. Парахиной и Х.М. Мусаевой «Управление конкурентоспособностью региона в условиях санкционного давления на Россию» авторы проводят глубокий анализ влияния экономических санкций на конкурентоспособность российских регионов [239]. Они рассматривают не только «методологические, но и практические аспекты оценки конкурентоспособности в контексте экономической безопасности», что позволяет выработать рекомендации для органов власти и бизнеса по адаптации к новым условиям.

Сходные выводы можно найти и в работе В.П. Скороходовой «Влияние западных санкций на социально-экономическое положение России и ее отдельных регионов» [295]. Здесь автор акцентирует внимание на том, что регионы с высокой степенью зависимости от внешнеэкономических связей, таких как экспорт и импорт, оказываются наиболее уязвимыми. Это подчеркивает необходимость диверсификации экономик регионов, чтобы минимизировать риски, связанные с внешними шоками.

Ю.И. Трещевский, в свою очередь, на основе анализа мнений исследователей и экспертов, выявляет, что наиболее подверженными влиянию санкций являются те регионы, которые имеют значительные внешнеэкономические связи [328]. Он также указывает на угрозу снижения покупательной способности населения и повышения цен на товары и услуги, что может привести к социальным протестам и ухудшению качества жизни.

С.Ю. Глазьев делает важный вывод, что негативные последствия санкций стали более значительными не только из-за внешних факторов, таких как колебания цен на нефть или состояние мировой финансовой системы, сколько из-за внутренних проблем, связанных с недостатками в регулировании национальной экономики, в том числе и в ее структурной составляющей [67].

Пространственный подход к формированию и анализу структурной политики региональных экономических продовольственных систем представляет собой методологическую основу, сосредоточенную на изучении пространственных аспектов взаимодействия различных компонентов продовольственной системы в пределах конкретного региона. Этот подход не только помогает выявить взаимосвязи между экономическими, социальными и экологическими факторами, но и позволяет глубже понять, как географические условия, инфраструктура и культурные особенности влияют на функционирование продовольственных систем.

А.С. Воронов предлагает глубокое и оригинальное понимание сути пространственного подхода в контексте развития региональных экономических систем, согласно которому необходимо использовать накопленный потенциал и ресурсы регионов путем «ручного выстраивания системы регионального развития и внутрирегиональных связей, а также межрегионального взаимодействия с целью достижения качественно иного уровня социально-экономического развития конкретных территорий» [59].

С.А. Иванов и В.В. Ложко рассматривают эволюцию пространственного подхода в экономической теории, акцентируя внимание на его значении и влиянии на развитие региональной экономики [128]. В процессе анализа авторы выделяют несколько этапов, начиная с традиционных моделей, которые рассматривали экономику как набор дискретных элементов, и, заканчивая современными интерпретациями, где акцент смещается на динамику отношений и процессов, происходящих в экономическом пространстве. Ученые подчеркивают, что переход к пространственному подходу является не просто теоретическим сдвигом, а необходимостью, обусловленной изменениями в экономической реальности, так как в условиях глобализации и растущей взаимозависимости регионов становится очевидным, что экономика не может быть адекватно понята без учета пространственного контекста.

Д.А. Гайнановым, Р.Ф. Гатауллиным и А.Г. Атаевой разработан подход к пространственному развитию региона, может улучшить практику регионального

управления. Этот подход основан на создании методологической базы, необходимой для разработки стратегических документов, касающихся пространственного развития региона [61]. Также данный коллектив авторов выделил несколько ключевых направлений, на которые следует обратить внимание при разработке структурной политики. Во-первых, это экономические инструменты, которые включают в себя меры по стимулированию инвестиций, поддержку малого и среднего бизнеса, а также развитие инфраструктуры. Во-вторых, организационные аспекты, такие как создание эффективных управленческих структур, способствующих быстрому реагированию на изменения в экономической ситуации. В-третьих, институциональные инструменты, которые включают в себя развитие правовой базы и механизмов взаимодействия между различными уровнями власти.

Н.М. Сурнина и Е.А. Шишкина изучают как теоретические, так и практические аспекты, связанные с пространственными инфраструктурными системами на уровне регионов [301]. Одним из ключевых моментов их исследований является введение нового термина – «пространственная инфраструктурная система региона», которое подразумевает не только физическую инфраструктуру, такую как дороги и электросети, но и их пространственное распределение, взаимодействие и взаимовлияние, что в свою очередь влияет на экономическое развитие региона. На примере Уральского макрорегиона Н.М. Сурнина и Е.А. Шишкина анализируют специфические пространственно-экономические и управленческие аспекты, которые влияют на функционирование электроэнергетической инфраструктуры и представляют рекомендации по дальнейшему исследованию и управлению пространственными инфраструктурными системами.

Особенности применения пространственного подхода в условиях малых и средних городов изучены К.С. Штеменко [380], который, рассматривая территорию региона как пространство развития малых и средних городов заостряет внимание на необходимости разработки на основе комплексного учета внутрирегиональных взаимодействий таких сценариев стратегического развития региона, которые

позволили бы выровнять социально-экономические различия и диспропорции внутри региона.

В заключение можно утверждать, что для анализа и формирования структурной политики развития региональных экономических продовольственных систем наиболее приемлемы системный анализ, стратегическое планирование, кластерный подход и анализ потенциала региональной экономической системы, дополняемые пространственным подходом. Каждый из этих методических подходов обладает своими преимуществами и позволяет комплексно оценить различные аспекты функционирования РЭПС.

3.2. Классификация факторов и условий, влияющих на формирование аграрной структурной политики развития региональных экономических продовольственных систем

Формирование эффективной структурной политики, особенно в контексте развития региональных экономических продовольственных систем, является сложной и многозадачной проблемой.

Ввиду того, что структурная политика развития региональных экономических продовольственных систем является новым направлением структурной политики, вводимым автором настоящего диссертационного исследования, изучим теоретический материал по проблематике РЭПС применительно к классической структурной политике, акцентируясь на тех трудах, научные положения которых допускают корректное проецирование на условия структурной политики развития региональных экономических продовольственных систем. Также обратим внимание, что в отечественных публикациях, говоря о промышленной политике, часто понимают структурную (как результат неточностей перевода англоязычного термина «industry policy»).

Многие эксперты сходятся во мнении о необходимости стандартизации методик оценки факторов и условий, которые в той или иной степени влияют на структурную политику и результативность принимаемых мер. Это чрезвычайно

важно не только для повышения сравнимости результатов структурного анализа различных регионов и предотвращения субъективности оценок, но и для оптимизации самого процесса планирования. Без стандартизации, результаты оценки влияния факторов будут значительно различаться в зависимости от применяемых методологий, что затруднит объективную оценку эффективности структурной политики. Более того, стандартизация открывает путь к автоматизации отдельных этапов планирования структурной политики.

Разработка специализированного программного обеспечения, способного обрабатывать большие объемы данных, проводить статистический анализ, моделировать различные сценарии развития и оценивать их последствия, значительно сократит трудоемкость процесса и позволит принимать более обоснованные решения.

Рассмотрим различные подходы к оценке условий и факторов структурной политики, которые в полной мере можно отнести к структурной политике развития региональных экономических продовольственных систем.

Так как разработка и внедрение эффективной структурной политики представляют собой сложнейшую задачу, обусловленную множеством постоянно меняющихся внутренних и внешних факторов и условий, то актуален подход, основанный на их учете. С.В. Любимцева в контексте данного подхода разделяет факторы по критерию их воздействия на структурную политику (усиление или ослабление трансформационных процессов), что является лишь отправной точкой для более глубокого анализа [186]. Детальное изучение показывает, что воздействие каждого фактора многогранно и зависит от множества сопутствующих обстоятельств, таких как уровень развития институциональной среды, степень открытости экономики, наличие и эффективность государственного регулирования. Внутренние факторы, способствующие структурной трансформации, включают в себя, помимо прочего, технологические инновации, демографические изменения, изменение структуры потребления и инвестиций, а также институциональные реформы, направленные на повышение эффективности рыночных механизмов. Внешние факторы оказывают не менее

значительное воздействие. К ним относятся глобальные экономические циклы, изменение мировой конъюнктуры, технологические сдвиги на глобальном уровне (например, четвертая промышленная революция (4ПР)), внешнеторговые ограничения и санкции, а также геополитическая ситуация.

Д.В. Мантуров в своей статье «О промышленной политике России на перспективу 2018-2030 гг.» подчеркивает необходимость кардинальных изменений в структуре национальной экономики для достижения устойчивого роста [188]. Он утверждает, что для этого требуется активное использование новых источников роста, которые должны быть основаны на современных технологических, управленческих и кадровых подходах. Д.В. Мантуров также анализирует множество факторов, влияющих на формирование государственной структурной политики, обозначая в качестве ее важной составляющей необходимость адаптации к глобальным экономическим условиям, включая риски, связанные с международными санкциями.

Н.И. Шагайда, В.Я. Узун, Д.С. Терновский, Е.А. Шишкина раскрывают принципиальные особенности структурной политики в условиях глобализации, отмечая, что глобализация является фундаментальным фактором экономического развития и несет определенное влияние на структурные преобразования экономики. Проявляется этот фактор в растущей взаимозависимости экономических систем различных стран, что в свою очередь «становится основой для формирования единого мирового рынка при трансформации формы и характера взаимосвязей между экономиками стран и возникновении новых структур экономики» [95, 369]. Сдерживающие факторы в развитии и повышении конкурентоспособности регионального продовольственного комплекса авторами систематизированы на основе SWOT-анализа.

В другой статье О.А. Романовой подчеркивается, что структурная политика играет ключевую роль не только в координации различных видов государственных политик, но и служит основой для формирования экономической политики государства в целом. Этот автор отмечает, что «структурная политика как важный элемент управления обеспечивает

согласованность и взаимодействие между различными секторами экономики, что, в свою очередь способствует рациональному использованию ресурсов и достижению устойчивого экономического роста» [281]. При этом в рамках анализа развития информационно-коммуникационных технологий О.А. Романова выделяет их значимость как одного из главных факторов, способствующих формированию цифровой экономики, особенно в региональном контексте.

А.Г. Аганбегян выделяет пространственный фактор как незаменимый элемент структурной трансформации экономики, подчеркивая его связь с размещением производительных сил и звеньев производственных цепочек [4]. Ученый отмечает, что географическое расположение предприятий и ресурсов играет важную роль в том, как организована структура экономика региона или страны. А.Г. Аганбегян, акцентируя внимание на пространственном факторе, справедливо подчеркивает неравномерность развития регионов и её влияние на структуру экономики.

С точки зрения В.Е. Зуева, основным драйвером структурных трансформаций являются динамические процессы изменения мирового внутреннего валового продукта (ВВП), а также процессы слияния и поглощения компаний на международной арене, влияющие на то, как компании адаптируются к меняющимся условиям рынка, и как перераспределяют ресурсы [126].

А.Е. Карлик, Е.А. Яковлева, В.В. Платонов и Т.С. Катермина поднимают важный вопрос о разработке новых методов управления, которые будут способствовать реализации активной структурной политики в условиях стремительной цифровизации. Авторы делают вывод об актуальности пересмотра традиционных подходов к управлению в связи с тем, что в последние годы неотъемлемой частью промышленности стало внедрение киберфизических систем (то есть систем, представляющих собой интеграцию вычислительных ресурсов с физическими процессами).

Кроме того, А.Е. Карлик и др. предлагают модель формирования структурной политики в условиях информационно-сетевой экономики, которая сможет учитывать динамичное развитие технологий и изменяющиеся условия рынка [140].

С.А. Толкачевым и А.И. Соловьевым представлены результаты факторно-сравнительного анализа опыта реализации структурной политики в государствах – членах Евразийского экономического союза. В ходе исследования этими учеными были идентифицированы факторы, оказывающие как положительное, так и отрицательное влияние на реализацию и эффективность структурной политики в странах ЕАЭС (Белоруссии, Казахстане и России). Также С.А. Толкачевым и А.И. Соловьевым на основе данных Всемирного банка была создана обширная база данных, включившая в себя 46 различных показателей, сгруппированных по шести разделам, охватывающим широкий спектр факторов, влияющих на реализацию структурной политики. В частности, в базе данных представлены показатели, касающиеся общеэкономических условий, энергоэффективности, развития инфраструктуры, научной деятельности и образования, социального развития [325].

В.И. Мысаченко провел исследование, направленное на оценку факторов, которые оказывают влияние на эффективность структурной политики в Российской Федерации. В рамках своего анализа они применили метод корреляционно-регрессионного анализа, позволяющий выявить взаимосвязи между различными экономическими показателями и оценить, как изменение одного из факторов может инициировать изменения в других факторах. Автор выделил несколько основополагающих факторов, которые, по их мнению, играют важную роль в формировании эффективной структурной политики.

Во-первых, это производительность труда, которая является основным индикатором экономической эффективности и конкурентоспособности.

Во-вторых, это инвестиции в основной капитал, непосредственно влияющие на модернизацию производственных процессов и повышение их эффективности. В качестве третьего фактора В.И. Мысаченко выделяет индекс физического объема оборота оптовой торговли, отражающий динамику товарооборота и который возможно рассматривать как индикатор экономической активности в стране [215].

Микроэкономические факторы, рассмотренные Е.М. Якутиным [390] и М.Е. Лебедевой [174], дополняют картину, фокусируясь на внутренних механизмах трансформации. Концентрация активов предприятий, по Е.М. Якутину приводит к формированию крупных корпораций, способных к более эффективному инвестированию и инновационной деятельности, но одновременно угрожает ростом монополизма и снижением конкуренции. Это в свою очередь, требует противодействия со стороны государства, регулирующего процессы слияний и поглощений, предупреждая возникновение чрезмерной концентрации капитала в руках отдельных игроков. М.Е. Лебедева рассматривает фактор обеспечения доступа предприятий к финансовым ресурсам как развитие связей реального сектора экономики и банковской сферы. Действительно, эффективное кредитование позволяет компаниям инвестировать в модернизацию, расширение производства, внедрение новых технологий, – все это является движущей силой структурной трансформации.

М.А. Климович и М.А. Гасанов в своей работе углубленно анализируют структурные изменения, происходящие в экономике в контексте новой промышленной революции 4ПР. Эта революция, охватывающая широкий спектр технологий и инноваций, в корне меняет условия функционирования экономических систем, как на макро-, так и на микроуровнях. Авторы выделяют несколько факторов, определяющих скорость и глубину структурных изменений в экономике, среди которых на первом месте стоят технологические прорывы (особенно в сферах искусственного интеллекта, больших данных, робототехники и биотехнологий) [150].

Однако скорость внедрения этих технологий и их влияние на структуру экономики зависят от множества факторов. Одним из них является инвестиционный фактор, на котором, рассматривая структуру инвестиций и ее влияние на воспроизводственные процессы, акцентирует внимание А.П. Латкин, обозначая ведущую роль этого фактора в структурных трансформациях экономической системы [169].

Классификация условий и факторов, влияющих на структурную политику развития РЭПС, представляет собой важный этап в исследовании и понимании динамики этой сложной системы.

Под классификацией понимается систематизация и группировка факторов, которые могут оказывать влияние на развитие региональных экономических продовольственных систем, а также их дальнейшее деление на более узкие подгруппы, позволяющее детально анализировать как положительные, так и отрицательные аспекты действия структурной политики в различных сегментах региональной экономической продовольственной системы региона. В таком понимании классификационные группы наследуют все основные правила, применяемые при делении объема понятий.

Основные принципы, выполнение которых необходимо при формировании многих классификаций, в том числе и применительно к структурной политике развития РЭПС, включают следующие требования [233]:

- полнота классификации, что предполагает включение всех элементов, относящихся к исследуемой группе, в единую систему классификации, позволяя создать полное и объективное представление о предмете исследования;
- соразмерность деления, то есть классификационные категории должны иметь равный объем и вес; каждая категория при этом должна быть однородной и отражать единую группу признаков для избежания неоднозначной трактовки результатов исследования и возможности их корректного анализа;
- уникальность категорий, означающая, что в разных типологических группах должны отсутствовать повторяющиеся понятия; все категории характеризуются точными определениями, выделяющими их среди остальных, обеспечивая точность и корректность классификации.

Факторы в свою очередь представляют собой определенные элементы, которые оказывают влияние на экономические процессы и явления, формируя пропорции и связи между различными компонентами экономической системы. Каждый фактор можно рассматривать как движущую силу, способствующую развитию или изменению определенных процессов [235].

Важно отметить, что факторы являются частью более широкого понятия – условий, представляющих собой совокупность факторов и других обстоятельств, способных влиять на экономические явления. Условия более разнообразны и многогранны, чем факторы. Таким образом, условия можно рассматривать как общее множество, в то время как факторы – это подмножество, содержащее конкретные элементы, способствующие возникновению определенных явлений.

Взаимосвязь между факторами, причинами и явлениями можно представить в виде цепочки: факторы → причины → явление. Факторы создают определенные условия, которые, в свою очередь, приводят к возникновению причин, а уже они вызывают конкретные экономические явления.

На основании обобщения теоретических изысканий по вопросам построения типологий факторов, влияющих на формирование структурной политики, представим классификации факторов структурной политики развития региональных экономических продовольственных систем. Отметим, что представленные классификации в полной мере соответствуют представленным выше принципам построения факторных классификаций (Таблица 5).

Первая, наиболее многоэлементная типология факторов, влияющих на формирование аграрной структурной политики развития РЭПС («по сфере происхождения») позволяет выделить факторы, соответствующие различным источникам влияния на продовольственные системы (А.Л. Волкова) [55]:

1) экономические факторы, к которым относятся уровень доходов населения, цены на продукты питания, инвестиции в производственный базис РЭПС и перерабатывающую промышленность, налоговая политика и государственная поддержка товаропроизводителей продовольствия;

2) научно-технические факторы, обусловленные уровнем развития технологий в сегментах РЭПС, внедрением инноваций в АПК;

3) социальные факторы, включающие уровень образования и квалификации работников, культурные традиции, социальные ожидания и потребительские предпочтения;

4) политические факторы, важность которых определяется влиянием на развитие продовольственных систем государственной политики в области сельского хозяйства и продовольственной безопасности, международных отношений, условий внешней торговли и пр.;

5) правовые факторы – законы о земельной собственности, охране окружающей среды, санитарных и экологических норм;

6) экологические факторы – характеризуют состояние окружающей среды, климатические условия, наличие природных ресурсов и биоразнообразие напрямую влияют на производственный базис РЭПС.

Таблица 5 – Классификации факторов, влияющих на формирование аграрной структурной политики развития РЭПС

Классификационный признак	Типы факторов
По сфере происхождения	экономические, научно-технические, социальные, политические, правовые, экологические
По направленности	позитивные и негативные
По характеру действия	интенсивные и экстенсивные
По отношению к концепции устойчивого развития сельского хозяйства	способствующие устойчивому или неустойчивому развитию сельского хозяйства
По принадлежности к системным секторам АПК	объектные, проектные, процессные, средовые
По значимости	основные, второстепенные
По месту возникновения	внутренние и внешние
По природе возникновения	объективные и субъективные
По свойствам явлений	подлежащие качественному и (или) количественному анализу
По составу	простые и сложные
По величине воздействия	оказывающие слабое, среднее, сильное воздействие
По вероятности появления	характеризующиеся различной вероятностью появления (развития) – малой, средней, высокой
По времени действия	постоянные и переменные
По территориальному охвату	глобальные, национальные, региональные, локальные
По возможности воздействия	регулируемые и нерегулируемые

Источник: составлено автором.

Классификационным признаком следующей типологии является направленность факторов. Соответствующая классификация позволяет выделить

положительное и отрицательное влияние факторов, в том числе и структурных, на развитие продовольственных систем:

1) позитивные факторы – способствуют развитию продовольственных систем и формированию положительно направленных структурных изменений (сдвигов) в РЭПС;

2) негативные факторы – препятствуют (или замедляют) развитие продовольственных систем, инициируя отрицательно направленные структурные изменения (сдвиги) в РЭПС.

В зависимости от характера действия факторы, влияющие на формирование аграрной структурной политики развития региональных экономических продовольственных систем, подразделяются на интенсивные (то есть способствующие увеличению, например, производительности труда в сельском хозяйстве в расчете на единицу площади) и экстенсивные (связанные с ростом объемов производства за счет расширения посевных площадей и т.п.).

Классификация факторов, влияющих на продовольственную систему с точки зрения концепции устойчивого развития сельского хозяйства, хотя не имеет единого общепринятого стандарта, но допускает выделение двух основных подходов к их группировке: как способствующие, так и не способствующие устойчивому развитию сельского хозяйства.

По отношению к концепции системных секторов экономики, предложенной Г.Б. Клейнером, факторы можно разделить на четыре категории [148]:

1) объектные – характеризуют материальные ресурсы (земля, вода, сельскохозяйственная техника и т.п.);

2) проектные – связаны с планированием и реализацией проектов в РЭПС;

3) процессные – связаны с организацией производственных, логистических, управленческих процессов в отраслях сельского хозяйства;

4) средовые – обусловлены внешней средой, в которой функционируют продовольственные системы.

По значимости факторы формирования аграрной структурной политики РЭПС подразделяют на основные и второстепенные факторы (В.И. Мысаченко)

[215]. При этом основные факторы (климатические условия, тип почвы, доступ к водным ресурсам) являются критически важными для функционирования продовольственных систем.

Классификационный признак «по месту возникновения» является основанием деления факторов на внутренние и внешние (О.Г. Алешина, С.А. Жиронкин) [11]. Внутренние факторы относятся к условиям, которые существуют внутри региона, включая экономические, социальные и политические аспекты. Внешние факторы, такие как глобальные экономические тенденции, международные торговые соглашения и изменения в политической ситуации, также играют важную роль, так как они могут оказывать влияние на спрос и предложение продуктов питания (Рисунок 9).

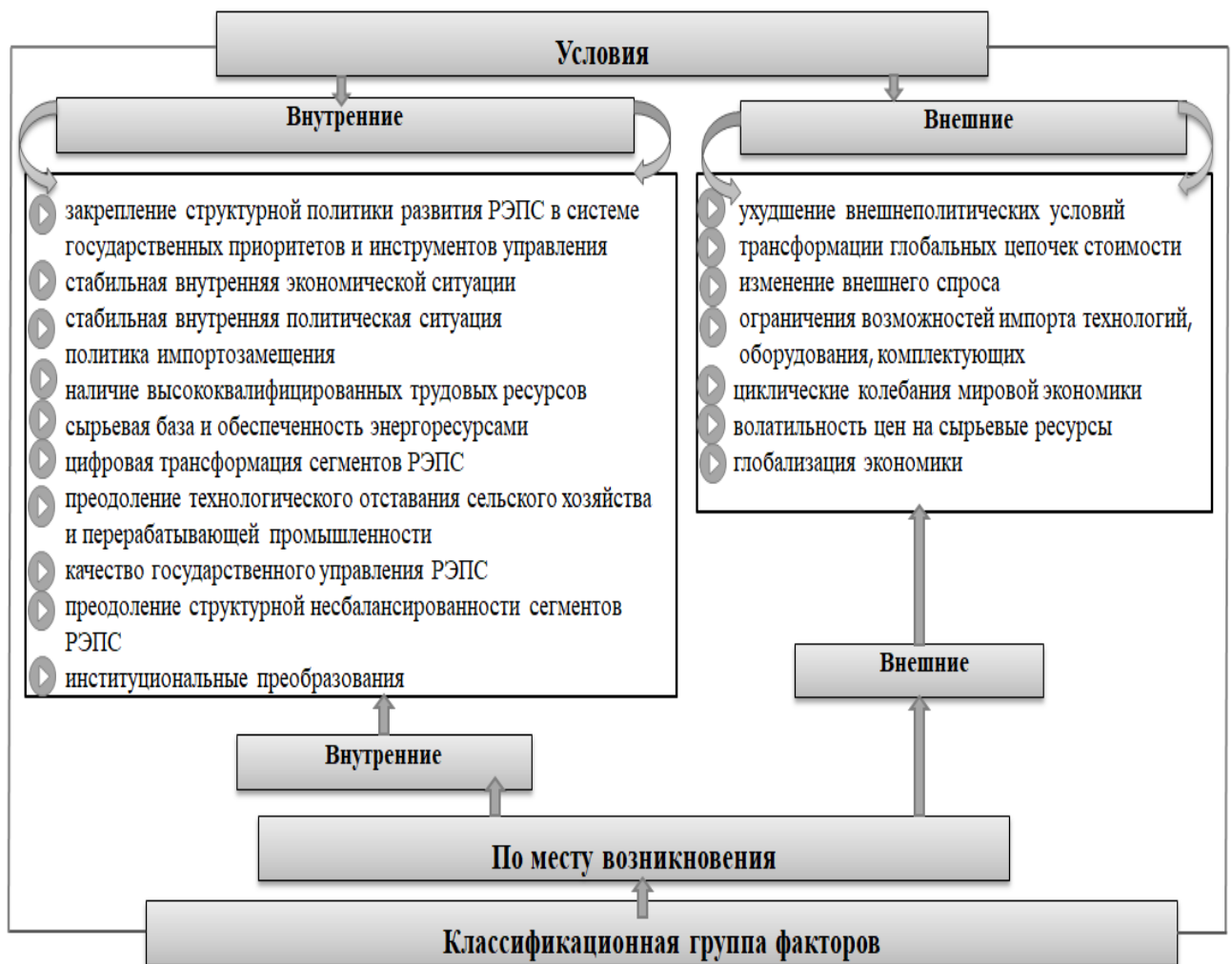

Рисунок 9 – Классификация условий аграрной структурной политики развития РЭПС по месту возникновения.

Источник: составлено автором.

Типология «по природе возникновения» включает такие виды факторов:

1) объективные, то есть факторы, которые существуют вне зависимости от сознания и воли человека, обладают объективной сущностью, допускают изучение, измерение, оценивание посредством научных методов;

2) субъективные – зависят от сознания, воли, мнений, ценностей, чувств и восприятия конкретного человека или группы людей; их сложно измерить количественно, они индивидуальны и могут варьироваться в зависимости от контекста.

По свойствам явлений классификация включает явления, подлежащие качественному и (или) количественному анализу. Качественный анализ позволяет глубже понять контекст и мотивацию участников продовольственной системы, в то время как количественный анализ предоставляет данные для статистических выводов и прогнозов.

Классификация по составу подразделяет факторы на простые и сложные, а по величине воздействия на факторы, оказывающие слабое, среднее и сильное воздействие на сегменты РЭПС.

Для региональных экономических продовольственных систем вследствие того, что производственный базис подвержен множеству случайных стохастических воздействий, чрезвычайно важна дифференциация факторов по вероятности появления: с малой, средней и высокой вероятностью. Оценка вероятности возникновения факторов может помочь в разработке стратегий управления рисками для продовольственных систем и, в целом, при формировании приоритетов аграрной структурной политики.

При формировании аграрной структурной политики развития РЭПС следует различать факторы, оказывающие на систему постоянное действие и факторы, изменяются под влиянием каких-либо событий (типология «по времени действия»):

1) постоянные факторы – имеют долгосрочное влияние на продовольственные системы (например, географическое положение, природно-климатические условия и пр.);

2) переменные факторы – могут изменяться в зависимости от текущих условий и требуют постоянного мониторинга (рыночные цены, потребительские предпочтения и др.).

Типология «по территориальному охвату», также как и типология «по сфере происхождения», является достаточно широкой и содержит четыре группы факторов, из которых глобальные и национальные факторы имеют значение для всех регионов страны, региональные учитывают особенности конкретных территорий, а локальные – отражают специфику отдельных сообществ.

В контексте аграрной структурной политики при формировании и принятии управленческих решений следует понимать уровень применения структурных воздействия на сегменты РЭПС, что обуславливает выделение завершающей в нашем обзоре классификации по критерию «по возможности воздействия» (В.Е. Зуев) [126]. Данная классификация включает факторы:

1) регулируемые – государственные субсидии, налоговые льготы и пр., которые могут быть изменены в результате изменения политических, нормативно-правовых или иных условий;

2) нерегулируемые – находятся вне контроля местных властей и требуют адаптации стратегий для минимизации их потенциального негативного влияния (природные условия, глобальные экономические тенденции и пр.).

Таким образом, представленная классификация факторов аграрной структурной политики развития РЭПС позволяет не только систематизировать влияние не нее различных факторов, но и выявить ключевые направления для улучшения и устойчивого развития РЭПС. Более того, понимание этих факторов и их взаимосвязей является необходимым условием для разработки эффективных стратегий, направленных на повышение продовольственной безопасности и устойчивое развитие регионов. Важно также учитывать, что воздействие факторов может варьироваться в зависимости от условий и особенностей региона, что требует индивидуального подхода к разработке и реализации аграрной структурной политики развития РЭПС применительно к конкретному региону.

A. Neri, E. Cagno, G.Di Sebastiano и A. Trianni в своей исследовательской работе предложили концепцию драйверов, которые измеряют устойчивое

структурное развитие [435]. В рамках этой концепции ученые выделили несколько моделей, среди которых можно отметить как модель, содержащую драйверы устойчивого развития, так и более сложную модель, которая включает механизмы взаимодействия между этими драйверами и существующими барьерами. Данный подход, на наш взгляд, представляет собой актуальное и востребованное решение в условиях, когда в России реализуется структурная политика, направленная на устойчивое развитие экономики в целом, и в том числе её сельского хозяйства.

Проанализировав существовавшие ранее и современные дебаты вокруг структурной политики, А. Andreoni и Н. Chang Ha-Joon предлагают сфокусировать обсуждение вокруг трех важнейших вопросов [396]. Первый вопрос касается стратегической координации структурных взаимозависимостей, которые возникают в ходе промышленной трансформации. Второй вопрос, который поднимает этот коллектив авторов, связан с вызовами, с которыми сталкиваются страны при создании необходимых институтов и согласовании политики, чтобы достичь структурной трансформации. Третий вопрос, на который обращают внимание Andreoni и Chang Ha-Joon, касается управления конфликтами интересов, которые могут возникать как на этапе реализации структурных изменений, так и в процессе их планирования.

Анализ факторов и условий формирования структурной политики в экономике Российской Федерации демонстрирует не вполне однозначную ситуацию, в которой сосуществуют как положительные, так и отрицательные аспекты.

В первую очередь, стоит отметить наличие ряда благоприятных условий, способствующих развитию структурной политики развития РЭПС. Одним из ключевых факторов является достаточно стабильная (несмотря на внешнеполитические угрозы и вызовы) внутренняя экономическая и политическая ситуация. Эта стабильность создает основу для долгосрочного планирования и реализации экономических реформ, что, в свою очередь, может способствовать привлечению инвестиций в сегменты РЭПС. Кроме того,

успешная реализация политики импортозамещения в производственном базисе РЭПС также является значимым фактором. Импортозамещение позволяет сократить зависимость от иностранных товаров и услуг, стимулируя развитие отечественного производства, в том числе и в продовольственной сфере. Обширная сырьевая база страны также играет важную роль в формировании структурной политики. Россия обладает значительными запасами природных ресурсов, что дает возможность развивать сырьевые отрасли и экспортировать продукцию на международные рынки. Обеспеченность энергоресурсами и финансовыми ресурсами на федеральном уровне также свидетельствует о существовании необходимых условий для успешного функционирования экономики.

Однако, несмотря на наличие благоприятных условий, нельзя игнорировать значительные внешние ограничения и внутренние дисбалансы, которые оказывают негативное влияние на развитие региональной экономической продовольственной системы. Внешние ограничения проявляются, в первую очередь, в виде международных санкций, которые затрудняют доступ к зарубежным рынкам и технологиям. Кроме того, колебания мировых цен на сырьевые товары могут негативно сказаться на экономическом положении, особенно для стран, которые зависят от экспорта определенных видов продукции. Внутренние дисбалансы, в свою очередь, могут проявляться в неравномерном развитии различных регионов, что приводит к экономическим и социальным проблемам. Это создает дополнительные вызовы для реализации структурной политики.

3.3. Методика оценки структурных сдвигов в региональных экономических продовольственных системах

Методика оценки структурных сдвигов в РЭПС, являясь важным инструментом для принятия обоснованных управленческих решений в сфере аграрной структурной политики, необходима для анализа изменений в структуре

производства сельскохозяйственной продукции, потребления и распределения продуктов питания на региональном уровне.

Представленное во второй главе диссертации исследование, посвященное эволюции теоретического понимания проблемы сущностного содержания структурной политики, также показывает, что структура РЭПС, как уже сложившаяся к определённом периоду, так и моделируемая (с учётом структурных сдвигов различного уровня и направленности) требует корректного применения совокупности специальных показателей и методов для анализа её результативности.

Существующая полемичность в научной литературе относительно соотношения между структурными изменениями (структурными сдвигами) и результативностью структуры экономики, включая область продовольственных систем [2, 160, 208, 303, 375], на наш взгляд, обуславливает целесообразность сосредоточения внимания на иерархической соподчиненности соответствующих понятий.

Важно понимать, что структурные изменения могут оказывать значительное влияние на эффективность функционирования экономики в целом, а также на развитие отдельных отраслей, таких как сельское хозяйство и перерабатывающая промышленность. При этом необходимой основой формирования результативной структуры РЭПС является инициирование совокупностью сельскохозяйственных товаропроизводителей эффективных структурных сдвигов в производственном базисе региональных экономических продовольственных систем, инфраструктурных и других обеспечивающих продовольственное обеспечение ее сегментов [289, 291, 299].

К базовым задачам, решение которых должна обеспечить методика оценки структурных сдвигов, как локализованных структурных изменений, следует отнести следующие:

– анализ текущих тенденций в аграрной структурной политике развития РЭПС, который реализуется посредством оценки динамики структурных

показателей, характеризующих состояние регионального продовольственного рынка;

- выявление проблемных зон, а именно: идентификация структурных деформаций, инициирующих отрицательно направленные структурные сдвиги в продовольственных системах региона, определение «узких» мест в функционировании РЭПС, выявление отраслей сельского хозяйства (ассортиментных продовольственных групп) с высоким уровнем зависимости от импорта;

- мониторинг результатов и разработка рекомендаций по совершенствованию аграрной структурной политики развития РЭПС, в том числе формирование предложений по повышению эффективности функционирования региональной продовольственной системы и трансформации негативных структурных сдвигов в позитивные, устранение или минимизация структурных деформаций в РЭПС.

Решение данных задач в полной мере обеспечивает методики оценки структурных сдвигов в региональных экономических продовольственных системах, классифицированных автором в обобщенно-структурированном виде на Рисунке 10.

Методы, используемые для оценки структурных сдвигов, можно подразделить на две категории: специальные и универсальные. Специальные методы «направлены на оценку собственно структурных сдвигов и самой структуры РЭПС, а также структуры её отдельных сегментов» [171]. Универсальные методы, в свою очередь, находят свое применение в широком перечне социально-экономических исследований (в том числе и в сфере продовольственных систем). В рамках методики оценки структурных сдвигов в РЭПС специальные методы анализа структурных сдвигов разбиты нами на три группы: компонентная оценка структурных сдвигов, оценка динамики и оценка совокупных структурных сдвигов.

Компонентная оценка структурных сдвигов направлена на изучение изменений в уровнях и соотношениях различных структурных единиц, что

позволяет увидеть, как именно происходят изменения в национальной экономике, продовольственных системах, продовольственной обеспеченности.

Рисунок 10 – Состав методики оценки структурных сдвигов в РЭПС.

Источник: составлено автором.

Данная группа специальных методов оценки структурных сдвигов предполагает использование различных количественных характеристик, таких как масса, скорость и интенсивность структурных сдвигов (Рисунок 11).

Исходным показателем компонентной оценки структурных сдвигов является масса структурного сдвига, которая отражает количество экономических элементов, составляющих анализируемый структурный сдвиг.

С помощью следующего показателя, – среднегодовой скорости структурного сдвига, – определяется величина (в процентах) средней скорости изменений, происходящих в структуре экономики за единицу времени. При этом, ввиду того, что в процессе экономического развития могут происходить как ускорение, так и замедление структурных изменений в региональных

экономических продовольственных системах, то данный показатель в различных ее сегментах может варьироваться на разных временных отрезках.

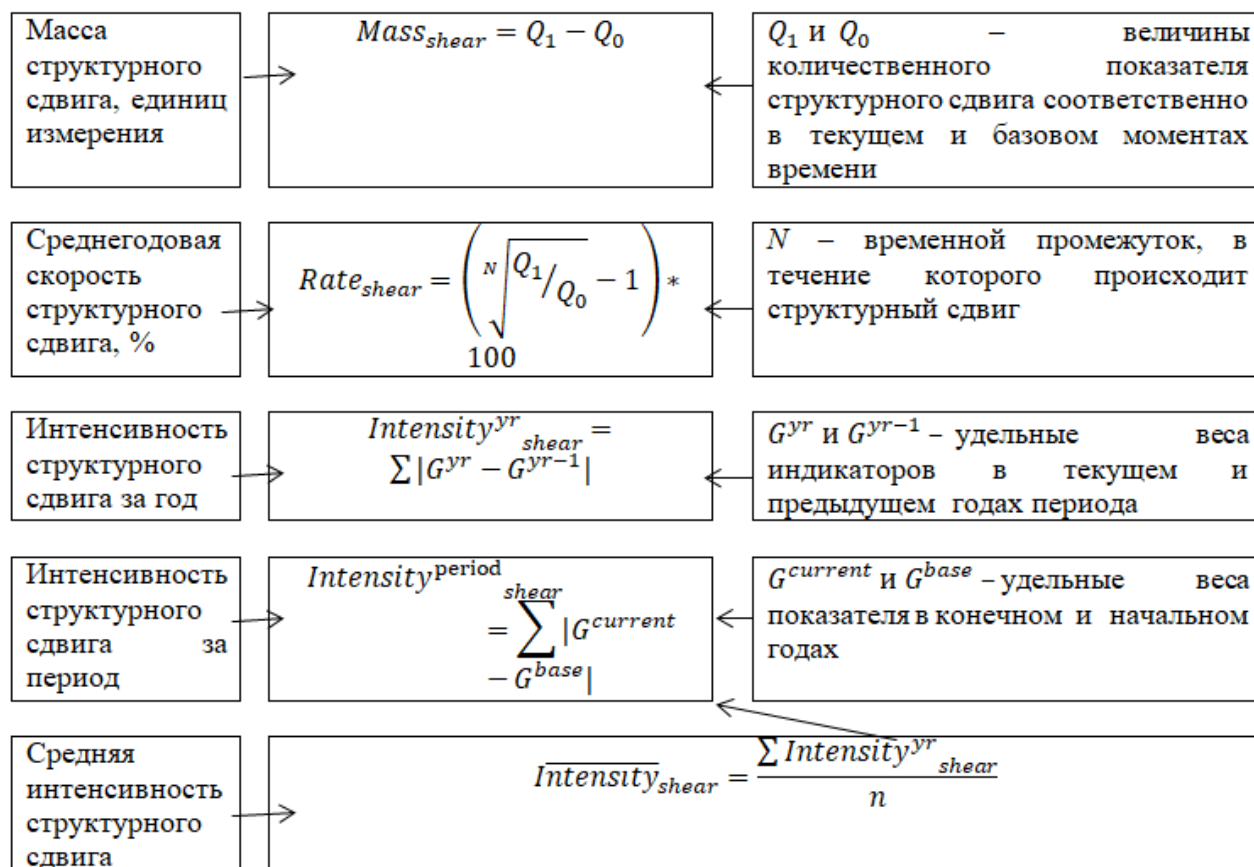

Рисунок 11 – Специальные показатели методики оценки структурных сдвигов в РЭПС: компонентная оценка структурных сдвигов.

Источник: составлено автором на основе [164, 376, 460].

Понятия массы и скорости структурных сдвигов в РЭПС тесно связаны с характеристикой их интенсивности. Интенсивность структурного сдвига характеризует масштабность структурных трансформаций; показывает степень нелинейности развития структурного сдвига; может определяться за год, за период и в среднем. С помощью данных показателей интенсивности можно проанализировать, насколько интенсивно изменяются взаимосвязи между отдельными элементами РЭПС в определенный цели исследования период.

Действенным инструментарием, позволяющим исследовать структурные изменения в региональных экономических продовольственных системах, являются показатели второй группы специальных методов оценки структурных

сдвигов, – методы оценки их динамики, включающие индекс структурного сдвига, его направленность и долевые агрегаты (Рисунок 12).

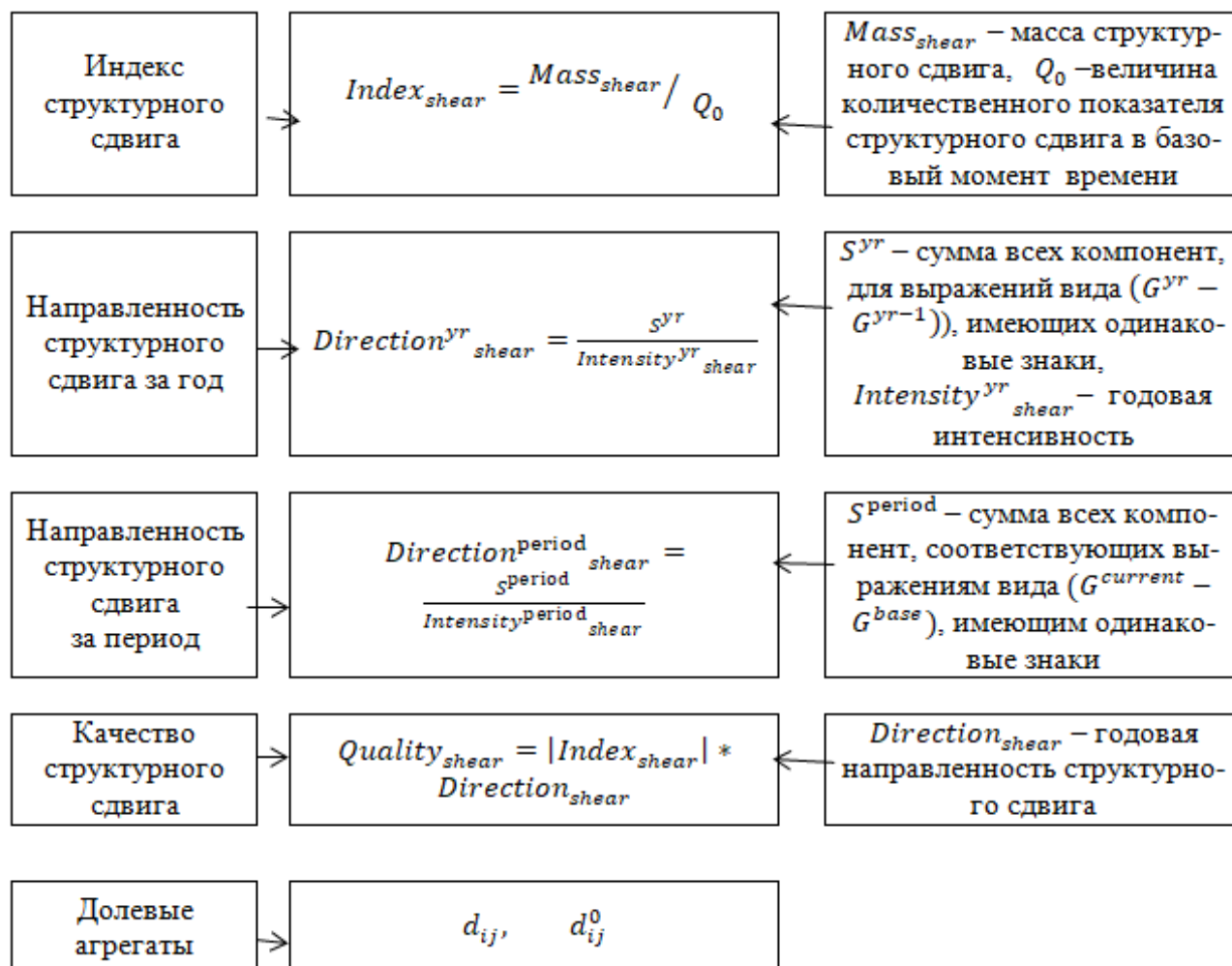

Рисунок 12 – Специальные показатели методики оценки структурных сдвигов в РЭПС: оценка динамики структурных сдвигов.

Источник: составлено автором на основе [105, 164, 210].

Индекс структурного сдвига предназначен для изучения динамики структуры различных экономических показателей (сегментов) в составе региональных экономических продовольственных систем; выражается показатель в долевом или процентном виде.

Важной особенностью индекса сдвига является его относительный характер, позволяющий проводить сравнительный анализ динамики даже непосредственно не связанных друг с другом показателей (например, изменений в структуре собственности и производстве продовольствия). Характеристикой

направленности структурных сдвигов в РЭПС являются показатели монотонности, которые отражают, как именно изменяются анализируемые сдвиги за год или за период. В общем понимании, монотонность в анализе динамики структурных сдвигов означает сохранение характера сдвигов в течение рассматриваемого промежутка времени – в направлении возрастания или убывания [283].

Индекс структурного сдвига и его годовая направленность связаны показателем качества, который представляет собой произведение модуля индекса сдвига и его годовой направленности. При этом улучшение или ухудшение структуры РЭПС в разрезе ее сегментов отражается в показателе качества соответственно с помощью знаков «плюс» или «минус».

Завершают систему показателей динамики структурных сдвигов «долевые агрегаты», предназначение которых – исследование «пропорциональности частей» (по А.В. Чаянову [365]). Следует отметить, с одной стороны, простоту практического применения долевых агрегатов, а, с другой, – «прозрачность» интерпретации результатов анализа. Долевые показатели позволяют, например, изучить, распределение ресурсов и производств между различными категориями землепользователей региональных экономических продовольственных систем, а также в разрезе организационно-правовых форм предприятия, отраслей и масштабу деятельности.

Оценка совокупных структурных изменений (третий класс специальных методов рассматриваемой методики оценки структурных сдвигов) состоит в нахождении, по сути, отклонений в различной статистической форме долевых агрегатов текущего периода от долевых агрегатов базового периода (Рисунок 13):

1) линейное отклонение, или метрика K_1 , широко применяется Организацией Объединенных Наций для анализа структурных изменений, представляет собой простое линейное отклонение текущего долевого агрегата от базового;

2) абсолютное отклонение текущего долевого агрегата от базового, или метрика K_2 позволяет получить «четкую картину изменений в структуре товаропроизводства» [419];

3) квадратическое отклонение текущего долевого агрегата от базового, или метрика K_3 , с математической точки зрения определяет расстояние между долевыми характеристиками структурного процесса, а с экономической точки зрения дает возможность оценить степень изменений в структуре товаропроизводства в продовольственной системе региона за рассматриваемый период.

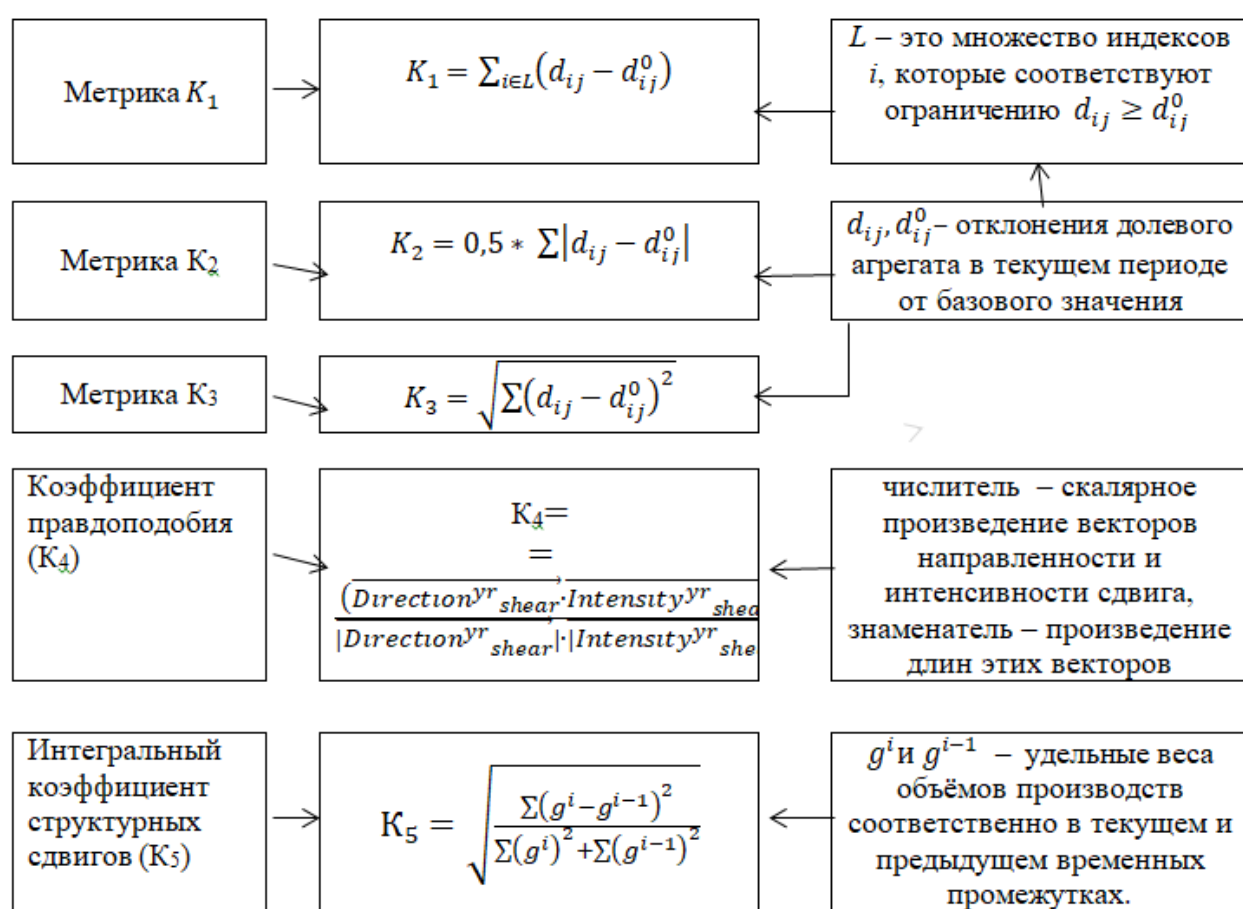

Рисунок 13 – Специальные показатели методики оценки структурных сдвигов в РЭПС: оценка совокупных структурных сдвигов.

Источник: составлено автором по [106, 164, 210].

Коэффициент правдоподобия (K_4) представляет собой еще один важный элемент оценки динамики структурных сдвигов в РЭПС. Он вычисляется с использованием векторов, координатами которых являются величины годовых

направленностей сдвигов $(\overrightarrow{Direction^{yr}_{shear}})$ и годовых интенсивностей $(\overrightarrow{Intensity^{yr}_{shear}})$ структурного сдвига за каждый год, входящий в анализируемый период. При этом возможный промежуток изменения данного показателя удовлетворяет двойному неравенству: $-1 \leq K_4 \leq 1$. Если $K_4=1$, то анализируемый структурный сдвиг соответствует прогрессивным структурным преобразованиям РЭПС, а если $K_4=-1$ – не соответствует. Все остальные значения коэффициента правдоподобия интерпретируются по мере «приближенности» к крайним точкам критериального промежутка.

Интегральный коэффициент структурных сдвигов (K_5) также является достаточно информативным показателем их динамики и отражает степень существенности сдвигов. Критериальные значения интегрального коэффициента сдвигов принадлежат интервалу $(0; 1]$. Чем ближе K_5 к единице, тем более существенны структурные сдвиги.

Таким образом, комплексный подход к анализу структурных сдвигов в региональных экономических продовольственных системах, основанный на использовании различных показателей и коэффициентов, позволяет получить более полное и глубокое понимание динамики изменений в производственной, отраслевой и организационно-экономической структурах. Это, в свою очередь, может служить основой для принятия научно обоснованных решений на уровне управления и планирования, направленных на улучшение социально-экономической ситуации в регионе и повышение его конкурентоспособности и продовольственной обеспеченности.

Важной методической проблемой, возникающей при оценке структурных сдвигов, является проблема оценки их результативности [258]. В общем, результативность структурных сдвигов является характеристикой того, «насколько быстро те или иные структурные сдвиги способны привести систему к достижению целевых показателей или генерировать новые качества в региональных экономических продовольственных системах» [171].

Оценить результативность структурных сдвигов, реализованных в региональной экономической продовольственной системе ($Efficiency_{shear}$) можно, сопоставив массу структурного сдвига с общими затратами, необходимыми на его осуществление:

$$Efficiency_{shear} = \frac{Mass_{shear} * 100}{Costs_{shear}}, \quad (1)$$

где $Mass_{shear}$ – масса структурного сдвига;

$Costs_{shear}$ – затраты на реализацию структурного сдвига.

Следует обратить внимание, что для того, чтобы структурные изменения в РЭПС признать результативными, необходимо выполнение следующих условий: равная предельную полезность для всех сегментов РЭПС и ее субъектов; соответствие прогрессивным тенденциям и задачам государственной социально-экономической политики; улучшение показателей (как качественных, так и количественных) взаимодействующих с данным структурным сдвигом преобразований.

Все представленные нами структурные показатели имеют свои достоинства и недостатки (Таблица 6), последние при этом могут быть нивелированы посредством комплексного их применения.

Процесс оптимизации структуры РЭПС в свою очередь, открывает дополнительные возможности для создания конкурентных преимуществ, как для отдельных предприятий и товаропроизводителей, так и для целых территорий.

Важно отметить, что методы оценки результативности структурных изменений в РЭПС непосредственно связаны с методами анализа рациональности её структуры. Эти методы могут использоваться в сочетании с традиционными подходами к оценке. При этом будем считать структуру региональной экономической системы рациональной, если положительные структурные изменения способствуют устойчивому росту ее основных социально-экономических показателей, в том числе и в части продовольственной обеспеченности.

Таблица 6 – Сравнительная характеристика преимуществ и недостатков показателей оценки структурных сдвигов в РЭПС

Показатель	Достоинства	Недостатки (ограничения)
Масса	Позволяет оценить, как меняются доли различных компонентов в структуре, что, в свою очередь, может указать на тенденции в развитии РЭПС	Масса и индекс структурного сдвига не всегда пропорциональны друг другу. Это означает, что меньшие «абсолютные» приросты могут сопровождаться значительными темпами роста и высокими индексами, тогда как большие «абсолютные» приросты могут отражать меньшие темпы роста
Индекс	Дает возможность оценивать изменения в структуре в логике относительных показателей для целей корректного сравнительного анализа	
Скорость	Позволяет выявить дихотомию и асинхронность сдвигов, а также определить наличие лагов и инерционности в изменениях.	Показывая среднюю ежегодную величину изменения удельного веса в структуре, может затушёвывать «резкость» изменений в отдельные периоды. Что может привести к искажению реальной картины, если имели место значительные изменения
Интенсивность	Характеризует нелинейность развития сдвигов в структуре РЭПС, позволяет анализировать, насколько активно происходят изменения в структуре, а также выявлять тренды в развитии.	Может некорректно отражать реальную динамику за счет усреднения нелинейности структурных сдвигов в отдельные периоды
Направленность	Отражая монотонность структурных сдвигов за исследуемый период, дает возможность идентифицировать характер структурных изменений по шкале прогрессивности-регрессивности	Для получения содержательного анализа необходим расчет не менее, чем за два периода.
Качество структурного сдвига	Позволяет оценить, насколько изменения в структуре данных соответствуют реальным изменениям в РЭПС, обеспечивая возможность сравнения различных структурных изменений	Трудность в объективной оценке и формализации качественных аспектов структурных изменений в РЭПС
Коэффициент правдоподобия	Позволяет визуализировать степень правдоподобия изменений, что упрощает интерпретацию результатов; может быть адаптирован под различные модели и условия	Чувствительность к выборке, так как результаты могут зависеть от выбранной выборки данных
Интегральный коэффициент	Позволяет удобно сравнивать сдвиги в различных системах или временные периоды, дает возможность определять различия структуры	Сведение данных к одному коэффициенту может привести к потере важной информации об отдельных аспектах структурных изменений в РЭПС
Результативность структурного сдвига	Оценивает не только структурные изменения, но и их влияние на общую эффективность системы.	В отдельных случаях результативность может оцениваться только в краткосрочной перспективе

Источник: составлено автором на основе [161, 376].

К методическому инструментарию оценки аграрной структурной политики развития РЭПС отнесем также систему индикаторов критериальной оценки продовольственной самообеспеченности РЭПС, которая включает шесть индикаторов: индикатор самообеспеченности региона продовольствием; индикатор физической доступности продуктов питания регионального производства согласно рациональным нормам питания; индикатор физической доступности продуктов питания зарубежного высококонкурентного производства; индикатор удовлетворения физиологических потребностей в продуктах питания; индикатор «бедности»; индикатор структуры затрат домохозяйств на продукты питания [171].

Также нами предложены оценочные шкалы для каждого индикатора самообеспеченности, построенные на основании экспертного метода (Таблица 7).

Представленная система индикаторов позволяет проводить комплексную оценку состояния продовольственной обеспеченности региональной экономической продовольственной системы, учитывая как базовые критерии, закрепленные в Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации, так и количественные пороговые оценки в разрезе основных продовольственных групп. Отметим, что включение в систему индикатора физической доступности продуктов питания зарубежного высококонкурентного производства обосновано теоретическими положениями международного разделения труда, что особенно важно для меридиано-связанных приграничных районов Дальнего Востока с экстремальными природно-климатическими условиями и находящихся в транспортной доступности с южными регионами КНР, Вьетнама, Лаоса и др.

Предложенная автором система индикаторов дает возможность осуществлять комплексное исследование продовольственной самообеспеченности региона, определять ее уровень в разрезе основных продуктовых групп, выявлять проблемы регионального экономического развития продовольственных систем.

Новизна предлагаемой системы состоит в конструировании индикаторов в логике относительных показателей, связывающих фактические уровни

самообеспечения региона с пороговыми значениями продовольственной безопасности [282].

Таблица 7 – Индикаторы критериальной оценки продовольственной самообеспеченности РЭПС

Показатель	Расчетная формула	Интерпретация индикатора
Индикатор достижения продовольственной независимости (самообеспечения) региона продуктами питания	$K_1^i = \frac{K_{с\text{ региона } i}^{\text{факт}}}{K_{с\text{ пороговый } i}}$, где $K_{с\text{ региона } i}^{\text{факт}}$ – фактический уровень самообеспечения региона i -ым продуктом питания; $K_{с\text{ пороговый } i}$ – пороговый уровень самообеспечения для i -ого продукта питания	$0 \leq K_1^i < 0,7$ – низкое соответствие критерию продовольственной независимости; $0,7 \leq K_1^i < 1$ – допустимое соответствие; $K_1^i \geq 1$ – полное соответствие
Индикатор физической доступности продуктов питания регионального производства согласно рациональным нормам питания	$K_2^i = \frac{Q_{\text{регион}}^{\text{факт } i}}{N_{\text{регион}} \cdot q_{\text{рац}}^i}$, где $Q_{\text{регион}}^{\text{факт } i}$ – региональный объем производства i -ого вида продовольствия; $N_{\text{регион}}$ – численность населения региона; $q_{\text{рац}}^i$ – рациональная норма потребления i -ого вида продовольствия	$0 \leq K_2^i < 0,6$ – низкий объем регионального производства i -ого вида продовольствия (в расчете на душу населения) для обеспечения потребностей в соответствии с рациональными нормами питания; $0,6 \leq K_2^i < 1$ – допустимый объем производства; $K_2^i \geq 1$ – оптимальный
Индикатор физической доступности продуктов питания зарубежного высококонкурентного производства	$K_3^i = \frac{Q_{\text{импорт}}^{\text{факт } i}}{N_{\text{регион}} \cdot q_{\text{рац}}^i}$, где $Q_{\text{импорт}}^{\text{факт } i}$ – объем импортного высококонкурентного производства i -ого вида продовольствия; $N_{\text{регион}}$ – численность населения региона; $q_{\text{рац}}^i$ – рациональная норма потребления i -ого вида продовольствия	$0 \leq K_3^i < 0,5$ – низкий объем удовлетворения потребности населения в i -ом виде продовольствия (в расчете на душу населения) за счет импорта; $0,5 \leq K_3^i < 1$ – средний объем удовлетворения потребности за счет импорта; $K_3^i \geq 1$ – высокий уровень удовлетворения потребности за счет импорта (критическая зависимость от импорта)
Индикатор удовлетворения физиологических потребностей в продуктах питания	$K_4^i = \frac{P_{\text{регион}}^{\text{факт } i}}{N_{\text{регион}} \cdot q_{\text{рац}}^i}$, где $P_{\text{регион}}^{\text{факт } i}$ – фактическое потребление i -ого вида продовольствия.	$0 \leq K_4^i < 0,6$ – низкий уровень удовлетворения физиологических потребностей в i -ом продукте питания; $0,6 \leq K_4^i < 1$ – допустимый уровень; $K_4^i \geq 1$ – оптимальный
Индикатор «бедности»	$K_5 = \frac{D}{100}$, где D – доля населения региона с доходами менее прожиточного минимума	$K_5 \in (0,4; 1]$ – высокий уровень бедности; $K_5 \in (0,2; 0,4]$ – допустимый уровень; $K_5 \leq 0,2$ – оптимальный
Индикатор структуры затрат домохозяйств на продукты питания	$K_6 = \frac{P}{100}$, где P – доля расходов на питание в общих затратах домашних хозяйств региона	$K_6 \in (0,5; 1]$ – высокий уровень затрат домашних хозяйств в общей структуре затрат; $K_6 \in (0,25; 0,5]$ – допустимый уровень; $K_6 \leq 0,25$ – оптимальный

Источник: составлено автором.

Обратим внимание, что с помощью представленных нами в методике оценки структурных сдвигов показателей, можно выполнять в том числе анализ интенсивности и направленности структурных сдвигов в ресурсах продовольствия региональных экономических систем.

Комплексное исследование продовольственной самообеспеченности региона, включающее анализ шести индикаторов продовольственной самообеспеченности и структурный анализ сдвигов в запасах продовольствия, его производства и ввоза в регион, позволит сформировать достаточно целостную картину по состоянию продовольственной обеспеченности региона.

Важно, что, «накладываясь» на результаты анализа структурных сдвигов и производственного потенциала РЭПС (в сочетании), исследование продовольственной самообеспеченности по представленной совокупности показателей дает важные ориентиры для формирования приоритетных направлений аграрной структурной политики.

ГЛАВА 4. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

4.1. Анализ тенденций развития потенциала региональной экономической продовольственной системы

Государственная политика социально-экономического развития Российской Федерации и её регионов в настоящее время сталкивается со множеством сложных задач, которые определяются современными геополитическими реалиями, экономическими и политическими санкциями, которые были введены против нашей страны, а также участием Российской Федерации в специальной военной операции [168]. В этом контексте особое внимание уделяется обеспечению продовольственной обеспеченности населения, особенно в регионах со сложными природно-климатическими условиями.

Базовые условия формирования и функционирования региональных экономических продовольственных систем и, соответственно, продовольственной обеспеченности субъектов Российской Федерации различаются (порой существенно) по потенциалу РЭПС, что находит свое отражение в наличии «природных, финансовых, трудовых ресурсов; развитии транспортной инфраструктуры; территориально-отраслевой специализации; степени концентрации частного бизнеса в инфраструктурных звеньях пищевой цепи и др.» [170]. Поэтому возникает необходимость изучения потенциала региональных экономических продовольственных систем, что даст возможность корректно оценить возможности и вызовы, стоящие перед регионами в части их продовольственного обеспечения [84, 294].

Проанализируем потенциал РЭПС Дальнего Востока Российской Федерации, акцентируя внимание на социально-экономической инфраструктуре пищевой цепи и её производственном базисе в динамике с 2014 по 2023 год. В ходе анализа фокусируем внимание на временных промежутках, когда

происходили значительные изменения и нарастание угроз для российской экономики в целом и продовольственной системы макрорегиона в частности:

- 2014 год – первая волна масштабных антироссийских санкций, оказавших серьезное влияние на все сферы экономики Российской Федерации, в том числе и на сферы агропромышленного комплекса;
- 2018 год – старт реализации политики импортозамещения как ответ на растущее санкционное давление стран ЕЭС и США;
- 2020 год – пандемия коронавируса, ставшей серьезным вызовом для продовольственной системы, поставив под угрозу стабильность межрегиональных и межгосударственных поставок продуктов питания;
- 2023 год – углубление антироссийских санкций, что потребовало от регионов новых подходов к обеспечению продовольственной безопасности и продовольственной обеспеченности.

В данном исследовании мы рассматриваем экономический регион «Дальний Восток», исключая Бурятию и Забайкальский край, присоединенные к Дальневосточному федеральному округу (ДФО) в ноябре 2018 года. Таким образом, наш анализ охватывает девять субъектов ДФО, составляющих исторически сложившийся Дальний Восток. Этот обширный «регион, занимающий 37% всех земельных угодий России, характеризуется крайне низкой плотностью населения – всего 1,14 человека на квадратный километр. Для сравнения, плотность населения в Центральной России достигает 61,87 чел. на кв. км, что в 54 раза превышает показатель Дальнего Востока» [171]. Такая диспропорция обусловлена множеством факторов, включая сложные природно-климатические условия, удаленность от основных центров экономической активности и исторически сложившуюся специфику развития макрорегиона.

Уникальное географическое положение Дальнего Востока, граничащего по морю с Японией и США, а по суше – с Монголией, Китаем и Северной Кореей, играет важную роль в обеспечении продовольственной безопасности не только региона, но и всей России. Стратегическое значение макрорегиона многократно

усиливается наличием обширных морских ресурсов: Дальний Восток занимает лидирующие позиции по биопродуктивности среди всех регионов страны благодаря обилию морей, омывающих его берега. Однако следует отметить существенное различие в продуктивности различных морских акваторий. Северные моря, включая Восточно-Сибирское, Чукотское и море Лаптевых, в первую очередь удовлетворяют потребности местного населения. Основным источником рыбы и морепродуктов для этих регионов – это традиционные виды промысла, а объёмы вылова остаются ограниченными. В отличие от северных морей, значительно более высокая продуктивность рыболовства наблюдается в восточной части Тихого океана, где находятся Берингово, Охотское и Японское моря. Эта зона является ключевой для промыслового лова, который обеспечивает значительную долю экспорта морепродуктов из России и вносит весомый вклад в экономику страны.

Дальний Восток России делится на две основные группы субъектов: северные и южные территории. К северным регионам относятся Чукотский автономный округ (ЧАО), Республика Саха (Якутия), Камчатский край, а также Магаданская и Сахалинская области. Эти территории характеризуются суровыми климатическими условиями, низкой плотностью населения и преобладанием отраслей, связанных с добычей природных ресурсов. Северные территории занимают более 70% общей площади Дальнего Востока, однако здесь проживает лишь небольшая часть всего населения региона.

В противоположность северным территориям, южные регионы Дальнего Востока, такие как Приморский край, Хабаровский край, Амурская область и Еврейская автономная область (ЕАО), располагают более благоприятными климатическими условиями. Здесь развита инфраструктура, что позволяет этим регионам играть важную роль в сельском хозяйстве Дальнего Востока. Южные территории макрорегиона, где сосредоточено 77% всех сельскохозяйственных угодий Дальнего Востока и 92% пашни, обеспечивают значительную долю сельскохозяйственной продукции для внутреннего рынка [272]. Но при этом данные регионы Дальнего Востока, ввиду их принадлежности к муссонному типу

климата, являются территориями рискованного земледелия. Тем не менее, потенциал РЭПС южных регионов достаточен для удовлетворения региональной потребности в сельскохозяйственной продукции.

Уникальность потенциала региональной экономической продовольственной системы Дальнего Востока России также характеризуется его способностью развивать не только традиционные для страны сельскохозяйственные отрасли, но и специализированные производства, редко встречающиеся на остальной территории страны. В частности, речь идет о значительном «потенциале выращивания сои и риса, – культур, которые являются высококонкурентными на мировом рынке и обладают значительным экспортным потенциалом» [310]. Это обусловлено наличием в Приморском крае, Амурской области и Еврейской автономной области обширных площадей, уникальных по своим агрохимическим свойствам и климатическим условиям, которые идеально подходят для культивирования этих культур.

Однако, несмотря на значительный потенциал РЭПС, анализ социально-экономических и инфраструктурных показателей продовольственной системы Дальнего Востока, представленный, в Таблице 8, отражает проблематичное состояние региональной экономической продовольственной системы макрорегиона по ряду важных показателей. Так, в 2023 г. наблюдается снижение численности населения Дальнего Востока и численности сельского населения макрорегиона, которые составили к уровню 2014 г. соответственно 83,6% и 90,3%. Значительно (на 56,9%) уменьшилось за 2014-2023 гг. число работников сельского, рыбного, лесного хозяйства при более чем 50-процентном уменьшении количества организаций в сельском хозяйстве.

Однако, несмотря на эти негативные тенденции, можно выделить и положительные:

- рост валового регионального продукта на 45,1%;
- пятикратное увеличение инвестиций в развитие рыбохозяйственного и сельскохозяйственного производств;
- увеличение продукции сельского хозяйства на 11,1%.

Следует отметить рост производства сои в 2014 и 2020 годах в 2,36 раза и на 8% соответственно. Это увеличение связано с экспортной направленностью данной культуры. Несмотря на важность увеличения объемов экспорта для экономики региона, необходимо обратить внимание на структурные изменения в посевах, возникающие из-за нарушения рациональных севооборотов, а также на снижение плодородия сельскохозяйственных земель.

Таблица 8 – Анализ потенциала РЭПС Дальнего Востока России

Показатели	2014	2018	2020	2023	2023 в % (раз) к 2014
Численность населения, млн. чел. всего:	6,211	6,139	6,014	5,190	83,6
в том числе: сельское население, тыс. чел.	1,714	1,664	1,600	1,548	90,3
Валовой региональный продукт*, млн. руб./ душу населения	0,517	0,679	0,614	0,750	145,1
Число организаций отрасли сельское хозяйство, тыс. единиц	8,988	8,269	7,345	4,395	48,9
Среднегодовая численность работников сельского, рыбного, лесного хозяйства, млн чел.	0,445	0,299	0,266	0,192	43,1
Инвестиции в сельское, рыбное, лесное хозяйство*, млн руб.	12585	19720	49938	60699	в 5 раз
Продукция сельского хозяйства*, млн руб.	131453	131421	122134	146028	111,1
Индекс объема производства продовольствия	1,15	0,97	1,03	1,11	96,5
Индекс цен на продовольственные товары	1,14	1,04	1,07	1,08	94,7
Индекс производства в разрезе продовольственных групп:					
– соя	2,36	0,90	1,08	0,89	–
– зерновые культуры	1,51	1,10	1,08	1,04	–
– молоко и молокопродукты	0,97	0,98	0,99	0,99	–
– мясо и мясопродукты	0,96	0,96	1,05	1,00	–
– рыба и иные морепродукты	0,96	0,94	1,02	0,99	–
Оборот общественного питания*, млн руб.	59017	67020	52648	82967	140,6
Плотность железнодорожных путей, км / 10000 кв. км	17	17	18	18	105,9
Плотность автомобильных дорог с твердым покрытием, км / 1000 кв км)	11	12	12	13	118,2
Примечание – * показатель приведен к текущей стоимости (при норме дисконта, равной 20%)					

Источник: составлено автором на основе [271].

Удельный вес первичного производства продовольствия (сельского, лесного хозяйства, рыболовства и рыбоводства) в валовой добавленной стоимости Дальнего Востока в период 2014–2023 гг. небольшой и варьировался в пределах 5,4–6,4%, а по отдельным территориям (в зависимости преимущественно от их географической широты) колебался от 21,8% (по Камчатскому краю в 2018 г.) до 1,1% в (Чукотском автономном округе в 2014 г. (Рисунок 14).

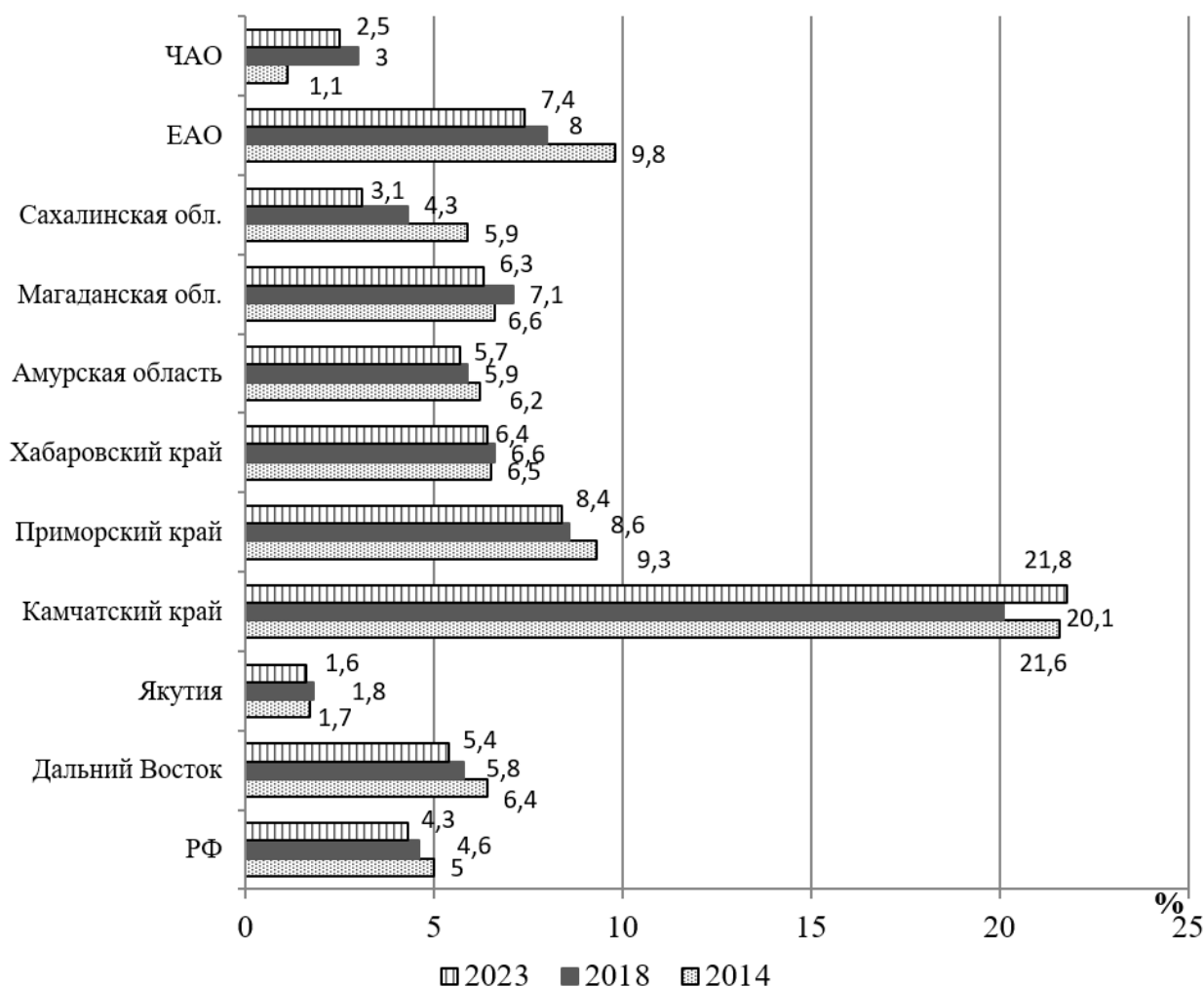

Рисунок 14 – Доля сегмента «сельское хозяйство» РЭПС Дальнего Востока Российской Федерации в валовой добавленной стоимости.

Источник: составлено автором на основе [271].

В среднем за 2014–2023 гг., доля производственного сектора в валовой добавленной стоимости в России в целом несколько ниже, чем в макрорегионе, составив 4,6% по сравнению с 5,9%. При этом наблюдается тенденция к снижению этого показателя как на уровне страны, так и на уровне Дальнего

Востока. В макрорегионе используется 6,3% от общего объема основных фондов России, а в сегменте первичного производства продовольствия этот показатель составляет 3,5% от основных фондов. Основные фонды производственного базиса (сегмент: сельское хозяйство) РЭПС Дальнего Востока находятся в более изношенном состоянии по сравнению с общероссийскими показателями (Рисунок 15). Начиная с 2014 года степень износа основных фондов в макрорегионе значительно превышает пороговое значение, установленное для обеспечения экономической безопасности, которое составляет 40% [313].

Рисунок 15 – Динамика износа основных фондов сельского хозяйства России и ее Дальнего Востока.

Источник: составлено автором на основе [271].

Потенциал региональной экономической продовольственной системы Дальнего Востока Российской Федерации, в соответствии с введённым в п. 2.2 определением можно представить в виде совокупности ряда составляющих его частных потенциалов, формирующихся в определенных сегментах РЭПС. При этом базовые условия формирования продовольственной обеспеченности сосредоточены в сегменте первичного производства продовольствия, основой которого для макрорегиона является сельское хозяйство. В связи с чем далее выполним оценку производственного потенциала сельского хозяйства макрорегиона. Понимание производственного потенциала как совокупности товаропроизводителей, которые осуществляют производство продуктов питания,

их технической оснащенность, квалификации рабочей силы и применяемых технологий дает нам основание провести оценку по трем направлениям:

- оценка динамики и структуры товаропроизводителей в сельском хозяйстве Дальнего Востока;
- анализ эффективности использования основных производственных фондов сельского хозяйства;
- изучение уровня производительности сельскохозяйственного труда.

Структура товаропроизводителей в сельском хозяйстве Российской Федерации и в макрорегионе в постприватизационный период претерпела значительные изменения, которые стали результатом важнейших институциональных преобразований. Эти изменения были вызваны переходом экономики страны от плановой к рыночной, что в свою очередь было реализовано через аграрную реформу, проводимую в период с 1991 по 2000 годы, и ее главной составляющей – земельной реформой.

Массовый земельный передел в России завершился в основном к 1993–1995 годам. Земельная реформа привела к значительным изменениям в структуре форм собственности на землю. При этом «11,6 миллиона работников, ранее трудившихся ранее в колхозах и совхозах, получили право на свою долю и стали собственниками земельных участков» [459]. В результате в нашей стране сформировалась структура субъектов права на собственность, представленная государством (в лице исполнительных органов), физическими лицами и отдельными коллективами.

Если «рассматривать данные субъекты как единую группу, то им в соответствии с действующим в России законодательством можно сопоставить различные виды собственности, и, далее, – сформировать группы по видам предприятий» [171]:

$$\varphi: A \rightarrow B \text{ и } \mu: B \rightarrow C \Leftrightarrow A \xrightarrow{\varphi} B \xrightarrow{\mu} C,$$

где φ, μ – законы отображений;

$A = \{a_i, i = \overline{1,3}\}$ – субъекты права (a_1 – государство; a_2 – физические лица; a_3 – отдельные коллективы);

$B = \{b_i, i = \overline{1,5}\}$ – формы собственности (b_1 – государственная собственность; b_2 – муниципальная; b_3 – частная; b_4 – коллективная; b_5 – смешанная);

$C = \{c_i, i = \overline{1,8}\}$ – виды предприятий (c_1 – государственные предприятия; c_2 – научно-производственные объединения; c_3 – крестьянские (фермерские) хозяйства; c_4 – сельскохозяйственные производственные кооперативы; c_5 – хозяйственные товарищества; c_6 – хозяйственные общества (акционерные общества и общества с ограниченной ответственностью); c_7 – агропромышленные объединения; c_8 – подсобные хозяйства населения (Рисунок 16).

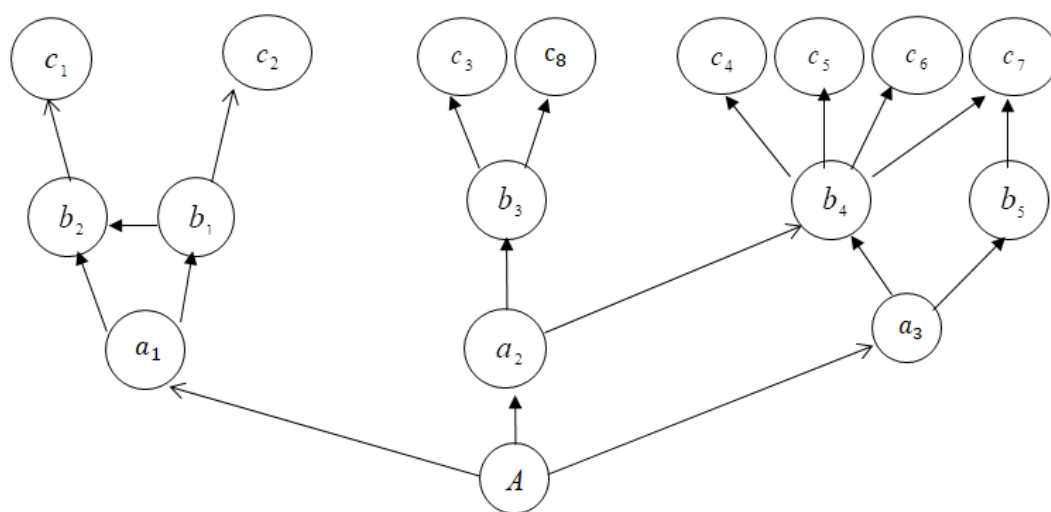

Рисунок 16 – Граф распределения товаропроизводителей РЭПС по формам собственности.

Источник: составлено автором.

Хозяйства всех типов c_i ($i = \overline{1,8}$) можно представить в виде укрупненных групп: «сельскохозяйственные предприятия (организации) (СХО) c_i ($i = \overline{1,7}; i \neq 3$) ; хозяйства населения (ЛПХ) (c_8); крестьянские (фермерские) хозяйства (К(Ф)Х) (c_3)» [349].

Из групп товаропроизводителей в процессе реструктуризации наиболее существенное изменение претерпела «структура сельскохозяйственных предприятий. Действительно, если в плановый (дореформенный) период, основными субъектами хозяйственной деятельности на селе являлись колхозы и совхозы, то в результате приватизации появились или возродились и другие формы сельхозпредприятий» [171].

- полное товарищество (ПТ);
- товарищество на вере или смешанное товарищество (СТ);
- общество с ограниченной ответственностью (ООО);
- акционерное общество – закрытое (ЗАО, с 2014 г. – переименовано в АО) или открытое, публичное (ОАО, с 2014 г. – переименовано в ПАО);
- сельскохозяйственный производственный кооператив (СХПК);
- ассоциации крестьянских хозяйств, товариществ и кооперативов.

По данным Всероссийских сельскохозяйственных переписей 2006 г., 2016 г. и 2021 г. на Дальнем Востоке России наибольшее распространение получили сельхозпредприятия с малыми масштабами производственно-хозяйственной деятельности. В целом по РФ число крупных и средних сельскохозяйственных организаций в 2006 г. превышало количество малых аграрных предприятий, в 2016 г. и 2021 г. – ситуация обратная: крупные и средние сельхозорганизации в совокупности занимают соответственно 41,9% и 33,4%, а малые – 58,1% и 66,6% в структуре сельскохозяйственных организаций (Таблица 9).

На Дальнем Востоке, напротив, отмечено общее увеличение численности сельхозорганизаций на 36,2% (при незначительном возрастании представителей крупного и среднего агробизнеса – на 3,4%, и существенном (на 60,5%) – малого).

Важнейшей составляющей структурной перестройки сельского хозяйства, которая была заявлена как одна из главных целей на первом этапе аграрной реформы, стало развитие фермерства. Декларировалось, что «именно крестьянские (фермерские) хозяйства, представляющие собой субъекты частной

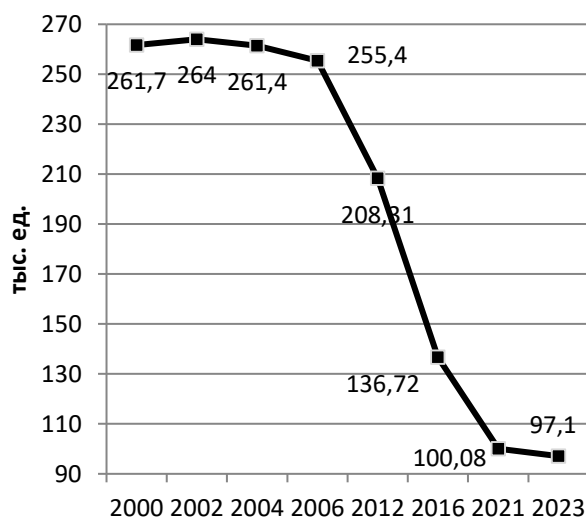
собственности на землю, станут наиболее перспективной моделью ведения сельского хозяйства» [106].

Таблица 9 – Число сельскохозяйственных организаций Дальнего Востока Российской Федерации (ед., в скобках – % от общего числа сельскохозяйственных организаций)

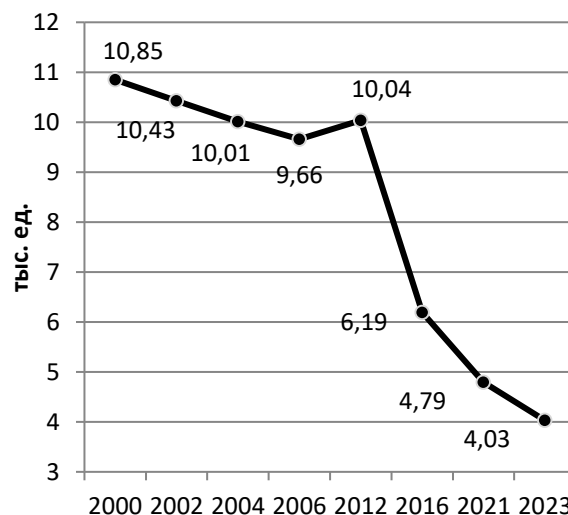
Показатели	Российская Федерация				Дальний Восток			
	2006	2016	2021	2021 в % к 2006	2006	2016	2021	2021 в % к 2006
Число СХО всего	41200 (100)	36380 (100)	31 136 (100)	75,6	1257 (100)	1636 (100)	1 712 (100)	136,2
в том числе крупные и средние СХО	22949 (55,7)	15241 (41,9)	10 405 (33,4)	45,3	558 (44,4)	543 (33,2)	577 (33,7)	103,4
малые СХО	18251 (44,3)	21139 (58,1)	20 168 (66,6)	110,5	699 (55,6)	1093 (66,8)	1 122 (66,3)	160,5

Источник: составлено автором по [60, 286].

В Дальневосточном регионе первые фермерские хозяйства начали регистрироваться в 1990 году. Наивысший рост фермерского движения наблюдался в 1992–1993 годах. Однако после этого темпы создания новых фермерских хозяйств начали замедляться, а процесс создания К(Ф)Х изменил свой тренд на ликвидационный (Рисунок 17).

а) Российская Федерация

б) Дальний Восток

Рисунок 17 – Динамика числа К(Ф)Х РФ и Дальнего Востока за 2000–2023 гг.

Источник: составлено автором по [271, 384].

Рассматривая динамику развития К(Ф)Х за 2000–2023 гг. отметим, что в целом по стране количество фермеров за период уменьшилось с 261,7 тысяч до 97,1 тысяч хозяйств (то есть на 62,9%) при значительном увеличении средних размеров земельных участков.

В сельском хозяйстве Дальнего Востока в 2000 – 2023 гг. сокращение численности фермерских хозяйств происходило примерно с такой же скоростью, как и в среднем по России, в результате количество дальневосточных фермеров в 2023 г. по отношению к 2000 г. уменьшилось также на 62,9% (с 10,85 до 4,03 тыс. единиц).

Земельные ресурсы являются важнейшей частью ресурсного потенциала сельскохозяйственного производства. Поэтому далее проанализируем распределение земельной площади (в том числе пашни) в разрезе субъектов Федерации в составе макрорегиона.

Общая земельная площадь Дальнего Востока России составляет 6,567 млн км², а сельскохозяйственные угодья занимают всего 8032,9 тыс. га, или 1,22% (Таблица 10).

Таблица 10 – Площадь сельскохозяйственных угодий Дальнего Востока в разрезе субъектов Федерации, тыс. га

Территория	2010	2016	2017	2018	2023	2023 в % к 2010
Дальний Восток	8012	8013,6	8014,1	8014,2	8032,9	100,26
Республика Саха (Якутия)	1638,6	1640,2	1640,2	1640,2	1640,2	100,10
Камчатский край	475,6	475,6	475,6	475,6	475,6	100,00
Приморский край	1648,6	1648,8	1649,4	1649,6	1647,9	99,96
Хабаровский край	665,7	665,7	665,6	665,6	665,6	99,98
Амурская область	2733,7	2733,6	2733,6	2733,5	2733,4	99,99
Магаданская область	121,5	121,5	121,5	121,5	121,4	99,92
Сахалинская область	182,6	182,4	182,4	182,4	202,9	111,12
ЕАО	537,2	537,2	537,2	537,2	537,3	100,02
ЧАО	8,5	8,6	8,6	8,6	8,6	101,18

Источник: составлено автором по [271].

При этом около 50% земель Дальнего Востока занято лесами, 7% – болотами; 3% находится под водой; 1,2% – лесные насаждения; 0,2% находится

под дорогами и застройкой и около 30% занимают прочие земли (оленьи пастбища, гольцы и нарушенные земли) [28]. В результате реформ конца XX-го века в макрорегионе сформировалась устойчивая тенденция сокращения продуктивных сельхозземель, которую удалось переломить лишь в середине двухтысячных годов, но до сих пор площадь сельскохозяйственных угодий находится на уровне 81,3% по сравнению с 1990 г., а площадь пашни – 80,4% [284].

Выше мы отметили, что в целом сельскохозяйственное производство на большей части Дальнего Востока России развивается в сложных природно-климатических условиях. Почвы здесь характеризуются низким естественным плодородием в сравнении, например, с европейскими регионами России. К тому же южные регионы, фактически основные сельскохозяйственные территории макрорегиона часто подвержены или засухам, как правило, в первой половине вегетационного периода, или переувлажнению в период муссонных дождей во время уборки урожая [278]. Все это требует от сельскохозяйственных производителей повышенных затрат на минеральные удобрения, горюче-смазочные материалы и другие материальные и финансовые ресурсы.

В связи с вытянутым географическим положением макрорегиона с севера на юг, изменяются и климатические условия дальневосточных субъектов Федерации, обуславливая условия ведения сельскохозяйственного производства. Увеличению разделения среди субъектов Дальнего Востока по уровню развития растениеводства способствуют и особенности ресурсного потенциала региональной экономической продовольственной системы, в первую очередь, различные природно-экономические условия регионов.

Посевные площади всех сельскохозяйственных культур на Дальнем Востоке России в 2023 г. занимают 1942,1 тыс. га. Сокращение посевов по отношению к 1990 г. составило 62,7%, при этом в сравнении с 2010 г. наблюдался рост показателя на 41,7%, но по отношению к предыдущему году снова отмечается снижение посевов в макрорегионе (на 7,9%). В территориальной структуре посевных площадей южные территории макрорегиона имеют с 2010 г. по настоящее время суммарную долю более 90%. Следует отметить формирование с

2010 г. повышающего тренда в посевных площадях сельхозкультур для Приморья, Якутии, Магаданской и Сахалинской областей (Таблица 11).

Таблица 11 – Динамика посевных площадей Дальнего Востока в разрезе субъектов Федерации в его составе, тыс. га (в знаменателе – доля посевов субъекта Федерации в общей посевной площади макрорегиона, %)

Территория	1990	2010	2016	2017	2018	2023	2023 в % к		
							1990	2010	2018
Дальний Восток	5203,16	1370,5	1920,3	2040,6	2107,7	1942,1	37,3	141,7	92,1
Северные регионы									
Республика Саха (Якутия)	107,5 / 2,1	43,6 / 3,2	44,4 / 2,3	46,8 / 2,3	47,2 / 2,2	49,4 / 2,5	45,9	113,2	104,5
Камчатский край	64,9 / 1,2	21,4 / 1,6	19,7 / 1,0	20,7 / 1,0	20,2 / 1,0	20,9 / 1,1	32,2	97,6	103,4
Магаданская область	36,5 / 0,7	5,8 / 0,4	6,6 / 0,3	7,0 / 0,3	6,8 / 0,3	7,9 / 0,4	21,6	136,0	115,8
Сахалинская область	50,0 / 1,0	24,3 / 1,8	26,0 / 1,4	28,3 / 1,4	28,8 / 1,4	31,5 / 1,6	63,0	129,5	109,3
Южные регионы									
Приморский край	741,6 / 14,3	308,8 / 22,5	422,6 / 22,0	462,3 / 22,7	478,7 / 22,7	491,2 / 25,3	66,2	159,1	102,6
Хабаровский край	121,3 / 2,3	68,3 / 5,0	68,6 / 3,6	75,5 / 3,7	80,7 / 3,8	57,4 / 3,0	47,3	84,1	71,1
Амурская область	1623,5 / 31,2	790,8 / 57,7	1213,8 / 63,2	1252,7 / 61,4	1282,0 / 60,8	1151,8 / 59,3	70,9	145,7	89,8
Еврейская автономная область	146,9 / 2,8	106,9 / 7,8	118,6 / 6,2	147,3 / 7,2	163,2 / 7,7	132,0 / 6,8	89,9	122,8	80,9

Источник: составлено автором по [271].

Самое значительное сокращение посевных площадей в 2023 г. по сравнению с 1990 г. среди территорий, принадлежащих к югу Дальнего Востока, наблюдается в Хабаровском и Приморском краях (соответственно на 52,7 и 33,8%); среди северных регионов – в Магаданской области (на 78,4%) и Камчатском крае (67,8%). При этом следует отметить формирование с 2010 г. повышающего тренда в посевных площадях сельскохозяйственных культур для Приморского края, Якутии, Магаданской и Сахалинской областей (Таблица 11).

Важной составляющей потенциала региональной экономической продовольственной системы является материальная база, состоянием которой во

многим определяется возможности эффективного развития производственного базиса РЭПС, перерабатывающей промышленности и транспортной инфраструктуры. Поэтому выполним в динамике оценку эффективности использования материальной базы сельского хозяйства Дальнего Востока. Акцент на рассмотрении данного элемента потенциала РЭПС обусловлен, с одной стороны, важной ролью сельского хозяйства в процессе продовольственной обеспеченности макрорегиона, а, с другой, – наличием множества проблемных зон отрасли, формировавшихся в течение десятка лет.

Выполненные автором расчеты показали чрезвычайно низкий уровень эффективности использования основных средств в сельском хозяйстве агропроизводящих дальневосточных регионов на протяжении длительного периода. Так, в среднем за 2001–2013 годы общая отдача от использования каждой тысячи рублей, вложенной в основные производственные фонды отрасли, составляла 900 рублей для ее Дальнего Востока. В течение следующего периода (2014–2023 гг.) данный показатель несколько увеличился. Наиболее низкие значения фондоотдачи в Приморье, наиболее высокие – в Амурской области (Рисунок 18).

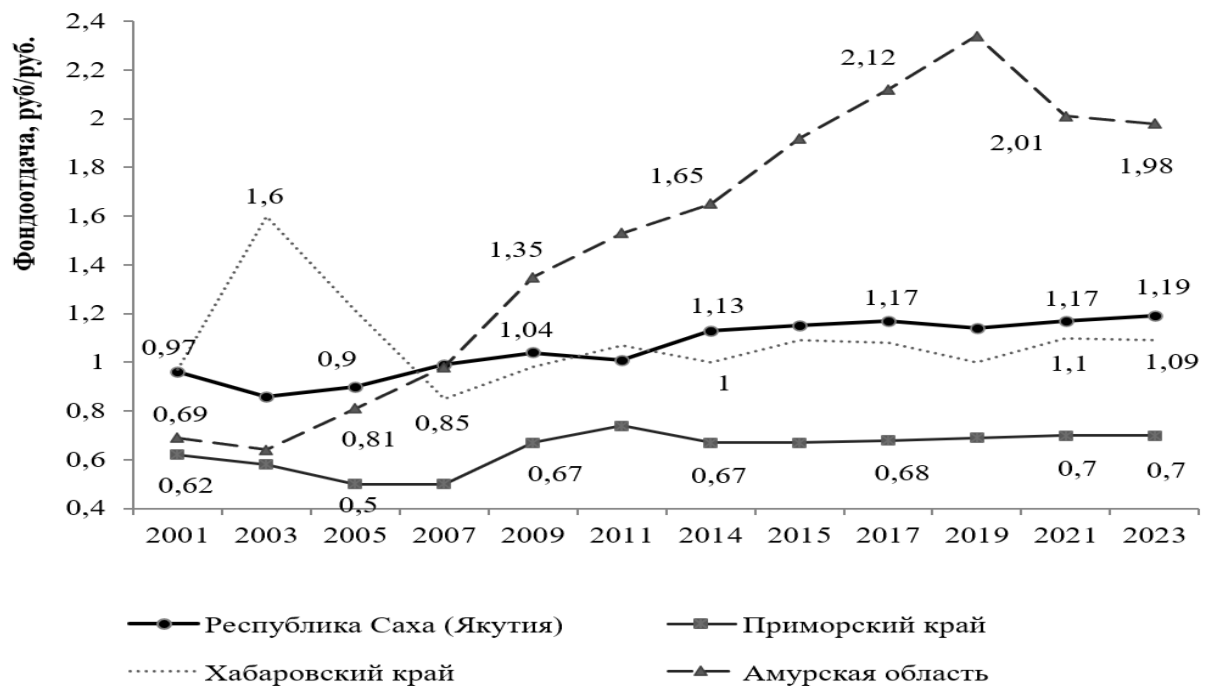

Рисунок 18 – Динамика фондоотдачи основных производственных фондов сельского хозяйства по агропроизводящим регионам Дальнего Востока.

Источник: составлено автором по [271].

Фондовооруженность сельского хозяйства макрорегиона в период с 2001 по 2013 годы составила 245 тысяч рублей на 1 сельскохозяйственного работника. Эти сравнительно низкие значения фондовооруженности указывают на то, что в производственном базисе РЭПС этого периода преобладали маломеханизированные технологии и ручной труд. В последующие годы (2014–2023 гг.) фондовооруженность в сельском хозяйстве Дальнего Востока увеличилась в 1,79 раз. Повышающий тренд фондовооруженности отмечен для всех территорий, в сельском хозяйстве которых производится основной объём товарной агропродукции (Рисунок 19).

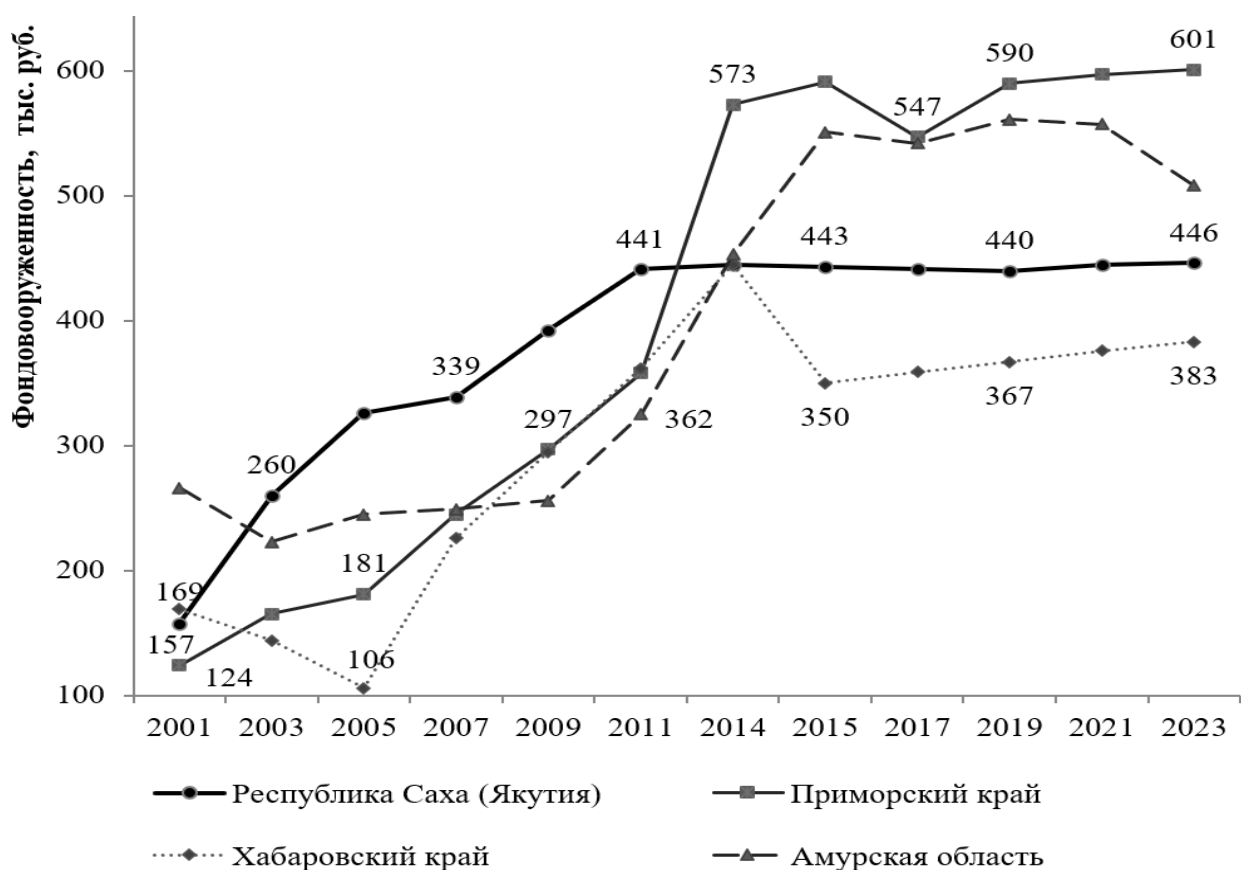

Рисунок 19 – Динамика фондовооруженности по основным агропроизводящим регионам Дальнего Востока.

Источник: составлено автором по [271].

Этот, на первый взгляд позитивный фактор, в действительности таковым не является, так как в большей степени обусловлен снижением численности работников, занятых в сельском хозяйстве регионов Дальнего Востока.

Производительность сельскохозяйственного труда в производственном базисе РЭПС Дальнего Востока описывается скромными значениями (от 77 тыс. руб. / чел. до 247 тыс. руб./чел.) при слабом росте показателя за рассматриваемый период (Рисунок 20).

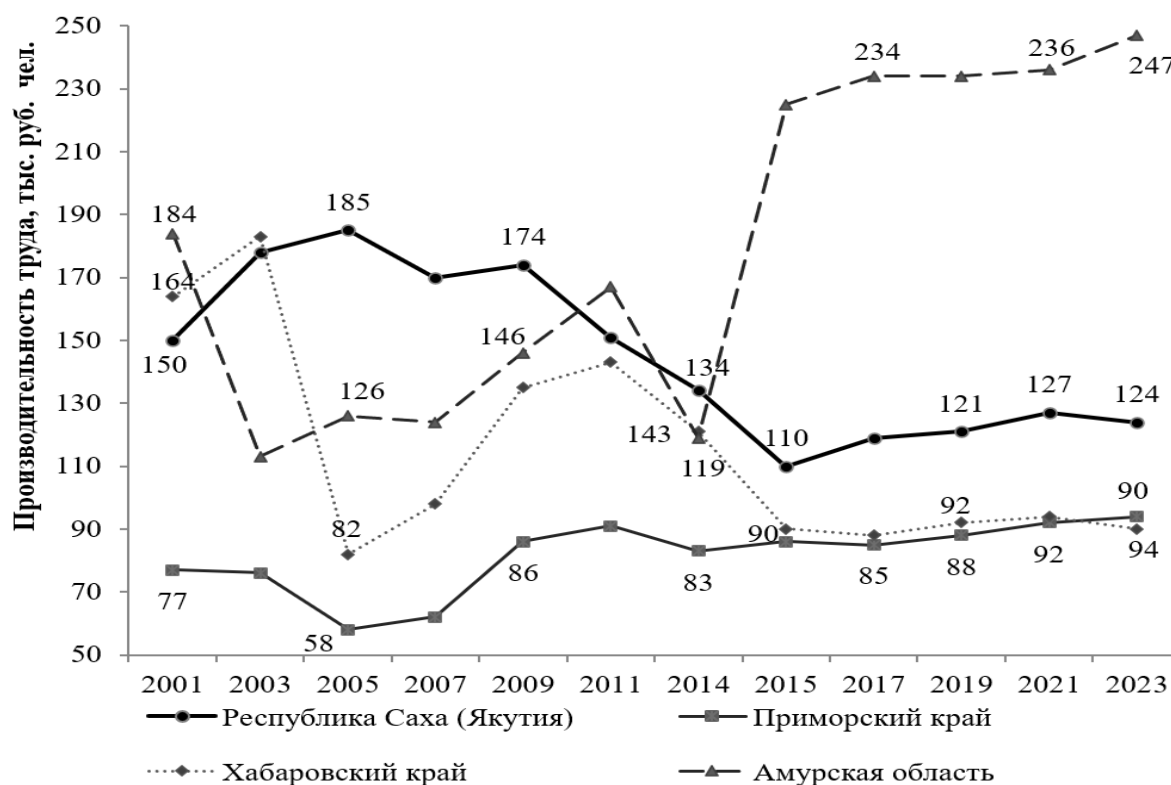

Рисунок 20 – Динамика производительности труда в сельском хозяйстве основных агропроизводящих регионов Дальнего Востока.

Источник: составлено автором по [271].

Таким образом, следует констатировать слабый уровень развития материальной базы сельского хозяйства макрорегиона и субъектов Федерации в его составе, что негативно отражается на потенциале региональной экономической продовольственной системы Дальнего Востока России.

В заключение сделаем следующие выводы.

Во-первых, выполненная автором настоящего исследования оценка сельскохозяйственной составляющей производственного потенциала РЭПС Дальнего Востока показывает, что его текущее состояние требует активного

вмешательства и регулирования со стороны как государственных, так и региональных структур, а также частного сектора.

Во-вторых, к числу важнейших направлений регулирования потенциала РЭПС следует отнести меры, ориентированные на ликвидацию внутренних и внешних угроз и минимизацию инициируемых этими угрозами рисков:

- достижение оптимальности «при согласовании государственного и рыночного регулирования цен на продовольственные товары, что позволит обеспечить доступность и стабильность цен для потребителей» [170];

- регулирование объемов импорта основных стратегических видов продовольствия, которое будет содействовать с одной стороны, защите региональных производителей сельскохозяйственной продукции, а, с другой, – формировать условия для их развития.

- последовательное сокращение ввоза в макрорегион (страну) продуктов питания, относящихся к продовольственным группам, производство которых может быть осуществлено на Дальнем Востоке (в Российской Федерации) с определением продуктовой ниши для межрегионального и международного продовольственного обеспечения в рамках региональной экономической продовольственной системы.

4.2. Методика оценки потенциала региональной экономической продовольственной системы

Формирование эффективной региональной экономической продовольственной системы на Дальнем Востоке России является задачей, требующей комплексного подхода, учитывающего множество взаимосвязанных факторов. Важную роль в этом процессе играет оценка и прогнозирование потенциала РЭПС с учетом конкурентоспособности не только внутрироссийских, но и зарубежных продовольственных рынков.

Удаленность макрорегиона от основных потребителей в европейской части России и близость к динамично развивающимся рынкам Азиатско-

Тихоокеанского региона (АТР) создают уникальный, но сложный контекст для развития дальневосточной региональной экономической продовольственной системы.

Сельское хозяйство, являясь для РЭПС Дальнего Востока центральным звеном (как производитель сельскохозяйственной продукции и сельскохозяйственного сырья), обладая множеством уникальных особенностей, отличающих его от других сегментов РЭПС, нуждается в собственной методике оценки ее потенциала.

Важно, чтобы такая методика была не только универсальной и доступной для применения, но и обеспечивала индивидуальный подход, учитывающий специфические условия и особенности работы сельскохозяйственных товаропроизводителей территории. Это позволит создать эффективные инструменты и механизмы, которые будут способствовать развитию аграрного сектора региона. В свою очередь, уровень и возможности развития потенциала региональной экономической продовольственной системы детерминируют условия формирования и структуру продовольственной обеспеченности региона.

Поэтому на основании анализа и обобщения значительного количества научных работ, применения методов формализации и алгоритмизации, автором настоящего диссертационного исследования разработана методика оценки производственного потенциала региональной экономической продовольственной системы (сегмент: сельское хозяйство) (далее – Методика).

Предлагаемая Методика базируется на совокупности следующих принципов:

- принцип целевой направленности в формировании путей повышения результативности производственного потенциала СХО;
- принцип системного подхода;
- принцип динамического подхода;
- принцип «общности разрабатываемых пакетов предложений аграрной структурной политики» [171];
- принцип комплексного анализа (Рисунок 21).

Рисунок 21 – Принципы, используемые при построении методики оценки производственного потенциала региональной экономической продовольственной системы (сегмент: сельское хозяйство).

Источник: составлено автором.

Структурно предлагаемая нами методика оценки производственного потенциала региональной экономической продовольственной системы (сегмент: сельское хозяйство) состоит из семи взаимосвязанных блоков (этапов), в каждом из которых предусмотрено разделение сельскохозяйственных товаропроизводителей по организационно-правовой форме, отраслевой специфике и масштабу деятельности (Рисунок 22).

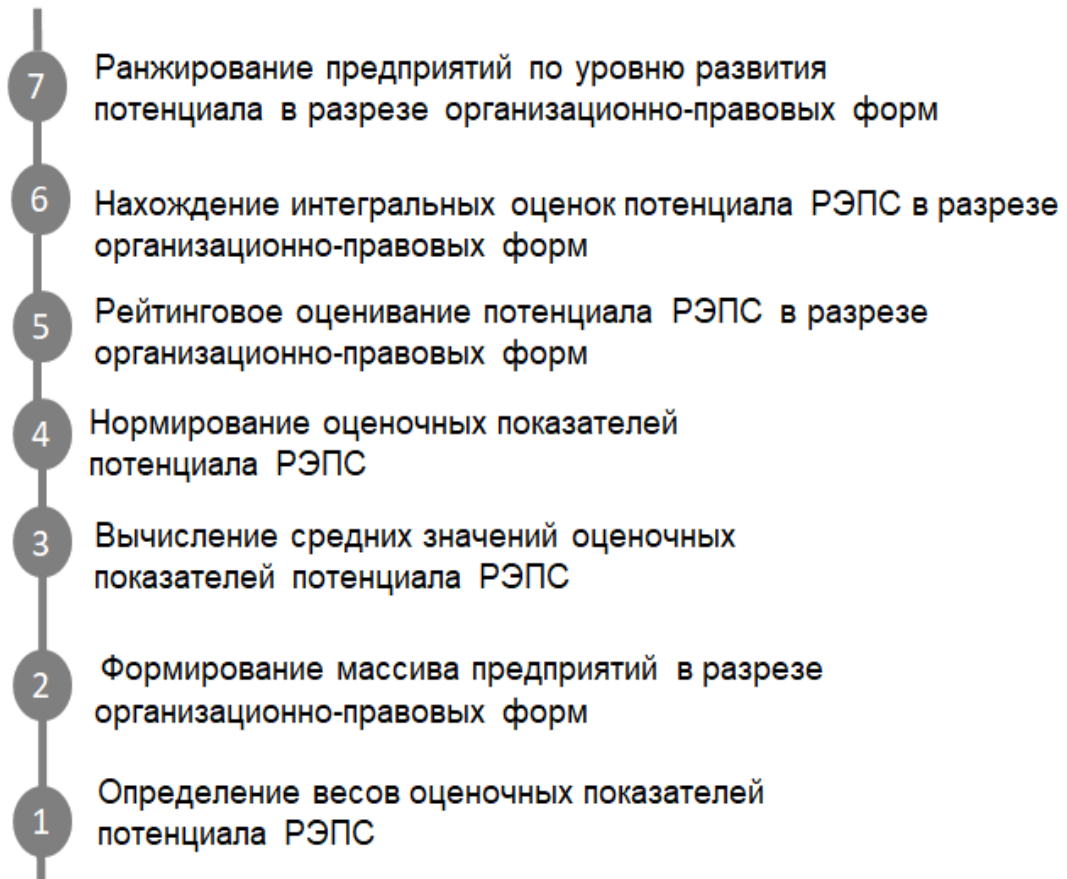

Рисунок 22 – Схема методики оценки потенциала РЭПС.

Источник: составлено автором.

В соответствии с первым этапом Методики (по результатам обработки экспертных листов) необходимо определить весовые коэффициенты (веса) оценочных показателей потенциала РЭПС:

$$W_{indicator} = \frac{\sum_i B_i^j}{\sum_j \sum_i B_i^j}, \quad (2)$$

где B_i^j – балл, поставленный i -м экспертом j -му оцениваемому показателю.

Система оценочных показателей разработанной автором Методики с определенными экспертным путем весами представлена на Рисунке 23.

Экспертная оценка выполнена высококвалифицированными специалистами-практиками в сфере экономики и управления сельским хозяйством Приморского края, а также научно-педагогическими работниками Приморского государственного аграрно-технологического университета.

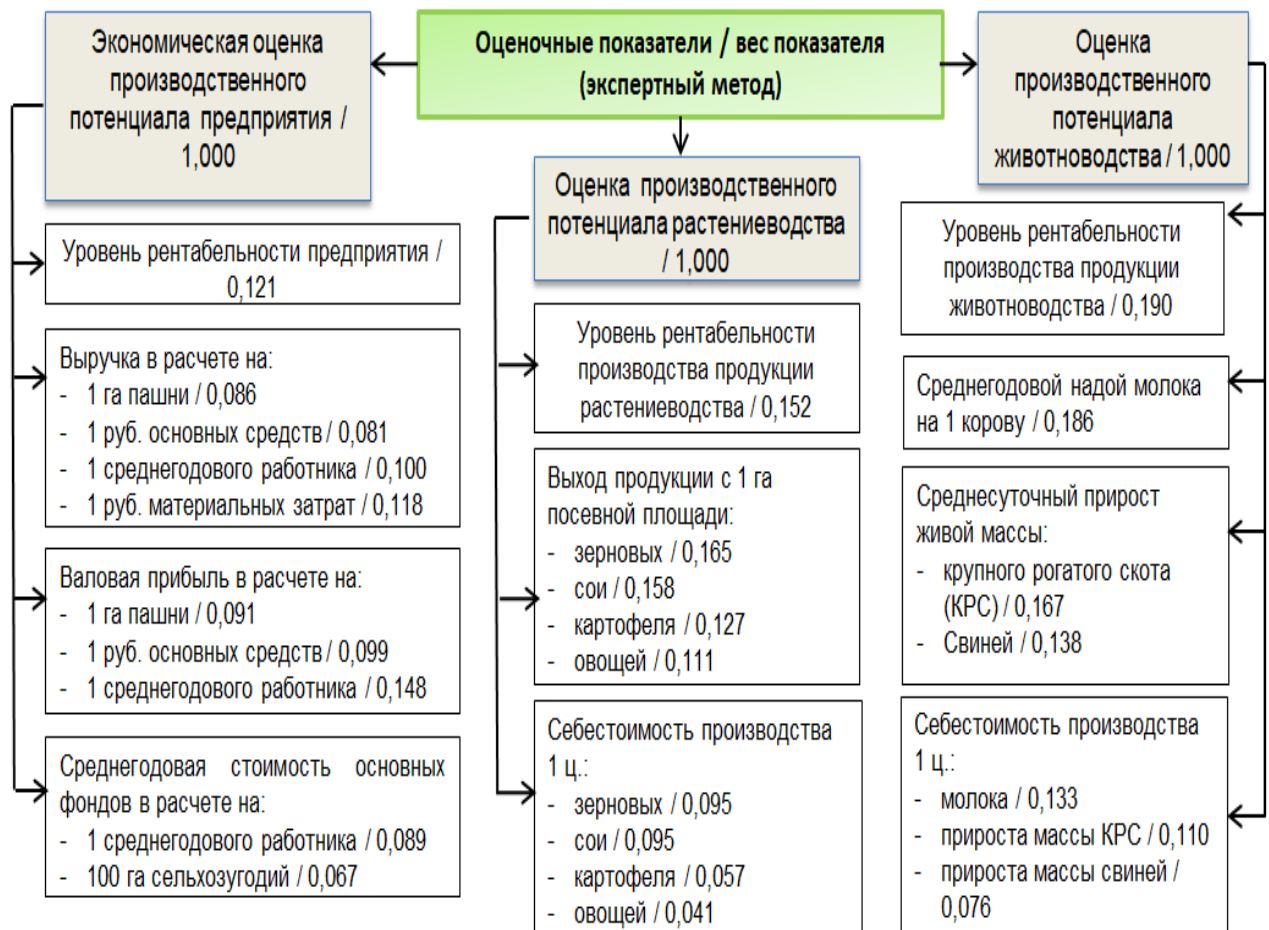

Рисунок 23 – Состав показателей методики оценки производственного потенциала РЭПС (сегмент: сельское хозяйство) с весовыми коэффициентами.

Источник: составлено автором.

Нахождение весов представленных оценочных показателей выполнено в таблицах А.1–А.4 Приложения А. Данные экспертные весовые коэффициенты могут быть использованы для решения множества задач, связанных с исследованием состояния потенциала региональной экономической продовольственной системы. В нашем случае веса показателей позволяют пользователю Методики перейти ко второму этапу, в рамках которого осуществляется группировка сельскохозяйственных товаропроизводителей РЭПС по их организационно-правовой форме и с учётом масштаба деятельности. Внутри каждой из этих групп формируются репрезентативные выборки из генеральной совокупности.

На третьем этапе Методики согласно совокупности оценочных показателей, выделенных выше, определяются средние (как за расчетный период, так и по группе СХО в зависимости от организационно-правовой формы) показатели: экономическая эффективность хозяйства в целом и эффективность растениеводства и животноводства.

На четвертом этапе находятся нормированные оценки ($b_i^{normal} \in [-1; 1]$) сформированных на предыдущем этапе оценочных показателей, которые в отличие от простого балльного ранжирования, позволяют не только установить иерархию характеристических признаков потенциала для различных групп товаропроизводителей РЭПС, но и выполнить корректное сравнение:

$$b_i^{normal} = \begin{cases} \frac{x_i}{\max\{x_i\}}, & \text{если } x_{\text{criterial value}} \rightarrow \max; \\ \frac{1/x_i}{\max\{1/x_i\}}, & \text{если } x_{\text{criterial value}} \rightarrow \min. \end{cases} \quad (3)$$

Формула (3) автором «усовершенствована по сравнению с общепринятым подходом к построению нормированных величин за счет добавления варианта, когда критериальное значение анализируемого показателя стремится к минимуму» [106]. Такая конструкция формулы позволяет при реализации процедуры ранжирования унифицировать разнонаправленные по экономическому смыслу показатели (например, при нормировании показателей себестоимости). Отметим, что нормированные оценки представляют собой более сложный и эффективный инструмент, чем простое балльное ранжирование, позволяя не только установить четкую иерархию характеристик, которые определяют эффективность работы сельскохозяйственных предприятий, но и дают возможность сравнивать эти характеристики с использованием специальных величин, которые мы будем называть нормированными единицами (н. ед.) или нормированными баллами.

Усреднение рейтинговых оценок (пятый этап Методики) потенциала РЭПС для различных организационно-правовых форм СХО позволяет нивелировать

возможные колебания показателей внутри оцениваемых групп предприятий без снижения надежности получаемых выводов. Расчетная формула имеет вид:

$$\overline{Rate} = \frac{1}{n} \cdot \sum_{i=1}^n W^i_{indicator} \cdot b_i^{normal}, \quad (4)$$

где $\overline{Rate}$ – средняя рейтинговая оценка;

n – число оцениваемых показателей потенциала РЭПС;

$W^i_{indicator}$ – вес оцениваемого показателя;

b_i^{normal} – нормированная оценка.

Как выше было отмечено, анализ развития потенциала РЭПС проводится по трем направлениям (в целом для предприятия и отдельно по отраслям), поэтому для исследования совокупного влияния будем использовать интегральную рейтинговую оценку потенциала РЭПС ($P_{эфф.СХО}$), – шестой этап, – в следующей форме:

$$P_{эфф.СХО} = \sum_{j=1}^m \overline{Rate}_j, \quad (5)$$

где $\overline{Rate}_j$ – средняя рейтинговая оценка потенциала СХО по j -му направлению оценивания;

m – число направлений оценивания.

На завершающем, седьмом этапе, проводится ранжирование хозяйств по уровню развития потенциала региональной экономической продовольственной системы и формулируются обобщающие выводы.

Разработанная автором критериальная шкала интерпретации потенциала РЭПС, которая позволяет по величине его интегральной оценки идентифицировать уровень развития потенциала РЭПС, представлена на Рисунке 24. (Критериальные значения определены экспертным методом).

В качестве достоинств представленной Методики, определяющих ее вклад в решение задач продовольственной обеспеченности региона, считаем

необходимым выделить следующие:

- возможность ранжирования на основе обоснованных оценочных показателей Методики сельскохозяйственных товаропроизводителей по уровню потенциала РЭПС, что позволит таргетировать государственные субсидии и другие меры поддержки в сфере продовольственной обеспеченности;
- возможность использования при формировании рациональной организационно-экономической структуры товаропроизводителей РЭПС, что позволит обеспечить условия для развития конкуренции, обеспечивающей рациональное сочетание бизнеса различного масштаба, предприятий разных организационно-правовых форм, крестьянских (фермерских) хозяйств;
- возможность применения при планировании и управлении развитием регионального продовольственного рынка.

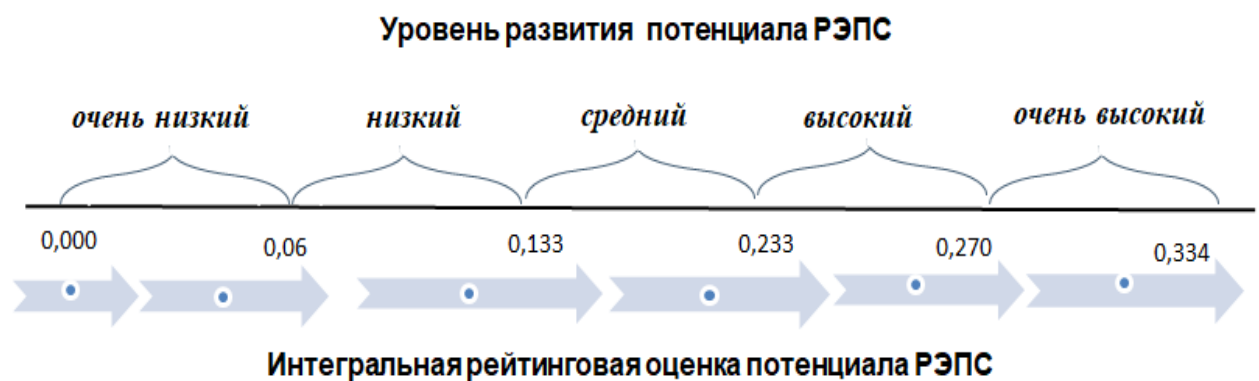

Рисунок 24 – Критериальная шкала интерпретации производственного потенциала аграрных товаропроизводителей РЭПС.

Источник: разработано автором.

Предложенная Методика апробирована автором на примере южного региона Дальнего Востока – Приморского края.

В выборочную совокупность для проведения исследования включено 110 сельскохозяйственных организаций Приморского края (или 45% от общей численности СХО) из числа хозяйств, осуществляющих производственную деятельность в сельском хозяйстве региона в 2023 г. Из них доля СХПК, ООО,

АО и ПАО составляет соответственно 55%, 41%, 42% и 67% от общего количества организаций соответствующих организационно-правовых форм (Рисунок 25).

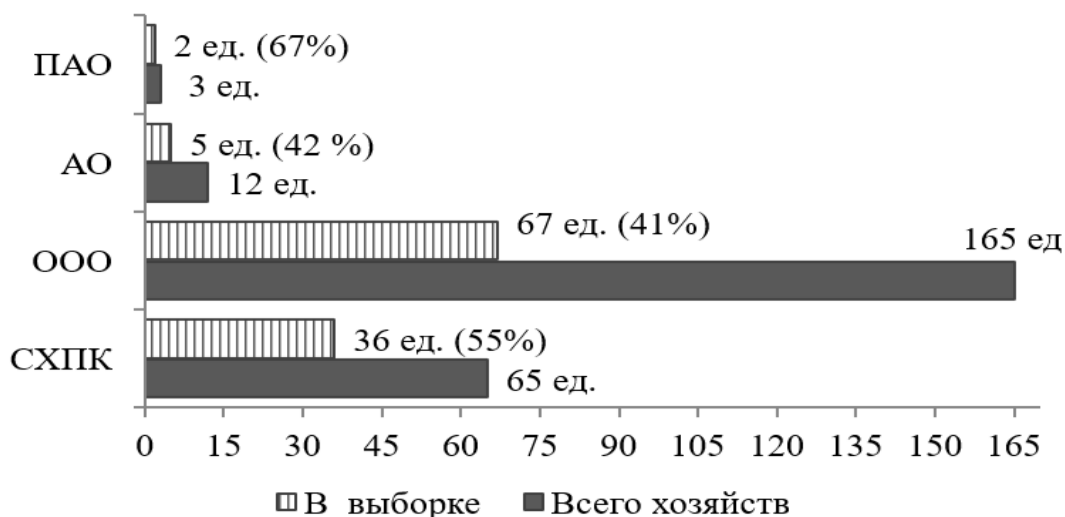

Рисунок 25 – Характеристика выборки СХО Приморского края по организационно-правовым формам для оценки потенциала РЭПС.

Источник: построено автором.

Поэтому сформированные автором выборки сельскохозяйственных предприятий для изучения потенциала РЭПС, являются репрезентативными и состоятельными (реализация второго этапа Методики). Следовательно, можно с достаточно высокой степенью вероятности предполагать, что выводы, которые будут получены на основании изучения данных выборочных совокупностей при проецировании на генеральную совокупность СХО Приморского края не приведут к получению искаженных или некорректных оценок.

Далее нами найдены средние показатели экономической эффективности СХО в целом и отраслевой эффективности (3-й этап Методики), и выполнено их нормирование (этап 4).

Так как в представленной Методике предполагается разделение сельскохозяйственных предприятий как по организационно-правовым формам, так и по размеру, то дальнейшие расчеты проведены по двум основным направлениям: для крупных сельскохозяйственных хозяйств (данные

представлены в таблицах Б.1–Б.4 Приложения Б) и для малых хозяйств (данные представлены в таблицах Б.5–Б.8 Приложения Б).

Проведенное нами исследование показало, что площадь сельскохозяйственных угодий для всех типов хозяйств различается незначительно ($\Delta = 0,27$ н. ед.), а колебания остальных показателей масштаба деятельности СХО средние (порядка 0,5 н. ед.). Это свидетельствует о сравнимых стартовых условиях для всех типов хозяйств с точки зрения доступных земельных ресурсов (Таблица Б.1). При этом по «размерным» показателям акционерные общества превосходят предприятия других организационно-правовых форм, демонстрируя также преимущество в показателях эффективности использования основных средств.

Первое место по рентабельности в разрезе крупных СХО занимают непубличные АО, последнее, с существенным отрывом (в размере 0,753 н. ед.) – публичные акционерные общества; ООО и СХПК демонстрируют сравнимую рентабельность (0,577 н. ед. для ООО и 0,462 н. ед. для СХПК) (Таблица Б.2). Технологическая эффективность приморского зерноводства и соеводства наиболее высока в производственных кооперативах; овощеводства – в обществах с ограниченной ответственностью; картофелеводства – в публичных акционерных обществах.

Ранжированный ряд рентабельности производства растениеводческой продукции для крупных хозяйств «возглавляют» СХПК, за которыми располагаются закрытые АО (0,74 н. ед.), затем ПАО (0,72 н. ед.), а «замыкают» – ООО (0,68 н. ед.) (Таблица Б.3 Приложения Б).

Производство животноводческой продукции (в среднем за 2014–2023 гг.) приносило убытки для всех категорий товаропроизводителей Приморского края. Но следует отметить более высокий уровень окупаемости затрат для ООО и СХПК по сравнению с акционерными организациями (примерно на 0,05–0,09 н. ед.). В целом лидирующие позиции по технологической эффективности животноводства у кооперативов и ООО. При этом себестоимость производства

продукции животноводства в приморских сельскохозяйственных кооперативах, также, как в растениеводстве, имеет самые низкие величины (Таблица Б.4 Приложения Б).

Анализ показателей размера малых приморских сельскохозяйственных предприятий выявил ряд важных особенностей, в том числе максимальный уровень значений нормированных показателей выручки для АО, а валовой прибыли – для ПАО. Но закрытые акционерные в среднем за 2014–2023 гг. имеют убыток, составляющий 691 тыс. руб. на одно хозяйство. Количество официально трудоустроенных работников в малых акционерных обществах обоих типов и в обществах с ограниченной ответственностью практически одинаково и колеблется в пределах 0,769 – 0,808 н. ед. Однако, по большинству других физических показателей размеров хозяйств лидируют непубличные акционерные общества. Разброс нормированных оценок в данном случае незначительный и укладывается в диапазон 0,1 – 0,2 н. ед. (Таблица Б.5 Приложения Б).

С точки зрения экономической эффективности, предприятия, относящиеся к категории сельскохозяйственных кооперативов, демонстрируют наилучшие результаты среди малых форм бизнеса в Приморском крае. Действительно, в среднем за анализируемый период СХПК обеспечивают более высокие показатели выручки как в расчете на одного среднегодового работника, так и на один рубль материальных затрат. Кроме того, кооперативы показывают высокие значения фондообеспеченности, что свидетельствует об их способности эффективно использовать свои ресурсы (Таблица Б.6 Приложения Б).

Анализируя технологическую эффективность, отметим более высокие результаты малых обществ с ограниченной ответственностью как в отрасли растениеводства (Таблица Б.7 Приложения Б), так и в животноводстве (Таблица Б.8). На второй позиции – сельскохозяйственные производственные кооперативы. При этом в современных условиях и общества с ограниченной ответственностью, и СХПК производят агропродукцию с наименьшими издержками, в то время как в АО себестоимость ее выпуска максимальная.

Для реализации 5-го этапа методики оценки потенциала региональной экономической продовольственной системы (для Приморского края Дальнего Востока Российской Федерации) в таблицах В.1– В.8 Приложения В определены средние рейтинговые оценки потенциала региональной экономической продовольственной системы (формула (4)) в логике предыдущих этапов методики, то есть с дифференциацией по масштабу деятельности и по отраслям.

Отклонение в средних рейтингах (в рамках оценки масштабов деятельности) для крупных и малых кооперативов незначительное ($\Delta = |0,120 - 0,122| = 0,02$ н.ед.). При этом среди группировок малых хозяйств наиболее высокий рейтинг по размеру у акционерных обществ (0,145 н.ед.), а самый низкий – у обществ с ограниченной ответственностью (0,098 н.ед.). Ранжирование по рейтинговой оценке производственного потенциала для крупных СХО региона следующее (в порядке убывания нормированного показателя): АО (0,078 н.ед.), ПАО (0,066 н.ед.), СХПК (0,043 н.ед.) и ООО (0,041 н.ед.) (Таблицы В1– В.2 Приложения В).

Акцентируем также внимание на самых высоких величинах весовых коэффициентов для крупных акционерных обществ:

- по выручке в расчете на 1 га пашни, на 1 руб. основных средств и на 1 среднегодового работника;
- по валовой прибыли в расчете на 1 среднегодового работника.

Непубличные акционерные общества Приморского края имеют максимальные веса:

- по выручке в расчете на 1 рубль материальных затрат;
- по валовой прибыли в расчёте на 1 гектар пашни и на 1 среднегодового работника;
- по фондовооруженности;
- по уровню рентабельности предприятий (Таблица В.3).

Для малых форм организации аграрного бизнеса в регионе первое место по рейтинговой оценке производственного потенциала занимают СХПК (0,087 н.ед.), второе – ПАО (0,075 н.ед.), третье – ООО (0,063 н.ед.), четвертое – АО (0,04 н.ед.). Следует обратить внимание на предпоследний результат в этом

ранжированном ряду для обществ с ограниченной ответственностью в сочетании с максимальными и близкими к максимальным весовыми коэффициентами производственного потенциала малых сельскохозяйственных организаций по ряду показателей: выручка в расчете на 1 гектар посевных площадей (1,000), выручка в расчете на 1 среднегодового работника (1,000), выручка в расчете на 1 рубль материальных затрат (0,928), среднегодовая стоимость основных фондов в расчете на 100 гектаров сельхозугодий (0,903) (Таблица В.4 Приложения В).

Рейтинговая оценка производственного потенциала растениеводства в крупных СХО Приморского края отражает четкую иерархию среди различных организационно-правовых форм сельскохозяйственных предприятий. На первом месте находятся сельскохозяйственные производственные кооперативы (0,101 н.ед.). На втором месте располагаются общества с ограниченной ответственностью, также показывающие достаточно высокие результаты (0,093 н.ед.). Замыкающие - публичные и непубличные акционерные общества, которые делят соответственно третье и четвертое места в рейтинге. (0,085 и 0,084 н. ед.) (Таблица В.5 Приложения В).

Оценка производственного потенциала растениеводства в малых сельскохозяйственных предприятиях Приморского края соответствует закономерностям, сложившимся в данной отрасли для крупного бизнеса: самыми эффективными товаропроизводителями растениеводческой продукции в регионе являются сельскохозяйственные производственные кооперативы и общества с ограниченной ответственностью (Таблица В.6 Приложения В).

Кроме того, стоит отметить, что отклонения в рейтинговых оценках производственного потенциала отрасли растениеводства среди всех группировок сельскохозяйственных организаций как для крупных, так и для малых предприятий практически незначительны и близки к нулю:

$$\overline{\text{Оценка}}_{\text{раст-во}}^{\text{крупные}} - \overline{\text{Оценка}}_{\text{раст-во}}^{\text{малые}} = \begin{cases} 0,101 - 0,100 = 0,001 \text{ для СХПК} \\ 0,093 - 0,090 = 0,003 \text{ для ООО} \\ 0,085 - 0,085 = 0,000 \text{ для ПАО} \\ 0,084 - 0,085 = -0,001 \text{ для АО} \end{cases}$$

Это указывает на то, что в крупных сельскохозяйственных организациях Приморского края на сегодняшний день преимущества, которые могут быть получены за счет масштабов производства, либо не реализуются вовсе, либо реализуются в крайне ограниченных объемах.

Если рассмотреть выпуск продукции животного происхождения СХО Приморского края, то здесь наблюдаются различия в величине производственного потенциала между различными формами хозяйствования. Наиболее успешными в производстве животноводческой продукции также, как и в растениеводстве, остаются сельскохозяйственные производственные кооперативы. Наименее эффективными в данной сфере являются акционерные общества, в то время как общества с ограниченной ответственностью занимают промежуточные позиции, что также подтверждает их конкурентоспособность в данной области (Таблица В.7 Приложения В):

$$\overline{\text{Оценка}}_{\text{жив-во,СХПК}} = 0,14 > \overline{\text{Оценка}}_{\text{жив-во,АО}} = 0,117 > \overline{\text{Оценка}}_{\text{жив-во,ООО}} = 0,11 > \overline{\text{Оценка}}_{\text{жив-во,ПАО}} = 0,1$$

Рассмотрение групп малых агропредприятий по организационно-правовым формам в сфере животноводства, показало, что наивысшую оценку производственного потенциала имеют общества с ограниченной ответственностью (средний рейтинг 0,140). При этом «нормированный» рейтинг сельскохозяйственных производственных кооперативов ниже рейтинга ООО на 0,017, что указывает на их менее высокие результаты по сравнению с ООО. В конце списка находятся непубличные акционерные общества с рейтингом 0,110 и публичные акционерные общества с рейтингом 0,097 (Таблица В.8).

Реализация потенциальных преимуществ возможностей крупной формы организации производственно-хозяйственной деятельности в животноводстве по сравнению малым сельхозпроизводством имеет место для производственных кооперативов:

$$\overline{\text{Оценка}}_{\text{СХПК}}^{\text{крупные}} - \overline{\text{Оценка}}_{\text{СХПК}}^{\text{малые}} = 0,140 - 0,123 = 0,017.$$

Но в условиях региональных обществ с ограниченной ответственностью проявляется противоположная тенденция: превалирование малой формы организации животноводства над крупной:

$$\overline{\text{Оценка}}_{\text{ООО}}^{\text{крупные}} - \overline{\text{Оценка}}_{\text{ООО}}^{\text{малые}} = 0,11 - 0,14 = -0,03.$$

Объединение результатов проведенной по трем направлениям оценки производственного потенциала СХО региона (6 этап Методики), ранжирование предприятий и определение уровня развития их производственного потенциала (7 этап Методики) представлено в Таблице 12.

Таблица 12 – Интегральная оценка производственного потенциала СХО Приморского края

	Средняя рейтинговая оценка						Интеграль- ная рейтинговая оценка	Ранг		Уровень развития производственного потенциала		
	в целом по СХО		растение- водство		животно- водство							
	крупные	малые	крупные	малые	крупные	малые	крупные	малые	крупные	малые	крупные	малые
СХПК	0,043	0,087	0,101	0,100	0,140	0,123	0,284	0,31	1	1	очень высокий	очень высокий
ООО	0,041	0,063	0,093	0,090	0,110	0,140	0,244	0,293	4	2	высокий	очень высокий
ЗАО (АО)	0,078	0,040	0,084	0,080	0,117	0,110	0,279	0,23	2	4	высокий	средний
ОАО (ПАО)	0,066	0,075	0,085	0,089	0,100	0,097	0,251	0,261	3	3	высокий	высокий

Источник: составлено автором.

Итак, применение методики оценки производственного потенциала сельского хозяйства в рамках конкретного региона (в нашем случае для Приморского края), позволяет сделать ряд важных вводов. В сфере первичного производства продовольствия в Приморском крае наибольший производственный потенциал демонстрируют сельскохозяйственные кооперативы, как крупные, так

и малые, следовательно, кооперативная форма организации производства оказывается более результативной в условиях данного региона.

Сравнительно низкие значения интегрального рейтинга были зафиксированы для крупных обществ с ограниченной ответственностью (ООО) и для акционерных обществ, то есть производственный потенциал данных групп товаропроизводителей значительно уступает кооперативам, что может быть связано как с различиями в управлении, организационных формах, так и подходами к ведению сельского хозяйства.

Но, в целом, сельскохозяйственные предприятия региона в разрезе всех оцениваемых группировок хозяйств по организационно-правовой форме имеют достаточно высокий производственный потенциал. Это свидетельствует о возможности увеличения доли продовольствия регионального происхождения при условии формирования соответствующих пропорций РЭПС и проведения активной аграрной структурной политики развития региональной экономической продовольственной системы.

4.3. Прогноз развития потенциала региональной экономической продовольственной системы

Необходимость построения прогнозных оценок потенциала региональной экономической продовольственной системы обусловлена рядом ключевых причин и преимуществ, которые руководителю любого уровня дает применение методологии прогнозирования в своей практической деятельности (от определения перспективных направлений развития предприятия до формирования приоритетов региональной структурной политики):

1. *Планирование ресурсов.* Прогнозирование позволяет оценить, какие ресурсы (финансовые, трудовые, материальные) потребуются для достижения определенных производственных целей. Это помогает эффективно распределять ресурсы и избегать их недостатка или избытка.

2. *Оптимизация производства.* Зная прогнозные оценки производственного и ресурсного потенциалов РЭПС, можно определить, какие технологии и методы производства будут наиболее эффективными для увеличения выхода продукции (внедрение новых технологий, улучшение квалификации трудовых ресурсов, оптимизация логистических процессов и пр.).

3. *Адаптация к изменениям.* Экономическая ситуация, климатические условия и потребительские предпочтения могут меняться, а прогнозирование позволяет подготовиться к таким изменениям и адаптировать производственные процессы, чтобы минимизировать негативные последствия, в том числе на основе понимания своей позиции на рынке, определения возможностей для роста и развития, приспособления к конкурентной среде.

4. *Разработка стратегий.* Прогнозирование потенциала РЭПС помогает разработать научно обоснованные долгосрочные стратегии развития региональной экономической продовольственной системы, которые могут включать в себя не только задачу увеличения объемов производства, но и улучшение качества продукции, диверсификацию и устойчивое развитие региона, направления улучшения продовольственной безопасности и продовольственной обеспеченности на мезоуровне.

5. *Поддержка государственной политики.* Результаты прогноза развития потенциала РЭПС, могут служить основой для разработки и реализации государственной структурной политики, что позволит эффективно реагировать на вызовы и потребности региона, а также оценивать риски и возможности для вложений в определенные сегменты региональной экономической продовольственной системы.

Разработанный в данном исследовании авторский алгоритм прогнозирования производственного потенциала региональной экономической продовольственной системы (далее – Алгоритм) представляет собой совокупность логически выстроенных для достижения поставленной задачи экономико-математических моделей, посредством которых можно осуществлять прогнозирование производственного потенциала сельскохозяйственной составляющей анализируемой РЭПС (Рисунок 26).

Источник: составлено автором.

Детализированный состав показателей для построения экономико-математических моделей в составе Алгоритма представлен на Рисунке 27.

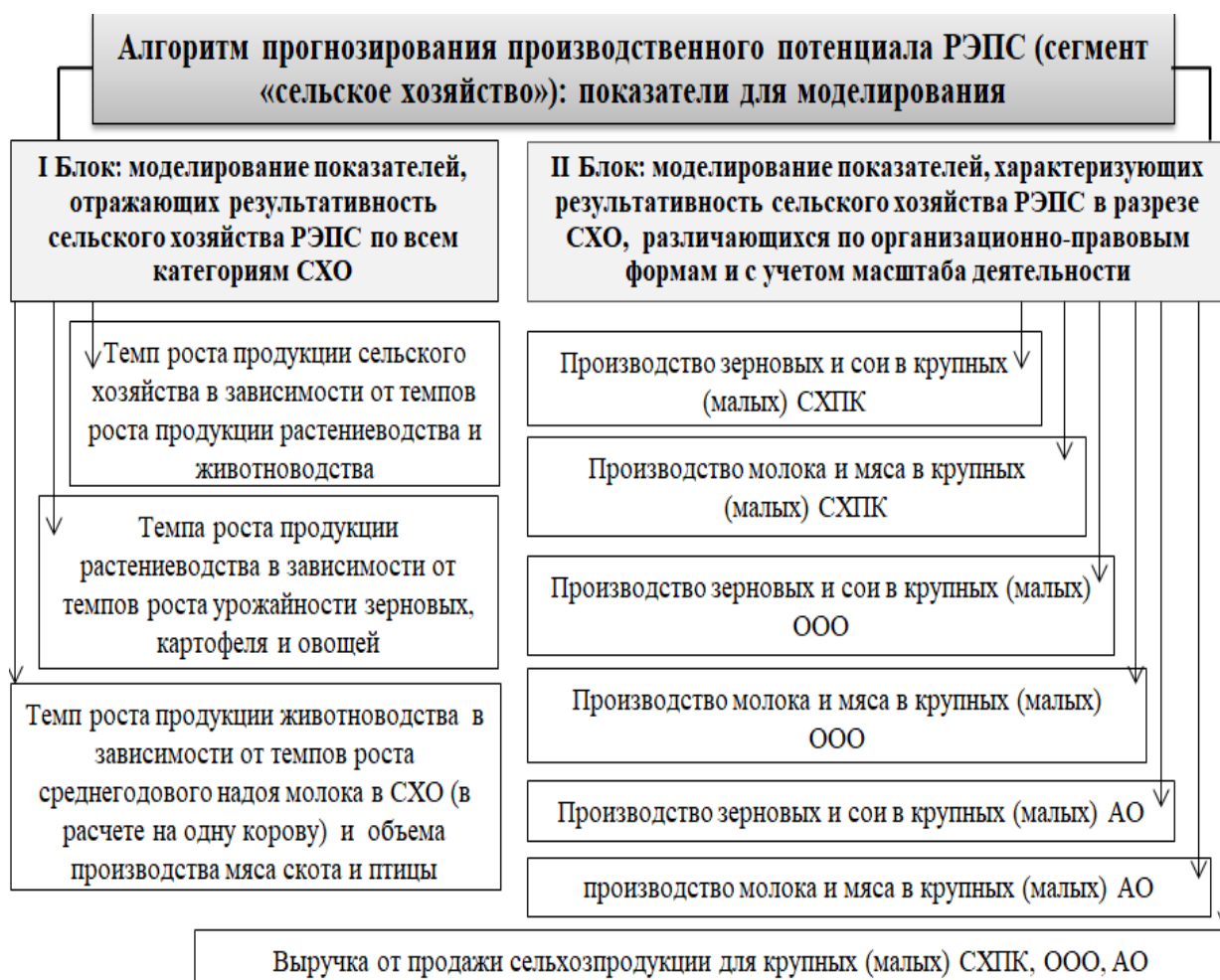

Рисунок 27 – Состав показателей для моделирования в составе алгоритма прогнозирования производственного потенциала РЭПС (сельское хозяйство).

Источник: составлено автором

В рамках реализации первого блока Алгоритма автором построены три модели зависимости темпов роста продукции сельского хозяйства, растениеводства и животноводства от показателей технологической эффективности: а) в растениеводстве – урожайности зерновых культур, картофеля и овощей открытого грунта для всех категорий хозяйств; б) в животноводстве – среднегодового надоя молока в расчете на одну корову в сельскохозяйственных

организациях и объёма произведенного мяса скота и птицы на убой в убойном весе (для Приморского края) (Таблица 13).

Таблица 13 – Модели темпов роста продукции сельского хозяйства Приморского края по хозяйствам всех категорий

Модель	Коэффициент корреляции	Коэффициент детерминации	Средняя ошибка аппроксимации, %
$y = -0,128 + 0,615 \cdot x_1 + 0,368 \cdot x_2,$ где y - темп роста продукции сельского хозяйства (в хозяйствах всех категорий; в сопоставимых ценах; в % к предыдущему году); x_1- темп роста продукции растениеводства (в хозяйствах всех категорий; в сопоставимых ценах; в % к предыдущему году); x_2- темп роста продукции животноводства (в хозяйствах всех категорий; в сопоставимых ценах; в % к предыдущему году)	0,996	0,992	0,6
$y = 0,783 + 0,304 \cdot x_1 + 0,341 \cdot x_2 + 0,335 \cdot x_3,$ где y - темп роста продукции растениеводства (в хозяйствах всех категорий; в сопоставимых ценах; в % к предыдущему году); x_1- темп роста урожайности зерновых (в хозяйствах всех категорий; ц с 1 га посевной площади); x_2- темп роста урожайности картофеля (в хозяйствах всех категорий; ц с 1 га посевной площади); x_3- темп роста урожайности овощей открытого грунта (в хозяйствах всех категорий; ц с 1 га посевной площади)	0,907	0,823	4,0
$y = 39,43 + 0,074 \cdot x_1 + 0,526 \cdot x_2,$ где y - темп роста продукции животноводства (в хозяйствах всех категорий; в сопоставимых ценах; в % к предыдущему году); x_1- темп роста среднегодового надоя молока в сельхозпредприятиях (в расчете на 1 корову); x_2- темп роста объема производства мяса скота и птицы на убой в убойном весе (в хозяйствах всех категорий)	0,776	0,602	2,4

Источник: составлено автором.

Отметим, что все представленные в Таблице 13 модели адекватно отражают описываемые процессы, что подтверждается значениями коэффициента корреляции (составляет не менее 0,8, что соответствует высокой тесноте связи между эндогенной и экзогенными переменными), коэффициента детерминации

(свидетельствует, что 60% и более вариации эндогенной переменной учтено в модели посредством включения в нее экзогенных факторов) и величиной средней ошибки аппроксимации (находится на уровне 0,6 – 4%).

Построение моделей согласно второму блока Алгоритма в соответствии с определенными нами показателями дает возможность при построении прогнозных оценок учесть не только отраслевые особенности, свойственные агропроизводству, но и организационно-правовую форму предприятия.

Поэтому в рамках апробации алгоритма прогнозирования производственного потенциала региональной экономической продовольственной системы нами построены прогнозные модели, в которых связаны два наиболее коррелирующих между собой фактора: а) в растениеводстве – объём валовой продукции отдельной сельскохозяйственной культуры и посевная площадь; б) в животноводстве – объём выпуска определённого вида животноводческой продукции и наличное поголовье скота.

Данные модели, в соответствии с логикой диссертационного исследования, алгоритмом прогнозирования производственного потенциала РЭПС для сегмента «сельское хозяйство», а также результатами, полученными в п. 4.2, построены для крупных (Таблица 14) и малых (Таблица 15) сельскохозяйственных производственных кооперативов как обладающих очень высоким уровнем развития производственного потенциала.

Фактологические данные для моделирования взяты из Годовых отчётов сельскохозяйственных организаций Приморского края за шесть лет (2018–2023 гг.), что является вполне достаточным временным интервалом для построения корректных однофакторных моделей. Надежность построенных моделей также подтверждается значениями стандартных показателей адекватности факторных моделей. Таким образом, представленные в Таблицах 14–15 корреляционные зависимости достаточно корректно описывают реальную ситуацию, позволяют сформировать объективную оценку состояния СХПК на момент исследования, а также проанализировать пути возможного развития в предположении принятия некоторой новой структурной стратегии или корректировки старой.

Таблица 14 – Прогнозные модели производства основных видов сельскохозяйственной продукции для крупных сельскохозяйственных производственных кооперативов Приморского края

Элемент РЭПС	Модель	Коэффициент корреляции	Средняя ошибка аппроксимации, %
Растениеводство	1. $\text{Сбор}_{\text{зерновые}}^{\text{кр\_СХПК}} = 0,27 \cdot S_{\text{зерновые}}^{\text{кр\_СХПК}} - 2141,724$ где: $\text{Сбор}_{\text{зерновые}}^{\text{кр\_СХПК}}$ – валовой сбор зерновых (в массе после доработки) в крупных СХПК (в расчете на одно хозяйство), ц; $S_{\text{зерновые}}^{\text{кр\_СХПК}}$ – посевная площадь зерновых в крупных СХПК (в расчете на одно хозяйство), га.	0,997	10,2
	2. $\text{Сбор}_{\text{соя}}^{\text{кр\_СХПК}} = 11,247 \cdot S_{\text{соя}}^{\text{кр\_СХПК}} + 2271,646$ где: $\text{Сбор}_{\text{соя}}^{\text{кр\_СХПК}}$ – валовой сбор сои в крупных СХПК (в расчете на одно хозяйство), ц; $S_{\text{соя}}^{\text{кр\_СХПК}}$ – посевная площадь сои в крупных СХПК (в расчете на одно хозяйство), га.	0,815	16,6
Животноводство	1. $\text{Производство}_{\text{молоко}}^{\text{кр\_СХПК}} = 41,316 \cdot P_{\text{коров}}^{\text{кр\_СХПК}} - 2169,47$ где: $\text{Производство}_{\text{молоко}}^{\text{кр\_СХПК}}$ – количество произведенного молока за год в крупных СХПК (в расчете на одно хозяйство), ц; $P_{\text{коров}}^{\text{кр\_СХПК}}$ – среднегодовое поголовье коров молочного стада в крупных СХПК (в расчете на одно хозяйство), голов.	0,948	15,2
	2. $\text{Прирост}_{\text{КРС}}^{\text{кр\_СХПК}} = 0,889 \cdot P_{\text{телят}}^{\text{кр\_СХПК}} + 33,081$ где: $\text{Прирост}_{\text{КРС}}^{\text{кр\_СХПК}}$ – прирост живой массы крупного рогатого скота год в крупных СХПК (в расчете на одно хозяйство), ц; $P_{\text{телят}}^{\text{кр\_СХПК}}$ – среднегодовое поголовье телят на выращивании и откорме в крупных СХПК (в расчете на одно хозяйство), голов	0,872	14,4

Источник: построено автором.

Таблица 15 – Прогнозные модели производства основных видов сельскохозяйственной продукции для малых сельскохозяйственных производственных кооперативов Приморского края

Элемент РЭПС	Модель	Коэффициент корреляции	Средняя ошибка аппроксимации, %
Растениеводство	1. $Сбор_{зерновых}^{малыеСХПК} = 20,854 \cdot S_{зерновых}^{малыеСХПК} - 4276,34,$ где $Сбор_{зерновых}^{малыеСХПК}$ – валовой сбор зерновых (в массе после доработки) в малых СХПК (в расчете на одно хозяйство), ц; $S_{зерновых}^{малыеСХПК}$ – посевная площадь зерновых в малых СХПК (в расчете на одно хозяйство), га	0,946	10,1
	2. $Сбор_{сои}^{малыеСХПК} = 6,807 \cdot S_{сои}^{малыеСХПК} + 950,582,$ где $Сбор_{сои}^{малыеСХПК}$ – валовой сбор сои в малых СХПК (в расчете на одно хозяйство), ц; $S_{сои}^{малыеСХПК}$ – посевная площадь сои в малых СХПК (в расчете на одно хозяйство), га	0,978	4,6
Животноводство	1. $Производство_{молока}^{малыеСХПК} = 45,603 \cdot P_{коров}^{малыеСХПК} - 521,593,$ где $Производство_{молока}^{малыеСХПК}$ – количество произведенного молока за год в малых СХПК (в расчете на одно хозяйство), ц; $P_{коров}^{малыеСХПК}$ – среднегодовое поголовье коров молочного стада в малых СХПК (в расчете на одно хозяйство), голов.	0,995	5,0
	2. $Прирост_{КРС}^{малыеСХПК} = 1,201 \cdot P_{телят}^{малыеСХПК} - 3,379;$ где $Прирост_{КРС}^{малыеСХПК}$ – прирост живой массы крупного рогатого скота год в малых СХПК (в расчете на одно хозяйство), ц; $P_{телят}^{малыеСХПК}$ – среднегодовое поголовье телят на выращивании и откорме в малых СХПК (в расчете на одно хозяйство), голов	0,998	2,0

Источник: построено автором.

Далее выполним прогнозирование результатов аграрной структурной политики в Приморском крае, исходя из следующих гипотез: а) сохранение выбранного курса структурной политики и пролонгирование ее приоритетов;

б) активизация структурной политики в агросфере региона с корректировкой ее приоритетов.

Прогнозирование функционально-отраслевой структуры производственного базиса РЭПС (сегмент «сельское хозяйство») на примере Приморского края с учетом сложившихся к настоящему времени тенденций в развитии сельского хозяйства данного субъекта Федерации выполнено с применением метода прогнозной экстраполяции на основе трендовых моделей.

Трендовые модели используются в прогнозировании широкого спектра социально-экономических процессов для выявления и описания закономерностей изменения данных во времени, что позволяет прогнозировать будущие значения и принимать обоснованные решения. Соответственно под трендом понимается устойчивое систематическое изменение некоторого процесса или явления в течение достаточно продолжительного времени. В качестве основной цели построения трендовых моделей (трендов) экономической динамики следует обозначить стремление исследователей выявить тенденцию (закономерность) развития конкретного показателя во времени, а также построить прогнозные оценки (обычно кратко- или среднесрочную перспективу).

Поэтому тренды элементов аграрной структуры региона автором построены для: а) долевых показателей отрасли растениеводства, а именно: удельного веса в валовой продукции сельского хозяйства Приморского края зернопроизводства, картофелеводства, овощеводства, кормопроизводства, прочих производств в растениеводстве; б) долевых показателей отрасли животноводства: доли мясопроизводства, молочного скотоводства, производства яиц, прочих животноводческих производств в валовой продукции сельского хозяйства Приморского края; в) доли основных категорий сельскохозяйственных товаропроизводителей в региональном выпуске продукции растениеводства региона по группам хозяйств; г) доли основных категорий сельскохозяйственных товаропроизводителей в региональном выпуске продукции животноводства региона по группам хозяйств. В нашем случае наилучшее приближение дали полиномиальные функции 3–6 степени (Таблица 16).

Таблица 16 – Модели прогнозирования элементов функционально-отраслевой структуры производственного базиса РЭПС Приморского края

Прогнозируемый элемент	Вид трендовой модели	Коэффициент детерминации
<i>В валовой продукции сельского хозяйства региона доля валовой продукции:</i>		
Зернопроизводства	$d_{\text{зерно}} = -0,000014 \cdot t^5 + 0,00093 \cdot t^4 - 0,0207 \cdot t^3 + 0,19582 \cdot t^2 - 0,90046 \cdot t + 7,52585$	0,518
Картофелеводства	$d_{\text{картофель}} = 0,000098 \cdot t^4 + 0,00616 \cdot t^3 - 0,39765 \cdot t^2 + 4,82619 \cdot t + 14,70512$	0,765
Овощеводства	$d_{\text{овощи}} = 0,00004 \cdot t^4 - 0,0043 \cdot t^3 + 0,09435 \cdot t^2 + 0,32592 \cdot t + 8,09963$	0,937
Мясопроизводства	$d_{\text{мясо}} = -0,00008 \cdot t^4 - 0,00375 \cdot t^3 + 0,026873 \cdot t^2 - 3,75054 \cdot t + 22,99292$	0,819
Молочного скотоводства	$d_{\text{молоко}} = -0,000021 \cdot t^5 + 0,00152 \cdot t^4 - 0,03936 \cdot t^3 + 0,42739 \cdot t^2 - 2,03840 \cdot t + 15,08278$	0,652
Производства яиц	$d_{\text{яйца}} = -0,00052 \cdot t^3 + 0,03656 \cdot t^2 - 0,88827 \cdot t + 11,57451$	0,811
Кормопроизводства	$d_{\text{корма}} = 0,00001 \cdot t^3 - 0,00063 \cdot t^2 + 0,01637 \cdot t + 1,15916$	0,929
Прочих производств растениеводства	$d_{\text{раст-во-прочее}} = -0,00003 \cdot t^4 + 0,00045 \cdot t^3 + 0,00446 \cdot t^2 + 0,08701 \cdot t + 10,66281$	0,649
Прочих производств животноводства	$d_{\text{жив-во-прочее}} = -0,00005 \cdot t^4 + 0,00095 \cdot t^3 + 0,0202 \cdot t^2 - 0,15276 \cdot t + 8,95016$	0,734
Сельскохозяйственных предприятий	$d_{\text{СХО}} = 0,000138 \cdot t^5 - 0,010340 \cdot t^4 + 0,263504 \cdot t^3 - 2,495850 \cdot t^2 + 3,818200 \cdot t + 66,05864$	0,959
Крестьянских (фермерских) хозяйств	$d_{\text{КФХ}} = 0,000000883 \cdot t^6 - 0,0000641 \cdot t^5 + 0,001383184 \cdot t^4 - 0,00349514 \cdot t^3 - 0,16549455 \cdot t^2 + 1,58015861 \cdot t - 1,2687158$	0,961
Хозяйств населения	$d_{\text{ЛПХ}} = -0,000139 \cdot t^5 + 0,010770 \cdot t^4 - 0,284020 \cdot t^3 + 2,813462 \cdot t^2 - 5,805486 \cdot t + 35,537685$	0,947
<i>Доля продукции животноводства в валовой продукции:</i>		
Сельскохозяйственных предприятий	$d_{\text{СХО}}^{\text{жив-во}} = 0,0001074 \cdot t^5 - 0,0078328 \cdot t^4 + 0,1970706 \cdot t^3 - 1,9674398 \cdot t^2 + 5,8123277 \cdot t + 56,2706730$	0,747
Крестьянских (фермерских) хозяйств	$d_{\text{К(Ф)Х}}^{\text{жив-во}} = -0,001185 \cdot t^4 + 0,071036 \cdot t^3 - 1,353971 \cdot t^2 + 8,101174 \cdot t + 22,868900$	0,778
Хозяйств населения	$d_{\text{ЛПХ}}^{\text{жив-во}} = 0,000572 \cdot t^4 - 0,040206 \cdot t^3 + 0,907642 \cdot t^2 - 7,756560 \cdot t + 59,568231$	0,764

Источник: построено автором.

Посредством полученных полиномиальных моделей выполним прогноз параметров функционально-отраслевой структуры производственного базиса региональной экономической продовольственной системы (на примере Приморского края) на период до 2028 года (Таблица 17).

Таблица 17 – Прогноз изменений функционально-отраслевой структуры сельского хозяйства РЭПС Приморского края на среднесрочную перспективу (%)

Отрасль, подотрасль	Отраслевая структура			Масса структурного сдвига		Индекс структурного сдвига	
	Фактическая (2023)	Прогнозная		2023 – 2026	2023 – 2028	2023 – 2026	2023 – 2028
		2026	2028				
<i>Растениеводство всего</i>	65,4	75,8	77,1	10,4	11,7	15,9	17,9
в том числе:							
зернопроизводство	8,3	7,8	8,7	-0,5	0,4	-6	4,8
картофелеводство	19,3	42,4	41,1	23,1	21,8	119,7	113,0
овощеводство	24,1	19,1	23,1	-5	-1	-20,7	-4,1
кормопроизводство	1,4	1,4	1,3	0	-0,1	0	-7,1
прочие растениеводческие производства	12,1	5,1	2,9	-7	-9,2	-57,9	-76,0
<i>Животноводство всего</i>	34,6	24,2	22,9	-10,4	-11,7	-30,1	-33,8
в том числе:							
мясопроизводство	8,8	7,7	8,6	-1,1	-0,2	-12,5	-2,3
молочное скотоводство	8,3	7,1	8,8	-1,2	0,5	-14,5	6,0
производство яиц	3,7	3,8	4,1	0,1	0,4	2,7	10,8
прочие животноводческие производства	13,8	5,6	1,4	-8,2	-12,4	-59,4	-89,9

Источник: составлено автором.

Итак, прогнозирование параметров функционально-отраслевой структуры производственного базиса региональной экономической продовольственной системы для сегмента «сельское хозяйство» (на примере Приморского края Дальнего Востока России) на среднесрочную перспективу позволяет (при условии развития сельского хозяйства региона прежними темпами) прогнозировать к 2028 году увеличение удельного веса картофелеводства до 41,1%, доли зернопроизводства до 8,7%, молочного скотоводства до 8,8%, выпуска яиц до 4,1%. Соотношение отрасли растениеводства к отрасли животноводства в регионе

еще более «сместится» в сторону растениеводства. Доля животноводства при этом уменьшится в 2026 г. и 2028 г. соответственно на 10,4% и 11,7%.

Прогнозирование параметров структуры товаропроизводителей РЭПС показывает, что хозяйства населения будут по-прежнему занимать значительную долю в региональной структуре выпуска агропродукции (64,7% в 2028 г.), в том числе продукции растениеводства 79,1% (Таблица 18).

Таблица 18 – Прогнозирование развития параметров структуры товаропроизводителей аграрного сектора экономики Приморского края на среднесрочную перспективу (%)

	2025	2026	2028
Продукция сельского хозяйства			
Сельскохозяйственные предприятия	20,0	22,8	25,1
Крестьянские (фермерские) хозяйства	9,0	9,4	10,2
Хозяйства населения	71,0	67,8	64,7
Сельскохозяйственные организации			
Продукция растениеводства	63,4	53,9	54,5
Продукция животноводства	36,6	46,1	53,9
Крестьянские (фермерские) хозяйства			
Продукция растениеводства	80,8	94,5	93,2
Продукция животноводства	19,2	5,5	6,8
Хозяйства населения			
Продукция растениеводства	77	78,5	79,1
Продукция животноводства	23	21,5	78,5

Источник: составлено автором.

Доля участия сельскохозяйственных предприятий будет увеличиваться (до 25,1 к 2028 г.%), большую долю здесь также будет занимать продукция растениеводства (54,5%). В К(Ф)Х соотношение между животноводством и растениеводством составит к концу прогнозного периода 6,8%÷93,2%, что, несомненно, является отрицательной тенденцией.

Таким образом, прогноз развития потенциала региональной экономической продовольственной системы одного из основных «агропроизводящих» регионов Дальнего Востока показывает необходимость в структурных изменениях его аграрного сектора.

ГЛАВА 5. НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ И МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ АГРАРНОЙ СТРУКТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

5.1. Территориально-отраслевая дифференциация региональной экономической продовольственной системы

Территориально-отраслевая дифференциация продовольственной обеспеченности макрорегиона имеет важное значение для определения приоритетных продовольственных групп, на которые должна ориентироваться региональная структурная политика развития региональной экономической продовольственной системы.

Поэтому вопросы соотношения в структуре обеспечения продовольствием сегментов «продовольствие регионального / внутристранового / международного происхождения» лежат в плоскости потенциальной возможности региональной экономической продовольственной системы Дальнего Востока производить определенный вид продовольствия.

Сложность ее успешного решения по нашему мнению заключается в том, что «моноцелевая ориентация экономики макрорегиона на развитие секторов национального хозяйства с более высокой эффективностью (по сравнению с внерегиональными производствами) неизбежно приводит к структурным деформациям, как в социальной, так и в производственной сферах» [170]; усилению межрегионального неравенства; расширению и углублению рискового поля продовольственного снабжения проживающего на ней населения. С учетом этого диверсификация региональной «продовольственной корзины», формируемой в том числе и за счет продуктов внутреннего происхождения, является важным фактором устойчивого к внешним угрозам и вызовам регионального развития. Ряд авторов обращают внимание на наличие обширного пространства периферии «без реальных шансов на преодоление отставания в

экономическом развитии вследствие значительной концентрации производства и финансов в сравнительно небольшом перечне российских регионов» [213]. Таким образом, при формировании приоритетных направлений социально-экономического развития субъектов Федерации, направленных в том числе на снижение межрегионального неравенства и рост конкурентоспособности регионов, нельзя исключать из рассмотрения уровень региональной продуктивно-производственной специализации, развитость транспортно-логистической, торгово-распределительной структур и состояние региональных продовольственных систем.

Следует также отметить, что стремление к экспортной моноориентации дальневосточной экономики (например, на рыболовстве и рыбоводстве, выращивании сои) инициирует расширение рискового поля продовольственной региональной экономической системы, сопряженное со структурными деформациями социально-экономического развития макрорегиона, углублением демографических проблем, негативными структурными сдвигами в производстве продукции сельского хозяйства, с расширением ареала социальных проблем.

Валовой региональный продукт (ВРП) Дальнего Востока Российской Федерации формируется благодаря множеству ключевых отраслей, каждая из которых вносит вклад в экономику макрорегиона в целом и в региональную экономическую продовольственную систему в том числе.

Одной из основных отраслей макрорегиона является добыча полезных ископаемых. Дальний Восток богат природными ресурсами, такими как уголь, нефть, газ, а также различные металлы, включая золото и серебро. Эти ресурсы не только обеспечивают рабочие места, но и способствуют развитию смежных отраслей. Так, в среднем за последние три года (2021–2023 гг.) добыча полезных ископаемых на Дальнем Востоке составила 30,1% от всего ВРП (Таблица 19). При этом рост продукции добывающего сегмента экономики за последние 10 лет составил 11,5%, что, в сочетании с падением доли в ВРП обрабатывающих производств на 17,6% за период, свидетельствует о наличии структурных деформаций.

Таблица 19 – Динамика отраслевой структуры экономики Дальнего Востока Российской Федерации по основным видам деятельности (%)

Вид экономической деятельности	2014	2018	2020	2021	2022	2023	В среднем за 2021-2023	Характеристика структурного сдвига за 2014-2023		
								масса	Скорость	Индекс
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	5,8	6,0	5,4	5,6	5,9	5,0	5,5	-0,8	-1,5	-13,8
Добыча полезных ископаемых	28,6	28,1	28,7	27,1	31,3	31,9	30,1	3,3	1,1	11,5
Обрабатывающие производства	5,1	5,8	4,8	5,0	4,9	4,2	4,7	-0,9	-1,9	-17,6
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	4,0	4,3	3,5	3,6	3,3	3,0	3,3	-1,0	-2,8	-25,0
Строительство	6,2	6,6	6,8	6,6	7,0	7,9	7,2	1,7	2,5	27,4
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	11,4	10,8	9,2	9,4	8,5	8,4	8,8	-3	-3,0	-26,3
Транспорт, складирование и связь	13,3	13,8	12,0	12,0	11,2	10,6	11,3	-2,7	-2,2	-20,3
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	5,9	3	6,3	7,0	6,7	6,3	6,7	0,4	0,7	6,8
Государственное управление и социальное обеспечение	8,2	6,9	8,3	8,7	7,6	8,2	8,2	–	–	–

Источник: составлено автором по [271].

Более того, существенная зависимость региональной экономики от добычи полезных ископаемых требует внимательного отношения в контексте формирования оптимальных структурных пропорций в экономике макрорегиона. Транспорт и складирование также играют важную роль в дальневосточном региональном хозяйстве (11,3% – средний вес этого вида экономической деятельности в ВРП Дальнего Востока). Учитывая огромные расстояния макрорегиона и удаленность от центральной части страны, эффективная транспортная инфраструктура становится критически важной. Развитие портов на Тихом океане и железнодорожных магистралей должно способствовать

улучшению логистики и увеличению объемов грузоперевозок, что, в свою очередь, призвано стимулировать экономический рост. Но в реальной экономике макрорегиона сформировалась устойчивая тенденция сокращения транспортно-складской доли в региональном продукте. Масса и индекс соответствующего структурного сдвига отрицательны и равны соответственно (-2,7%) и (-20,3%).

Оптовая и розничная торговля, а также ремонт автотранспортных средств и мотоциклов, составляют еще одну значимую часть валового регионального продукта (средняя доля данного вида экономической деятельности за 2021–2023 гг. составила 8,8%). Но в 2023 г. по сравнению с 2014 г. данные сектора дальневосточной экономики упали на 26%; среднегодовая скорость этого падения составила 3%.

Государственное управление и социальное обеспечение (средняя доля в ВРП – 8,2% за 2021–2023 гг.) являются важными компонентами, обеспечивающими стабильность и развитие региона. Эти сферы деятельности направлены на поддержку социальных программ, ориентированных на улучшение качества жизни населения, включая здравоохранение и образование.

Строительство – еще одна отрасль, которая активно развивается в Дальнем Востоке (средняя доля в ВРП равна 7,2%). В последние годы наблюдается рост инвестиций в инфраструктурные проекты, такие как дороги, мосты и жилые комплексы. Вследствие чего «строительная» доля в валовом региональном продукте за последние 10 лет возросла на 27,4% (Таблица 19).

Необходимо отметить негативный характер структурных сдвигов по виду экономической деятельности «сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство», характеризующихся отрицательными величинами структурных характеристик за 2014–2023 гг.; массы структурного сдвига (-0,8), среднегодовой скорости (-1,5), индекса (-13,8).

В разрезе регионов Дальнего Востока Российской Федерации по данному виду экономической деятельности отмечено снижение доли в региональном продукте всех субъектов Федерации (кроме Камчатского края) (Рисунок 28, Рисунок 29).

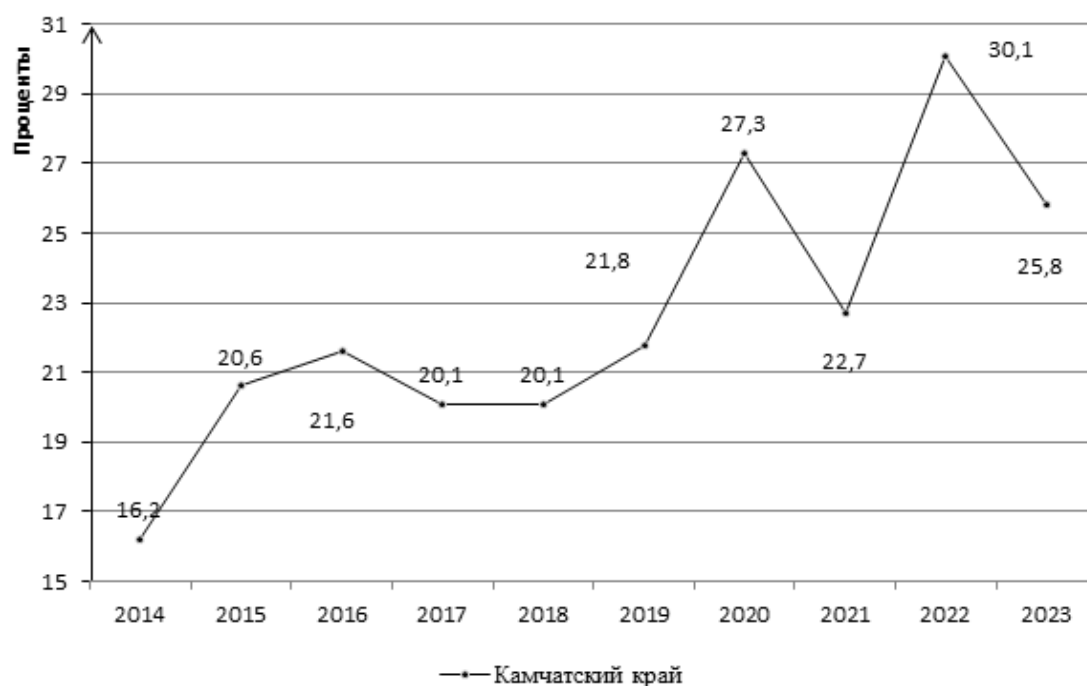

Рисунок 28 – Динамика доли производственного базиса РЭПС Камчатского края в ВРП Дальнего Востока Российской Федерации за 2014–2023 гг.

Источник: составлено автором по [271].

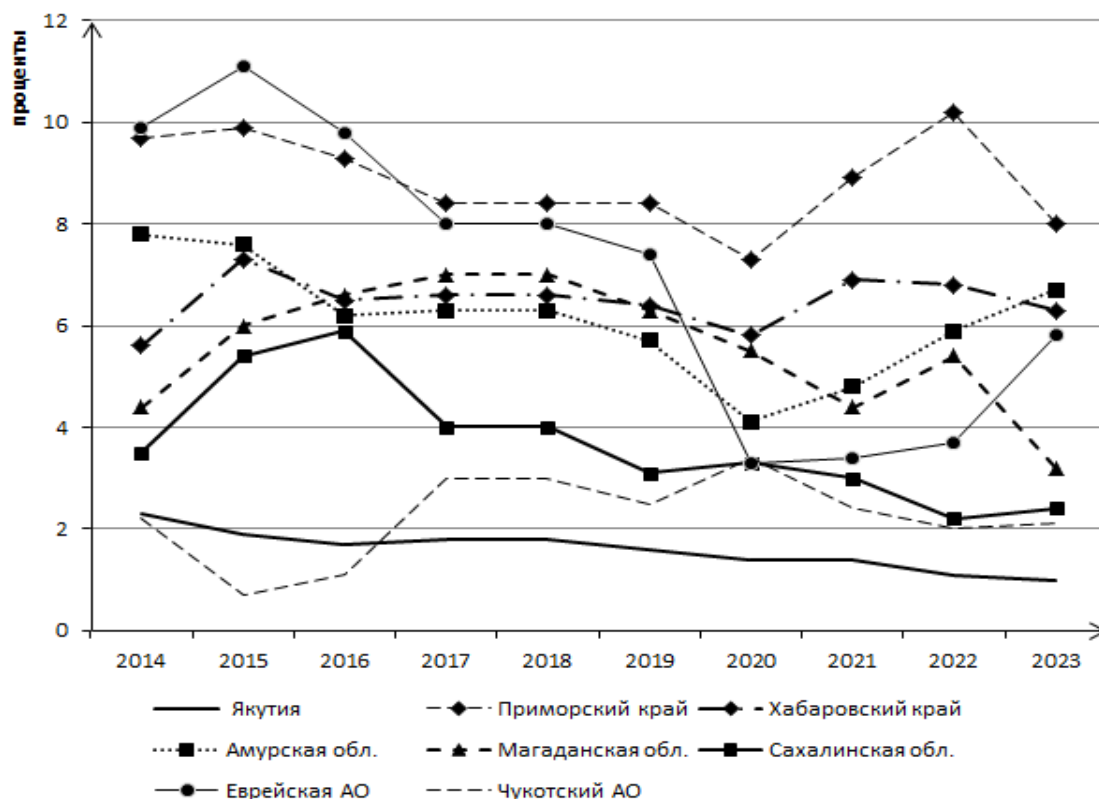

Рисунок 29 – Динамика доли производственного базиса РЭПС в ВРП субъектов Федерации в составе Дальнего Востока за 2014–2023 гг.

Источник: составлено автором по [271].

Добыча полезных ископаемых является приоритетным направлением экономической деятельности четырех регионов Дальнего Востока (Сахалинской и Магаданской областей, Якутии и Чукотки); рыболовство и рыбоводство наиболее развиты на Камчатке; строительство – в Амурской области и Чукотском автономном округе; обрабатывающие производства – в Хабаровском крае; транспортировка и хранение, а также торговля и ремонт автотранспортных средств – в Приморском крае (Таблица 20).

Таблица 20 – Распределение регионов Дальнего Востока по валовому региональному продукту в 2023 г.

Отрасли	Регион (в скобках – доля отрасли в ВРП, %)
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	Камчатский край (25,8); Приморский край (8); Амурская обл. (6,7); Хабаровский край (6,3), Еврейская АО (5,8)
Добыча полезных ископаемых	Сахалинская обл. (64,5); Республика Саха (Якутия) (59,7); Магаданская обл. (49,5); Чукотский АО (29,7); Амурская обл. (11,1); Еврейская АО (8,9); Хабаровский край (8,1); Камчатский край (4,3)
Обрабатывающие производства	Хабаровский край (8,9); Приморский край (6,2); Еврейская АО (5,4); Камчатский край (4,2)
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	Чукотский АО (13,5); Амурская обл. (4,3); Магаданская обл. (3,6)
Строительство	Амурская обл. (20,6); Чукотский АО (18,9); Еврейская АО (9,7); Республика Саха (Якутия) (8,9); Сахалинская обл. (6,3); Камчатский край (6,1); Хабаровский край (5,9); Приморский край (5,2); Магаданская обл. (3,5)
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	Приморский край (15,4); Хабаровский край (13,3); Амурская обл. (10,3); Магаданская обл. (7,8); Еврейская АО (7,4); Камчатский край (6,1); Чукотский АО (5,9); Республика Саха (Якутия) (4,3)
Транспортировка и хранение	Приморский край (20,6); Еврейская АО (17,6); Хабаровский край (17,1); Амурская обл. (11,4); Магаданская обл. (5,5); Камчатский край (5,4); Республика Саха (Якутия) (5,2); Чукотский АО (3,7); Сахалинская обл. (3,6)
Государственное управление и социальное обеспечение	Камчатский край (18,3); Еврейская АО (14,8); Приморский край (12,8); Чукотский АО (12,1); Хабаровский край (10,0); Магаданская обл. (8,6); Амурская обл. (7,7); Сахалинская обл. (3,9) Республика Саха (Якутия) (3,6)

Источник: составлено автором по [271].

Приморский край, благодаря своему географическому положению и умеренно-муссонному климату, демонстрирует ярко выраженную специализацию на аквакультуре и овощеводстве.

Южные районы края, обладающие сравнительно мягким климатом и обширной береговой линией, идеально подходят для выращивания морских водорослей (ламинарии, ульвы), мидий, гребешков и других морепродуктов. Развитие аквакультуры в Приморье опирается на создание современных рыбоводных хозяйств, внедрение инновационных технологий, включая замкнутые системы водоснабжения и использование биологически активных добавок для ускорения роста и повышения качества продукции.

Однако развитие аквакультуры сталкивается с рядом проблем, таких как недостаток финансирования научно-исследовательских работ, направленных на создание новых высокопродуктивных сортов и разработку устойчивых к заболеваниям видов, а также ограниченный доступ к передовым технологиям.

Овощеводство Приморья, хотя и характеризуется высокой урожайностью отдельных культур (например, томатов, огурцов, капусты), ограничено коротким вегетационным периодом. Для продления сезона выращивания применяются пленочные теплицы и парники, однако их энергоемкость и зависимость от импортного оборудования и материалов создают дополнительные экономические ограничения. Кроме того, Приморский край испытывает острый дефицит высококвалифицированных кадров в сельском хозяйстве, что затрудняет внедрение современных технологий и повышение производительности труда.

Развитие приморского овощеводства также сдерживается недостаточно развитой логистической инфраструктурой, что приводит к значительным потерям продукции при транспортировке и хранении. Для решения этих проблем необходимы инвестиции в развитие транспортной инфраструктуры (строительство современных холодильных складов, модернизация автодорог), подготовка кадров через профессиональные образовательные программы и государственная поддержка сельхозпроизводителей в виде субсидий и льготного кредитования.

Хабаровский край, в отличие от Приморья, характеризуется более выраженной ориентацией на животноводство, особенно на разведение крупного рогатого скота и свиней. Регион активно развивает мясомолочную отрасль, сосредоточиваясь на создании крупных агропромышленных комплексов, оснащенных современным оборудованием. Однако, высокие транспортные издержки и удаленность от основных рынков сбыта сдерживают развитие экспорта сельскохозяйственной продукции. Кроме того, Хабаровский край испытывает дефицит кормовых культур, что делает его зависимым от импорта. Вместе с развитием животноводства, регион активно развивает и перерабатывающую промышленность, ориентированную на выпуск мясопродуктов, молочной продукции и других пищевых товаров. Лесопромышленный комплекс Хабаровского края также играет значительную роль в обеспечении продовольственной безопасности региона, поставляя древесину для строительства и производства тары.

Камчатский край, обладая богатейшими морскими ресурсами, специализируется на рыболовстве и добыче морепродуктов. Уникальная экосистема Камчатки позволяет получать высококачественную рыбу, крабов, креветок и другую продукцию. Однако добыча морских ресурсов регулируется строгими квотами, чтобы обеспечить их устойчивое использование и сохранить биоразнообразие. Развитие перерабатывающей промышленности в Камчатском крае ограничено, что приводит к экспорту значительной части выловленной продукции в виде сырья. Это снижает добавленную стоимость и ограничивает возможности для создания новых рабочих мест.

Магаданская область, в отличие от других регионов Дальнего Востока, ориентирована в большей степени на горнодобывающую промышленность. Развитие сельского хозяйства в области ограничено суровыми климатическими условиями и недостатком плодородных земель. Для повышения продовольственной обеспеченности Магаданской области необходимы инвестиции в развитие сельского хозяйства, внедрение современных технологий,

адаптированных к суровым климатическим условиям, а также государственная поддержка сельхозпроизводителей.

При изучении особенностей территориально-отраслевой дифференциации региональной экономической продовольственной системы макрорегиона нам крайне важно рассмотреть структурные изменения в определяющем для формирования продовольственной обеспеченности сегменте РЭПС, отвечающем за первичное производство продовольствия, – её производственном базисе, в который входят сельское хозяйство (растениеводство и животноводство), рыбная отрасль (рыболовство и рыбоводство) (Рисунок 30).

Рыболовство на Дальнем Востоке России – это не просто отрасль, а локомотив всей отечественной рыбной индустрии. В 2023 году, согласно расчетам автора, дальневосточный регион обеспечил 77,5% от общего объема вылова и добычи диких водных биоресурсов (ВБР) в России. Отметим, что дальневосточная «рыбная» доля в течение последних лет возрастала с завидным постоянством (в 2014 г. – 66,9%, в 2018 г. – 70,7%, в 2022 г. – 74,4%).

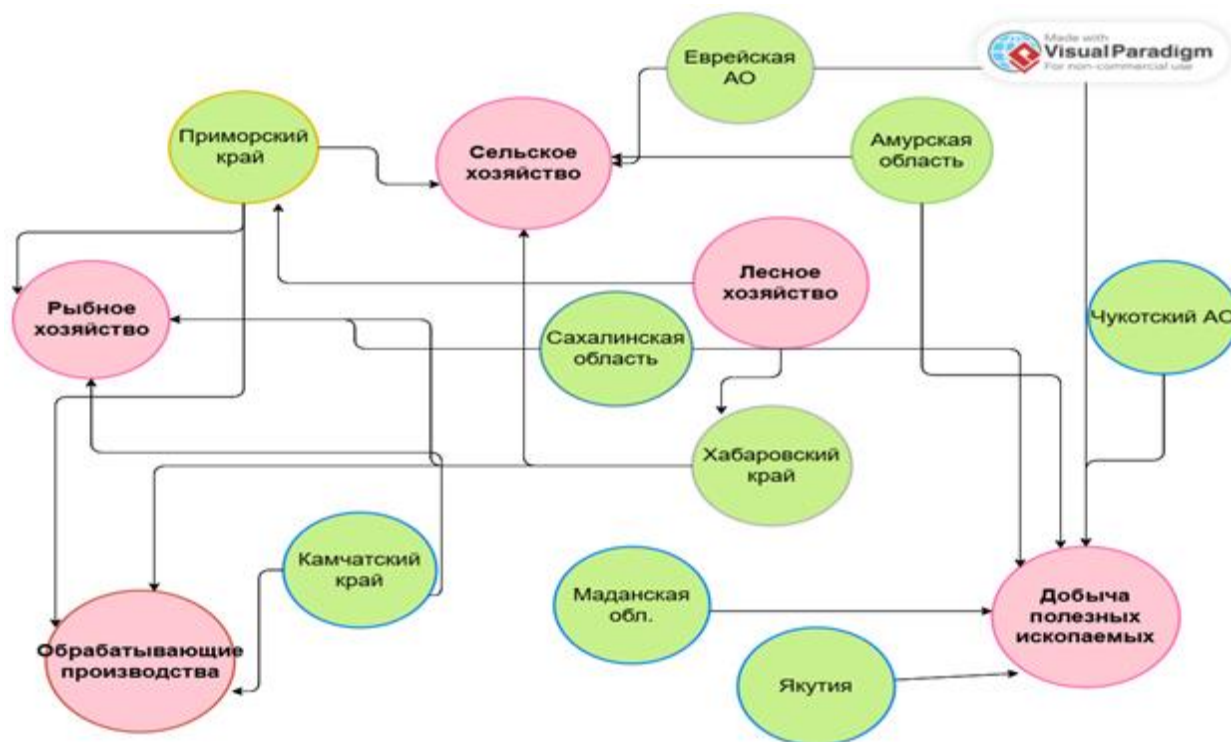

Рисунок 30 – Распределение регионов Дальнего Востока России по сегментам производственного базиса РЭПС.

Источник: составлено автором.

За последние годы произошли существенные изменения в институциональной среде рыбного хозяйства, прежде всего, в системе квотирования. Переход к аукционной системе распределения квот, введенный для повышения прозрачности и эффективности использования водных биоресурсов, вызвал как позитивные, так и негативные последствия. С одной стороны, аукционы стимулируют конкуренцию и привлекают инвестиции, способствуя развитию современных рыболовных технологий и сохранению популяций ценных видов рыб. С другой стороны, многие мелкие и средние предприятия столкнулись с трудностями в участии в аукционах из-за высокой стоимости квот, что повлияло на их экономическое положение и вызвало обеспокоенность по поводу сохранения занятости в отрасли.

Основной вклад в общий объем вылова рыбы и других ВБР вносят четыре дальневосточных региона: Камчатский край (средняя за последние три года доля составила 43,68%), Приморский край (21,15%), Сахалинская область (18,94%) и Хабаровский край (13,37%) (Таблица 21).

Таблица 21 – Изменения региональной доли в объеме вылова рыбы и добычи других ВБР в целом по Дальнему Востоку Российской Федерации (в %)

	2014	2018	2020	2021	2022	2023	В среднем за 2021-2023	Характеристика структурного сдвига за 2014-2023		
								масса	Скорость	Индекс
Дальний Восток	100	100	100	100	100	100	–	–	–	–
Республика Саха (Якутия)	0,23	0,17	0,17	0,16	0,16	0,14	0,15	-0,08	-4,53	-37,12
Камчатский край	31,63	46,24	42,23	46,43	39,80	44,81	43,68	13,17	3,54	41,64
Приморский край	28,26	20,58	23,07	21,17	21,88	20,41	21,15	-7,85	-3,20	-27,79
Хабаровский край	10,80	10,65	12,11	12,19	14,39	13,52	13,37	2,71	2,27	25,13
Магаданская обл.	3,23	3,33	2,78	2,68	2,39	2,50	2,52	-0,73	-2,52	-22,54
Сахалинская обл.	25,71	18,67	19,17	17,09	21,22	18,51	18,94	-7,20	-3,23	-28,01
Чукотский АО	0,14	0,35	0,47	0,27	0,17	0,12	0,18	-0,02	-1,55	-14,47

Источник: составлено автором по [271].

При этом Камчатский край за 2014–2023 гг. существенно (на 41,64%) увеличил добычу рыбы и других водных биоресурсов, средняя скорость роста показателя составила 3,54%. Доля Приморского края и Сахалинской области за анализируемый период уменьшилась (соответственно на 27,79% и 28,01%). В натуральном выражении размер выловленной рыбы и добычи ВБР для всех рыбодобывающих регионов Дальнего Востока стабильно увеличивался в течение анализируемого периода (Рисунок 31).

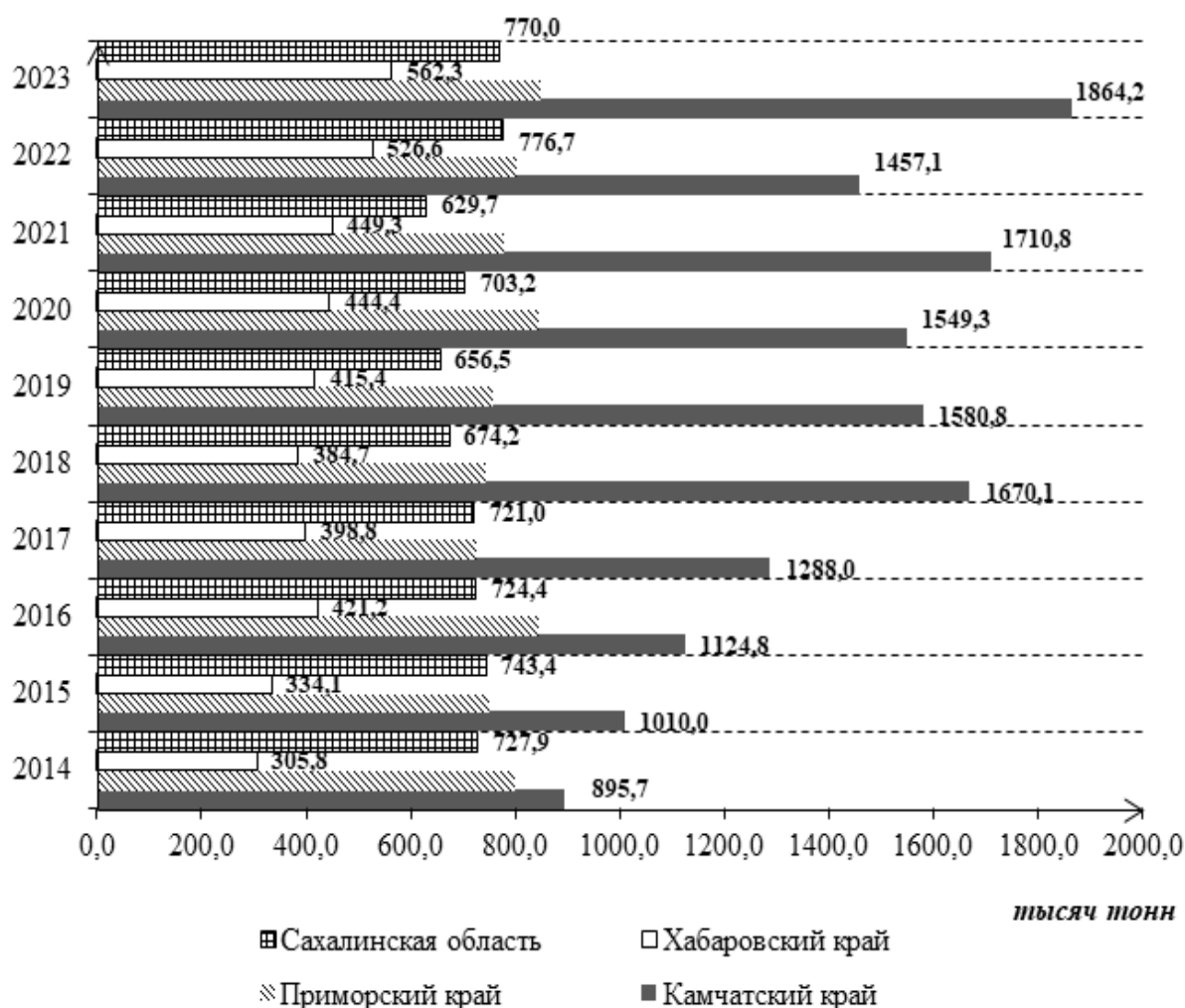

Рисунок 31 – Динамика улова рыбы и добычи других водных биоресурсов за 2014–2023 гг. в разрезе регионов Дальнего Востока.

Источник: составлено автором по [271].

Сельское хозяйство, являясь определяющим сегментом производственного базиса региональной экономической продовольственной системы Дальневосточного региона, характеризуется наличием совокупности структурных

проблем и нерациональностью сложившейся к настоящему времени функционально-производственной структурой.

Здесь и далее изучение структурных изменений в территориально–отраслевой дифференциации сельского хозяйства макрорегиона выполним с разделением по трем этапам развития отечественной аграрной экономики: 1991–2000 гг. (I этап – «этап снижения уровня производства»), 2001–2013 гг. (II этап – «этап восстановления»), 2014– по настоящее время (III этап – «этап роста»). Обоснование временных границ используемой этапизации представлено автором в монографии «Структурная политика развития потенциала продовольственной безопасности российского Дальнего Востока» [171].

В рассматриваемые периоды в российском сельском хозяйстве, включая дальневосточный регион, функционируют три основные группы товаропроизводителей: сельскохозяйственные организации (предприятия), крестьянские (фермерские) хозяйства и личные подсобные хозяйства населения.

Понимая, что сельскохозяйственное производство обладает существенной спецификой (в том числе отраслевой), автором настоящего диссертационного исследования последующий структурный анализ выполнен в разрезе данных категорий землепользователей отдельно для растениеводства и животноводства (в сравнении ситуации, сложившейся в целом по стране и в макрорегионе).

Анализ производства продукции растениеводства показывает следующую динамику: на протяжении обоих анализируемых этапов (2001–2013 гг. и 2014–2023 гг.) лидирующие позиции в обеспечении продукцией растениеводства в России занимали СХО и ЛПХ, причем в 2001–2013 гг. их доли были примерно равны (44,9% у СХО и 44,5% у ЛПХ). Однако в последующий временной интервал (2014–2023 гг.) произошли достаточно показательные изменения: доля СХО выросла до 52% при падении доли ЛПХ до 28,3%. То есть наблюдается отчётливая тенденция к увеличению роли сельскохозяйственных организаций и, одновременно, к снижению значимости хозяйств населения в обеспечении страны продукцией растениеводства. Вклад фермерских хозяйств, хотя и возрастает,

остаётся менее значительным по сравнению с сельскохозяйственными организациями.

На Дальнем Востоке РФ в 2001–2013 гг. доминирующим производителем продукции растениеводства были ЛПХ, их доля составляла в среднем за период 64,8%. Эта тенденция сохранилась и далее, хотя и с заметным снижением доли (до 40,7%), то есть, несмотря на общероссийскую тенденцию к сокращению роли хозяйств населения в растениеводстве, на Дальнем Востоке ЛПХ по-прежнему остаются важными «игроками» аграрных товарно-производственных отношений. Сельскохозяйственные предприятия, находясь на втором месте, показали стремление к росту своего вклада в обеспечении макрорегиона растениеводческой продукцией: от 22,8% (в 2001 г.) до 44,5% (в 2023 г.) (Таблица Г.1 Приложения Г).

Анализ динамики производства зерновых культур в России и на ее Дальнем Востоке за 2001–2023 гг. выявил устойчивую тенденцию превалирования сельскохозяйственных предприятий как в течение второго, так и третьего этапов (согласно предложенной нами периодизации): СХО страны и макрорегиона произвели соответственно всего зерна 70,1% (против 29,1% для К(Ф)Х РФ) и 77,3% (против 22,5% для К(Ф)Х Дальнего Востока) (Таблица Г.2 Приложения Г).

Анализируя динамику валовых сборов зерновых и зернобобовых культур в целом за 2001 – 2023 гг. в разрезе групп землепользователей отметим положительность темпов изменения этого показателя для сельскохозяйственных организаций (1,2% – РФ; 4,6% – Дальний Восток) и фермеров (7,0% – РФ; 6,4% – Дальний Восток). В хозяйствах населения страны в целом отмечен прирост валового сбора зерна со скоростью, равной 3,4% в год; в то время как активность ЛПХ макрорегиона в выпуске зерновых снизилась при среднегодовом падении данного показателя, равном 10,8%. Аналогичный отрицательный тренд имеет место для хозяйств населения во всех дальневосточных субъектах Федерации.

В основных агропроизводящих регионах Дальнего Востока за 2001–2023 гг. значительно увеличилось производства зерна: в Приморском крае в 3,6 раза, в Амурской области в 3,2 раза. Для фермерских хозяйств этих территорий, вносящих в «зерновую» корзину макрорегиона порядка 6–10%, имеет место тренд

роста выпуска зерна со среднегодовой скоростью 11,5% (для Приморья) и 5,4% (для Амурского края). В Якутии, Хабаровском крае и Еврейской автономной области производство зерновых и зернобобовых культур стабильно уменьшалось со скоростью, равной соответственно 1,5%, 2,6% и 3,2% (Таблица 22).

Таблица 22 – Валовой сбор зерновых и зернобобовых культур по категориям товаропроизводителей Российской Федерации и Дальнего Востока

	Все категории хозяйств			СХО			К(Ф)Х			ЛПХ		
	2001, тыс. тонн	2023, тыс. тонн	Среднегодовой темп изменения (±), %	2001, тыс. тонн	2023, тыс. тонн	Среднегодовой темп изменения (±), %	2001, тыс. тонн	2023, тыс. тонн	Среднегодовой темп изменения (±), %	2001, тыс. тонн	2023, тыс. тонн	Среднегодовой темп изменения (±), %
Россия	85200	144962	2,3	75146	98832	1,2	9372	44652	7,0	682	1479	3,4
Дальний Восток	397,8	1150,8	4,7	321,6	912,3	4,6	56,9	237,1	6,4	19,3	1,4	-10,8
Якутия	16,1	11,4	-1,5	14,1	8,1	-2,4	2,0	3,3	2,2	-	-	-
Приморский край	134,9	493,8	5,8	109,7	400,4	5,8	7,6	92,2	11,5	17,7	1,2	-11,0
Хабаровский край	27,0	14,6	-2,6	26,0	9,9	-4,1	0,8	4,7	8,0	0,2	-	-
Амурская область	190,3	616,3	5,2	153,1	493,8	5,2	36,5	122,3	5,4	0,6	0,1	-7,5
Камчатский край	0,6	1,0	2,2	0,3	0,1	-4,7	0,2	0,9	6,8	0,1	-	-
Еврейская АО	29,0	13,8	-3,2	18,4	-	-100,0	9,8	13,8	1,5	0,7	-	-

Источник: составлено автором по [271, 384].

Структура производства картофеля в России и на дальневосточном уровне в течение второго и третьего периодов демонстрирует схожее распределение долей между основными группами товаропроизводителей в рамках РЭПС Дальнего Востока. Основная часть картофеля производится в личных подсобных хозяйствах граждан. На втором месте по объему производства в течение второго периода находятся сельскохозяйственные предприятия, а на третьем –

крестьянские (фермерские) хозяйства. Однако в третьем периоде наблюдается изменение: дальневосточные К(Ф)Х опередили СХО макрорегиона, заняв 13% в производстве картофеля, что на 3,4 процентных пункта выше, чем у сельхозорганизаций (см. Таблицу Г.3 Приложения Г).

Производство овощей на третьем этапе в сравнении со вторым этапом смещается от хозяйств населения к сельхозпредприятиям и фермерским хозяйствам. В результате чего в 2023 г. распределение долей «ЛПХ/ СХО/ К(Ф)Х» следующее: а) для РФ – 45,7%/ 30,5%/ 23,9%; б) для Дальнего Востока РФ – 54,5%/ 23,3%/ 22,1% (таблица Г.4 Приложения Г).

Отечественное картофелеводство, хотя в полном объеме удовлетворяет потребности населения и перерабатывающих предприятий в картофеле, тем не менее характеризуется на протяжении 2001–2023 гг. падением объема выпуска данной продукции со среднегодовой скоростью 2,4% (РФ) и 4% (Дальний Восток). Отрицательный тренд валовых сборов картофеля на уровне макрорегиона наиболее сильно выражен для хозяйств населения, скорость падения показателя для которых составила в среднем 4,9% в год.

Сельскохозяйственные организации Дальнего Востока в течение второго-третьего анализируемых нами этапов сократили выпуск картофеля практически в два раза, а среднегодовая скорость падения составила 2,9%. При этом в аграрном секторе Амурской области, где (вместе с Приморским краем) сосредоточено основное производство картофеля, скорость падения превышает на два процентных пункта уровень макрорегиона и равна 6,4%.

Отметим также положительный тренд в производстве картофеля для К(Ф)Х макрорегиона, которые в 2023 г. по сравнению с 2001 г. увеличили валовой выпуск данной культуры в 2,11 раза; скорость роста показателя составила 3,3%. Но, так как «картофельная» ниша дальневосточных фермеров относительно небольшая (в 2023 г. – порядка 18%), то увеличение производства картофеля этой группой хозяйств не компенсирует снижение товарного производства картофеля в целом по Дальнему Востоку (Таблица 23).

Продовольственная обеспеченность населения овощами (как свежими, так и в переработанном виде) является важной составляющей аграрной политики государства ввиду значимости данной продовольственной группы в ежедневном рационе населения и ее не уменьшающейся зависимости от внешних поставок.

Таблица 23 – Валовой сбор картофеля по категориям товаропроизводителей Российской Федерации и Дальнего Востока

	Все категории хозяйств			СХО			К(Ф)Х			Хозяйства населения		
	2001, тыс. тонн	2023 тыс. тонн	Среднегодовой темп изменения (±), %	2001, тыс. тонн	2023, тыс. тонн	Среднегодовой темп изменения (±), %	2001, тыс. тонн	2023, тыс. тонн	Среднегодовой темп изменения (±), %	2001, тыс. тонн	2023, тыс. тонн	Среднегодовой темп изменения (±), %
Россия	35000	20241	-2,4	2170	5226	3,9	420	3399	9,5	32410	11616	-4,4
Дальний Восток	1679,1	652,4	-4,0	109,1	54,9	-2,9	55,4	116,9	3,3	1514,5	480,6	-4,9
Республика Саха (Якутия)	68,5	72,4	0,2	11,8	2,4	-6,7	9,5	17,4	2,7	47,2	52,6	0,5
Приморский край	433,7	163,4	-4,2	19,5	12,5	-1,9	12,6	25,1	3,0	401,6	125,8	-4,9
Хабаровский край	326,0	82,0	-5,8	12,1	3,8	-4,9	4,9	8,1	2,2	309,0	70,1	-6,2
Амурская область	491,2	200,4	-3,8	11,8	2,6	-6,4	6,9	28,9	6,4	472,5	168,9	-4,4
Камчатский край	66,0	38,5	-2,3	7,8	6,6	-0,7	2,2	9,2	6,4	56,0	22,7	-3,8
Магаданская область	11,7	8,8	-1,2	1,1	1,5	1,4	1,7	4,6	4,4	9,0	2,7	-5,1
Сахалинская область	178,0	59,6	-4,6	39,9	25,5	-1,9	11,0	18,4	2,3	127,1	15,7	-8,7
Еврейская АО	103,9	27,3	-5,6	5,2	-	-	6,6	5,3	-0,9	92,1	22,1	-6,0

Источник: составлено автором по [271, 384].

Политика импортозамещения (реализуемая в Российской Федерации с 2014 г.) позволила к 2023 г. по сравнению с 2001 г. обеспечить в целом по стране увеличение валового сбора овощей открытого и закрытого грунта на 24%;

среднегодовой темп роста показателя составил 0,9%. Такая положительная динамика обусловлена деятельностью:

- сельскохозяйственных организаций, увеличивших за постприватизационный период «овощное» производство более, чем в два раза (при скорости роста объема выпуска овощей в среднем за год, равной 3,3%);
- крестьянских (фермерских) хозяйств, обеспечивших к концу анализируемого периода 3305 тысяч тонн овощей (против уровня 2001 г. в 258 тыс. тонн) при росте в 13 раз со среднегодовой скоростью 11,7% (Таблица 24).

Таблица 24 – Валовой сбор овощей открытого и закрытого грунта по категориям товаропроизводителей Российской Федерации и Дальнего Востока

	Все категории хозяйств			СХО			К(Ф)Х			Хозяйства населения		
	2001, тыс. тонн	2023 тыс. тонн	Среднегодовой темп изменения ($\pm$), %	2001, тыс. тонн	2023, тыс. тонн	Среднегодовой темп изменения ($\pm$), %	2001, тыс. тонн	2023, тыс. тонн	Среднегодовой темп изменения ($\pm$), %	2001, тыс. тонн	2023, тыс. тонн	Среднегодовой темп изменения ($\pm$), %
Россия	11200	13844	0,9	1994	4220	3,3	258	3305	11,7	8 949	6319	-1,5
Дальний Восток	418,7	250,5	-2,2	58,2	55,5	-0,2	31,0	58,5	2,8	329,5	136,6	-3,8
Республика Саха (Якутия)	32,0	25,1	-1,1	5,8	3,0	-2,8	5,3	10,3	2,9	21,0	11,9	-2,4
Приморский край	78,2	70,9	-0,4	13,1	16,7	1,1	5,8	16,4	4,6	59,3	37,8	-1,9
Хабаровский край	104,6	43,0	-3,8	7,6	3,6	-3,2	2,9	7,7	4,3	94,0	31,8	-4,6
Амурская область	109,2	48,6	-3,5	8,4	5,3	-2,0	4,8	8,4	2,5	96,1	35,0	-4,3
Камчатский край	31,8	12,4	-4,0	3,9	4,4	0,5	1,4	2,8	3,1	26,5	5,2	-6,8
Магаданская обл.	4,2	4,9	0,7	1,2	0,2	-7,5	0,7	3,0	6,5	2,3	1,7	-1,3
Сахалинская обл.	35,2	37,5	0,3	13,0	22,2	2,4	3,5	9,1	4,2	18,8	6,3	-4,6
Еврейская АО	23,3	7,7	-4,7	0,7	-	-	6,5	0,9	-8,2	16,1	6,8	-3,7

Источник: составлено автором по [271, 384].

На российском Дальнем Востоке, в отличие от страны в целом, ситуация с региональным производством овощей описывается понижающим трендом, что

усугубляет проблемность ситуации с продовольственной обеспеченностью макрорегиона. Здесь наблюдается значительное снижение производства овощей: на 168 тысяч тонн по сравнению с 2001 годом. Среднегодовой темп падения сбора овощных культур по всем категориям хозяйств сформировался к концу анализируемого периода на уровне 2,2%.

В разрезе категорий товаропроизводителей макрорегиона существенным фактором, инициировавшим такую негативную ситуацию, стало уменьшение за второй-третий этапы на 56% производства овощей хозяйствами населения (среднегодовая скорость падения показателя равна 3,8%), которые на протяжении десятков лет являлись основными производителями данной продовольственной группы. Снижение валового сбора овощей имело место и для СХО Дальнего Востока со средней скоростью, равной 0,2%.

Основными регионами, в которых выращиваются овощи на Дальнем Востоке являются Сахалинская и Амурская области, а также Приморский и Хабаровский края, на которые приходится примерно 80% общего объема производства овощей как в начальный, так и в конечный периоды рассматриваемого отрезка времени. Анализ динамики производства овощей в этих регионах выявил различия в зависимости от категории товаропроизводителей, а также наличие неоднородности, характеризующееся как общим спадом производства в некоторых регионах, так и отдельными очагами роста, связанными преимущественно с деятельностью фермерских хозяйств.

Таким образом, территориально-отраслевой анализ динамики основных, критически важных для продовольственной обеспеченности отраслей растениеводства макрорегиона показывает увеличение роли сельскохозяйственных предприятий и фермеров при снижении активности хозяйств населения.

Животноводство РЭПС Дальнего Востока имеет для ряда дальневосточных регионов достаточно высокий потенциал в части формирования продовольственной обеспеченности, и, показывая за последние годы рост объёмных производственных показателей, тем не менее, не удовлетворяет в

полной мере потребностей населения и пищевой промышленности макрорегиона в мясе и молоке регионального происхождения.

В целом по Российской Федерации в структуре производства мяса значительно возрос вклад сельхозпредприятий (от 57,7% во втором периоде до 79,6% – в третьем) при сокращении более, чем в два раза доли хозяйств населения (от 39,%% до 17,3%). На дальневосточном уровне усиление роли СХО в «мясном» производстве не столь значительное: от 47% (в среднем за 2001–2013 гг.) до 56,4% (за 2014–2023 гг.) (Таблица Д.1 Приложения Д).

Производство мяса скота и птицы всеми категориями хозяйств Дальнего Востока за 2001–2023 гг. возросло на 98,2%, а масса структурного сдвига составила 82,6 тонн. Наибольший вклад в «мясную» корзину РЭПС в современный период внесли аграрные товаропроизводители Приморского края, которые в 2023 г. произвели 51% всего мяса в макрорегионе и увеличили за 2014–2023 годы его выпуск с 16,6 тысяч тонн до 84,9 тысяч тонн (Таблица 25).

Структурно такой прирост выпуска мяса объясняется увеличением мяса свиней в результате деятельности ООО «Русагро-Приморье», входящего в агрохолдинг «Русагро» и являющегося резидентом территории опережающего развития (ТОР) «Михайловский».

При позитивной оценке роста животноводческих показателей региона в ответ на производственную деятельность ООО «Русагро-Приморье» следует иметь в виду высокие риски производственной деятельности в свиноводческих комплексах, территориально расположенных на одной территории (инфекционные заболевания животных, эпидемии и пр.); отсутствие условий для развития многоукладности сельской экономики, что важно с точки зрения социального контекста; ограничения по ведению личных подсобных хозяйств, находящихся в зоне ТОР.

Среднегодовая скорость роста «мясных» структурных сдвигов в период с 2001 по 2023 годы составила 4,4% в целом по стране и 3% для РЭПС Дальнего Востока. Эта позитивная динамика в производстве мяса в значительной степени обусловлена активной деятельностью сельскохозяйственных предприятий макрорегиона.

Таблица 25 – Анализ структурных сдвигов в производстве мяса скота и птицы на убой (в убойном весе) по категориям товаропроизводителей Российской Федерации и Дальнего Востока РФ

	Объем производства мяса скота и птицы, тыс. тонн		Показатели структурных сдвигов		
	2001	2023	Масса, тыс. тонн	Среднегодовая скорость изменения, %	Индекс, %
Все категории землепользователей					
Россия	4451,2	12001,4	7550,2	4,4	169,6
Дальний Восток	84,1	166,7	82,6	3,0	98,2
Республика Саха	20,5	24,5	4,0	0,8	19,5
Приморский край	16,6	84,9	68,3	7,4	411,4
Хабаровский край	15,4	4,4	-11,0	-5,3	-71,4
Амурская область	22,5	34,3	11,8	1,9	52,4
Камчатский край	2,7	6,8	4,1	4,1	151,9
Сахалинская обл.	2,6	9,9	7,3	6,0	280,8
Сельскохозяйственные организации					
Россия	1816,1	10 015,70	8 199,60	7,7	451,5
Дальний Восток	24,3	121,8	97,50	7,3	401,2
Республика Саха	3,8	5,6	1,80	1,7	47,4
Приморский край	4,4	76,5	72,10	13,2	1638,6
Хабаровский край	6,8	0,8	-6,00	-8,9	-88,2
Амурская область	6	23,7	17,70	6,2	295,0
Камчатский край	0,9	5,7	4,80	8,4	533,3
Сахалинская обл.	1,6	8,9	7,30	7,7	456,3
Крестьянские (фермерские) хозяйства					
Россия	84,6	370,4	285,8	6,6	337,8
Дальний Восток	5,3	12,2	6,9	3,7	130,2
Республика Саха	3,1	7,1	4	3,7	129,0
Приморский край	0,4	2,4	2	8,1	500,0
Хабаровский край	0,2	0,3	0,1	1,8	50,0
Амурская область	1,1	1,2	0,1	0,4	9,1
Камчатский край	0,2	0,3	0,1	1,8	50,0
Сахалинская обл.	0,2	0,5	0,3	4,1	150,0
Хозяйства населения					
Россия	2550,5	1 615,30	-935,20	-2,0	-36,7
Дальний Восток	54,5	32,7	-21,80	-2,2	-40,0
Республика Саха	13,7	11,8	-1,90	-0,6	-13,9
Приморский край	11,8	6,0	-5,80	-2,9	-49,2
Хабаровский край	8,4	3,3	-5,10	-4,0	-60,7
Амурская область	15,4	9,4	-6,00	-2,1	-39,0
Камчатский край	1,6	0,8	-0,80	-3,0	-50,0
Сахалинская обл.	0,8	0,5	-0,30	-2,0	-37,5

Источник: составлено автором по [271, 384].

Масса структурного сдвига, связанная с фермерскими хозяйствами, являясь относительно небольшой по величине, также соответствует положительной тенденции. В то же время для хозяйств населения как в Дальнем Востоке, так и в стране в целом наблюдается отрицательная динамика в анализируемом структурном сдвиге.

Для ЛПХ макрорегиона и страны среднегодовой темп снижения структурных сдвигов практически одинаков (на уровне 2%). Следовательно, подсобные хозяйства не смогли продемонстрировать положительные изменения в «мясном» производстве, в том числе и из-за ограниченности доступа к ресурсам и современным технологиям.

Изменения в структуре производства молока на региональном и общероссийском уровнях имеют схожие тенденции. Так, доля сельскохозяйственных организаций и РФ, и Дальнего Востока за 2001–2023 гг. возросла на 12 п.п.: от 47,2% (РФ) и 23,3% (Дальний Восток) до 59,4% (РФ) и 35,7% (Дальний Восток). При этом удельный вес фермеров в структуре производства молока, описываемый повышающим трендом для страны и макрорегиона, в последнем случае вырос в большей степени (14,5 п.п. против 6,9 п.п.).

Следует обратить внимание на изменения иерархии молокопроизводящих хозяйств в разрезе выделенных нами этапов развития сельского хозяйства для России в целом. Так, на втором этапе первое место в обеспечении страны молоком занимали ЛПХ, средняя доля которых за 2001–2013 гг. составила 50,1; СХО – на втором месте (45,6%). На третьем этапе, напротив, на первом месте находятся сельхозпредприятия (54,3%), за которыми следуют хозяйства населения (37,2%).

На Дальнем Востоке ранжирование категорий товаропроизводителей по вкладу в обеспечение макрорегиона молоком в течение второго-третьего этапов не изменилось: наибольший вклад вносят хозяйства населения (61,6% в 2001–2013 гг. и 52% в 2014–2023 гг.), сельскохозяйственные организации находятся на

следующей позиции (24,4% – на втором этапе, 28,9% – на третьем этапе) (Таблица Д.2 Приложения Д).

Продолжая анализ сдвигов в производстве молока, отметим отрицательность структурных изменений по всем категориям хозяйств макрорегиона.

Индекс структурного сдвига отразил уменьшение объёма выпуска молока в макрорегионе в 2023 г. по сравнению с базисным годом на 13,4%. Но на уровне страны в целом имеет место позитивный характер структурных сдвигов в выпуске молока всеми группами товаропроизводителей при индексе, равном 2,7% (Таблица 26).

Анализ структурных изменений в молочном производстве Дальневосточного макрорегиона выявил ряд негативных тенденций. Так, в 2023 году, по сравнению с базисным годом, наблюдалось общее снижение объемов производства молока на 13,4%, что отражено отрицательным значением индекса структурного сдвига.

Это контрастирует с общероссийской ситуацией, где индекс структурного сдвига показал положительную динамику (2,7%), свидетельствуя о росте производства молока всеми категориями производителей на уровне страны в целом.

Причем на фоне общего снижения «молочного» производства в макрорегионе, крестьянские (фермерские) хозяйства Дальнего Востока демонстрируют положительную динамику роста объемов производства молока. Ситуация в обеспечении дальневосточного населения молоком и молокопродуктами осложняется отрицательной динамикой производства молока в хозяйствах населения макрорегиона. Анализ молокопроизводства по отдельным территориям региона, являющимся основными производителями молочной продукции, иллюстрирует достаточно неоднородную картину. В Хабаровском крае наблюдается значительное падение производства молока в сельскохозяйственных организациях – на 81,5% за анализируемый период, что эквивалентно среднегодовому темпу снижения в 7,1%.

Таблица 26 – Анализ структурных сдвигов в производстве молока по категориям товаропроизводителей РЭПС Дальнего Востока Российской Федерации

	Объем производства молока, тыс. тонн		Показатели структурных сдвигов		
	2001	2023	Масса, тыс. тонн	Среднегодовая скорость изменения, %	Индекс, %
В с е к а т е г о р и и х о з я й с т в					
Россия	32905,4	33800,3	894,9	0,1	2,7
Дальний Восток	648,1	561	-87,1	-0,6	-13,4
Республика Саха	169,5	157,8	-11,7	-0,3	-6,9
Приморский край	136,1	135,3	-0,8	0,0	-0,6
Хабаровский край	80,8	22,2	-58,6	-5,5	-72,5
Амурская область	174,4	147,4	-27,0	-0,7	-15,5
Камчатский край	14,5	22,3	7,8	1,9	53,8
Сахалинская обл.	37,6	60	22,4	2,1	59,6
Еврейская АО	30,1	9,5	-20,6	-4,9	-68,4
С е л ь с к о х о з я й с т в е н н ы е о р г а н и з а ц и и					
Россия	15531,3	20084,6	4553,3	1,1	29,3
Дальний Восток	151	200,4	49,4	1,2	32,7
Республика Саха	24,1	27,1	3,0	0,5	12,4
Приморский край	33,1	53,2	20,1	2,1	60,7
Хабаровский край	35,6	6,6	-29,0	-7,1	-81,5
Амурская область	28,3	58,7	30,4	3,2	107,4
Камчатский край	7,5	13,8	6,3	2,7	84,0
Сахалинская обл.	15,4	40,3	24,9	4,3	161,7
Еврейская АО	2,9	0,8	-2,1	-5,4	-72,4
К р е с ь т ь я н с к и е (ф е р м е р с к и е) х о з я й с т в а					
Россия	625,2	2987,3	2362,1	7,0	377,8
Дальний Восток	42,1	118	75,9	4,6	180,3
Республика Саха	27,3	48,1	20,8	2,5	76,2
Приморский край	2,9	29,3	26,4	10,6	910,3
Хабаровский край	1,3	6,5	5,2	7,2	400,0
Амурская область	4,9	9,2	4,3	2,8	87,8
Камчатский край	0,6	4	3,4	8,6	566,7
Сахалинская обл.	3,2	13,6	10,4	6,5	325,0
Еврейская АО	1,8	1,4	-0,4	-1,1	-22,2
Х о з я й с т в а н а с е л е н и я					
Россия	16748,8	10728,4	-6020,4	-1,9	-35,9
Дальний Восток	455	242,5	-212,5	-2,7	-46,7
Республика Саха	118,1	82,7	-35,4	-1,5	-30,0
Приморский край	100,2	52,9	-47,3	-2,7	-47,2
Хабаровский край	43,9	9,1	-34,8	-6,6	-79,3
Амурская область	141,3	79,4	-61,9	-2,5	-43,8
Камчатский край	6,4	4,5	-1,9	-1,5	-29,7
Сахалинская обл.	19	6,1	-12,9	-4,8	-67,9
Еврейская АО	25,3	7,4	-17,9	-5,2	-70,8

Источник: составлено автором по [271, 384].

Сельскохозяйственные предприятия Приморского края, Амурской и Сахалинской областей и Республики Саха (Якутия) показывают положительную динамику в производстве данного вида продукции. Деятельность фермерских хозяйств практически всех дальневосточных субъектов Федерации (за исключением Еврейской автономной области) характеризуется положительными результатами в выпуске молока.

Долевая «корзина» производства яиц с 2014 по 2023 годы практически не изменилась по сравнению с предыдущим периодом (2001–2013 гг.). Главными производителями яиц по-прежнему остаются сельскохозяйственные организации – как в масштабах всей страны, так и в Дальневосточном регионе. На втором месте по объёму производства данного вида продукции находятся личные подсобные хозяйства населения, доля которых в общем объёме производства яиц в Российской Федерации в текущем периоде составила в среднем 18,6%, а в макрорегионе – 14,7%. Вклад фермерских хозяйств в производство яиц остаётся незначительным: всего 1,1% в общероссийском масштабе и 3,1% на Дальнем Востоке. При этом на дальневосточном уровне доля сельскохозяйственных предприятий в структуре выпуска яиц в течение второго этапа устойчиво возрастала (от 70,4% в 2001 г. до 83,6% в 2023 г.), а на протяжении третьего этапа характер соответствующего тренда изменился на понижающий, в результате чего в 2023 г. удельный вес СХО в производстве яиц в макрорегионе снизился до 81,9% (Таблица Д.3 Приложения Д).

Позитивным фактором является рост объема производства яиц при положительных величинах масс их структурного сдвига: 11479,2 млн шт. (РФ) и 316,7 млн шт. (Дальний Восток) (Таблица 27).

Положительно направлены и соответствующие структурные сдвиги для всех категорий хозяйств в целом, для сельхозпредприятий и фермерских хозяйств страны и макрорегиона.

Индексы позитивных структурных изменений в выпуске яиц по РЭПС Дальнего Востока России имеют более высокие значения, чем в целом по стране: 2,1% против 1,9% для СХО и 6,1% против 5,4% для К(Ф)Х. Производство яиц

хозяйствами населения России и Дальнего Востока сократилось за постприватизационный период соответственно на 23,1% и 28,7%.

Таблица 27 – Анализ структурных сдвигов в производстве яиц по категориям товаропроизводителей РЭПС Дальнего Востока Российской Федерации

	Российская Федерация				Дальний Восток			
	Все категории хозяйств	СХО	К(Ф)Х	ЛПХ	Все категории хозяйств	СХО	К(Ф)Х	ЛПХ
Объём производства яиц (миллион штук)								
2001	35172,7	25078,1	175,9	9918,7	799,8	563,1	10,4	226,3
2023	46651,9	38442	584,9	7625,1	1116,5	914,3	40,8	161,4
Показатели структурных сдвигов								
Масса, млн шт.	11479,2	13363,9	409,0	-2293,6	316,7	351,2	30,4	-64,9
Среднегодовая скорость изменения, %	1,2	1,9	5,4	-1,1	1,5	2,1	6,1	-1,5
Индекс структурного сдвига, %	32,6	53,3	232,5	-23,1	39,6	62,4	292,3	-28,7

Источник: составлено автором по [271, 384].

Среднегодовой темп падения данного показателя на дальневосточном уровне несколько превысил среднероссийский: 1,5% против 1,1%. Однако, этот факт не умаляет позитивной динамики роста общего производства яиц, поскольку значительный прирост в СХО и К(Ф)Х компенсирует и «перевешивает» снижение в подсобном секторе.

Таким образом, анализ изменений в структуре сельскохозяйственного производства на российском Дальнем Востоке после приватизации демонстрирует усиление роли сельскохозяйственных предприятий и снижение доли личных подсобных хозяйств населения. Это свидетельствует о неудаче первоначальной стратегии государственной поддержки, ориентированной на развитие фермерских хозяйств в конце XX – начале XXI века. Значительные бюджетные инвестиции, направленные на стимулирование фермерства, не принесли ожидаемого экономического эффекта и фактически оказались безвозвратными потерями. Такая политика, несмотря на заявленные цели повышения эффективности и

конкурентоспособности АПК, привела к неравномерному развитию сельскохозяйственного сектора и, как следствие, к структурным диспропорциям.

На современном нам этапе декларируется иной приоритет структурной политики в сельском хозяйстве – развитие крупных сельскохозяйственных организаций и агрохолдингов, включая предприятия, реализующие экспортно-ориентированные проекты. Эта стратегия, по сути, игнорирует многоукладность сельского хозяйства, сосредотачивая ресурсы на ограниченном числе крупных «игроков» продовольственных систем.

Такой подход, хотя и обещает краткосрочный экономический рост за счет масштабирования производства и экспорта, не учитывает ряд важных факторов, которые могут привести к серьезным негативным последствиям в долгосрочной перспективе, в том числе к углублению существенных и формированию новых структурных деформаций в региональных экономических продовольственных системах.

«Перекосы» в структуре сельскохозяйственного производства, негативно воздействуя на эффективность отраслей растениеводства и животноводства, инициируют отрицательно направленные структурные сдвиги в показателях продовольственной обеспеченности за счет регионального производства.

В заключение сделаем следующие выводы.

1. Региональная экономическая продовольственная система Дальнего Востока России характеризуется значительной неоднородностью, обусловленной как природно-климатическими условиями, так и исторически сложившейся структурой регионального хозяйства, которая формировалась на протяжении многих десятилетий. Важно отметить, что Дальний Восток отличается разнообразием природных ресурсов, однако его потенциал не всегда реализуется в полной мере из-за существующих проблем.

2. Среди ключевых вызовов, стоящих перед РЭПС Дальнего Востока следует выделить диспропорции в развитии отдельных отраслей и регионов, создающие неравномерность в доступности продовольствия и его качестве. Недостаточная транспортная инфраструктура макрорегиона затрудняет логистику

и доставку продуктов от производителей к потребителям, что также негативно отражается на продовольственной обеспеченности макрорегиона. Серьезной проблемой является низкий уровень переработки сельскохозяйственной продукции. Многие продукты, произведенные в макрорегионе, не проходят промышленной переработки, что ведет к потерям и снижению добавленной стоимости. Зависимость от импорта продовольствия также остается актуальной, что делает российский Дальний Восток уязвимым к изменениям на внешних рынках и колебаниям цен.

3. Для преодоления проблем в сфере продовольственной обеспеченности необходима разработка и реализация аграрной структурной политики развития региональной экономической продовольственной системы макрорегиона, которая должна включать в себя несколько ключевых аспектов. Во-первых, инвестиции в инфраструктуру, которые являются необходимым условием для улучшения транспортных связей и обеспечения доступа к рынкам. Во-вторых, поддержка инновационных технологий в сельском хозяйстве, что поможет повысить производительность и качество продукции. В-третьих, стимулирование развития перерабатывающей промышленности, которое позволит не только создать новые рабочие места, но и увеличить добавленную стоимость продукции. Создание эффективных сбытовых цепочек также необходимо для улучшения доступности продовольствия. Это может включать в себя развитие кооперативов, создание агропромышленных кластеров и внедрение современных технологий распределения продовольствия.

4. При формировании аграрной структурной политики развития РЭПС необходимо комплексное взаимодействие всех заинтересованных сторон – государства, частного бизнеса и общества. Это позволит не только решить существующие проблемы с продовольственной обеспеченностью Дальнего Востока Российской Федерации, но и создать современную, эффективную и устойчивую продовольственную систему, способную обеспечить потребности населения и поддерживать экономическое развитие региона.

5.2. Оценка и прогнозирование результативности аграрной структурной политики развития региональной экономической продовольственной системы в формировании макроэкономических показателей Дальнего Востока

Дальний Восток России, обладающий значительным потенциалом региональной экономической продовольственной системы, сталкивается с множеством вызовов, препятствующих его эффективному использованию, что негативно влияет на макроэкономические показатели всего макрорегиона. Действительно, низкая плотность населения, удаленность от основных рынков сбыта, недостаточно развитая инфраструктура, специфические климатические условия, а также разрушенные в течение периода реформ производственные связи и значительно суженная по сравнению с советским периодом производственно-хозяйственная система сельского хозяйства, – все это создает сложную среду для функционирования региональных экономических продовольственных систем и требует целенаправленного государственного регулирования в виде структурной политики, адаптированной к условиям Дальнего Востока РФ.

Разработка прогнозных моделей, способных оценить влияние структурной политики развития РЭПС на ключевые макроэкономические индикаторы макрорегиона необходима для анализа результативности существующих мер государственной поддержки и формирования ее приоритетов. В свою очередь, определяющим критерием формирования приоритетных направлений аграрной структурной политики развития РЭПС является уровень продовольственной обеспеченности региона.

В разделе 3.3 нами была предложена авторская совокупность показателей самообеспеченности региональных экономических систем продовольствием. Автором найдены величины индикаторов критериальной оценки продовольственной самообеспеченности РЭПС Дальнего Востока (Таблица Е.1 Приложения Е). Визуализация изменений показателей индикаторов достижения порогового уровня продовольственной независимости и физической доступности

продуктов питания регионального производства согласно рациональным нормам питания представлена соответственно на Рисунке 32 и Рисунке 33.

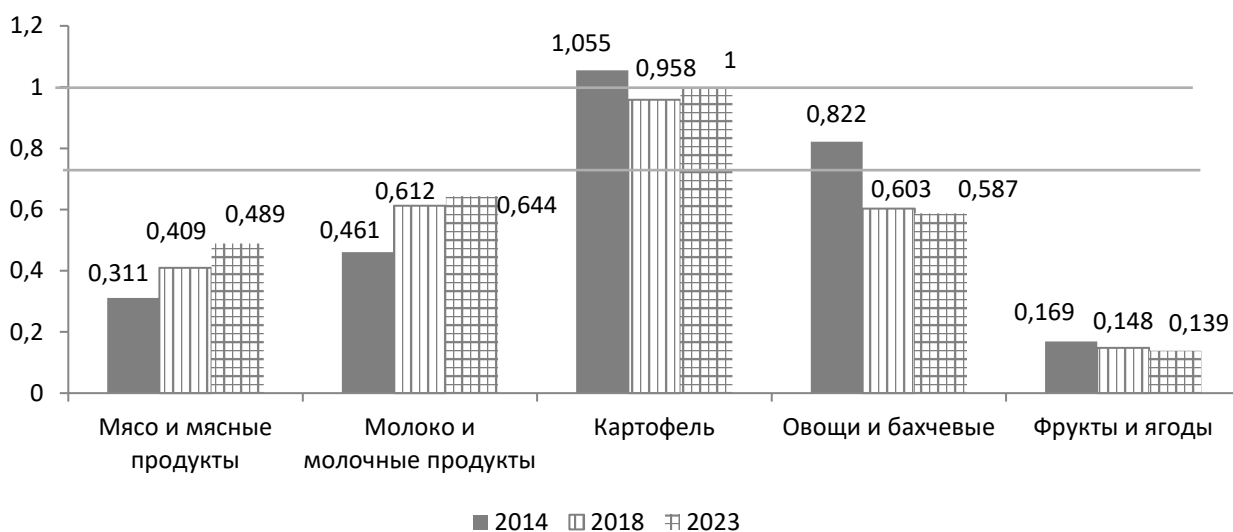

Рисунок 32 – Динамика величины индикатора достижения порогового уровня продовольственной независимости в РЭПС Дальнего Востока.

Источник: составлено автором.

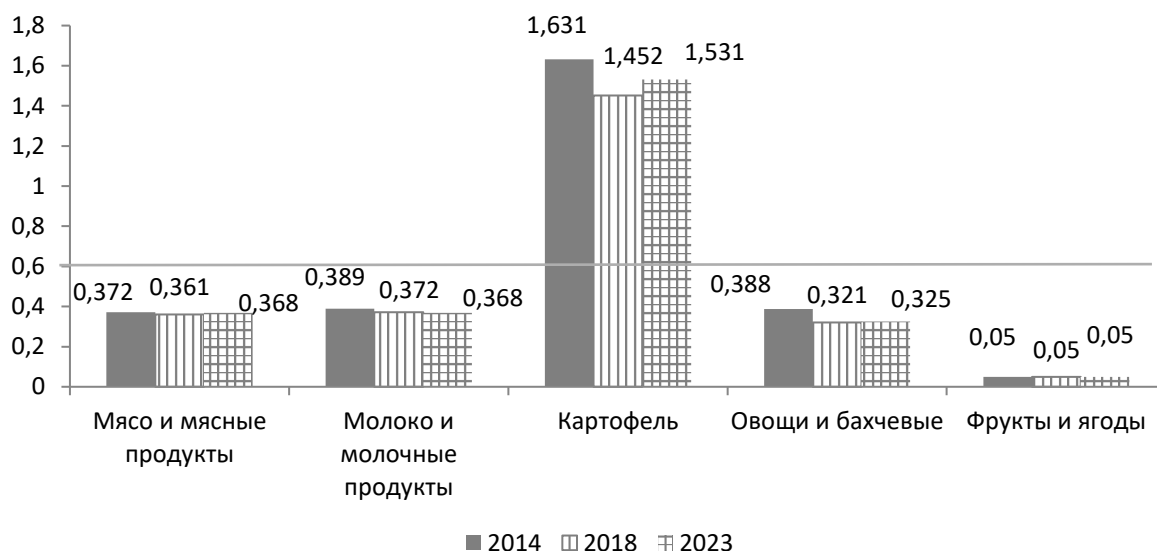

Рисунок 33 – Динамика величины индикатора физической доступности продуктов питания регионального производства (в соответствии с рациональными нормами питания) в РЭПС Дальнего Востока.

Источник: составлено автором.

Из таблицы Е.1 следует, что критериальные величины индикатора достижения порогового уровня продовольственной независимости достигаются в макрорегионе только для картофеля; за период действия политики импортозамещения данный индикатор для мяса и молока увеличился незначительно; самообеспеченность региона овощами и фруктами в 2023 г. по сравнению с 2014 г. ухудшилась, показав стремление к дальнейшему снижению. Низкий уровень имеют значения индикатора физической доступности питания регионального производства согласно рациональным нормам питания по основным продуктовым группам (за исключением картофеля). При этом следует обратить внимание на рост индикатора структуры затрат домохозяйств на продукты питания, который свидетельствует о том, что население российского Дальнего Востока всё большую долю своих доходов вынуждено расходовать на покупку продовольствия, в том числе и по причине «инфляции продуктов питания».

Дополним анализ самообеспеченности макрорегиона основными продовольственными группами рассмотрением базовых показателей компонентной оценки структурных сдвигов и их динамики: интенсивности и направленности структурных сдвигов в ресурсах продовольствия. Отличием подхода, использованного автором настоящего диссертационного исследования при изучении характера структурных сдвигов в ресурсах продовольствия, является выделение структурных сдвигов в ресурсах продовольствия, а также применение показателей качества структурных сдвигов для анализа и формирования содержательных выводов по региональному экономическому развитию в части продовольственной обеспеченности.

Анализ показателей интенсивности и направленности структурных сдвигов в ресурсах продовольствия Дальнего Востока РФ показал, что степень изменения массы структурного сдвига в запасах совокупности важнейших продовольственных групп РЭПС макрорегиона за 2014–2023 гг., описываемая показателем интенсивности структурных сдвигов, составила 21,1% при их положительной направленности, равной 1 (Таблица 28).

Таблица 28 – Расчет показателей интенсивности и направленности структурных сдвигов в ресурсах продовольствия РЭПС Дальнего Востока РФ

Продовольственная группа	Удельный вес вида ресурса, %		$d^{2023} - d^{2014}$
	d^{2014}	d^{2023}	
Запасы продовольствия на начало года			
Картофель	34,66	41,8	7,14
Овощи	20,45	22,6	2,15
Фрукты	11,85	20,3	8,45
Мясо и мясопродукты	9,66	11,3	1,64
Молоко и молокопродукты	2,33	3,01	0,68
Яйцо и яйцепродукты	2,26	3,3	1,04
Интенсивность (%) / Направленность		21,1 / 1	
Производство продовольствия			
Картофель	58,61	48,05	-10,56
Овощи	45,50	31,50	-14,00
Фрукты	7,34	7,01	-0,33
Мясо и мясопродукты	22,25	30,20	7,95
Молоко и молокопродукты	39,00	51,14	12,14
Яйцо и яйцепродукты	72,70	63,40	-9,30
Интенсивность (%) / Направленность		54,04 / -0,26	
Ввоз продовольствия по всем каналам			
Картофель	6,73	10,20	3,47
Овощи	34,05	45,40	11,35
Фрукты	80,81	71,02	-9,79
Мясо и мясопродукты	68,09	61,50	-6,59
Молоко и молокопродукты	58,67	45,98	-12,69
Яйцо и яйцепродукты	25,04	33,50	8,46
Интенсивность (%) / Направленность		52,35 / -0,11	

Источник: составлено автором по [271].

Это свидетельствует о том, что по всем представленным в исследовании продовольственным группам (картофель, овощи, фрукты, мясо и мясопродукты, молоко и молокопродукты, яйцо и яйцепродукты) в макрорегионе имеет место стремление к увеличению запасов, вследствие чего сформировался положительный структурный сдвиг в продуктовых запасах.

Рассмотрение динамики региональной экономической продовольственной системы Дальнего Востока России за период с 2014 по 2023 год выявило

тревожные тенденции, связанные с уменьшением доли продукции регионального происхождения. Практически во всех категориях продовольственных товаров, за исключением мяса и мясопродуктов, а также молока и молочных продуктов, наблюдалось снижение доли продукции местного производства, что инициировало формирование отрицательного структурного сдвига в системе регионального продовольственного обеспечения.

Параллельно с этим, анализ импорта продовольствия показал снижение удельного веса ввозимых фруктов, мяса и молочной продукции в общем балансе продовольствия РЭПС. Несмотря на снижение объемов импорта, интенсивность совокупного структурного сдвига ввоза продовольствия во все регионы Дальнего Востока осталась достаточно высокой, достигнув 52,35%. Важно отметить, что направленность этого сдвига оказалась отрицательной (-0,11). Но в рамках данной методологии, положительный структурный сдвиг ввоза продовольствия характеризуется именно отрицательной направленностью. Это обусловлено тем, что отрицательная направленность свидетельствует о снижении зависимости региона от импорта, в свою очередь, позитивно влияя на продовольственную обеспеченность.

Изучение качества структурных сдвигов в региональной экономической продовольственной системе макрорегиона, выполненное автором для структурных сдвигов в численности групп аграрных товаропроизводителей демонстрирует ярко выраженную негативную динамику этих изменений. Детальный анализ данных структурных трансформаций в течение временных интервалов 2001–2013 гг. и 2014–2023 гг. показал, что для России в целом средняя направленность изменений за указанные периоды составила -0,878 и -0,650 соответственно. Эти показатели свидетельствуют о значительном сокращении числа субъектов хозяйственной деятельности в аграрном секторе.

Важно отметить, что абсолютное значение интенсивности структурных сдвигов достаточно велико: в среднем по России за рассматриваемые периоды оно составляло 483 000 и 70 000 единиц, что подтверждает масштабы наблюдаемой отрицательной структурной регрессии (Таблица Ж.1 Приложения

Ж). На Дальнем Востоке, несмотря на меньшую интенсивность (26 000 и 27 000 единиц), негативная динамика также очевидна при средней направленности, равной -0,443 и -0,780 соответственно (Таблица Ж.2 Приложения Ж).

Считаем важным акцентировать внимание на большей выраженности отрицательной динамики структурного сдвига в числе землепользователей на дальневосточном уровне по сравнению со среднероссийскими показателями, сохраняющейся на протяжении всех трех анализируемых периодов (1997–2000, 2001–2013 и 2014–2023 гг.). Это подтверждается расчетами коэффициента правдоподобия структурного сдвига:

$$\begin{aligned} K_{ДВ_{\text{этап1}}}^{\text{правдоподобия}} &= -0,813 < K_{РФ_{\text{этап1}}}^{\text{правдоподобия}} = -0,419; \\ K_{ДВ_{\text{этап2}}}^{\text{правдоподобия}} &= -0,628 < K_{РФ_{\text{этап2}}}^{\text{правдоподобия}} = -0,623; \\ K_{ДВ_{\text{этап3}}}^{\text{правдоподобия}} &= -0,843 < K_{РФ_{\text{этап3}}}^{\text{правдоподобия}} = -0,592. \end{aligned}$$

Действительно, коэффициент правдоподобия, меньший нуля, характеризует отрицательность развития соответствующего структурного сдвига (см. п. 3.3). Причем, чем ближе к «1» модуль коэффициента правдоподобия, тем характер сдвигов выражен более значимо: для отрицательных значений коэффициента – регрессивный или негативный, для положительных – прогрессивный или позитивный.

Следующий анализируемый нами структурный сдвиг, чрезвычайно важный для формирования показателей продовольственной обеспеченности РЭПС, – структурный сдвиг в распределении посевных площадей.

Анализ структурных изменений в сельском хозяйстве России в период с 1997 по 2023 годы выявил неоднозначную динамику распределения посевных площадей. Первые четыре года (1997–2000 гг.) характеризуются негативной тенденцией в перераспределении посевных площадей между различными категориями землепользователей как на федеральном уровне, так и на дальневосточном. Это свидетельствует о неэффективности или дезорганизации процессов управления земельными ресурсами в тот период. Ситуация

усугублялась экономическими потрясениями и нестабильностью, которые испытывала российская экономика после распада СССР. Негативные показатели отражали, в том числе, неэффективное использование земли, сокращение посевных площадей под определенные культуры из-за отсутствия спроса или финансовых трудностей у сельхозпроизводителей, а также процессы приватизации и передела земли, сопровождавшиеся неопределенностью и конфликтами.

Далее ситуация стабилизируется, в результате на втором этапе характер структурных сдвигов в распределении посевных площадей изменяется в положительном направлении. Коэффициент правдоподобия анализируемого сдвига, вычисленный для страны в целом, хоть и оставался отрицательным (-0,292), но уже в три раза меньше, чем в предыдущий период, что указывает на существенное замедление негативной тенденции. Примечательно, что на Дальнем Востоке данный коэффициент, напротив, приобрел положительное значение (0,155), свидетельствуя о более эффективном использовании земельных ресурсов в макрорегионе.

На третьем этапе имеет место еще более выраженный позитивный тренд изменений в распределении посевных площадей, о чем свидетельствует рост положительного по величине коэффициента правдоподобия структурного сдвига до 0,897 (РФ) и 0,524 (Дальний Восток).

Аналогичная положительная динамика наблюдается также в изменении объемов выпуска сельскохозяйственной продукции. Коэффициент правдоподобия соответствующего структурного сдвига для всей России за период 2001-2013 гг. составил 0,456, а в последующий период – 0,965, демонстрируя значительный рост. На Дальнем Востоке также отмечается увеличение коэффициента правдоподобия (с 0,518 до 0,712), что подтверждает развитие позитивного структурного сдвига в выпуске агропродукции.

Таким образом, следует констатировать улучшение качественных характеристик важных структурных сдвигов, протекающих в РЭПС, как в распределении посевных площадей, так и в производстве сельскохозяйственной

продукции. Однако необходимо подчеркнуть, что эти структурные изменения, не являясь изолированными явлениями, тесно связаны с другими структурными преобразованиями в аграрной экономике. В связи с чем необходимо определить характеристики, существенно воздействующие на результирующий показатель региональной экономической продовольственной системы и построить адекватные экономико-математические модели.

Для решения этой задачи автором настоящего диссертационного исследования с помощью корреляционно-регрессионного анализа большого массива фактологических данных о состоянии сельского хозяйства Дальнего Востока Российской Федерации за 2001-2023 гг. выявлены структурные показатели, связанные с различной степенью тесноты с темпом роста сельскохозяйственной продукции (Таблица И.1 Приложения И).

Анализ коэффициентов парной корреляции выявил ряд важных взаимосвязей между темпами роста сельскохозяйственного производства и структурными изменениями в сельском хозяйстве России и её Дальневосточного региона.

Во-первых, выявлена высокая положительная корреляция между темпами роста сельскохозяйственной продукции на душу населения (этот показатель будем рассматривать как результирующую (эндогенную) переменную) и структурными показателями: направленностью и интенсивностью структурных сдвигов в объёмах производства сельскохозяйственной продукции для страны и макрорегиона.

Во-вторых, для страны в целом анализ показал достаточно сильную, но обратную корреляционную связь между темпами роста сельскохозяйственного производства и интенсивностью структурных сдвигов в численности основных групп землепользователей.

В-третьих, на уровне Дальнего Востока РФ имеет место заметная положительная корреляционная связь между темпами роста сельскохозяйственной продукции и направленностью структурных сдвигов в распределении посевных площадей. Это указывает на то, что, например,

оптимизация структуры посевных площадей под эффективные культуры, учитывая специфику региона, позитивно сказывается на росте объёмов производства продуктов питания и продовольственной обеспеченности.

С учётом полученных результатов для построения модели влияния структурных сдвигов в сельском хозяйстве на РЭПС, в качестве экзогенных переменных предлагается использовать следующие факторы: для России – интенсивность структурных сдвигов в изменении численности основных групп землепользователей и в выпуске сельскохозяйственной продукции, а также направленность структурных сдвигов в выпуске сельскохозяйственной продукции (Рисунок 34); для Дальнего Востока – интенсивность структурных сдвигов в производстве сельскохозяйственной продукции, направленность структурных сдвигов в выпуске сельскохозяйственной продукции, а также направленность структурных сдвигов в распределении посевных площадей (Рисунок 35).

При формировании содержательных выводов на основании построенных эконометрических (факторных) моделей зачастую необходимо учитывать влияние факторов с разными единицами измерения и различной степенью изменчивости, что стандартные коэффициенты регрессии не позволяют сделать. Например, изменение численности сельскохозяйственных предприятий и изменение площадей посевов измеряются в совершенно разных единицах, что делает непосредственное сравнение коэффициентов регрессии некорректным и неинформативным. Для преодоления этой методологической трудности автором использованы коэффициенты эластичности, бета- и дельта-коэффициенты.

Коэффициенты эластичности позволяют сравнивать влияние экзогенных факторов, выражая их воздействие в процентных пунктах и показывая, на сколько процентов изменится темп роста сельхозпроизводства при изменении структурного фактора на один процент. Бета-коэффициенты, – это, по сути, коэффициенты регрессии в стандартизованном виде; применяются для устранения различий в измерении и степени колеблемости факторов. Дельта-коэффициенты представляют собой нормированные показатели и дают

возможность оценить долю влияния отдельного структурного фактора на общий темп роста производства с учетом влияния всех остальных факторов.

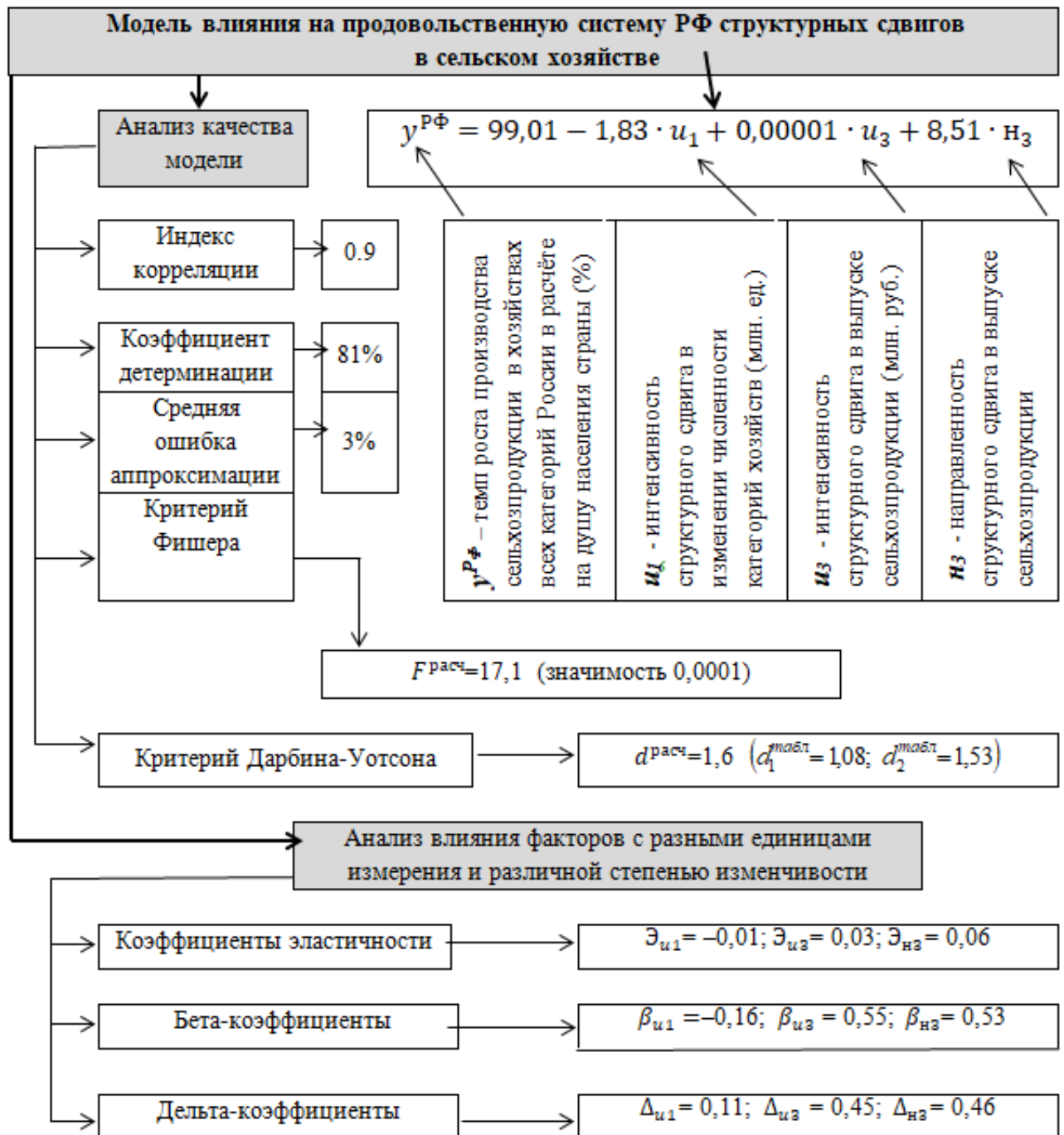

Рисунок 34 – Модель влияния на продовольственную систему Российской Федерации структурных сдвигов в производственном базисе (сельское хозяйство).

Источник: построено автором.

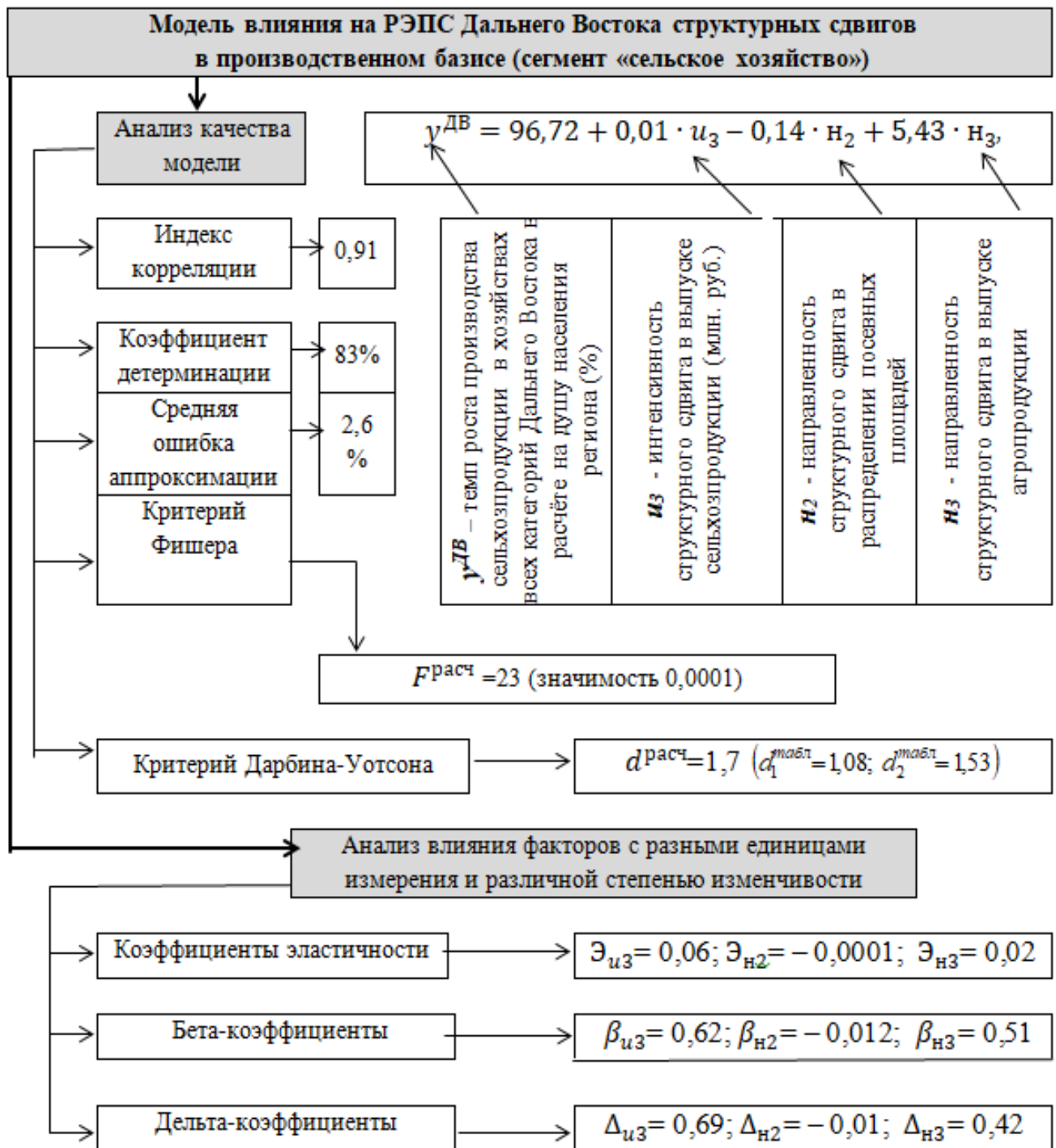

Рисунок 35 – Модель влияния на РЭПС Дальнего Востока структурных сдвигов в производственном базисе (сегмент «сельское хозяйство»).

Источник: построено автором.

В нашем случае значения коэффициентов эластичности, бета- и дельта-коэффициентов, найденные на основании моделей влияния структурных сдвигов в сельском хозяйстве России и макрорегиона на его результативность, позволяют

сделать выводы, важные в контексте формирования приоритетных направлений аграрной структурной политики развития РЭПС.

Во-первых, в масштабах всей страны изменение направленности структурного сдвига в производстве сельскохозяйственной продукции на 1% приводит к изменению темпа роста производства на 0,06%. Это свидетельствует о значительном влиянии структурных изменений на национальный уровень сельскохозяйственного производства. Обратим внимание на то, что этот эффект значительно превосходит влияние аналогичных изменений на Дальнем Востоке, где изменение на 1% приводит лишь к изменению темпа роста на 0,02%.

Во-вторых, снижение интенсивности негативного структурного сдвига в изменении численности основных групп товаропроизводителей на 10% в общероссийском масштабе приводит к увеличению темпа роста сельскохозяйственной продукции на 0,2%. Напротив, на Дальнем Востоке более значимым фактором является сдвиг в распределении посевных площадей.

Итак, на протяжении второго-третьего этапов постприватизационного развития национального хозяйства структурные изменения в производстве продукции сельского хозяйства носят позитивный характер, а их доля влияния (по сравнению с остальными изученными выше факторами) наиболее значима. Следовательно, для определения степени воздействия на эффективность структуры РЭПС отдельных категорий землепользователей необходимо построить модели, связывающие темп роста производства сельхозпродукции с показателями структурных сдвигов в её выпуске – модели положительно направленных структурных сдвигов в совокупности аграрных товаропроизводителей РЭПС.

Данные модели позволяют исследовать влияние формирующихся (и сформировавшихся) в продовольственных системах положительно направленных структурных сдвигов в ответ на производственно-хозяйственную деятельность отдельных категорий аграрных товаропроизводителей для страны в целом (Рисунок 36) и для макрорегиона (Рисунок 37).

Прогнозная информация, получаемая на основе представленных моделей, может быть использована при проектировании планов перспективного развития РЭПС.

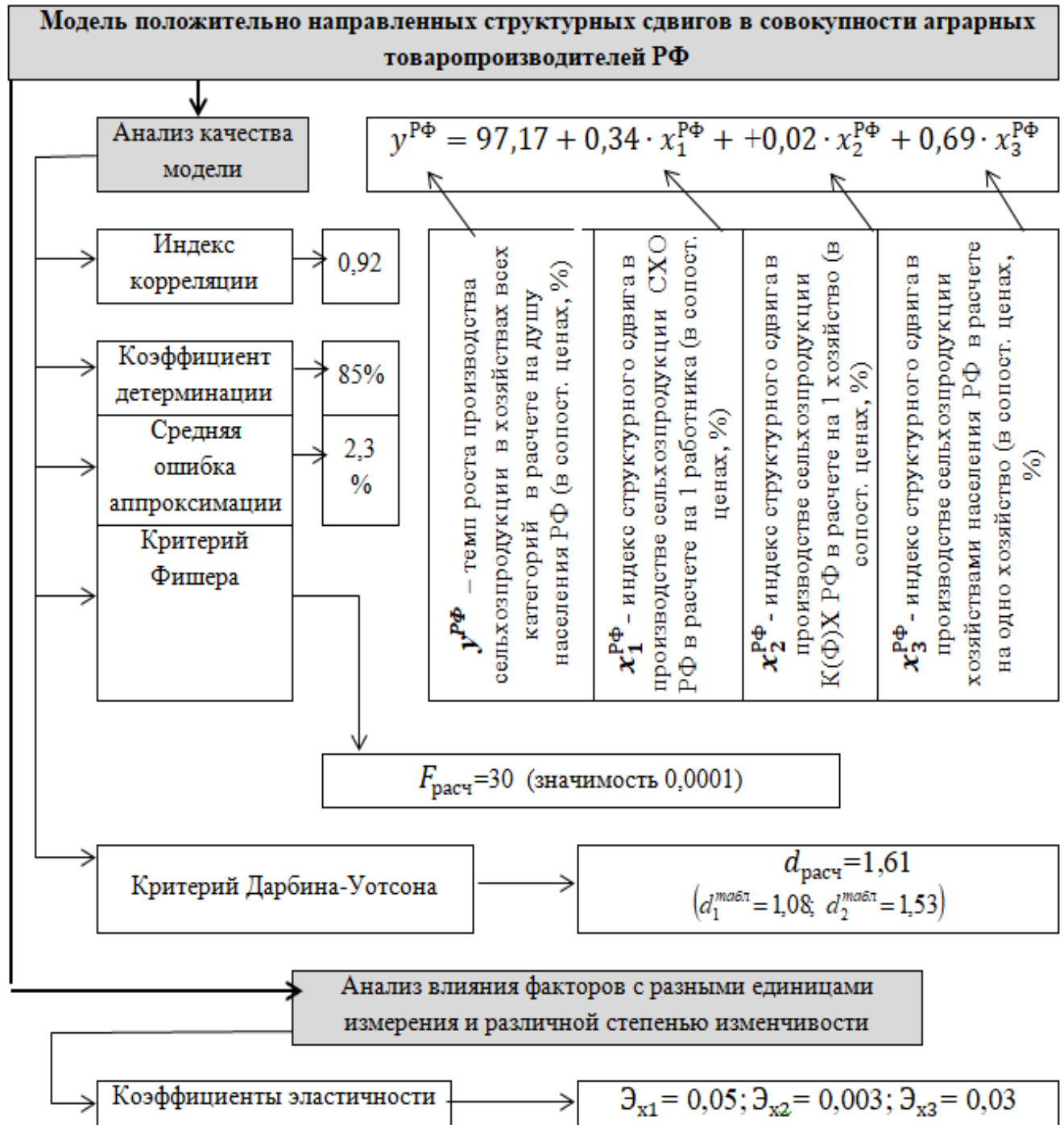

Рисунок 36 – Модель положительно направленных структурных сдвигов в совокупности аграрных товаропроизводителей Российской Федерации.

Источник: построено автором.

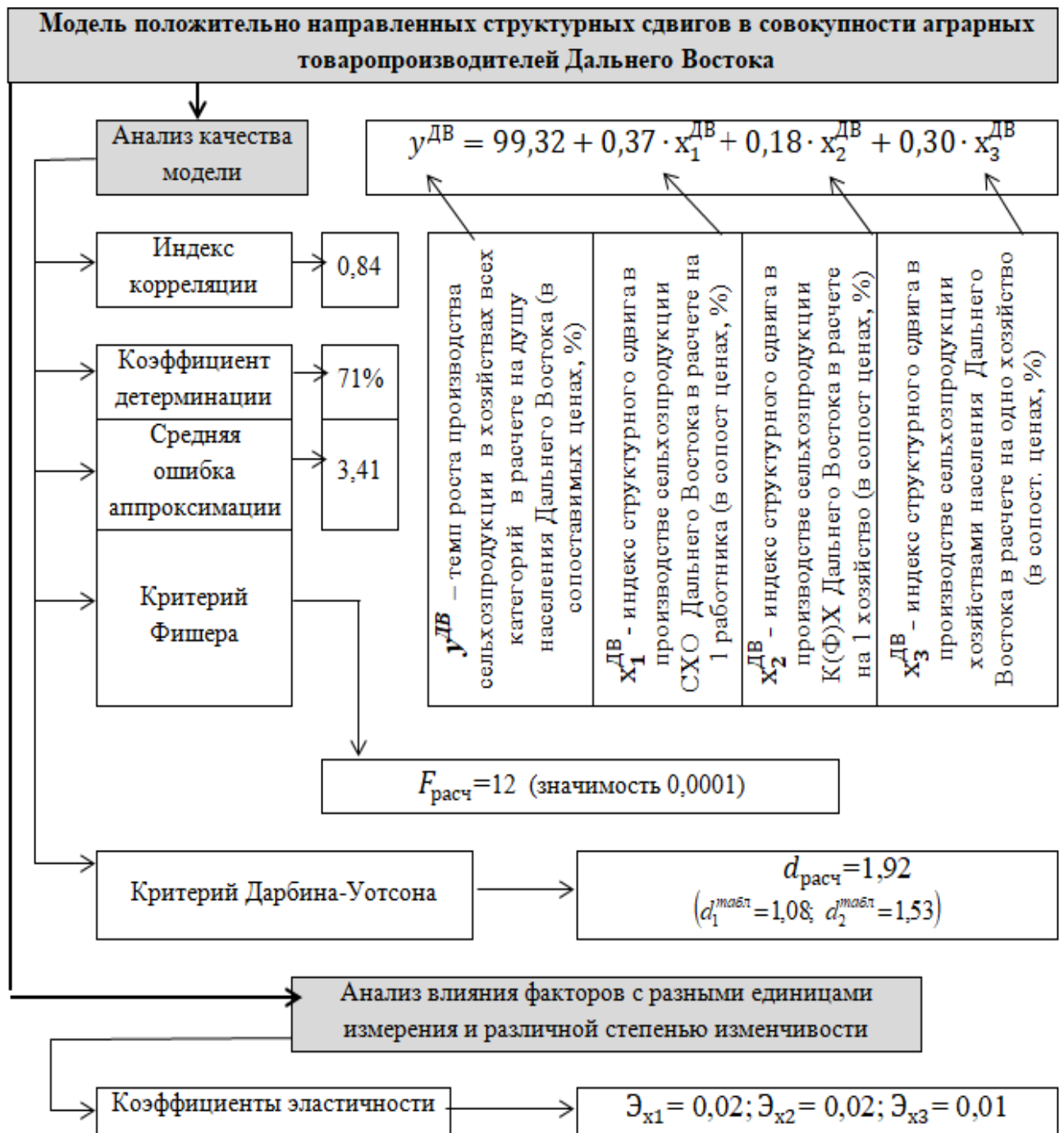

Рисунок 37 – Модель положительно направленных структурных сдвигов в совокупности аграрных товаропроизводителей Дальнего Востока.

Источник: построено автором.

Содержательный анализ построенных автором моделей положительно направленных структурных сдвигов в совокупности аграрных товаропроизводителей позволяет сформулировать ряд выводов.

Несмотря на то, что сельскохозяйственные организации дальневосточного макрорегиона показали второй по величине прирост производства (после фермеров), анализ структурных изменений в сельском хозяйстве региона указывает на то, что именно СХО играют ключевую роль в положительных сдвигах, так как увеличение структурного сдвига в выпуске продукции сельхозпредприятиями оказывает большее влияние на общий рост производства (эластичность 0,02%), чем аналогичное изменение у фермеров (эластичность 0,01%). То есть можно предполагать, что инвестиции в развитие сельскохозяйственных предприятий принесут больший эффект с точки зрения структурной перестройки и роста сельскохозяйственного производства в макрорегионе.

В общероссийском масштабе сельскохозяйственные организации также демонстрируют наибольшую степень влияния на темпы роста производства, опережая хозяйства населения и фермерские хозяйства.

Далее выполним анализ корреляции темпов роста производства агропродукции со структурными изменениями в выпуске по основным категориям землепользователей, а также с совокупностью структурных сдвигов (как положительных, так и отрицательных) с определением степени их воздействия на результативность структуры сельского хозяйства.

Автором для ранее выделенных сдвигов определены структурные показатели, тесно связанные с результирующей переменной (Таблица И.2 Приложения И).

Построенные модели общих структурных сдвигов для РФ и макрорегиона, а также показатели их качества представлены соответственно на Рисунке 38 и Рисунке 39. Данные модели достаточно точно описывают процесс формирования структурных сдвигов в сельском хозяйстве, как на уровне всей страны, так и в рамках макрорегиона, а также влияние сдвигов на эффективность работы региональных экономических продовольственных систем. Действительно, коэффициенты корреляции, рассчитанные для Российской Федерации и Дальнего Востока, составили 0,913 и 0,739 соответственно. Эти показатели указывают на

наличие значительной корреляционной связи между результативным признаком и факторами, которые ранее были нами выделены и включены в модели.

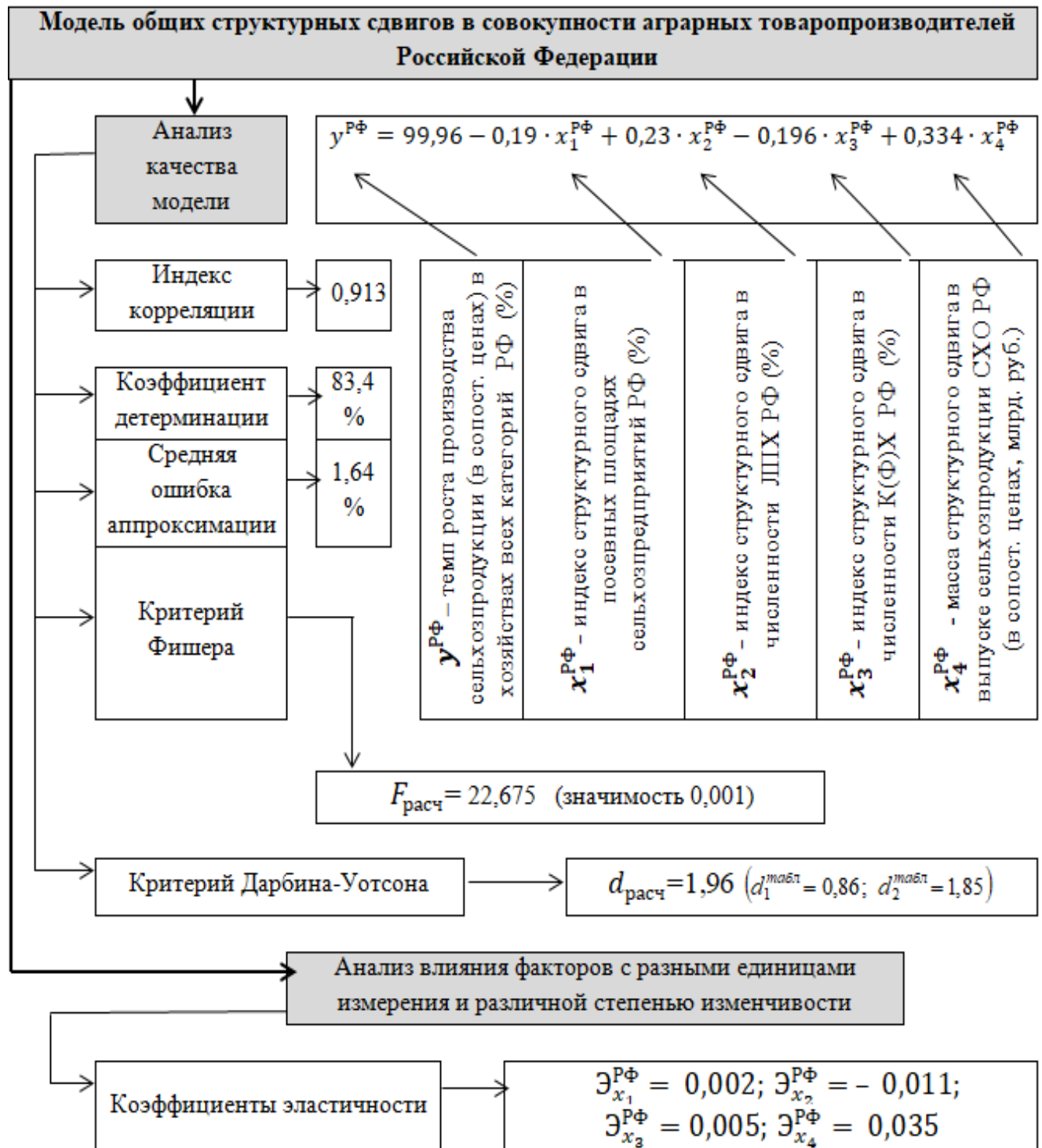

Рисунок 38 – Модель общих структурных сдвигов в совокупности аграрных товаропроизводителей Российской Федерации.

Источник: построено автором.

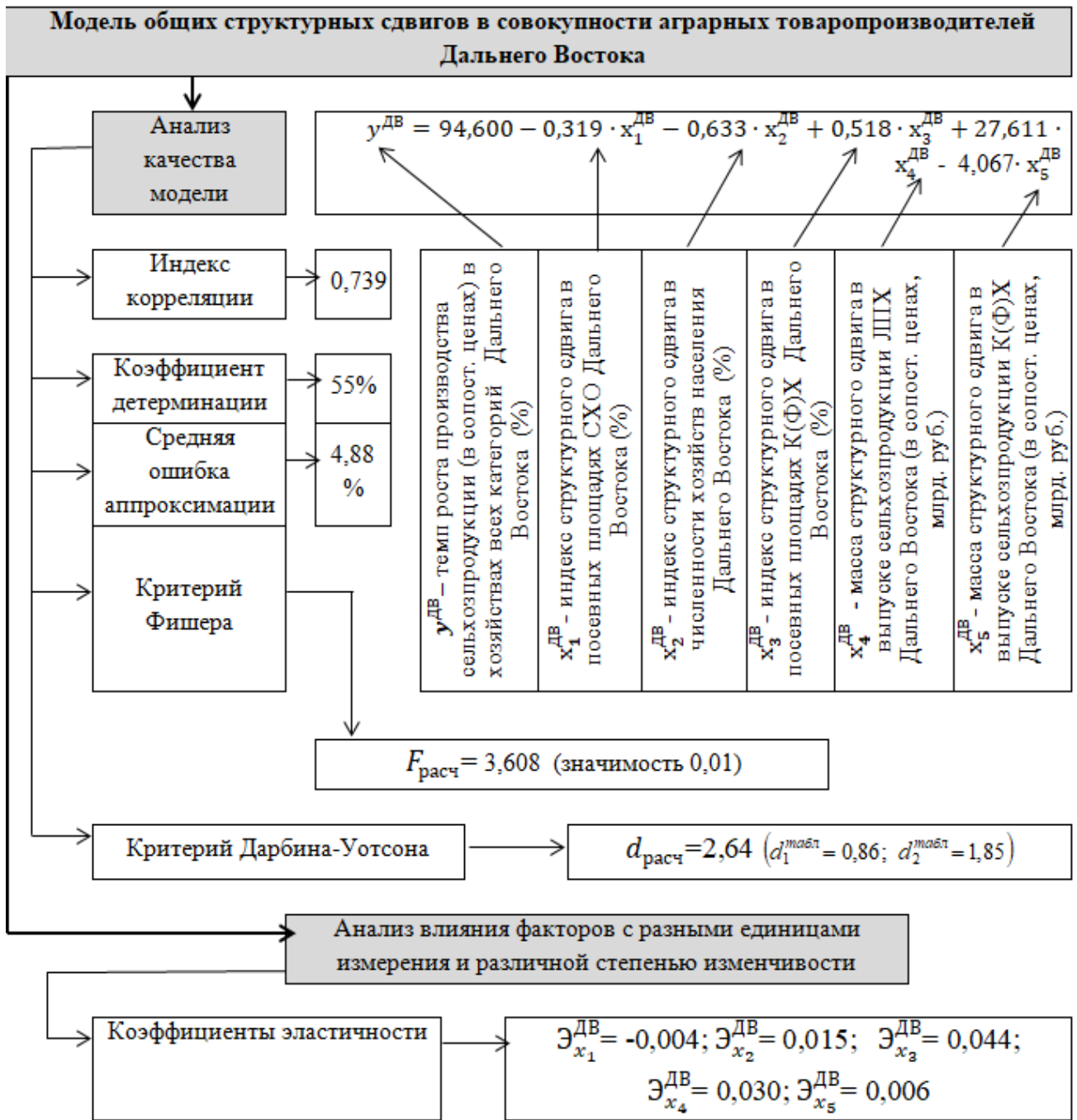

Рисунок 39 – Модель общих структурных сдвигов в совокупности аграрных товаропроизводителей Дальнего Востока.

Источник: построено автором.

Важно отметить, что 83,4% изменений в темпе роста сельскохозяйственной продукции в России и 55% в Дальневосточном регионе могут быть объяснены влиянием факторов, отраженных в построенных моделях. Это свидетельствует о том, что выбранные параметры имеют высокую степень объяснительной силы. Кроме того, средняя ошибка аппроксимации, которая составляет 1,64% для

России и 4,88% для Дальнего Востока, является достаточно низкой. Это говорит о том, что математическая форма модели была выбрана корректно и адекватно отражает исследуемые процессы.

Качество модели также подтверждается расчетным значением критерия Дарбина–Уотсона, которое превышает верхнюю границу табличного значения этого критерия, что является дополнительным показателем надежности полученных результатов.

Анализ построенных моделей продемонстрировал, что в целом по России сельскохозяйственные организации, представленные различными организационно-правовыми формами, способны оказывать реальное положительное влияние на темп роста производства сельхозпродукции. Это подтверждается положительными коэффициентами эластичности индекса структурного сдвига в посевных площадях сельскохозяйственных предприятий, а также массы структурного сдвига в выпуске продукции сельскохозяйственного назначения.

Для Дальнего Востока картина несколько иная ввиду более широкого состава факторов, которые могут инициировать улучшение региональной аграрной структуры. Это индексы структурного сдвига в посевных площадях сельскохозяйственных организаций и фермерских хозяйств, а также два структурных показателя для хозяйств населения: масса структурного сдвига в агропродукции и его индекс в численности данной категории товаропроизводителей.

Но при формировании совокупности приоритетных направлений развития РЭПС Дальнего Востока необходимо учитывать значительную зависимость ЛПХ от крупнотоварного производства, вследствие чего хозяйства населения, по сути, не представляют собой независимую структурную единицу аграрных отношений; их роль в формировании регионального аграрного ландшафта скорее вспомогательная, чем определяющая. Их продукция часто дополняет, а не конкурирует с продукцией крупных сельхозпредприятий.

Не является определяющей для успешности РЭПС и деятельность К(Ф)Х, которые при активной их поддержке на протяжении более чем трех десятков лет, показывают достаточно скромные результаты, несоизмеримые с финансовыми средствами, вложенными на их развитие государством.

Таким образом, реальный потенциал повышения рациональности экономической структуры сельского хозяйства Дальнего Востока сосредоточен именно в сельскохозяйственных организациях. Мелкотоварный фермерский сектор, несмотря на свою значимость в обеспечении продовольствием отдельных локальных рынков, не играет определяющей роли в формировании регионального продовольственного фонда, а фермерские хозяйства в основном занимают те ниши, куда крупный капитал не стремится вкладываться из-за низкой рентабельности или специфических условий производства.

Перспективным направлением развития сельскохозяйственного производства на Дальнем Востоке является укрепление и развитие сельскохозяйственных предприятий различных организационно-правовых форм, которые обладают большими технологическими возможностями и производственным потенциалом, чем К(Ф)Х и ЛПХ.

5.3. Направления аграрной структурной политики развития региональной экономической продовольственной системы

Структурная политика, лежащая в основе сбалансированного развития национальной экономики России, проявляет свою специфику в региональном разрезе. Учитывая огромные масштабы территории страны, эти особенности сильно варьируются от региона к региону, чем объясняются значительные различия в динамике макроэкономических показателей и социально-экономических индикаторов развития по всей стране. Геополитическая роль макрорегиона требует особого внимания при стратегическом планировании и формировании приоритетов структурной политики. Многие исследователи, такие Е.В. Гудкова [80]; Д.А. Изотов [133]; В.К. Заусаев [115]; С.Н. Леонов [178, 179];

П.А. Минакир [199, 204]; В.В. Климанов [149] и др. неоднократно подчеркивали необходимость учета специфических условий макрорегиона. Однако, несмотря на значимость этих исследований, большая часть научных работ сосредоточена на теоретико-методологическом анализе проблемы, а прикладная составляющая не рассматривается или рассматривается «точечно» без комплексного анализа.

При этом низкий уровень комплексности и системности в рассмотрении проблем продовольственной обеспеченности макрорегиона не соответствует государственным задачам, поскольку Дальний Восток, будучи регионом с огромным геостратегическим значением для экономики и безопасности страны, постепенно теряет свою ключевую роль в обеспечении национальной безопасности в Восточной Азии.

Дальний Восток России испытывает воздействие глобализации более остро по сравнению с центральными регионами страны, что обуславливает необходимость разработки и реализации особой государственной структурной политики, учитывающей уникальные характеристики региональной экономической продовольственной системы, которая должна учитывать наличие временного лага (порой существенного) между инициированными в рамках аграрной структурной политики изменениями и проявлением запланированного экономического эффекта.

Автором диссертационного исследования была предложена типологизация развития экономики страны и Дальнего Востока в постсоветский период, представленная ранее в монографии, в которой предложено идентифицировать I, II, III этапы развития национального хозяйства соответственно как «этап снижения уровня производства», «этап восстановления» и «этап роста») [171]. Отметим, что данная типологизация также согласуется с разработанным в диссертационном исследовании «хронологическим рядом изменений в процессах трансформации отраслевых приоритетов РЭПС» (п. 1.3. работы). Поэтому в данном подразделе в рамках данной типологизации рассмотрим основные программные документы, характеризующие развитие аграрной структурной политики развития РЭПС макрорегиона при актуализации ее приоритетных направлений.

Первый этап (1991 – 2000 гг.) – реформирование национальной экономики и ее аграрного сектора в условиях переходной экономики (I тип).

Реформы, проводимые в этот период, направленные на создание частной собственности, не только не привели к росту сельскохозяйственного производства, а, напротив, спровоцировали его существенное снижение по большинству показателей. При этом стратегическое планирование развития Дальнего Востока характеризовалось недостатком системного подхода и реалистической оценки потенциала макрорегиона. Последним документом советского периода, определявшим долгосрочную стратегию развития Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области, была «Долговременная государственная программа комплексного развития производительных сил» (1987 г.) [229]. Эта программа, ориентированная преимущественно на максимальное использование производственных мощностей макрорегиона для обеспечения общероссийских потребностей, практически игнорировала проблемы социально-экономического развития и недостаточную развитость инфраструктуры Дальнего Востока. Вследствие значительного разрыва между амбициозными целями программы и реальными возможностями макрорегиона, ее реализация оказалась крайне неэффективной.

Следующим программным документом первого этапа стало принятие в 1996 году Федеральной целевой программы (ФЦП) «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2018 года» [250]. ФЦП, в отличие от предыдущих документов, сосредоточилась, в том числе на демографических проблемах Дальнего Востока, ставя перед собой задачу увеличения численности населения и повышения уровня жизни. ФЦП также предусматривала разнообразные источники финансирования, включая государственные гарантии, что должно было привлечь частные инвестиции в макрорегион. Однако и эта программа столкнулась со значительными трудностями в реализации, связанными с бюджетными ограничениями, коррупцией и неэффективным управлением.

Второй этап (2001 – 2013 гг.) – «реформирование национальной экономики и ее аграрного сектора в условиях рыночной экономики (II тип)».

В данный период важным направлением государственной социально-экономической политики признается развитие агропромышленного комплекса. При этом предусматривается «регулирующая роль Правительства Российской Федерации, а также мобилизация внутренних возможностей агрокомплекса и имеющихся резервов» [104]. Следует выделить важные программные документы этого этапа: «Основные направления агропродовольственной политики на 2001 – 2010 годы», «Программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013 – 2020 годы, приоритетный Национальный проект «Развитие АПК», в которых был представлен целый спектр задач структурных преобразований сельского хозяйства (Рисунок 40).

Отметим при нерешенности в полном объеме поставленных задач положительный характер динамики макроэкономических показателей страны и макрорегиона [343, 344]. Но основными источниками этой позитивной динамики являлись доходы от экспорта минерально-природного сырья, «реальный ВВП при этом соответствовал уровню десятилетней давности (1993–1994 гг.)» [79]. Следовательно, проблема сбалансированного структурного развития национальной экономики, не утратила свою актуальность, а, даже, пожалуй, приобрела особое звучание в контексте вступления Российской Федерации во Всемирную торговую организацию (с 22 августа 2012 г.).

В этот период на уровне Дальнего Востока принимается ряд программно-стратегических документов, как новых, так и, по сути, корректирующих предыдущие. Так, пролонгируется с корректировками федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья», в которой трансформируются подходы к развитию Дальнего Востока и Байкальского региона через призму изменения закладываемых программой целей и задач (2002 г., 2007 г., 20013 г.); принимается «Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года» (2009 г.) и Государственная программа «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» (2013 г.) (Таблица К.1 Приложения К).

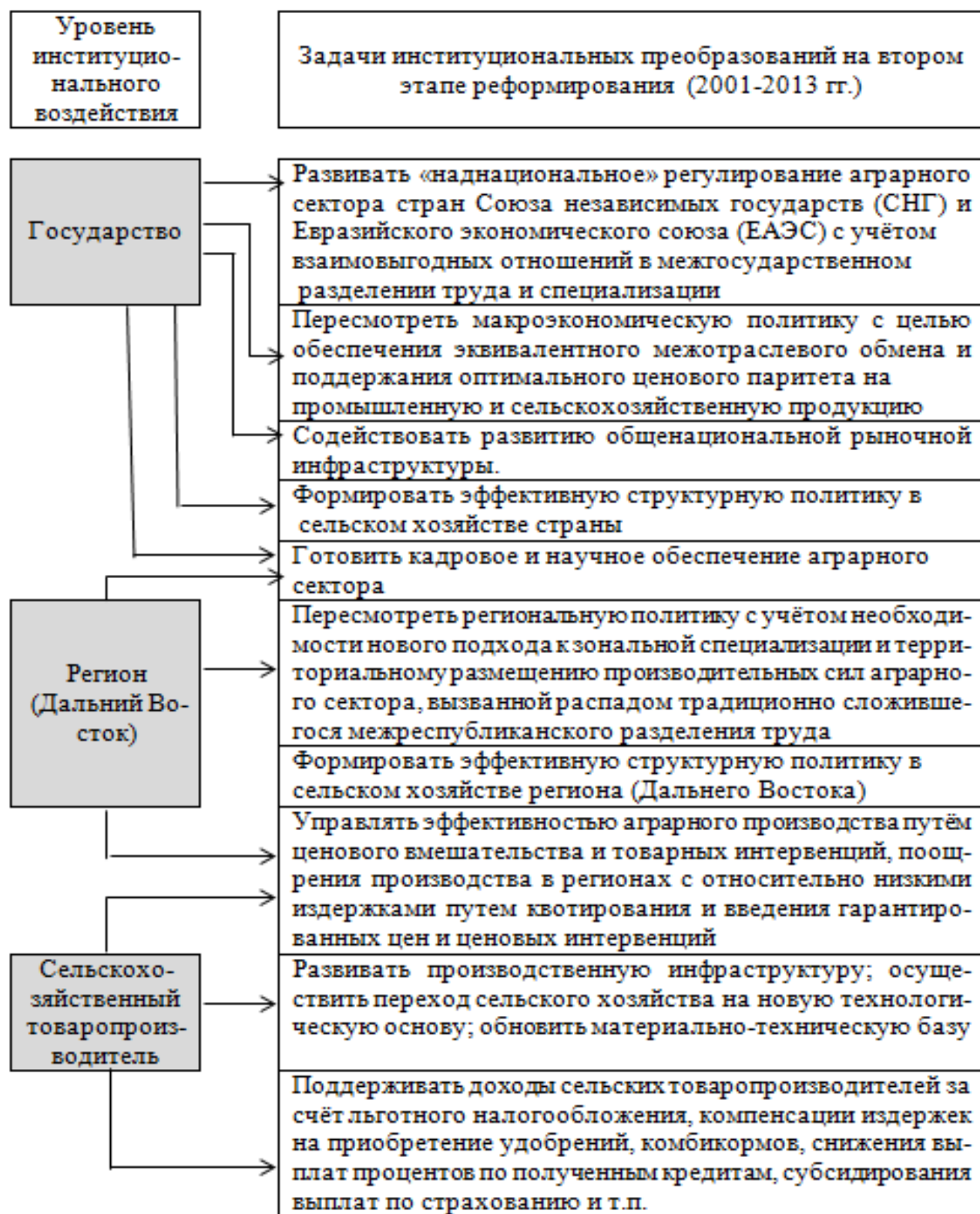

Рисунок 40 – Задачи институциональных преобразований сельского хозяйства в период реформирования (2001–2013 гг.).

Источник: составлено автором.

Третий этап (2014 г. по настоящее время) – ускоренное импортозамещение (III тип).

С 2014 г. экономика Дальнего Востока России, её аграрный сектор «работают» в условиях экономических санкций против России: с 2014 г. – первая «волна», с 2022 г. и далее – ежегодные, все более масштабные санкционные «волны» [107, 461]. Поэтому на проблемы внутреннего происхождения накладываются внешние, действующие разнонаправленно, факторы – санкции, введённые отдельными странами Запада, и антисанкции. «Запущен» новый интеграционный процесс в рамках Евразийского экономического пространства (создание ЕАЭС, 2015 г.). Для устранения (корректировки) отрицательных структурных сдвигов первого и второго этапов Правительством РФ были приняты меры, ориентированные на улучшение социально-экономического развития Дальнего Востока, в том числе: создание территорий опережающего развития; предоставление земель сельскохозяйственного назначения в соответствии с «Законом о Дальневосточном гектаре», расширение мер по повышению рождаемости в рамках «Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года» и др. [173].

Соответственно трансформируются и приоритеты государственной структурной политики (Таблица К.2 Приложения К), которые, по нашему мнению, характеризуются рассинхронизованностью и отсутствием системности при формировании целевых ориентиров и принятии новых программных документов. А формирование аграрной структурной политики развития региональной экономической продовольственной системы Дальнего Востока России должно осуществляться с учетом сравнительной конкурентоспособности внерегиональных и зарубежных продовольственных рынков. Обусловлена такая позиция автора особенностями географического, геополитического расположения макрорегиона, а также природно-климатическими условиями.

На Рисунке 41 представлена концептуальная схема управления аграрной структурной политикой развития РЭПС, представляющая собой взаимосвязанную сеть из пяти ключевых блоков, каждый из которых играет важную роль в процессе принятия решений и реализации стратегических изменений.

Рисунок 41 – Концептуальная схема управления аграрной структурной политикой развития РЭПС.

Источник: составлено автором.

Первый блок, целеполагающий, определяет общие цели и задачи развития РЭПС, задавая вектор всей последующей деятельности. Эти цели (например, рост качественных показателей структурных сдвигов) формируют фундамент для последующих этапов.

Следующий за целеполагающим блоком – аналитический блок, который отвечает за сбор, обработку и анализ значительного массива данных, характеризующих текущее состояние региональной экономической продовольственной системы. Этот блок является своего рода «мозговым центром» системы, предоставляя исчерпывающую информацию для принятия обоснованных решений. Анализ данных позволяет выявить сильные и слабые

стороны существующей структуры, определить проблемные области и наметить пути их решения.

После аналитического блока следует прогнозный блок, в котором осуществляется разработка сценарных вариантов развития РЭПС на основе полученных аналитических данных. Здесь осуществляется имитация последствий различных управленческих решений; прогнозируются возможные риски и выявляются наиболее перспективные стратегии.

Управленческий блок, или блок оперативного управления, является центральным элементом системы управления аграрной структурной политикой развития РЭПС. В этом блоке осуществляется координирование действий заинтересованных сторон при возможности получения обратной связи и корректировке управленческих действий в соответствии с текущей ситуацией.

В блоке контроля, или контролирующем блоке, отслеживается достижение поставленных целей, выполняется мониторинг динамики ключевых показателей. Эта информация постоянно поступает в аналитический и прогнозный блоки, позволяя своевременно вносить коррективы в стратегию и адаптироваться к изменяющимся условиям. Таким образом, взаимодействие всех пяти блоков обеспечивает динамичный и адаптивный процесс правления развитием РЭПС.

Важным элементом концептуальной модели является система показателей оценки региональной экономической продовольственной системы (сегмент: «сельское хозяйство») (Таблица 29).

Представленная нами оценочная совокупность критериальных показателей РЭПС сформирована с помощью применения экспертного метода. Предложенная система показателей, в отличие от известных, дает возможность осуществить выбор рациональной структуры и осуществить управление структурной перестройкой с учетом более широкого спектра влияния реструктуризации на экономику региона, позволяет учитывать значительное число критериев и целевых установок. Согласно данной схеме, управленческая информация вышестоящей организации поступает в исполняющую систему управления нижестоящей организации (где, происходит

корректировка целевых установок), и, одновременно в блок контроля, в котором отслеживаются структурные преобразования.

Таблица 29 – Система критериев оценки РЭПС («сельское хозяйство»)

Критерий	Показатели
Результативность	Индекс роста ВРП (абсолютный и в расчете на душу населения). Индекс роста сельскохозяйственного производства. Соотношение средней заработной платы в сельском хозяйстве к средней зарплате в промышленности.
Инвестиционная привлекательность	Соотношение объема инвестиций в целом по региону и по отраслям сельского хозяйства.
Структурная гибкость	Соответствие состава отраслей сельского хозяйства приоритетам аграрной политики и задачам социально-экономического развития региона.
Инновационность	Количество инновационных рабочих мест всего и по отраслям сельского хозяйства, созданных в процессе структурных преобразований.
Конкурентоспособность	Индекс роста конкурентоспособности сегментов РЭПС.
Импортозависимость	Доля полных затрат импорта в совокупном объеме стоимости сельскохозяйственной продукции.
Сбалансированность по соотношению крупных, средних и малых предприятий	Доля крупных (средних, малых) предприятий в структуре аграрных товаропроизводителей.
Способность производить аграрную продукцию с высокой добавленной стоимостью	Удельный вес аграрной продукции с высокой добавленной стоимостью в общем объеме сельскохозяйственной продукции РЭПС.

Источник: составлено автором.

На основании изучения теоретико-методологического материала, результаты которого представлены в диссертационном исследовании, а также анализа фактологических и эмпирических данных по проблематике продовольственной обеспеченности и структурных изменений в региональных экономических системах, автором построена модель аграрной структурной политики развития РЭПС (Рисунок 42).

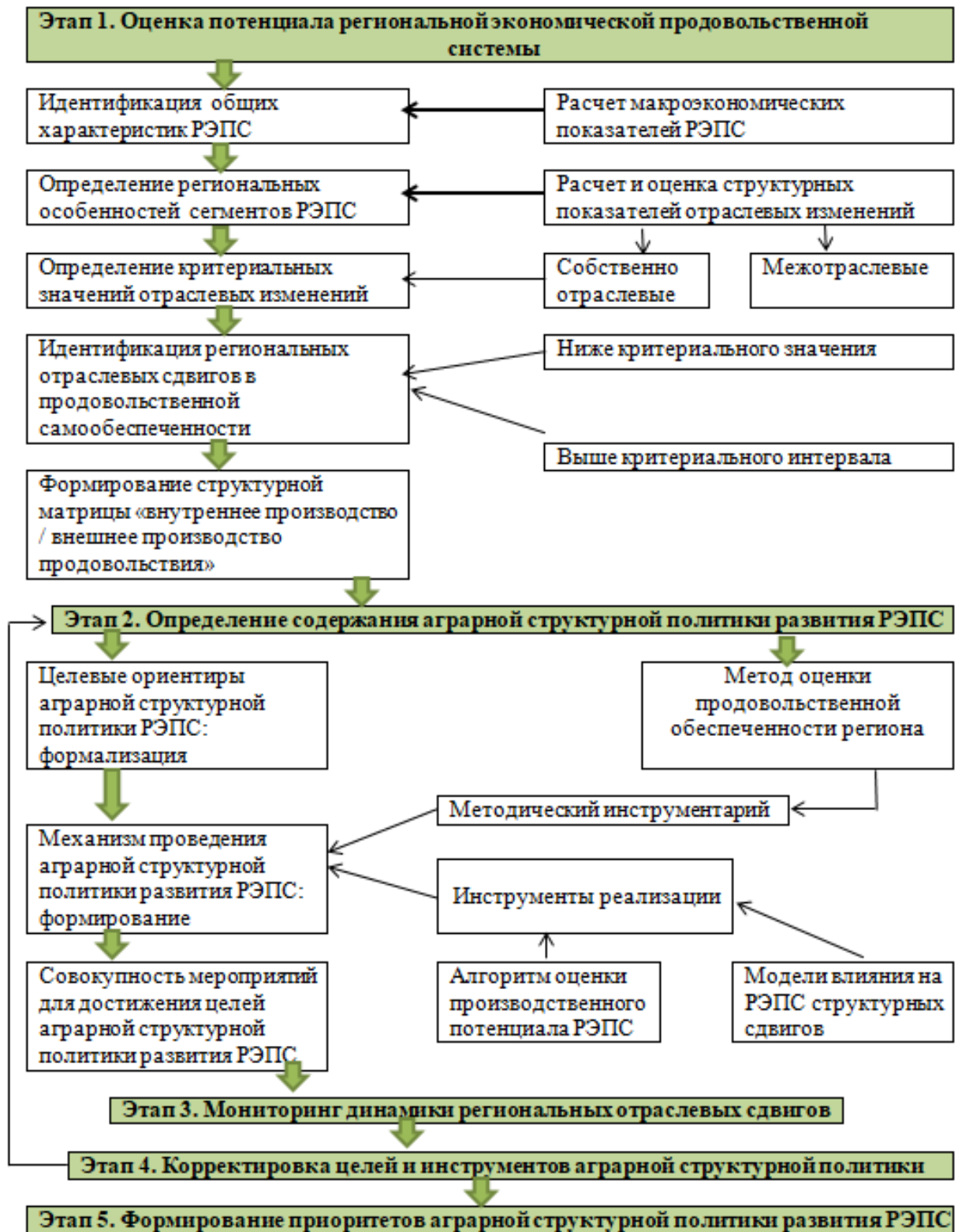

Рисунок 42 – Модель аграрной структурной политики развития РЭПС.

Источник: составлено автором.

Первое: анализ исходного состояния потенциала региональной экономической продовольственной системы (Этап 1). На данном шаге выполняется:

1. Идентификация характеристик РЭПС посредством оценки макроэкономических показателей региона (ВРП, материальная оснащенность, производительность труда), отраслевой структуры, уровня развития инфраструктуры, наличия человеческого капитала. Особое внимание уделяется продовольственной обеспеченности и производственному базису РЭПС (сельскому и рыбному хозяйству) и перерабатывающей пищевой промышленности.

2. Определение региональных особенностей в сегментах РЭПС (оценка уровня самообеспеченности, импорта и экспорта продовольствия, цен на продукты и пр.). Также здесь выполняется анализ наличия и качества продовольственных запасов и исследование существующих институциональных механизмов в сфере обеспечения продовольствием.

3. Определение критериального интервала отраслевых изменений – выполняется с дифференциацией по критерию «собственно отраслевые / межотраслевые».

4. Идентификация отраслевых сдвигов продовольственной самообеспеченности региона («ниже / выше критериального интервала (показателя)»).

5. Формирование структурной матрицы «внутреннее производство / внешнее производство продовольствия».

Представленная автором настоящего диссертационного исследования Модель аграрной структурной политики развития региональной экономической продовольственной системы содержит структурно выстроенные взаимосвязанные блоки, отражающие многоаспектный характер структурной политики развития РЭПС.

Второе: *определение содержания структурной политики развития РЭПС* (Этап 2):

- *Целевые ориентиры структурной политики РЭПС: формализация;*
- *Механизм проведения структурной политики развития РЭПС:*

- инвестиционная политика – определение источников финансирования развития РЭПС;
- инновационная политика – стимулирование внедрения инновационных технологий в сельское хозяйство и пищевую промышленность, поддержка научно-исследовательских работ, создание инновационных инфраструктур;
- Инфраструктурная политика – развитие транспортной, энергетической и информационной инфраструктуры, создание благоприятной среды для бизнеса в сельской местности;
- Регуляторная политика – совершенствование нормативно-правовой базы, регулирующей структурную политику;
  - *Совокупность мероприятий для достижения целей структурной политики развития РЭПС: формирование* – применение алгоритм оценки производственного потенциала РЭПС, моделей влияния на РЭПС структурных сдвигов.

Третье: *мониторинг динамики и характера отраслевых сдвигов РЭПС* (Этап 3). Создание системы сбора и анализа данных о характере структурных сдвигов (позитивные, негативные, направленность, интенсивность, коэффициент правдоподобия); отслеживание их динамики; наличие механизма обратной связи.

Четвертое: *Корректировка целей и инструментов структурной политики развития РЭПС* (Этап 4). Предполагает формирование стратегических целей: определение желаемого состояния РЭПС в среднесрочной и долгосрочной перспективе (повышение уровня продовольственной самообеспеченности, увеличение объемов производства определенных видов продукции, повышение конкурентоспособности региональных производителей).

Пятое: *Формирование приоритетов структурной политики* (Этап 5) – определение приоритетных секторов производственного базиса и направлений развития РЭПС, с учетом специфики региона и имеющихся ресурсов, а также межрегионального и межгосударственного взаимодействия.

Концептуальная модель позволяет моделировать различные сценарии развития РЭПС в зависимости от изменения внешних и внутренних факторов, оценивать эффективность мер структурной политики и разрабатывать рекомендации по обеспечению продовольственной обеспеченности региона.

Структурная политика реализуется на различных уровнях управления, приобретая характерные черты и решая определенные соответствующим субъектом управления задачи. При этом взаимодействие уровней управления призвано обеспечить эффективное функционирование РЭПС и достижение стратегических целей в продовольственной обеспеченности региона.

В этой связи автором настоящего диссертационного исследования предложены стратегические направления формирования и реализации аграрной структурной политики развития РЭПС с дифференциацией по уровням управления (федеральном (Рисунок 43), региональном (Рисунок 44), муниципальном (Рисунок 45)), с «разбивкой» по определяющим для ее развития блокам:

- «целевой» блок, в котором представлены стратегические целевые установки аграрной политики развития РЭПС, позволяющие определить генеральную направленность структурных преобразований государства, региона, муниципального образования;
- «рекомендательный» блок, где даны рекомендации по достижению стратегических целевых установок, адресованные (согласно используемой нами логике) также определенному субъекту управления;
- «результативный» блок, дающий возможность определить возможные результаты / эффекты (экономические, социальные и др.) от предложенных в предыдущем блоке рекомендаций;
- «методический» блок, в котором представлен авторский инструментарий, предназначенный для оценивания и формирования результативных показателей.

Проведенное диссертационное исследование, изучение теоретических и методологических оснований формирования и развития структурной политики

позволило автору выделить стратегические целевые установки для каждого уровня субъектного управления.

На федеральном уровне в качестве «магистральных» направлений предлагается создание макроэкономических условий по стимулированию развития региональных экономических продовольственных систем, совершенствование нормативно-правового регулирования аграрной структурной политики развития РЭПС и формирование рациональных внутрисекторальных пропорций в продовольственных системах.

Рисунок 43 – Стратегические направления формирования и реализации аграрной структурной политики развития РЭПС: федеральный уровень.

Источник: составлено автором.

Рисунок 44 – Стратегические направления формирования и реализации аграрной структурной политики развития РЭПС: региональный уровень.

Источник: составлено автором.

На региональном уровне в дополнение к федеральной «повестке» необходимо создать условия для устойчивого развития РЭПС; сформировать на основе анализа существующей производственной структуры региональной экономической продовольственной системы рациональную производственную структуру; создать условия для достижения высокого уровня продовольственной обеспеченности региона при реализации его социально-экономических интересов;

На муниципальном уровне «распаковывается» региональная тематика через требование устойчивого социально-экономического развития сельских

территорий, формирование заданного уровня продовольственной обеспеченности, повышение эффективности сельскохозяйственного производства, развитие инфраструктуры и логистики.

Рисунок 45 – Стратегические направления формирования и реализации аграрной структурной политики развития РЭПС: муниципальный уровень.

Источник: составлено автором.

Для достижения представленных целевых установок нами рекомендованы мероприятия, реализация которых в соответствии с «зоной ответственности» субъекта управления позволит получить определённый социально-экономический эффект:

– ввиду важности продовольственного обеспечения населения страны и регионов необходимо на федеральном уровне управления разработать

Федеральную целевую программу «Развитие региональных экономических продовольственных систем»; принять базовый Федеральный закон «О структурной политике развития РЭПС» и связанные подзаконные акты; актуализировать механизм регулирования рынка продовольствия в логике «государство / рыночные механизмы / частный бизнес»; разработать комплекс государственных мер по формированию оптимальных пропорций в РЭПС;

– на региональном уровне рекомендуем разработать региональную программу развития РЭПС, возможно, как подпрограмму соответствующей ФЦП; актуализировать состав приоритетных направлений аграрной структурной политики развития РЭПС; разработать проект формирования рациональной структуры продовольственной обеспеченности РЭПС по каналам поступления продовольствия «внутрирегиональное / межрегиональное / межстрановое»; разработать проект развития многоукладной аграрной экономики с акцентом на социально значимых отраслях РЭПС;

– муниципальным органам управления следует провести диверсификацию производства, осуществлять мониторинг местного рынка продовольствия, оптимизировать структуру посевных площадей и разработать проект по развитию информационных технологий на местном уровне.

Охарактеризуем «реперные» точки, фиксирующие результат и социально-экономический эффект от реализации предложенных мероприятий по совершенствованию аграрной структурной политики развития РЭПС.

Во-первых, осуществление представленных мероприятий позволит уменьшить угрозы продовольственной безопасности государства (в том числе продовольственной обеспеченности региона) и повысить ее уровень при увеличении показателей продовольственной самообеспеченности региона.

Во-вторых, реализация предложений «рекомендательного» блока будет содействовать стабилизации цен на продовольственные товары и адаптации РЭПС к структурным изменениям при формировании рациональной структуры продовольственной обеспеченности на региональном уровне. Важным эффектом на муниципальном уровне станет создание независимой от внешних факторов

устойчивой системы производства продовольствия при стабильно-приемлемом для населения территории уровне цен на продовольствие.

И, в-третьих, в качестве возможного эффекта от предлагаемых мероприятий считаем корректным выделить возможность увеличения вклада региона в формирование продовольственных ресурсов страны при развитии результативной многоукладной производственной структуры РЭПС и увеличении «импортозащищённости» внутреннего рынка.

Обобщающие выводы.

В условиях нарастающих геополитических угроз и вызовов, с которыми сталкивается Российская Федерация, стратегическое управление развитием региональных экономических продовольственных систем приобретает исключительную важность. Аграрная структурная политика в этой сфере становится не просто инструментом, а драйвером экономического роста, способным эффективно воздействовать на все экономические субъекты: государство, предприятия различных масштабов и домохозяйства.

Для успешного управления структурными преобразованиями в РЭПС необходимо определить целевые ориентиры. Первый из них – формирование рациональной структуры отраслей производственного базиса, предполагающий не только определение оптимального видового состава производимых продуктов питания, но и тщательное планирование объемов производства с учетом существующих мощностей и спроса. Особое внимание следует уделить сбалансированному развитию предприятий различных масштабов, обеспечивая условия для конкуренции и инновационного роста как крупных холдингов, так и малых и средних предприятий, являющихся основой экономического многообразия и устойчивости.

Второй ориентир – достижение такой структуры продовольственного рынка, которая гарантирует приемлемый уровень продовольственной обеспеченности макрорегиона. Это особенно актуально в свете современных геополитических реалий, характеризующихся изменениями в товарной и ценовой структуре импорта продовольствия из ряда зарубежных стран.

Третий целевой ориентир направлен на снижение зависимости отечественной экономики от импорта и колебаний цен на углеводороды на мировых рынках. Обусловлен данный ориентир наличием существенных барьеров со стороны США и стран Европейского союза для экспорта российской нефти, газа и других энергоресурсов, составляющих в настоящее время основу государственного бюджета Российской Федерации. Поэтому необходимо диверсифицировать экономику страны, замещая значительный углеводородный сектор ВВП продукцией с высокой добавленной стоимостью, в том числе и за счет продовольственных товаров.

Важное место в этом процессе должны занять региональные экономические продовольственные системы, в рамках которых собственно формируется и реализуется региональный уровень аграрной структурной политики развития РЭПС.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенного диссертационного исследования показали, что формирование и имплементация аграрной структурной политики, ориентированной на развитие региональных экономических продовольственных систем, выступает в качестве необходимого условия для обеспечения продовольственной безопасности Дальнего Востока – макрорегиона, обладающего значительным геополитическим весом для Российской Федерации.

Исследование эволюции подходов государственных органов к структурной политике на разных этапах развития российской экономики (начиная с советского времени и до наших дней), проведенное с использованием предложенной автором периодизации, показало, что применительно к макрорегиону структурная политика приобретает специфические особенности. Это связано с необходимостью решения важных геостратегических задач в условиях неблагоприятной демографической ситуации в регионе. Следовательно, учет региональных особенностей Дальнего Востока становится неотъемлемой частью методов воздействия структурной политики на экономические преобразования.

Вводимое автором в рамках нового методологического подхода к формированию структурной политики отдельное направление структурной политики – аграрная структурная политика развития региональной экономической продовольственной системы, – позволит эффективно решать структурные проблемы в обеспечении продовольствием региона при формировании условий для повышения его конкурентоспособности и улучшения качества жизни населения региона.

Для выявления причин сложившейся нерациональной структурной организации экономики страны и ее регионов, автор диссертации проводит ретроспективный анализ, в рамках которого предлагается авторская периодизация структурных изменений, основанная на институциональных преобразованиях каждого периода. Особое внимание уделяется сельскому хозяйству, как базовой отрасли, обеспечивающей продовольственную безопасность страны, что делает

его ключевым элементом в характеристике выделенных этапов. Построенная автором совокупность эконометрических моделей также подтверждает, что эффективными контрагентами земельных отношений в современных условиях являются сельскохозяйственные предприятия различных организационно-правовых форм.

Но, признавая наличие позитивных изменений в основном сегменте (сельском хозяйстве) производственного базиса РЭПС Дальнего Востока, обусловленных в том числе реализацией политики импортозамещения, автор считает необходимым отметить, что в целом ситуация в отрасли остается сложной, характеризующейся низкими величинами фондоотдачи и производительности труда, все еще значительной зависимостью сельскохозяйственного производства от зарубежных технологий, дефицитом квалифицированных кадров, критической зависимостью макрорегиона по ряду важнейших продовольственных групп от внешних поставок.

В числе ожидаемых положительных эффектов от формирования структурной политики развития региональной продовольственной системы Дальнего Востока мы выделяем потенциальный рост населения макрорегиона, в том числе на малозаселенных приграничных территориях, приведение базовых показателей социально-экономического развития субъектов Российской Федерации составе Дальнего Востока до уровня выше среднероссийского, увеличение доли высокотехнологичных производств в структуре региональных продовольственных систем.

Итак, совокупность полученных в работе теоретико-методологических положений и методического обеспечения формирования аграрной структурной политики развития региональных экономических продовольственных систем позволила решить комплекс научно-прикладных задач и получить оригинальные результаты исследования:

1. Дополнен разработанный к настоящему времени теоретико-методологический подход к формированию аграрной структурной политики, в том числе: предложены авторские определения новых экономических категорий

(региональная экономическая продовольственная система и потенциал региональной экономической продовольственной системы); обоснована необходимость введения аграрной структурной политики развития РЭПС, разработан алгоритм ее формирования.

2. Разработана методика оценки производственного потенциала РЭПС (сегмент: сельское хозяйство), применение которой позволит определять группу аграрных товаропроизводителей, обладающую наибольшим производственным потенциалом, а также формировать рекомендации по развитию производственного потенциала сельского хозяйства региона.

3. Уточнена и дополнена система индикаторов критериальной оценки продовольственной самообеспеченности РЭПС.

4. Установлено влияние на РЭПС структурных сдвигов в сельском хозяйстве, в частности: обоснована совокупность структурных факторов, тесно связанных с темпом роста производства продукции сельского хозяйства; доказана его существенная зависимость структурных показателей (интенсивности и направленности структурных сдвигов); предложена эконометрическая модель влияния на РЭПС структурных сдвигов; оценены структурные факторы по степени их влияния на производственный базис РЭПС.

5. Разработаны эконометрические модели структурных сдвигов в совокупности товаропроизводителей РЭПС (модели положительно направленных сдвигов и модели общих структурных сдвигов в совокупности товаропроизводителей РЭПС), доказана их эффективность и показана возможность применения при формировании приоритетов аграрной структурной политики.

6. Разработана концептуальная модель формирования аграрной структурной политики развития региональной экономической продовольственной системы, включающая концептуальную схему управления аграрной структурной политикой развития РЭПС; систему показателей оценки РЭПС; модель аграрной структурной политики развития РЭПС.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуразаков, О.М. Разработка стратегий финансового обеспечения продовольственной безопасности в условиях санкций / О.М Абдуразаков, В.Н. Лариев, Ю.П. Мороз. – Текст : непосредственный // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2024. – № 8. – С. 102–109.
2. Абузярова, М.И. Методологические основы структурных сдвигов в экономике / М.И. Абузярова. – Текст : непосредственный // Экономические науки. – 2011. – № 4 (77). – С. 181–185.
3. Авкопашвили, П.Т. Системный подход при разработке структурной политики / П.Т. Авкопашвили. – Текст : непосредственный // Проблемы современной экономики: материалы I Междунар. науч. конф. – Челябинск : Два комсомольца, 2011. – С. 30–32.
4. Аганбегян, А.Г. Как России выйти из удручающей социально-экономической ситуации и развиваться опережающими темпами? / А.Г. Аганбегян. – Текст : непосредственный // Экономическое возрождение России. – 2015. – №3(45). – С. 21–24.
5. Аганбегян, А.Г. Модернизация реального сектора экономики: пространственный аспект / А.Г. Аганбегян, Н.Н. Михеева, Г.Г. Фетисов. – Текст : непосредственный // Регион: экономика и социология. – 2012. – № 4. – С. 7–44.
6. Аганбегян, А.Г. Размышления о финансовом форсаже (по мотивам книги «Финансовые стратегии модернизации экономики: мировая практика») / А.Г. Аганбегян. – Текст : непосредственный // Деньги и кредит. – 2015. – № 8. – С. 5–10.
7. Агафоненко, О.Ю. Анализ региональных экономических систем как современной формы организации экономики / О.Ю. Агафоненко, Ю.Л. Петрушевский. – Текст : непосредственный // Сборник научных работ серии «Финансы, учет, аудит». – 2021. – № 1(21). – С. 6–14.
8. Алаев, Э.Б. Социально-экономическая география / Э.Б. Алаев. – М.: Мысль, 1983. – 350 с. – Текст : непосредственный.

9. Аландаров, Р.А. Проблемы и перспективы финансового обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации / Р.А. Аландаров, К.О. Тархановский. – Текст : непосредственный // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2015. – № 40 (325). – С. 26–34.

10. Алексеева, Н.А. Ресурсный потенциал стран мира в противостоянии угрозам продовольственной безопасности / Н.А. Алексеева, З.А. Миронова. – Текст : непосредственный // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2023. – № 18-1. – С. 9–13.

11. Алешина, О.Г. Неоиндустриальный структурный сдвиг в системе воздействия экономических шоков на воспроизводство / О.Г. Алешина, С.А. Жиронкин. – Кемерово : Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева, 2024. – 156 с. – Текст : непосредственный.

12. Аликин, А.А. Мягкая сила и нормативная сила Европы: генеалогические истоки двух концепций мягкого влияния в международных отношениях / А.А. Аликин. – Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2017. – № 4. – С. 152–164.

13. Алтухов, А.И. Вступление России в ВТО и проблемы развития ее сельского хозяйства / А.И. Алтухов. – Текст : непосредственный // Агропродовольственная политика и вступление России в ВТО : сб. ст. : Никоновские чтения 2003. – М. : РАСХН, 2003. – С. 30 – 31.

14. Алтухов, А.И. Обеспечение регионов страны продовольствием на основе территориального разделения труда в АПК / А.И. Алтухов, Д.Ф. Вермель, Л.П. Силаева [и др.]. – Москва : Всероссийский НИИ экономики сельского хозяйства, 2005. – 120 с. – Текст : непосредственный.

15. Алтухов, А.И. Основные механизмы обеспечения национальной продовольственной безопасности / А.И. Алтухов. – Текст : непосредственный // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2023. – № 9. – С. 2–9.

16. Алтухов, А.И. Парадигма продовольственной безопасности России: монография / А.И. Алтухов. – Москва : Фонд развития и поддержки молодёжи «Кадровый резерв», 2019. – 685 с. – Текст : непосредственный.

17. Алтухов, А.И. Продовольственная самообеспеченность страны: состояние и перспективы / А.И. Алтухов, Д.Ф. Вермель. – Текст : непосредственный // АПК: экономика, управление. – 1997. – № 11. – С. 18–25.

18. Алтухов, А.И. Пространственное развитие сельского хозяйства и сельских территорий страны – основа обеспечения национальной продовольственной безопасности / А.И. Алтухов. – Текст : непосредственный // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. – 2021. – № 3. – С. 86–93.

19. Алтухов, А.И. Развитие продовольственного рынка России. – Ч. 1 / А.И. Алтухов, Г.И. Макин, М.А. Бабков. – М. : Агри-Пресс, 1999. – 336 с. – Текст : непосредственный.

20. Анищенко, А.Н. Проблемы реализации Доктрины продовольственной безопасности России / А.Н. Анищенко, А.А. Шутьков. – Текст : непосредственный // Продовольственная политика и безопасность. – 2021. – Т. 8. – № 1. – С. 9–22.

21. Анищенко, А.Н. Совершенствование системы материально-технического обеспечения агропромышленного комплекса для более полного использования его производственного потенциала и возможности обеспечения продовольственной безопасности страны в целом / А.Н. Анищенко, Н.В. Лясников, Ю.А. Романова. – Текст : непосредственный // Продовольственная политика и безопасность. – 2021. – Т. 8, № 4 – С. 345–360.

22. Антамошкина, Е.Н. Методологический подход к анализу продовольственной обеспеченности / Е.Н. Антамошкина. – Текст : непосредственный // Современные тенденции в научном обеспечении агропромышленного комплекса: коллективная монография. – Иваново: «Верхневолжский федеральный аграрный научный центр», 2019. – С. 351–355.

23. Антонюк, В.С. Теоретические, методологические и методические основы структурной политики субъектов РФ / В.С. Антонюк, Э.Р. Вансович. – Текст : непосредственный // Экономика региона. – 2013. – № 1 (33). – С. 20–32.

24. Аралкин, Н.А. Роль государства в развитии агропромышленного комплекса / Н.А. Аралкин, М.А. Шох. – Текст : непосредственный // Современные подходы к трансформации концепций государственного регулирования и управления в социально-экономических системах. – 2022. – С. 27–31.

25. Арцишевский, Л. Проблемы структурной перестройки экономики / Л. Арцишевский, Б. Райзберг. – Текст : непосредственный // Экономист. – 2000. – №1. – С. 47–52.

26. Асаул, А.Н. Современные парадигмы региональной экономики / А.Н. Асаул, Г.Ф. Балакина, М.К. Соян. – Текст : непосредственный // Проблемы современной экономики. – 2013. – № 4 (48). – С. 257–260.

27. Асаул, А.Н. Этногеографические факторы глобализации и регионализации мира / А.Н. Асаул, М.А. Джаман, П.В. Шуканов. – Текст : непосредственный // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2011. – №7. – С. 131–132.

28. Асеева, Т.А. Сельское хозяйство Дальнего Востока: условия, проблемы и потенциал развития / Т.А. Асеева, Е.П. Киселев, Г.И. Сухомиров. – Хабаровск : Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН, 2020. – 162 с. – Текст : непосредственный.

29. Аткинсон, Э.Б. Лекции по экономической теории государственного сектора / Э.Б. Аткинсон, Дж. Стиглиц. – М. : Аспект Пресс, 1995. – 832 с. – Текст : непосредственный.

30. Ахметжанова, Л.Р. Теоретические основы продовольственной безопасности регионов в аспекте экономической безопасности России / Л.Р. Ахметжанова. – Текст : непосредственный // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2020. – Т. 5, № 10 (106) – С. 7–14.

31. Баранов, А.О. Опыт построения и использования межотраслевых региональных моделей эколого-экономического развития / А.О. Баранов, В.Н.

Павлов, Т.О. Тагаева, Ю.М. Слепенкова. – Текст : непосредственный // Мир экономики и управления. – 2020. – Т. 20, № 3. – С. 27–47.

32. Барбаков, О.М. Регион как объект управления / О.М. Бабаков. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2002. – № 7. – С. 96–100.

33. Барзилов, С.И. Регион как политическое пространство / С.И. Барзилов, А.Г. Чернышов. – Текст : непосредственный // Свободная мысль. – 1997. – № 2. – С. 3–13.

34. Баринова, Н.В. Научное наследие Л. И. Абалкина: связь времён / Н.В. Баринова. – Текст : электронный // Иннов: электронный научный журнал. – 2017. – № 3 (32). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnoe-nasledie-l-i-abalkina-svyaz-vremyon> (дата обращения: 30.02.2022).

35. Березинская, О.Б. Принципы формирования и проведения структурной политики: мировой опыт и его применение в России : монография / О.Б. Березинская. – Москва: Издательство Дело, 2014. – 52 с. – Текст : непосредственный

36. Бессонова, Е.А. Методические подходы к оценке ресурсного потенциала региона / Е.А. Бессонова, О.Ю. Мерещенко. – Текст : непосредственный // Вопросы региональной экономики. – 2016. – Т. 29. – № 4. – С. 17.

37. Бондарев, Н.С. Институциональный подход к обеспечению продовольственной безопасности: монография / Н.С. Бондарев, Г.С. Бондарева. – Кемерово : Кузбасская ГСХА, 2020. – 311 с. – Текст : непосредственный.

38. Бондарева, Г.С. Продовольственное обеспечение населения: понятие, сущность и структура / Г.С. Бондарева. – Текст : непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – № 3-1(55). – С. 235–238.

39. Бородин, А.И. Региональные экономические системы и их устойчивость / А.И. Бородин, Н.Н. Киселева. – Текст : непосредственный // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2011. – № 4. – С. 67–73.

40. Брюшкова, С.Л. Формирование и развитие понятийно-терминологической системы «регион» в комплексе экономическо-экологически устойчивого развития / С.Л. Брюшкова. – Текст : электронный. – URL: <http://www.ecologylife.ru> (дата обращения: 11.07.2024).

41. Бугаев, В.К. Системные свойства региона как объекта управления / В.К. Бугаев. – Текст : непосредственный // Регионология. – 2008. – № 2. – С. 8–16.

42. Буздалов, И.Н. Интенсификация сельскохозяйственного производства: монография / И.Н. Буздалов. – Текст : электронный. – М. : Экономиздат, 1972. – 752 с. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27622365> (дата обращения: 20.11.2022).

43. Буквич, Р.М. Неоклассическая экономическая теория и экономическая действительность / Р.М. Буквич. – Текст : непосредственный // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2015. – Т. 1, № 7. – С. 132–138.

44. Буклемишев, О.В. «Структурная трансформация» российской экономики и экономическая политика / О.В. Буклемишев. – Текст : непосредственный // Проблемы прогнозирования. – 2023. – № 4(199). – С. 42–53.

45. Буров, М.П. Государственное регулирование национальной экономики: современные парадигмы и механизмы развития российских регионов / М.П. Буров. – М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2023. – 482 с. – Текст : непосредственный

46. Буров, М.П. Продовольственная безопасность и концептуальные подходы по совершенствованию аграрной политики и государственного управления экономикой страны / М.П. Буров. – Текст : непосредственный // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2014. – № 6. – С. 68–71.

47. Бухвальд, Е.М. Пространственные факторы формирования инновационной экономики в России / Е.М. Бухвальд. – Текст : непосредственный // Федерализм. – 2010. – № 2. – С. 55–68.

48. Валентей, С.Д. Тренды развития региональных экономик в России / С.Д. Валентей, А.Р. Бахтизин, С.В. Борисова [и др.]. – Текст : непосредственный // Федерализм. – 2022. – Т. 27, № 2 (106). – С. 177–221.

49. Валентей, С.Д. Тренды развития региональных экономик до и после кризиса / С.Д. Валентей, А.Р. Бахтизин, А.В. Кольчугина. – Текст : непосредственный // Федерализм. – 2016. – № 2 (82). – С. 153–176.

50. Василенко, В.Н. Конкурентоспособность пространственного развития экономики регионов (вопросы теории и практики) / В.Н. Василенко, Д.В. Василенко. – Текст : непосредственный // Сборник научных работ серии «Экономика». – 2022. – № 28. – С. 5–14.

51. Василенко, Д.В. Некоторые приемы диагностики функционирования региональной экономической системы / Д.В. Василенко. – Текст : непосредственный // Вестник Института экономических исследований. – 2016. – № 1 (1). – С. 64–70.

52. Василенко, Д.В. Управление развитием региона: программный подход / Д.В. Василенко. – Текст : непосредственный // Менеджер. – 2022. – № 1 (99). – С. 38–46.

53. Вертакова, Ю.В. Использование кластерного подхода в реализации структурной политики / Ю.В. Вертакова, О.С. Прокопенко. – Текст : непосредственный // Вестник Академии знаний – 2019. – № 3 (32). – С. 61–68.

54. Власов, В.А. Понятие и соотношение категорий «продовольственное обеспечение» и «продовольственная безопасность»: отечественный опыт / В.А. Власов. – Текст : непосредственный // Социально-экономический и гуманитарный журнал. – 2018. – № 4 (10). – С. 3–11.

55. Волкова, А.Л. Принципы, факторы и типы структурной трансформации экономики в свете воспроизводства человеческого капитала / А.Л. Волков. – Текст : непосредственный // Экономика и управление инновациями. – 2022. – № 4 (23). – С. 4–17.

56. Волошенко, К.Ю. Анализ продовольственной безопасности региона / К.Ю. Волошенко. – Текст : непосредственный // Вызовы и перспективы развития Калининградской области: геополитика и геоэкономика. – Калининград : Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2021. – С. 135–142.

57. Ворожейкина, Т.М. Риски и угрозы продовольственной безопасности России: монография / Т.М. Ворожейкина. – М. : НОУ ВПО МИПП, 2012. – 296 с. – Текст : непосредственный.

58. Воронин, Б.А. Организационно-правовые аспекты обеспечения продовольственной безопасности в субъектах Российской Федерации (на примере Свердловской области) / Б.А. Воронин, Я.В. Воронина. – Текст : непосредственный // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 1 (217). – С. 22–25.

59. Воронов, А.С. Пространственный подход в развитии социально-экономических систем регионов / А.С. Воронов. – Текст : непосредственный // Государственное управление. Электронный вестник. – 2019. – № 75. – С. 249–267.

60. Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2006 года / 2016 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/vshp/2016>.

61. Гайнанов, Д.А. Методологический подход и инструментарий обеспечения сбалансированного пространственного развития региона / Д.А. Гайнанов, Р.Ф. Гатауллин, А.Г. Атаева. – Текст : непосредственный // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2021. – Т. 14. – № 2. – С. 75–91.

62. Гельвановский, М.И. Конкурентоспособность: микро-, мезо- и макроуровни. Вопросы методологии / М.И. Гельвановский. – Текст : непосредственный // Высшее образование в России. – 2006. – № 10. – С. 32–40.

63. Гельвановский, М.И. Повышение конкурентоспособности российской экономики в условиях глобализации: концептуальные и правовые проблемы / М.И. Гельвановский. – Текст : непосредственный // Современная конкуренция. – 2007. – №1(1). – С. 50–57.

64. Герасимов, Б.И. Организационно-экономический механизм формирования региональных программ социально-экономического развития (на примере Тамбовской области): монография / Б.И. Герасимов, Л.С. Тишина, Н.В. Зенчева. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. унта, 2002. – 148 с. – Текст : непосредственный.

65. Гетманов, А.А. Проблемы и перспективы развития вертикальной интеграции в агропромышленном комплексе России / А.А. Гетманов, И.А. Маюрина. – Текст : непосредственный // Экономика и управление в современных условиях: проблемы и перспективы. – 2018. – С. 42–48.

66. Гизатуллин, Х.Н. Проблемы управления структурными преобразованиями региональной экономики / Х.Н. Гизатуллин, Ф.Н. Гарипов, З.Ф. Гарипова. – Текст : непосредственный // Экономика региона. – 2018. – Т. 14, вып. 1. – С. 43–52.

67. Глазьев, С.Ю. Оценка влияния санкций и других кризисных факторов на состояние российской экономики / С.Ю. Глазьев, В.В. Архипова. – Текст : непосредственный // Российский экономический журнал. – 2018. – № 1. – С. 3–29.

68. Глазьев, С.Ю. Экономический рост России и структурная модернизация: проектный подход / С.Ю. Глазьев, О.С. Сухарев. – Текст : непосредственный // Российский экономический журнал. – 2024. – № 2. – С. 4–30.

69. Головин, Д.В. Кластерный подход как инструмент достижения экономической безопасности регионов российской Федерации / Д.В. Головин, К.В. Полтораки, Д.М. Горлов. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы международных отношений в условиях формирования мультиполярного мира: Сборник научных статей 10-й Международной научно-практической конференции. – Курск : Юго-Западный государственный университет, 2021. – С. 97–99.

70. Гончаренко, К.А. Влияние импортозамещения на состояние экономической доступности продовольствия в РФ / К.А. Гончаренко, Е.В. Печерица. – Текст : непосредственный // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2021. – № 1. – С. 71–77.

71. Гранберг, А.Г. Исследования многорегиональных экономических систем: этапы пути / А.Г. Гранберг. – Текст : непосредственный // Исследования многорегиональных экономических систем: опыт применения оптимизационных межрегиональных межотраслевых систем / ИЭОПП СО РАН. – Новосибирск, 2007. – С. 5–28.

72. Гранберг, А.Г. Моделирование пространственного развития экономики / А.Г. Гранберг. – Текст : непосредственный // Стратегическое планирование в регионах и городах России. – СПб., 2009. С. 32–34.

73. Гранберг, А.Г. Основы региональной экономики: и начала, и фундамент / А.Г. Гранберг. – Текст : непосредственный // ЭКО. – 2001. – № 9. – С. 183–185.

74. Гранберг, А.Г. Оптимизация территориальных пропорций народного хозяйства: монография / А.Г. Гранберг. – М. : Экономика, 1973. – 248 с. – Текст : электронный – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50314407> (дата обращения: 15.05.2022).

75. Гранберг, А.Г. Путь в XXI век / А.Г. Гранберг. – М., 1999. – 568 с. – Текст : непосредственный.

76. Грешонков, А.М. Теория и методология разработки инновационной стратегии обеспечения продовольственной безопасности / М.А. Грешонков; под ред. О.Г. Стукало. – Воронеж : ВГУИТ, 2022. – 300 с. – Текст : непосредственный.

77. Гринберг, Р.С. Структурная политика – безальтернативное средство модернизации российской экономики / Р.С. Гринберг. – Текст : непосредственный // Экономика региона. – 2007. – № 3(11). – С. 9–18.

78. Губайдуллина, В.И. Государственное регулирование агропромышленного производства в целях продовольственного обеспечения региона / В.И. Губайдуллина, В.К. Нусратуллин. – Текст : непосредственный. – Уфа : Изд-во БГАУ, 2007. – 178 с.

79. Губанов, С. Системный выбор России (к итогам 2006 г.) / С. Губанов. – Текст : непосредственный // Экономист. – 2007. – №4. – С. 3–22.

80. Гудкова, Е.В. Технологическая платформа Дальнего Востока России: сценарный вариант интеграции со странами Восточной Азии / Е.В. Гудкова. – Текст : непосредственный // Проблемы современной экономики. – 2017. – № 2(62). – С. 157–163.

81. Гундоричев, А.А. Роль таможенных органов РФ в обеспечении продовольственной безопасности / А.А. Гундоричев, А.О. Мосеев, Р.Р. [и

др.]. – Текст : непосредственный // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2019. – Т. 9. – № 10-1. – С. 235–242.

82. Гурский, В.Л. Роль согласования промышленных политик государств-членов интеграционного объединения в условиях глобализации / В.Л. Гурский. – Текст : непосредственный // Экономическая наука сегодня. – 2019. – № 9. – С. 225–239.

83. Гусманов, Р.У. Производственный потенциал и продовольственная безопасность страны / Р.У. Гусманов, С.С. Низамов. – Текст : непосредственный // Островские чтения. – 2021. – № 1. – С. 126–130.

84. Гусманов, Р.У. Производство качественной молочной продукции как фактор обеспечения продовольственной безопасности России / Р. У. Гусманов, Е. В. Стомба, Г. П. Бутко [и др.] – Текст : непосредственный // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. – 2024. – № 9(115). – С. 100–108.

85. Гуценская, Н.Д. Интегральная оценка конкурентоспособности региональной агропродовольственной системы / Н.Д. Гуценская, М.А. Сумарокова. – Текст : непосредственный // Приоритетные направления регионального развития: материалы Всероссийской (национальной) науч.-практ. конф. с международным участием. – Курган : Курганская государственная сельскохозяйственная академия им. Т.С. Мальцева, 2020. – С. 73–80.

86. Дегтерев, Д.А. Основные виды силы на международной арене: структурная, сила взаимозависимости, «жесткая» и «мягкая» / Д.А. Дегтерев. – Текст : непосредственный // Россия и мир: научный диалог. – 2024. – № 4. – С. 20–33.

87. Декларация Всемирного саммита по продовольственной безопасности. Принята на Всемирном саммите по продовольственной безопасности (Рим, 16–18 ноября 2009 года). – Текст : электронный – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summit2009_declaration.shtml (дата обращения: 15.04.2022).

88. Дементьев, В.Е. Технологический суверенитет и приоритеты локализации производства / В.Е. Дементьев. – Текст : непосредственный // Terra Economicus. – 2023. – Т. 21, № 1. – С. 6–18.

89. Дементьев, В.Е. Технологическое развитие и структурные изменения в экономике / В.Е. Дементьев. – Текст : непосредственный // AlterEconomics. – 2022. – Т. 19, № 1. – 2022. – С. 116–130.

90. Демченко, С.К. Институциональные основы структурных изменений в потреблении и накоплении в российской экономике / С.К. Демченк. – Текст : электронный // Проблемы современной экономики. – 2008. – №3 (27). – URL: <https://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=2080> (дата обращения: 15.04.2022).

91. Демченко, С.К. Структурные сдвиги и проблемы экономического роста национальной экономики / С.К. Демченко, М.А. Юдина. – Текст : непосредственный // Проблемы современной экономики. – 2014. – № 2(50). – С. 96-99.

92. Денисов, И.В. Влияние трансформации социально-экономических систем на изменение основ теории менеджмента: перспективные бизнес-модели / И.В. Денисов. – Текст : непосредственный // Экономика, предпринимательство и право. – 2022. – Т. 12, № 2. – С. 479–494.

93. Продовольственная безопасность, питание и устойчивое ведение сельского хозяйства /Департамент по экономическим и социальным вопросам. – Текст : электронный. – URL: <https://sdgs.un.org/ru/topics/food-security-and-nutrition-and-sustainable-agriculture> (дата обращения: 07.06.2023).

94. Джанчарова, Г.К. Обеспечение продовольственной безопасности государства и развитие экспортного потенциала аграрного сектора России / Г.К. Джанчарова, Р.Р. Мухаметзянов, Р.Р. Чекмарева [и др.]. – Текст : непосредственный // Московский экономический журнал. – 2022. – № 6. – С. 9–39.

95. Джигеров, З.А. Глобализация как фактор и условие экономического роста / З.А Джигеров. – Текст : непосредственный // Бизнес в законе. – 2011. – № 4. – С. 237–239.

96. Доктрина продовольственной безопасности : утверждена Указом Президента Российской Федерации от 21 января 2020 года N 20. – Текст :

электронный – URL: <https://docs.cntd.ru/document/564161398?marker=65A0IQ> (дата обращения: 18.07.2-24).

97. Донник, И.М. Продовольственная безопасность России в условиях новых вызовов и санкционного давления / И. М. Донник, О.А. Рущицкая. – Текст : непосредственный // Технологии безопасности жизнедеятельности. – 2023. – № 3. – С. 42–48.

98. Дорогов, Н. Обоснование выбора экономической стратегии региона / Н. Дорогов. – Текст : непосредственный // Проблемы теории и практики управления. – 1998. – № 3. – С. 36–40.

99. Доронина, С.А. Динамика структурных изменений обеспеченности средствами производства сельских товаропроизводителей Приволжского федерального округа / С.А. Доронина, М.М. Кислицкий, И.М. Гоголев. – Текст : непосредственный // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. – 2024. – № 6. – С. 143–152.

100. Доценко, Е.Ю. Структурная инерция как методологический инструмент исследования структурных сдвигов в экономике / Е.Ю. Доценко. – Текст : непосредственный // Экономика и управление инновациями. – 2019. – № 1. – С. 4–18.

101. Ермолаев, В.В. Ресурсный потенциал и функционирование локальных рынков приграничных регионов Дальнего Востока / В.В. Ермолаев, А.Е. Суглобов. – Текст : электронный // Russian journal of Management. – 2021. – Том 8, № 4. – URL: <https://riorpub.com/ru/nauka/article/41465/view#article-info> (дата обращения: 21.09.2023).

102. Ермолова, О.В. Оценка структурных преобразований в агропродовольственном комплексе России / О.В. Ермолова, Н.А. Яковенко, В.В. Кирсанов [и др.]. – Текст : непосредственный // Продовольственная политика и безопасность. – 2022. – Т. 9, № 1. – С. 49–66.

103. Ерохин, В.Л. Прямые зарубежные инвестиции Китая: эффекты для продовольственной безопасности / В.Л. Ерохин. – Текст : непосредственный // Маркетинг и логистика. – 2019. – № 3(23). – С. 34–50.

104. Жуйков, В.И. Факторы, обуславливающие изменение типов аграрных структур при систематизации сельских территорий Кировской области и Удмуртской Республики / В.И. Жуйков, Е.В. Софьина. – Текст : непосредственный // Экономика сельского хозяйства России. – 2021. – № 8. – С. 86–94.

105. Жуплей, И.В. Моделирование структурных сдвигов продовольственного комплекса в контексте построения системы планирования на мезоуровне / И.В. Жуплей. – Текст : непосредственный // Вестник ИНЖЭКОНа. Серия: Экономика. – 2012. – №1. – С. 182–187.

106. Жуплей, И.В. Оценка эффективности структурных сдвигов в сельском хозяйстве Дальневосточного региона Российской Федерации / И.В. Жуплей, Ю.Д. Шмидт. – Текст : непосредственный // Вестник Тихоокеанского государственного экономического университета. – 2011. – № 3(59). – С. 60–71.

107. Жуплей, И.В. Проблемы обоснования эффективной структурной политики в региональном агропромышленном производстве / И.В. Жуплей. – Текст : непосредственный // Вызовы современности и стратегия развития аграрной экономики: Материалы международной науч.-практ. конф. – Орел: Орловский государственный аграрный университет имени Н.В. Парахина, 2022. – С. 468–475

108. Жуплей, И.В. Современные подходы к оценке продовольственной обеспеченности Дальневосточного региона / И. В. Жуплей. – Текст : непосредственный // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. – 2023. – Т. 15, № 4(68). – С. 7–22.

109. Жуплей, И.В. Эволюция теоретических представлений и фундаментальных оснований региональной структурной политики / И. В. Жуплей. – Текст : непосредственный // Инновационные технологии: опыт, проблемы, перспективы развития, Тверь, 25 октября 2023 года. – Тверь : Тверская государственная сельскохозяйственная академия, 2023. – С. 34–38.

110. Жуплей, И.В. Эффективное развитие региональной аграрной структуры в контексте решения проблемы продовольственной безопасности России / И.В. Жуплей. – Текст : непосредственный // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – № 3(119). – С. 175–180.

111. Журавлев, Д.М. Разработка модели региональной экономической системы субъекта Российской Федерации / Д.М. Журавлев. – Текст : непосредственный // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2020. – №11. – С. 29–43.

112. Зайцев, А.А. Инструментарий диагностики продовольственной безопасности территории как составляющей ее ресурсного потенциала / А.А. Зайцев, Н.Д. Дмитриев, Д.Г. Родионов. – Текст : непосредственный // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2024. – № 2024. – С. 144–148.

113. Закон Приморского края «О рыбохозяйственной деятельности в Приморском крае» (в редакции от 07.11.2019 № 623-кз). – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips//?doc_itself=&backlink=1&nd=179009197&page=1&rdk=16#I0 (дата обращения: 09.01.2025). – Текст : электронный.

114. Закон Приморского края от 30 мая 2007 г. N 78-КЗ «О развитии сельского хозяйства в Приморском крае». – URL: <https://base.garant.ru/30121214/> (дата обращения: 09.01.2025). – Текст : электронный

115. Заусаев, В.К. Территории опережающего социально-экономического развития – новая модель роста Дальнего Востока / В.К. Заусаев, В.П. Бежина, Н.А. Кручак. – Текст : непосредственный // Россия: тенденции и перспективы развития. – М. : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2018. – С. 943–947.

116. Захарова, Е.Н. Региональная конкурентоустойчивость: сущность понятия и механизм оценки / Е.Н. Захарова, М.В. Иванова. – Текст : непосредственный // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – Т. 10. – № 2-1. – С. 323–331.

117. Захарчук, Е.А. Формирование саморазвивающихся регионов: теоретические основы и динамика развития / Е.А. Захарчук, А.Ф. Пасынков, А.А.

Некрасов. – Текст : непосредственный // Региональная экономика: теория и практика. – 2013. – Т. 11. № 13. – С. 10–21.

118. Звягина, Д.А. «Мягкая сила»: структурный анализ / Д.А. Звягина. – Текст : непосредственный // Инициативы XXI века. – 2012. – № 3. – С. 135–137.

119. Зелинская, М.В. Региональная экономическая система как интегральный субъект эволюционного процесса / М.В. Зелинская. – Текст : электронный // Вестник УГТУ – УПИ. Серия экономика и управление. – 2010. – № 1. – С. 55–64. – URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/55223>.

120. Земцов, А.Л. Продовольственная программа СССР на период до 1990 года – реализация и итоги / А.Л. Земцов. – Текст : непосредственный // Проблемы современной науки и образования. – 2016. – № 13 (55). – С. 56–62.

121. Зернова, Л.Е. Производственный потенциал предприятия: возникновение и развитие экономической категории / Л.Е. Зернова, А.А. Матьякубов. – Текст : непосредственный // Экономика, менеджмент и сервис: современный взгляд на актуальные проблемы : сборник научных трудов. – М. : ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет дизайна и технологии», 2018. – С. 75–77.

122. Зинина, Л.И. Организация и регулирование продовольственного обеспечения региона / Л.И. Зинина, Т.В. Глухова. – Текст : непосредственный // Региональная экономика: теория и практика. – 2014. – № 8. – С. 2–9.

123. Зиядуллаев, Н. Евразийский экономический союз в контексте российской интеграционной стратегии / Н. Зиядуллаев, С. Зиядуллаев. – Текст : непосредственный // Общество и экономика. – 2016. – № 8. – С. 7.

124. Зубаревич, Н.В. Региональное развитие и региональная политика в России / Н.В. Зубаревич. – Текст : непосредственный // ЭКО. – 2014. – № 4 (478). – С. 6–27.

125. Зубаревич, Н.В. Эволюция приоритетов региональной политики России / Н.В. Зубаревич. – Текст : непосредственный // Вопросы географии. – 2016. – № 141. – С. 151–165.

126. Зуев, В.Е. Факторы экономического развития и структурные реформы в России / В.Е. Зуев. – Текст : непосредственный // Вопросы экономики. – 2013. – № 5. – С. 56–72.

127. Иваницкий, В.П. Системно-структурный подход к формированию понятийного аппарата политической экономии / В.П. Иваницкий, Е.П. Дятел. – Текст : непосредственный // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 2-2. – С. 239–265.

128. Иванов С.А. О пространственном подходе в теории региональной экономики / С.А. Иванов, В.В. Ложко. – Текст : непосредственный // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. – 2015. – Т. 9. – № 1. – С. 18–25.

129. Иванова, Т.Л. Регион и региональная экономическая система: системно-интегративный подход / Т.Л. Иванова, А.В. Кретьева, А.В. Игуменцева. – Текст : непосредственный // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. – 2023. – № 3 (75).

130. Ивантер, В.В. Основы структурно-инвестиционной политики в современных российских условиях / В.В. Ивантер, Б.Н. Порфирьев, А.А. Широков, И.Н. Шокин. – Текст : непосредственный // Финансы: теория и практика. – 2017. – Т. 21, № 1(97). – С. 6–15.

131. Ивантер, В.В. Структурно-инвестиционная политика / В.В. Ивантер. – Текст : непосредственный // Экономические стратегии. – 2017. – Т. 19, № 4 (146). – С. 22–27.

132. Игнатьева, Е.Д. Методологические основы и инструментарий оценки потенциала саморазвития региональных социально-экономических систем / Е.Д. Игнатьева, О.С. Мариев. – Текст : непосредственный // Экономика региона. – 2009. – № 2. – С. 116–129.

133. Изотов, Д.А. Дальний Восток: новации в государственной политике / Д.А. Изотов. – Текст : непосредственный // ЭКО. – 2017. – № 4(514). – С. 27–44.

134. Ильина, Т.С. Оценка конкурентоспособности региональной социально-экономической системы / Т.С. Ильина. – Текст : непосредственный // Вестник Российского университета кооперации. – 2013. – № 4 (14). – С. 22–27.

135. Кабаненко, М.Н. Потенциал обеспечения продовольственной безопасности России / М.Н. Кабаненко, С.Н. Угимова. – Текст : непосредственный // Фундаментальные исследования. – 2019. – № 5. – С. 40–44.

136. Казинец, Л.С. Темпы роста и структурные сдвиги в экономике / Л.С. Казинец. – М. : Экономика, 1981. – 184 с. – Текст : непосредственный.

137. Калюжнова, Н.Я. Конкурентоспособность российских регионов в условиях глобализации / Н.Я. Калюжнова. – М. : ТЕИС, 2004. – 526 с. – Текст : непосредственный.

138. Калюжнова, Н.Я. Сущность конкурентоспособности регионов и ее роль в механизме регионального развития / Н.Я. Калюжнова, М. Фиц. – Текст : непосредственный // Регион на перекрестке Востока и Запада: глобализация и конкурентоспособность: коллективная монография. – М. : ТЕИС, 2003. – С. 51–55.

139. Канторович, Л.В. Математико-экономические работы / Л.В. Канторович. – Новосибирск : Наука, 2011. – 760 с. – URL: <http://old.math.nsc.ru/LBRT/g2/english/ssk/selecta.pdf> (дата обращения 15.09.2021). – Текст : электронный.

140. Карлик, А.Е. Активная промышленная политика и новые методы управления для развития киберфизических систем в промышленности / А.Е. Карлик, Е.А. Яковлева, В.В. Платонов, Т.С. Катермина. – Текст : непосредственный // Системный анализ в проектировании и управлении. – 2019. – Т. 18, №1. – С. 267–273.

141. Карпенкова, Т.В. Из истории реформирования экономики СССР в 1970-1980 годах / Т.В. Карпенкова. – Текст : непосредственный // Вестник МИЭП. – 2016. – № 3 (24). – С. 131–139.

142. Кельчевская, Н.Р. Развитие ресурсного потенциала регионального агропромышленного комплекса / Н.Р. Кельчевская, И.С. Пелымская, Е.В. Андреева. – М. : Креативная экономика, 2021. – 128 с. – Текст : непосредственный.

143. Кенэ, Ф. Избранные экономические произведения / Ф. Кенэ. – М. : Изд-во Социально-экономической литературы, 1960. – 552 с. – URL:

<https://disk.yandex.ru/i/vRdsGJI4wcF80w> (дата обращения 21.11.2022). – Текст : электронный.

144. Кибиров, А. Я. Межотраслевые отношения в АПК: вопросы теории и практики / А. Я. Кибиров – Текст : непосредственный // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. – 2024. – № 4(110). – С. 36-43.

145. Киреева, Н.А. Продовольственная система России: четверть века трансформации / Н.А. Киреева. – Текст : непосредственный // Международный научно-исследовательский журнал. – 2014. – № 7-2 (26). С. 9–15.

146. Кислая, Т.Н. Направления развития инструментов обеспечения экономической безопасности региона / Т. Н. Кислая. – Текст : непосредственный // Менеджер. – 2023. – № 1 (103). – С. 73–82.

147. Кларк, Дж. Б. Распределение богатства / Дж. Б. Кларк. – М. : Гелиос АРВ, 2000. – 367 с. – URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_009298328?page=9&rotate=0&theme=white (дата обращения 28.11.2020). – Текст : электронный.

148. Клейнер, Г.Б. Стратегическое планирование и экономические циклы: системный подход / Г.Б. Клейнер. – Текст : непосредственный // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2024. – Т. 248, № 4. – С. 452–460.

149. Климанов, В.В. Особенности стратегического планирования развития Дальнего Востока России на федеральном уровне / В.В. Климанов, С.М. Казакова. – Текст : непосредственный // Региональные исследования. – 2022. – № 1 (75). – С. 68–79.

150. Климович, М.А. Методология исследования сущности и факторов структурных сдвигов в концепциях научных школ / М.А. Климович, М.А. Гасанов. – Текст : непосредственный // Экономика и управление инновациями. – 2019. – № 2 (9). – С. 8–17.

151. Ковзунова, Е.С. Роль инфраструктурных факторов в вопросе обеспечения продовольственной безопасности макрорегиона / Е.С. Ковзунова. – Текст : непосредственный // Продовольственная политика и безопасность. – 2022. – Т. 9, № 3. – С. 245–260.

152. Кожурин, Ф.Д. Процесс управления (системная разработка на примере региона) / Ф.Д. Кожурин. – М. : Мысль, 1988. – 237 с. – URL: [http:// www.nauka-shop.com/mod/ shop/productID/1174](http://www.nauka-shop.com/mod/shop/productID/1174). (дата обращения 17.05.2020). – Текст : электронный.

153. Колесняк, А.А. Оценка продовольственно-ресурсного потенциала региона / А.А. Колесняк, И.А. Колесняк. – Текст : непосредственный // Вестник Красноярского государственного аграрного университета – 2012. – № 5. – С. 25–27.

154. Коновалова, М.Е. Кластерный подход и его роль в структурной сбалансированности общественного воспроизводства / М.Е. Коновалова. – Текст : электронный // Успехи современного естествознания. – 2011. – № 12 – С. 93–96. – URL: <https://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=29034> (дата обращения: 11.12.2023).

155. Константиныди, Х.А. Стратегирование развития региональной экономической системы в условиях ускорения постиндустриальных преобразований / Х.А. Константиныди; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. – М. : Издательство "Спутник+", 2015. – 247 с. – Текст : непосредственный.

156. Кормишкин, Е.Д. Финансирование обеспечения продовольственной безопасности региона / Е.Д. Кормишкин, О.С. Саушева. – Текст : непосредственный // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2012. – № 26. – С. 11–17.

157. Королев, П.Ю. SWOT-анализ как инструмент структурирования информации в системе факторов формирования экономической политики в условиях единого экономического пространства ЕАЭС / П.Ю. Королев. – Текст : непосредственный // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2015. – № 4 (56). – С. 6–23.

158. Косинский, П.Д. Кластерный подход к формированию продовольственной обеспеченности населения региона / П.Д. Косинский, Г.С.

Бондарева. – Текст : непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2012. – № 3(51). – С. 280–284.

159. Кот, Е.М. Влияние изменений базисных факторов на экономическую эффективность сельского хозяйства России / Е. М. Кот, Т. Х. Тогузаев, М. Ш. Газаева [и др.]. – Текст : непосредственный // Аграрный вестник Урала. – 2025. – Т. 25, № 2. – С. 303–318.

160. Красильников, О. Проблемы структурных преобразований в экономике / О. Красильников. – Текст : непосредственный // Экономист. – 2001. – № 8. – С.52–58.

161. Красильников, О.Ю. Взаимосвязь структурных сдвигов и экономического развития России / О.Ю. Красильников. – Текст : непосредственный // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2017. – Т. 17, № 2. – С. 127–133.

162. Красильников, О.Ю. Особенности структурного развития и конкурентоспособности экономики Саратовской области / О.Ю. Красильников. – Текст : непосредственный // Россия: тенденции и перспективы развития : ежегодник. – М. : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2021. – С. 858–860.

163. Красильников, О.Ю. Структурные изменения в экономике России в эпоху мировой нестабильности / О.Ю. Красильников. – Текст : непосредственный // X Дыльновские чтения. Социология и современное общество: междисциплинарные подходы исследования : материалы Всероссийской науч.-практ. конф. с международным участием. – Саратов : Саратовский источник, 2023. – С. 98–103.

164. Красильников, О.Ю. Структурные сдвиги в экономике: теория и методология / О.Ю. Красильников. – Саратов : Научная книга, 1999. – 74 с. – Текст : непосредственный.

165. Кругман, П.Р. Международная экономика. 5-е изд. / П.Р. Кругман, М. Обстфельд. – СПб. : Питер, 2004. – 832 с. – URL: <https://lib.andoz.tj/>

users/agzbnmg/book/BookFile/6996079d-3f86-4ccc-9f3a-f9d3e6a34af7.pdf (дата обращения: 09.09.2020). – Текст : электронный.

166. Кузнецов, Д.А. Формирование промышленной политики России на основе инновационных приоритетов / Д.А. Кузнецов. – Текст : непосредственный // Петербургский экономический журнал. – 2020. – № 1. – С. 6–14.

167. Кузьменкова, В.Д. Устойчивое развитие регионов России / В.Д. Кузьменкова. – Текст : непосредственный // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. – 2016. – №2. – С. 257–261.

168. Куликова, Е.С. Эволюция и современные вызовы агропромышленного комплекса / Е.С. Куликова, Е.Л. Молокова. – Текст : непосредственный // Естественно-гуманитарные исследования. – 2024. – № 3 (53). – С. 215–219.

169. Латкин, А.П. Дальневосточный регион: перспективы инновационного прорыва / А.П. Латкин, Е.В. Харченкова. – Текст : непосредственный // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2019. – Т. 11. – № 1. – С. 6–16.

170. Латкин, А.П. Продовольственная региональная экономическая система Дальнего Востока в условиях новых внешних вызовов / А.П. Латкин, И.В. Жуплей. – Текст : непосредственный // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. – 2024. – Т. 16, № 1(69). – С. 75–91.

171. Латкин, А.П. Структурная политика развития потенциала продовольственной безопасности российского Дальнего Востока : монография / А.П. Латкин, И.В. Жуплей. – Владивосток : Изд-во ВВГУ, 2023. – 155 с. – Текст : непосредственный.

172. Латкин, А.П. Теоретико-прикладные аспекты исследования структурной политики в экономическом развитии макрорегиона / А.П. Латкин, И.В. Жуплей, С.В. Кузьмина. – Текст : электронный // Вестник евразийской науки. – 2022. – Т. 14, № 6. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50397593> (дата обращения: 03.08.2024).

173. Латкин, А.П. Теория и практика инновационно-ориентированного развития территорий особого экономического статуса: монография / А.П. Латкин, Е.В. Харченкова. – Владивосток : Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, 2021. – 132 с. – Текст : непосредственный.

174. Лебедева, М.Е. Создание многоуровневой банковской системы в России / М.Е. Лебедева, С.А. Васильев, А.А. Ухова. – Текст : непосредственный // Известия СПбГЭУ. – 2017. – №4(106). – С. 7–12.

175. Лексин, В. Как это делается. К разработке Стратегии пространственного развития России / В. Лексин. – Текст : непосредственный // Свободная мысль. – 2018. – №4(1670). – С. 13–30.

176. Ленчук, Е.Б. Стратегическое планирование как инструмент ускорения социально-экономического развития России / Е.Б. Ленчук. – Текст : непосредственный // Экономическое возрождение России. – 2021. – № 3 (69). – С. 25–30.

177. Ленчук, Е.Б. Структурная модернизация российской экономики: условия, направления, механизмы / Е.Б. Ленчук, Н.Ю. Ахапкин, В.И. Филатов [и др.]. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2022. – 276 с. – Текст : непосредственный.

178. Леонов, С.Н. Опыт реализации концепции полюсов роста в развитии Дальнего Востока России / С.Н. Леонов. – Текст : непосредственный // Регионалистика. – 2019. – Т. 6, № 6. – С. 88–101.

179. Леонов, С.Н. Преференциальные режимы созданных локальных точек роста и их влияние на экономику Дальнего Востока / С.Н. Леонов. – Текст : непосредственный // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2020. – Т. 13, №3. – С. 28–45.

180. Леонова, В.Ю. Региональная экономическая система как объект государственного регулирования территориального развития / В.Ю. Леонова. – Текст : непосредственный // Вестник научных конференций. – 2018. – № 9-2 (37). – С. 45–47.

181. Леонтьев, В.В. Избранные произведения : в 3 томах Т. 1.: Общеэкономические проблемы межотраслевого анализа / В.В. Леонтьев. – М. : Экономика, 2006. – 407 с. – Текст : непосредственный.

182. Лившиц, В.Н. Новая парадигма государственного регулирования экономики / В.Н. Лившиц. – М. : Институт экономики РАН, 2015. – 54 с. – Текст : непосредственный.

183. Лысоченко, А. Концептуальные основы государственной политики в обеспечении продовольственной безопасности / А. Лысоченко. – Текст : непосредственный // Предпринимательство. – 2009. – № 1. – С. 12–18.

184. Лысоченко, А.А. Продовольственная безопасность региона: воспроизводственная концепция: монография / А.А. Лысоченко. – Ростов-на-Дону : Южный федеральный университет, 2008. – 462 с. – Текст : непосредственный.

185. Лысоченко, А.А. Система стратегического и логистического управления в сфере обеспечения экологической и продовольственной безопасности: монография / А. А. Лысоченко. – Ростов-на-Дону : Фонд инноваций и экономических технологий «Содействие – XXI век», 2017. – 244 с. – Текст : непосредственный.

186. Любимцева, С.В. Инновационная трансформация экономической системы / С.В. Любимцева. – Текст : непосредственный // Экономика образования. – 2009. – №4-1. – С. 10–19.

187. Макушева, Ю.А. О проблемах функционирования регионально-экономической системы / Ю.А. Макушева, Г.П. Полякова. – Текст : непосредственный // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011. – № 5-2. – С. 138–142.

188. Мантуров, Д.В. О Промышленной политике России на перспективу 2018–2030 гг. / Д.В. Мантуров. – Текст : непосредственный // Вестник МГИМО. – 2018. – № 4(61). – С. 7–22.

189. Марков, А.К. Повышение устойчивости продовольственной системы / А.К. Марков, Р.Г. Мумладзе. – Текст : непосредственный // Инновации и инвестиции. – 2019. – № 11. – С. 368–372.

190. Марков, Л.С. Теоретико-методологические основы кластерного подхода: монография / Л.С. Марков. – Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2015. – 300 с. – Текст : непосредственный.

191. Маркс, К. Сочинения. Т. 23 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 1960. – 920 с. – URL: <https://www.marxists.org/russkij/marx/cw/t23.pdf> (дата обращения: 28.09.2022). – Текст : электронный.

192. Маршалл, А. Принципы экономической науки / А. Маршалл. – Т. 2. – М. : Прогресс, 1993. – 310 с. – Текст : непосредственный.

193. Маськов, С.А. Элементы стратегии структурных преобразований в экономике региона / С.А. Маськов. – Текст : непосредственный // Наука и образование сегодня. – 2018. – № 6 (29). – С. 52–55.

194. Матвеев, Ю.В. Институциональная структура и ее роль в сбалансированности общественного воспроизводства / Ю.В. Матвеев, М.Е. Коновалова. – Текст : электронный // Фундаментальные исследования. – 2009. – № 3. – С. 88–91. – URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=2291> (дата обращения: 08.11.2024).

195. Мелешко, Ю.В. Формирование структурной политики с учетом особенностей секторальной структуры производства в неоиндустриальной экономике / Ю.В. Мелешко. – Текст : непосредственный // Экономическая наука сегодня. – 2019. – №9. – С. 23–33.

196. Милосердов, В.В. Агропромышленный комплекс: стратегические инициативы: монография / В. В. Милосердов, А. Н. Семин, Ю. Р. Лутфуллин, М. М. Кислицкий. – М. : Фонд развития и поддержки молодёжи «Кадровый резерв», 2016. – 630 с. – Текст : непосредственный.

197. Милосердов, В.В. Состояние и перспективы развития АПК / В.В. Милосердов. – Текст : непосредственный // АПК: экономика, управление. – 1989. – № 10. – С. 3–16.

198. Милосердов, В.В. Экономические механизмы хозяйствования, обеспечивающие продовольственную безопасность страны / В.В. Милосердов. –

Текст : непосредственный // Агропродовольственная политика России. – 2017. – № 12(72). – С. 2–9.

199. Минакир, П.А. Восточная государственная социально-экономическая политика: миссия (не)выполнима? / П. А. Минакир. – Текст : непосредственный // Пространственная экономика. – 2021. – Т. 17, № 2. – С. 7–15.

200. Минакир, П.А. Мифы и реальность пространственных экономических диспропорций / П.А. Минакир. – Текст : непосредственный // Федерализм. – 2011. – № 1. – С. 43–56.

201. Минакир, П.А. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология / П.А. Минакир, А.Н. Демьяненко. – Текст : непосредственный // Пространственная экономика. – 2010. – № 2. – С. 6–32.

202. Минакир, П.А. Региональные стратегии и имперские амбиции / П.А. Минакир. – Текст : непосредственный // Пространственная экономика. – 2015. – № 4. – С. 7–11.

203. Минакир, П.А. Системные трансформации в экономике: монография / П.А. Минакир. – Владивосток : Дальнаука, 2001. – 536 с. – Текст : непосредственный.

204. Минакир, П.А. Тернистый путь на восток: прорывы, оборачивающиеся тупиками / П.А. Минакир. – Текст : непосредственный // Пространственная экономика. – 2022. – Т. 18, № 3. – С. 7–16.

205. Минакир, П.А. Экономический анализ и измерения в пространстве / П.А. Минакир. – Текст : непосредственный // Пространственная экономика. – 2014. – № 1. – С. 12–39.

206. Миндлин, Ю.Б. Кластерный подход в российской экономике: преимущества и недостатки применения в промышленности / Ю.Б. Миндлин. – Текст : непосредственный // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2024. – № 2. – С. 44–48.

207. Миндлин, Ю.Б. Перспективы развития кластерного подхода в России в условиях санкций / Ю.Б. Миндлин. – Текст : непосредственный // Современная

наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2024. – № 3. – С. 53–56.

208. Мироедов, А.А. Статистические показатели для оценки уровня развития региональных социально-экономических систем / А.А. Мироедов, А.А. Чуб. – Текст : непосредственный // Вопросы статистики. – 2007. – №9. – С. 80–83.

209. Митин, А.Н. Экономика продовольствия. – Текст : непосредственный / А.Н. Митин, Б.А. Воронин // Аграрный вестник Урала. – 2017. – № 1(155). – С. 18.

210. Михеева, Н.Н. Структурные факторы региональной динамики: измерение и оценка / Н.Н. Михеева. – Текст : непосредственный // Пространственная Экономика. – 2013. – № 1. – С. 11–32.

211. Молчанова, Н.П. Трансформация научных подходов к практике регулирования социально-экономического развития региона / Н.П. Молчанова. – Текст : непосредственный // Экономика. Налоги. Право. – 2018. – Т. 11, № 4. – С. 102–110.

212. Моронова, О.Г. Производственный потенциал сельских территорий как основа обеспечения продовольственной безопасности региона (на материалах Вологодской области / О.Г. Моронова. – Текст : непосредственный // Прогрессивная экономика. – 2023. – №10. – С. 125–144.

213. Морошкина, М.В. Структурный анализ как основа управления экономическими процессами в регионах / М.В. Морошкина, Л.И. Розанов, С.В. Тишков. – Текст : непосредственный // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. – 2014. – № 2 (38). – С. 2–10.

214. Муллахмедова, С.С. Модель экономического роста Р. Солоу: генезис теории и методологии / С.С. Муллахмедова, Р.Д. Шахпазова, Д.С. Саралинова, З.З. Омаров. – Текст : непосредственный // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2019. – № 12 (110). – С. 7–15.

215. Мысаченко, В.И. Механизм структурных преобразований в промышленности России: монография / В.И. Мысаченко. – М. : Национальный институт бизнеса, 2009. – 315 с. – Текст : непосредственный.

216. Назаренко, В.И. Продовольственная безопасность: (в мире и в России) / В. И. Назаренко. – М. : Памятники ист. мысли, 2011. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19971775> (дата обращения: 23.04.2023). – Текст : электронный.

217. Небогатикова, Н.Г. Актуальные вопросы формирования и управления инфраструктурным потенциалом регионального продовольственного комплекса / Н.Г. Небогатикова, Ю.В. Гапоненко. – Текст : непосредственный // NBI-technologies. – 2013. – № 2. – С. 43–48.

218. Некрасов, К.В. Системный подход к управлению инновационной деятельностью организаций АПК региона / К.В. Некрасов, В.И. Набоков. – Текст : непосредственный // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2023. – № 3(15). – С. 135–143.

219. Некрасов, Н.Н. Региональная экономика. Теория, проблемы, методы / Н.Н. Некрасов. – М. : Экономика, 1978. – 344 с. – URL: https://accountology.ucoz.ru/load/ehkonomika/nekrasov_n_n_regionalnaja_ehkonomika_teorija_problemy_i_metody_2_e_izd_m_1978/18-1-0-4030 (дата обращения: 15.08.2024). – Текст : электронный.

220. Никитаева, А.Ю. Институциональная структура региона в контексте инновационного развития промышленности / А.Ю. Никитаева. – Текст : непосредственный // Журнал институциональных исследований. – 2017. – Т. 9, № 1. – С. 134–149.

221. Никитина, Т.И. Продовольственная самодостаточность как элемент устойчивого социально-экономического развития сельских территорий / Т. И. Никитина, О. Д. Рубаева. – Текст : непосредственный // Экономика сельского хозяйства России. – 2020. – № 1. – С. 82–92.

222. Новоселов, А.С. Конкурентоспособность и стратегические направления развития региона : монография / А.С. Новоселов, А.С. Маршалова, Н.К. Уланова [и др.]. – Новосибирск : Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, 2008. – 527 с. – Текст : непосредственный.

223. Новоселов, А.С. Регион: проблемы планирования и управления / А.С. Новоселов, А.С. Маршалова, А.А. Кисельников [и др.] : монография. – Новосибирск : Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, 2002. – 390 с. – Текст : непосредственный.

224. Новоселов, А.С. Региональное и муниципальное управление социально-экономическим развитием в Сибирском федеральном округе / А.С. Новоселов, А.С. Маршалова, А.П. Кулаев [и др.]. – Новосибирск : Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, 2014. – 398 с. – Текст : непосредственный.

225. Новоселов, А.С. Стратегическое планирование и управление региональным и муниципальным развитием: проблемы и пути решения / А.С. Новоселов. – Текст : непосредственный // Регион: Экономика и Социология. – 2023. – № 4(120). – С. 299–320.

226. Новоселов, А.С. Формирование современной системы регионального и муниципального управления / А.С. Новоселов, А.С. Маршалова. – Текст : непосредственный // ЭКО. – 2019. – № 8 (542). – С. 83–102.

227. Новоселова, И.А. Интегральная оценка конкурентоспособности экономики регионов / И.А. Новоселова. – Текст : электронный // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. – 2008. – № 4 (16). – URL: <https://eee-region.ru/article/1603/> (дата обращения: 19.08.2024).

228. Новоселова, И.А. Интегральная оценка конкурентоспособности экономики регионов / И.А. Новоселова. – Текст : электронный // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. – 2008. – № 4 (16). – URL: <https://eee-region.ru/article/1603/> (дата обращения: 19.08.2024).

229. О комплексном развитии производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 года. – Текст : электронный. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=8315#z koMd XTmXyNSXyu11> (дата обращения: 19.08.2024).

230. Об утверждении Концепции развития приграничных территорий субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного

федерального округа] (с изменениями на 16 июня 2022 года). – URL: <https://docs.cntd.ru/document/420313859> (дата обращения: 10.08.2024). – Текст : электронный.

231. Оборин, М.С. Перспективные направления обеспечения продовольственной безопасности в регионе (на примере Дальнего Востока) / М.С. Оборин. – Текст : непосредственный // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2020. – № 10. – С. 35–39.

232. Оборин, М.С. Цифровизация как фактор трансформации управления региональными экономическими системами / М.С. Оборин. – Текст : непосредственный // Экономика. Налоги. Право. – 2020. – Т. 13, № 3. – С. 91–101.

233. Овсянников, А. Г. Влияние агропромышленного комплекса на реализацию национального проекта «демография» в сельских регионах России / А. Г. Овсянников, Е. С. Куликова. – Текст : непосредственный // Агропродовольственная экономика. – 2024. – № 5. – С. 19–24.

234. Орлова, Т. С. Укрепление отечественной продовольственной безопасности в сегменте обеспечения прагматичного использования земельного ресурса / Т. С. Орлова, К. А. Воробьев. – Текст : непосредственный // Полицентричный мир: новая экономическая повестка : сборник научных трудов X Уральских научных чтений профессоров и докторантов гуманитарных наук, Екатеринбург, 01 марта 2023 года. – Екатеринбург : Уральский государственный экономический университет, 2023. – С. 137–143.

235. Остаев, Г.Я. Цифровая трансформация управления аграрным бизнесом / Г. Я. Остаев, И. М. Гоголев, Д. В. Кондратьев, О. О. Злобина. – Текст : непосредственный // Вестник Поволжского государственного технологического университета. Серия: Экономика и управление. – 2024. – № 2 (61). – С. 33–43

236. Палаш, С. Методика оценки экономических эффектов государственных программ как инструментов структурной промышленной политики / С. Палаш. – Текст : непосредственный // π-Economy. – 2019 – № 4. – С. 1880–1893.

237. Палаш, С.В. Анализ структуры промышленной политики с позиций системного подхода: отношения и взаимодействия / С.В. Палаш. – Текст :

непосредственный // Системное моделирование социально-экономических процессов : Труды 44-й Международной научной школы-семинара. – Воронеж : Истоки, 2021. – С. 149–152.

238. Папело, В. Продовольственное самообеспечение регионов и развитие сельских территорий // В. Папело, Б. Ковтун. – Текст : непосредственный // АПК: экономика, управление. – 2016. – № 2. – С. 78–79.

239. Парахина, Л.В. Управление конкурентоспособностью региона в условиях санкционного давления на Россию / Л.В. Парахина, Х.М. Мусаева. – Текст : непосредственный // Деловой вестник предпринимателя. – 2022. – № 3 (9). – С. 87–91.

240. Петров, М.В. Промышленная политика как направление экономической стратегии государства / М.В. Петров. – Текст : непосредственный // Экономика, предпринимательство и право. – 2022. – Т. 12, № 8. – С. 2117–2134.

241. Петрушина, О.М. Проблемы обеспечения продовольственной безопасности в Российской Федерации / О.М. Петрушина, М.В. Непарко. – Текст : непосредственный // Вестник Калужского университета. – 2018. – № 4. – С. 49–53.

242. Плисецкий, Е.Л. Инфраструктурный потенциал территории как фактор устойчивого развития региона / Е.Л. Плисецкий, Е.Е. Плисецкий. – Текст : непосредственный // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2020. – № 3. – С. 165–186.

243. Погребцова, Е.А. Сельское хозяйство Омской области в решении проблемы продовольственной безопасности страны в условиях глобальных вызовов / Е.А. Погребцова. – Текст : непосредственный // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2023. – № 3. – С. 19–27.

244. Положенцева, Ю.С. Диагностика использования ресурсного потенциала промышленного комплекса региона (на примере горнодобывающих предприятий) / Ю.С. Положенцева, А.Ю. Скочко. – Текст : непосредственный // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2019. – Т. 9, № 2. – С. 82–91.

245. Полтораднева, Н.Л. Развитие региональной финансовой системы как фактора устойчивого социально-экономического развития региона / Н.Л. Полтораднева, Д.А. Завьялова. – Текст : непосредственный // Инновационная экономика и общество. – 2019. – № 2(24). – С. 80–85.

246. Польшов, М.Ф. Экономические предпосылки перестройки в СССР / М.Ф. Польшов. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2007. – № 3. – С. 95–107.

247. Полянская, Н.М. Концептуальные подходы к исследованию системы продовольственного обеспечения региона / Н.М. Полянская, А.А. Колесняк. – Текст : непосредственный // Социально экономический и гуманитарный журнал. – 2023. – № 1. – С. 14–23.

248. Портер, М. Международная конкуренция / М. Портер. – М. : Либра, 1994. – 767 с. – URL: <https://books.yandex.ru/books/M8NEw09a> (дата обращения: 15.01.2022). – Текст : электронный.

249. Постановление Правительства РФ от 14.07.2012 N 717 (ред. от 25.12.2024) «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_133795/ (дата обращения: 25.01.2022). – Текст : электронный.

250. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 1996 г. N 480 "Об утверждении федеральной целевой программы «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2018 года» (с изменениями и дополнениями). – URL: <https://base.garant.ru/1519225/> (дата обращения: 21.06.2022). – Текст : электронный.

251. Потапов, А.П. Ресурсный потенциал обеспечения продовольственной безопасности России / А.П. Потапов. – Текст : непосредственный. – Текст : непосредственный // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2012. – № 6. – С. 49–53.

252. Продовольственный комплекс / Д.Ф. Вермель, В.Д. Гончаров, Н.К. Князев [и др.]. – М. : Колос, 1982. – 304 с. – URL:

<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23628821> (дата обращения: 29.09.2023). – Текст : электронный.

253. Приказ Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики от 6 декабря 2024 г. N 133 «Об утверждении Порядка отбора инвестиционных проектов для последующего возмещения части прямых понесенных затрат и требований к объектам агропромышленного комплекса». – Текст : электронный. – URL: <https://base.garant.ru/411186531/> (дата обращения: 10.10.2024).

254. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года : разработан Минэкономразвития России. – URL: https://www.consultant.ru/document /cons_doc_LAW_144190/ (дата обращения: 09.07.2024). – Текст : электронный.

255. Продовольственная безопасность Российской Федерации и продовольственная политика государства / Б.А. Воронин, Я.В. Воронина, В.Н. Кузнецов, А.А. Костылев. – Текст : непосредственный // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». – 2024. – № 2. – С. 24–26.

256. Пыжикова, Н.И. Дифференциация регионов по уровню самообеспечения продовольствием на основе оценки природных условий / Н.И. Пыжикова, А.А. Колесняк, Н.М. Полянская. – Текст : непосредственный // Социально-экономический и гуманитарный журнал. – 2021. – № 2(20). – С. 23–35.

257. Пяо, И. Управление рисками российско-китайского сельскохозяйственного предпринимательства: монография / И. Пяо, А.П. Латкин. – Владивосток : Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, 2022. – 148 с. – Текст : непосредственный.

258. Рабаданова, К.А. Структурная политика и ее инструментальное обеспечение / К.А. Рабаданова. – Текст : непосредственный // Экономическая безопасность: правовые, экономические, экологические аспекты : сборник научных трудов 6-й Международной научно-практической конференции. – Курск : Юго-Западный государственный университет, 2021. – С. 313–315.

259. Радюкова, Я.Ю. Формирование конкурентных преимуществ национальной экономики на основе модернизации промышленной политики / Я.Ю. Радюкова, Н.Н. Пахомов. – Текст : непосредственный // Ученые записки Тамбовского регионального отделения Вольного экономического общества России. – 2015. – Т. 16. – № 1-2. – С. 126–134.

260. Райзберг, Б.А. Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. – 6-е изд. – М. : ИНФРА-М, 2024. – 512 с. – Текст : непосредственный.

261. Распоряжение Правительства РФ от 02.02.2015 N 151-р (ред. от 13.01.2017) «Об утверждении Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_174933/2844094b7ba6e57e91fd5bb036ee91d9f6727238/ (дата обращения: 01.08.2024). – Текст : электронный.

262. Распоряжение Правительства РФ от 20.06.2017 N 1298-р (ред. от 29.11.2023) «Об утверждении Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_218765/a4776b31811f194088cef1d9df302a8cbb27ec64/ (дата обращения: 01.08.2024). – Текст : электронный.

263. Распоряжение Правительства РФ от 24.08.2021 N 2345-р «О внесении изменений в перечень показателей в сфере обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации, утв. распоряжением Правительства РФ от 10.02.2021 N 296-р». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_393906/ (дата обращения: 03.08.2024). – Текст : электронный

264. Распоряжение Правительства РФ от 24.09.2020 N 2464-р (ред. от 29.11.2023) «Об утверждении Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_363186/7bd6de8404dfdc3292ca1f4724821bf2d1b3abc8/ (дата обращения: 03.08.2024). – Текст : электронный.

265. Распоряжение Правительства РФ от 31.03.2011 N 553-р (ред. от 11.02.2015) «Об утверждении плана мероприятий по реализации Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112590/ (дата обращения: 05.08.2024). – Текст : электронный.

266. Распутина, М.С. Природно-ресурсный потенциал Тюменского региона / М.С. Распутина, А.А. Бочарова. – Текст : непосредственный // Актуальные вопросы науки и хозяйства: новые вызовы и решения. – 2020. – С. 162–164.

267. Растворцева, С.Н. Анализ инфраструктурных факторов промышленного развития в регионе / С.Н. Растворцева, Е.Э. Колчинская, В.С. Савченко. – Текст : непосредственный // Научные ведомости Белгородского государственного университет. Серия: Экономика. Информатика. – 2015. – № 19 (216). – с. 29–38.

268. Рафиков, Р.И. К вопросу о продовольственной обеспеченности государства, как одной из основных задач государства / Р.И. Рафиков, И.И. Габдуллин. – Текст : непосредственный // Экономика в теории и на практике: актуальные вопросы и современные аспекты : сборник статей II Международной науч.-практ. конф.– Пенза : Наука и Просвещение, 2019. – С. 144–146.

269. Ревенко, Л.С. Мировая продовольственная система: цифровые аспекты трансформации / Л.С. Ревенко. – Текст : непосредственный // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2021. – Т. 230, № 4. – С. 217–222.

270. Ревенко, Л.С. Новая парадигма продовольственных систем / Л.С. Ревенко, О.И. Солдатенкова, Н.С. Ревенко. – Текст : непосредственный // Горизонты экономики. – 2021. – № 5 (64). – С. 99–106.

271. Регионы России. Социально-экономические показатели : стат. сб. / Росстат.– URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 20.12.2024). – Текст : электронный.

272. Реймер, В. Тенденции развития аграрного сектора экономики Дальнего Востока России / В. Реймер, Н. Манаков, С. Саидмуродов. – Текст :

непосредственный // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2016. – № 1. – С. 10–13.

273. Рикардо, Д. Начала политэкономии и налогового обложения / Д. Рикардо. – М. : АСТ, 2023. – 576 с. – Текст : непосредственный.

274. Римская декларация о всемирной продовольственной безопасности, 13 ноября 1996 г., Рим. – URL: https://ecfs.msu.ru/Low_documents/International/Rome%20Declaration%20on%20World%20Food%20Security%201996.pdf (дата обращения: 12.02.2022). – Текст : электронный.

275. Риц, Е. В. Развитие таможенно-тарифного регулирования в целях обеспечения продовольственной безопасности стран ЕАЭС / Е.В. Риц, Т.В. Черникова, А.А. Мигел. – Текст : непосредственный // Russian Economic Bulletin. – 2022. – Т. 5, № 3. – С. 214–219.

276. Роднина, Н.В. Продовольственное самообеспечение и государственная поддержка региона (на примере Республики Саха (Якутия) / Н.В. Роднина. – Текст : непосредственный // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2022. – № 9. – С. 36–39.

277. Рожковская, Е.А. Направления и механизмы реализации структурной политики в контексте вызовов и угроз экономической безопасности Беларуси / Е.А. Рожковская. – Текст : непосредственный // Экономическая безопасность. – 2022. – Т. 5, №4. – С.1465–1488.

278. Романов, М.Т. Динамика территориальных структур сельского хозяйства Дальнего Востока России / М.Т. Романов, А.А. Степанько. – Текст : непосредственный // Дальневосточный аграрный вестник. – 2018. – № 1(45). – С. 133–143.

279. Романова, О.А. Структурная политика и стратегия развития (об использовании разработок Ю. В. Яременко в практических исследованиях экономики Уральского региона) / О.А. Романова, А.И. Татаркин. – Текст : непосредственный // Проблемы прогнозирования. – 2003. – № 4, 2003. – С. 37–51.

280. Романова, О.А. Теоретические, институциональные и этические основания реализации современной промышленной политики. Часть I / О.А.

Романова, А.О. Пономарева. – Текст : непосредственный // Экономика региона. – 2019. – Т. 15, № 1. – С. 13–28.

281. Романова, О.А. Приоритеты промышленной политики России в контексте вызовов четвертой промышленной революции. Часть 2 / О.А. Романова. – Текст : непосредственный // Экономика региона. – 2018. – Т. 14, № 3. – С. 806–819.

282. Рущицкая, О.А. Анализ уровня самообеспечения основными продуктами питания в контексте динамики производства растениеводческой продукции и деятельности сельскохозяйственных организаций / О.А. Рущицкая, Е.С. Куликова, Т.И. Кружкова, А.В. Ручкин. – Текст : непосредственный // Вестник Академии знаний. – 2024. – № 5(64). – С. 355–358.

283. Рущицкая, О.А. Структурные сдвиги в поголовье скота: факторы снижения и роста / О. А. Рущицкая, Е. М. Кот, Е. С. Куликова, Т. И. Кружкова. – Текст : непосредственный // International Agricultural Journal. – 2025. – Т. 68, № 2.

284. Рябошапка, Ю.А. Развитие агропромышленного комплекса Дальневосточного федерального округа: оценка и проблемы / Ю.А. Рябошапка, Г.С. Амирханян, А.А. Приход, В.В. Реймер. – Текст : непосредственный // Проблемы и перспективы развития агропромышленного комплекса России : материалы всероссийской науч.-практ. конф. – Благовещенск : ДальГАУ, 2017. – С. 95–99.

285. Сакс, Дж. Д. Макроэкономика. Глобальный подход / Дж. Д. Сакс, Ф. Д. Ларрен. – М. : Дело, 1996. – 848 с. – URL: <https://institutiones.com/download/books/1879-makroekonomika-globalnyj-podxod-saks.html> (дата обращения: 15.10.2024). – Текст : электронный.

286. Сельскохозяйственная микроперепись 2021 года. – URL: <https://rosstat.gov.ru/shmp/2021>. – Текст : электронный.

287. Салимова, Г. А. Некоторые аспекты развития сельских территорий / Г. А. Салимова. – Текст : непосредственный // Российский электронный научный журнал. – 2025. – № 1(55). – С. 795-802.

288. Семенов, А.А. Вступление России в ВТО и продовольственная безопасность / А.А. Семенов. – Текст : непосредственный // Агропромышленная политика и вступление России в ВТО. – М. : Энциклопедия российских деревень. ВИАПИ, 2003. – С. 64 – 66.

289. Сёмин, А.Н. Региональные особенности структурных изменений развития животноводства / А.Н. Сёмин, И.М. Гоголев, Е.В. Марковина, С.А. Доронина. – Текст : непосредственный // Агропродовольственная политика России. – 2024. – № 1(109). – С. 15–20.

290. Сёмин, А.Н. О роли сельских территорий в процессах обеспечения продовольственной безопасности государства / А.Н. Сёмин. – Текст : непосредственный // Russian Journal of Management. – 2020. – Т. 8, № 3. – С. 6–10.

291. Сёмин, А.Н. Продовольственная безопасность как фактор обеспечения российского народосбережения / А.Н. Сёмин. – Текст : непосредственный // Агропродовольственная политика России. – 2022. – № 2-3. – С. 39–41.

292. Сёмин, А.Н. Совершенствование институциональной инфраструктуры АПК: вопросы теории и практики / А. Н. Сёмин, М. М. Кислицкий, А. С. Лылов, В. Ю. Ворона. – М. : КОЛ ЛОК, 2023. – 360 с. – Текст : непосредственный.

293. Симачев, Ю.В. Структурная политика в России: новые условия и возможная повестка : тез. докл. на XIX апр. междунар. науч. конф. / Ю. В. Симачев, Н. В. Акиндинова, А. А. Яковлев [и др.]. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – 32 с. – Текст : непосредственный.

294. Ситдикова, Г. З. Эффективная деятельность плодоовощного питомника - основа продовольственной безопасности / Г. З. Ситдикова. – Текст : непосредственный // Аграрная наука в обеспечении продовольственной безопасности и развитии сельских территорий : Сборник материалов VI Международной науч.-практ. конф. – Луганск: ФГОУ ВО «Луганский государственный аграрный университет имени К.Е. Ворошилова», 2025. – С. 337-338.

295. Скороходова, В.П. Влияние западных санкций на социально-экономическое положение России и ее отдельных регионов / В.П. Скороходова. –

Текст : электронный. // Гуманитарий Юга России. – 2023. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-zapadnyh-sanktsiy-na-sotsialno-ekonomicheskoe-polozhenie-rossii-i-ee-otdelnyh-regionov> (дата обращения: 02.02.2025).

296. Слепов, В.А. Влияние инноваций на структурную трансформацию промышленности / В.А. Слепов, Л.Я. Маршавина, Г.В. Артюхов. – Текст : непосредственный // Инновации и инвестиции. – 2023. – № 5. – С. 12-15.

297. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. – М. : Гос. соц. эконом. изд-во. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005145794/ (дата обращения: 12.02.2022). – Текст : электронный.

298. Солодовников, С. Современная структурная политика и кризис nanoиндустрии / С. Солодовников. – Текст : непосредственный // Право. Экономика. Психология. – 2017. – № 3. – С. 109–111.

299. Структурная трансформация и механизмы адаптации хозяйствующих субъектов АПК : монография / О. А. Родионова, В. В. Милосердов, Е. И. Семенова, А. Я. Кибиров [и др.]. – М. : Сам полиграфист, 2023. – 200 с. – Текст : непосредственный.

300. Стукач, В.Ф. Институциональная структура регионального агропродовольственного рынка: монография / В.Ф. Стукач, Е.А. Гришаев. – Текст : непосредственный. // Международный журнал экспериментального образования. – 2009. – № 4. – С. 44.

301. Сурнина, Н.М. Теоретико-методологические и практические аспекты исследования пространственных инфраструктурных систем региона / Н.М. Сурнина, Е.А. Шишкина. – Текст : непосредственный // Экономика, предпринимательство и право. – 2022. – Т. 12, № 10. – С. 2701–2724.

302. Сутыгина, А.И. Инклюзивный подход к развитию национальной агропродовольственной системы / А.И. Сутыгина. – Текст : непосредственный // Экономика сельского хозяйства России. – 2021. – № 4. – С. 40–45.

303. Сухарев, О.С. Измерение структурных изменений для реализации экономической политики / О.С. Сухарев. – Текст : непосредственный // Анализ, Моделирование, Управление, Развитие социально-экономических систем (АМУР-2024) : сборник научных трудов XVIII Международной школы-симпозиума. – Симферополь : ИП Корниенко А.А., 2024. – С. 353–359.

304. Сухарев, О.С. Структурная динамика и макроэкономическая политика в России / О.С. Сухарев. – Текст : непосредственный // Управление развитием крупномасштабных систем mlsd'2020: труды тринадцатой международной конференции. – М. : Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН, 2020. – С. 102–108.

305. Сухарев, О.С. Структурная политика: к новой инвестиционной модели экономического роста / О.С. Сухарев. – Текст : непосредственный // Финансы: теория и практика. – 2019. – № 2. – С. 84–104.

306. Сухарев, О.С. Технологический дуализм российской экономики и Структурная политика новой модели ее роста / О.С. Сухарев. – Текст : непосредственный // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2023. – № 1. – С. 75–89.

307. Сухарев, О.С. Управление макроэкономическим развитием: структурный подход и обратные связи / О.С. Сухарев. – Текст : непосредственный // Наука и искусство управления. Вестник Института экономики, управления и права Российского государственного гуманитарного университета. – 2021. – № 1. – С. 10–28.

308. Сухарев, О.С. Управление структурными изменениями экономики: монография / О.С. Сухарев, С.А. Логвинов. – М. : КУРС : НИЦ ИНФРА-М, 2019. – 368 с. – Текст : непосредственный.

309. Сухарев, О.С. Системность экономики и ее структурная модернизация / О.С. Сухарев. – Текст : электронный. // Капитал страны. Журнал об инвестиционных возможностях России. – URL: <http://www.kapital-rus.ru/articles/143237> (дата обращения: 25.04.2024).

310. Сухомиров, Г.И. Рисоводство на Дальнем Востоке России: развитие, проблемы, перспективы / Г.И. Сухомиров. – Текст : непосредственный // Регионалистика. – 2018. – Т. 5, № 5. – С. 45–57.

311. Сыромятников, Д.А. Инфраструктурные факторы конкурентоспособности регионов / Д.А. Сыромятников. – Текст : непосредственный // Экономика устойчивого развития. – 2016. – № 4 (28). – С. 225–230.

312. Сюн, Л. Сила в мировой политике: трансформация от «жесткой силы» до «мягкой силы» / Л. Сюн. – Текст : непосредственный // Политические институты, процессы и технологии в XXI веке: анализ в молодежной проекции. – 2017. – С. 185–191.

313. Сюпова, М.С. Система индикаторов экономической безопасности региона / М.С. Сюпова, Н.А. Бондаренко. – Текст : непосредственный // Вестник Тихоокеанского государственного университета. – 2019. – № 4 (55). – С. 67–80.

314. Тарасова, Н.В. Институциональная среда продовольственной безопасности страны / Н.В. Тарасова. – Текст : непосредственный // Вестник НГИЭИ. – 2015. – № 3 (46). – С. 86–93.

315. Татаркин, А.И. Варианты формирования модели продовольственного обеспечения населения развивающихся арктических территорий / А.И. Татаркин, С.Н. Полбицын, В.В. Дрокин. – Текст : непосредственный // Аграрный вестник Урала. – 2014. – № 12 (130). – С. 93–96.

316. Татаркин, А.И. Изменение парадигмы исследований экономической безопасности региона / А.И. Татаркин, А.А. Куклин. – Текст : непосредственный // Экономика региона. – 2017. – № 2. – С. 25.

317. Татаркин, А.И. Модернизация пространственного развития региональных экономических систем использованием рыночных институтов / А.И. Татаркин. – Текст : непосредственный // Экономика. Налоги. Право. – 2012. – № 5. – С. 4–12.

318. Татаркин, А.И. Промышленная политика и механизм ее реализации: системный подход / А.И. Татаркин, О.А. Романова. – Текст : непосредственный // Экономика региона. – 2007. – № 3. – С. 19–31.

319. Татаркин, А.И. Промышленная политика как основа системной модернизации экономики России / А.И. Татаркин. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 19. – С. 5–17.

320. Татаркин, А.И. Программно-проектное управление потенциалом территории как потребность ее системного развития / А.И. Татаркин, К.А. Новикова. – Текст : непосредственный // Ars Administrandi (Искусство управления). – 2015. – № 2. – С. 151–167.

321. Татаркин, А.И. Регион как саморазвивающаяся социально-экономическая система: переход через кризис / А.И. Татаркин, С.В. Дорошенко. – Текст : непосредственный // Экономика региона. – 2021. – № 1. – С. 15–23.

322. Татаркин, А.И. Региональная направленность экономической политики Российской Федерации как института пространственного обустройства территорий / А.И. Татаркин. – Текст : непосредственный // Экономика региона. – 2016. – Т. 12, вып. 1. – С. 9–27.

323. Терешина, М.В. Устойчивое развитие региональных экономических систем: проблемы институциональной динамики / М.В. Терешина, М.В. Онищенко. – Текст : непосредственный // Экономика устойчивого развития. – 2014. – № 2(18). – С. 210–217.

324. Тихий, В.И. Влияние инновационного фактора на процессы поляризации территориальной структуры региона / В.И. Тихий, О.В. Корева. – Текст : непосредственный // Региональная экономика: теория и практика. – 2020. – Т. 18. – № 8. – С. 1496–1509.

325. Толкачев, С.А. Анализ опыта реализации промышленной политики в странах – членах ЕАЭС и оценка ее эффективности / С.А. Толкачев, А.И. Соловьев. – Текст : непосредственный // Белорусский экономический журнал. – 2015. – № 4(73). – С. 33–47.

326. Толкачев, С.А. Сетевая промышленная политика в эпоху новой индустриальной революции / С.А. Толкачев. – Текст : непосредственный // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2018. – Т. 3. – С. 155–161.

327. Трансформация структуры экономики: механизмы и управление: монография / под науч. ред. А.А. Широ́ва. – М. : МАКС Пресс, 2018. – 264 с. – Текст : непосредственный.

328. Трещевский, Ю.И. Влияние санкций на экономику регионов: общее и особенное / Ю.И. Трещевский, А.Ю. Кособуцкая, Л.К. Гарин, М.Н. Роднин. – Текст : непосредственный // Регион: системы, экономика, управление. – 2022. – № 3 (58). – С. 36–46.

329. Тюпаков, К.Э. Формирование и развитие ресурсного потенциала регионального агропромышленного комплекса / К.Э. Тюпаков, В.С. Курносов. – Текст : непосредственный // Естественно-гуманитарные исследования. – 2021. – № 38(6). – С. 316–321.

330. Узун, В.Я. Целевые программы развития АПК / В.Я. Узун. – М. : Экономика, 1984. – 158 с. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21982981> (дата обращения: 13.07.2022). – Текст : электронный..

331. Указ Президента от 31 декабря 2015 г. N 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации». – URL: <https://base.garant.ru/71296054/> (дата обращения: 15.03.2022). – Текст : электронный.

332. Указ Президента Российской Федерации от 21.01.2020 № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации». – URL: <https://base.garant.ru/73438425/> (дата обращения: 20.09.2023).

333. Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408518353/> (дата обращения: 20.09.2023). – Текст : электронный.

334. Указ Президента РФ от 27.12.1991 № 323 «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР». – URL:

<http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102013844&rdk=&backlink=1> (дата обращения: 20.09.2023). – Текст : электронный.

335. Указ Президента РФ от 13.05.2017 N 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/ (дата обращения: 15.03.2022). – Текст : электронный.

336. Унтура, Г. Регион как эпицентр зарождения конкурентоспособности / Г. Унтура. – Текст : непосредственный // Регион: Экономика и Социология. – 2002. – № 1. – С. 3–16.

337. Ускова, Т.В. Продовольственная безопасность региона: монография / Т.В. Ускова, Р.Ю. Селименков, А.Н. Анищенко, А.Н. Чекавинский. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2014. – 102 с. – Текст : непосредственный.

338. Ускова, Т.В. Транспортная инфраструктура как фактор развития территорий и связанности экономического пространства / Т.В. Ускова. – Текст : непосредственный // Проблемы развития территории. – 2021. – № 3. – с. 7–22.

339. Устойчивое развитие и повышение конкурентоспособности сельского хозяйства России в условиях углубления интеграции в ЕАЭС : монография / И.Г. Ушачев, А.Г. Папцов, А.Ф. Серков [и др.]. – М. : Научный консультант, 2018. – 320 с. – Текст : непосредственный.

340. Ушачев, И.Г. Обеспечение продовольственной безопасности – первоочередная задача российской экономики / И.Г. Ушачев. – Текст : непосредственный // Вестник Орловского государственного аграрного университета. – 2008. – Т. 14, № 5 (08). – С. 5–10.

341. Ушачев, И.Г. Новая Доктрина продовольственной безопасности и меры по реализации ее основных положений / И.Г. Ушачев, В.С. Чекалин. – Текст : непосредственный // АПК: Экономика, управление. – 2020. – № 4. – С. 4–12.

342. Ушачев, И.Г. Импортозамещение и обеспечение продовольственной безопасности России / И.Г. Ушачев, В.В. Маслова, В.С. Чекалин. – Текст : непосредственный // Овощи России. – 2019. – № 2. – С. 3–8.

343. Ушачев, И. Аграрный сектор России в условиях международных санкций и эмбарго: вызовы и перспективы / И. Ушачев. – Текст : непосредственный // АПК: экономика, управление. – 2015. – № 5. – С. 9–22.

344. Ушачев, И. Стратегические подходы к развитию АПК России в контексте межгосударственной интеграции / И. Ушачев. – Текст : непосредственный // АПК: экономика, управление. – 2015. – № 1. – С. 3–16.

345. Фальцман, В.К. К концепции структурной политики на долгосрочную перспективу / В.К. Фальцман, М.В. Крахина. – Текст : непосредственный // Проблемы прогнозирования. – 2019. – № 3(174). – С. 17–27.

346. Фальцман, В.К. Приоритеты структурной политики: импортозависимость, импортозамещение, возможности экспорта инновационной продукции промышленности / В.К. Фальцман. – Текст : непосредственный // ЭКО. – 2014. – № 5(479). – С. 162–180.

347. Фатхутдинов, Р. А. Концепция новой теории управления конкурентоспособностью и конкуренцией / Р. А. Фатхутдинов. – Текст : непосредственный // Современная конкуренция. – 2007. – № 1(1). – С. 73–86.

348. Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 N 135-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/ (дата обращения: 10.10.2024). – Текст : электронный.

349. Федеральный закон «О личном подсобном хозяйстве» от 07.07.2003 N 112-ФЗ (последняя редакция). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43127/. – Текст : электронный.

350. Федеральный закон «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» от 20.12.2004 N 166-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50799/ (дата обращения: 10.10.2024). – Текст : электронный.

351. Федеральный закон «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» от 29.12.2014 N 473-ФЗ. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/. – Текст : электронный.

352. Федеральный закон от 01.05.2016 № 119-ФЗ «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201605020007>. – Текст : электронный.

353. Федеральный закон от 02.01.2000 N 29-ФЗ (ред. от 13.07.2020) «О качестве и безопасности пищевых продуктов». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25584/. – Текст : электронный.

354. Федеральный закон от 28.06.2014 N 172-ФЗ (ред. от 13.07.2024) «О стратегическом планировании в Российской Федерации». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 08.11.2023). – Текст : электронный.

355. Федеральный закон от 29.12.2006 N 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства». – URL: <https://base.garant.ru/12151309/> (дата обращения: 14.11.2024). – Текст : электронный.

356. Федорова, И.Ю. Финансовые и социальные аспекты в обеспечении экономической безопасности регионов / И.Ю. Федорова. – Текст : непосредственный // Экономика и предпринимательство. – 2019. – № 8 (109). – С. 565–570.

357. Федорова, О.В. ВТО и продовольственная безопасность России / О.В. Федорова, М.В. Якунина, К.М. Щепакин. – Текст : непосредственный // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2013. – № 2-1. – С. 29–41.

358. Фонотов, А.Г. Территориальные кластеры в системе пространственного развития: зарубежный опыт / А. Г. Фонотов, О. Е. Бергаль. – Текст : непосредственный // Пространственная экономика. – 2020. – Т. 16, № 4. – С. 113–135.

359. Фролов, В.Г. Классификация условий и факторов формирования инновационно-инвестиционно сбалансированной промышленной политики / В.Г. Фролов, Д.И. Каминченко. – Текст : непосредственный // Экономика, предпринимательство и право. – 2019. – Т. 9, № 4. – С. 419–432.

360. Фрумкин, Б.Е. Социалистическая аграрно-промышленная кооперация и интеграция / Б. Е. Фрумкин. – Текст : электронный. // Вопросы экономики. – 1976. – № 4. – С. 153–156. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29997439> (дата обращения: 02.11.2024).

361. Холодов, П.П. Ресурсный потенциал АПК Сибири – как составляющая продовольственной безопасности страны / П.П. Холодов. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 7-1. – С. 233–239.

362. Хоменко, Я.В. Государственный механизм управления продовольственной безопасностью / Я.В. Хоменко, Р.С. Мизевич, О.Л. Балыкин. – Текст : непосредственный // Вестник Института экономических исследований. – 2017. №1(5). – С. 24–34.

363. Хомерики, Н.Б. Кластерная политика: подходы, принципы противоречия / Н.Б. Хомерики. – Текст : непосредственный // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития. – 2014. – № 17. – С. 52–56.

364. Худокормов, А.Г. Леонид Иванович Абалкин. Экономист эпохи перестройки и не только / А.Г. Худокормов, М.А. Цихоцкий. – Текст : непосредственный // Вопросы политической экономии. – 2021. – № 3. – С. 94–119.

365. Чаянов, А.В. Основные принципы организации крестьянского хозяйства / А.В. Чаянов. – URL: <https://istmat.org/node/21907> (дата обращения: 10.10.2024). – Текст : электронный.

366. Чуб, А.А. К вопросу о количественной оценке устойчивости развития региональных социально-экономических систем / А.А. Чуб. – Текст : непосредственный // Управленческие науки в современном мире. – 2015. – Т. 1, № 1. – С. 474–478.

367. Чупина, И.П. Механизм развития системы продовольственного самообеспечения / И.П. Чупина, М.М. Трясцин. – Текст : непосредственный // Аграрный вестник Урала. – 2012. – № 11-2(106). – С. 73–76.

368. Шабашев, В.А. Критерии и этапы достижения финансово-экономической самообеспеченности региона / В.А. Шабашев. – Текст : непосредственный // Финансово-экономическая самодостаточность регионов: опыт, проблемы, механизм обеспечения : материалы Межрегиональной науч.-практ. конф., посвященной 60-летию Кемеровской области. – Кемерово : Кузбассвуиздат, 2003. – С. 10 – 15.

369. Шагайда, Н.И. Оценка экономической доступности продовольствия в России в контексте продовольственной безопасности / Н.И. Шагайда, В.Я. Узун, Д.С. Терновский, Е.А. Шишкина. – Текст : непосредственный // Вопросы экономики. – 2024. – № 6. – С. 73–95.

370. Шагайда, Н.И. Продовольственная безопасность: проблемы оценки / Н.И. Шагайда, В.Я. Узун. – Текст : непосредственный // Вопросы экономики. – 2015. – № 5. – С. 63–78.

371. Шеломенцев, А.Г. Методологические аспекты сравнительных исследований в сфере регионального социально-экономического развития / А.Г. Шеломенцев, К.С. Гончарова. – Текст : непосредственный // Фундаментальные исследования. – 2022. – № 10-1. – С. 153–158.

372. Шеховцов, Р.В. Роль инфраструктуры в социально-экономическом развитии региона / Р.В. Шеховцов, О.С. Авакян. – Текст : непосредственный // Финансовые исследования. – 2017. – № 2 (55). – с. 168–173.

373. Шилова, А.Э. Продовольственная самообеспеченность населения региона в современных условиях: проблемы оценки и направления повышения / А.Э. Шилова. – Текст : непосредственный // Проблемы развития АПК региона. – 2019. – № 1(37). – С. 149–155.

374. Шмидт, Ю.Д. Организационно-экономические основы формирования и развития регионального продовольственного рынка : монография / Ю.Д. Шмидт,

И.В. Жуплей. – Владивосток : Изд-во ТГЭУ, 2011. – 260 с. – Текст : непосредственный.

375. Шмидт, Ю.Д. Структурные изменения в пищевой промышленности Приморского края / Ю.Д. Шмидт, Э. Гу. – Текст : непосредственный // Российское предпринимательство. 2017. – Т. 18, №7. – С. 1177–1192.

376. Шмидт, Ю.И. Методика оценки эффективности структуры и структурных сдвигов в аграрном секторе экономики / Ю.И. Шмидт. – Текст : непосредственный // Экономика и предпринимательство. – 2015. – № 3 (56). – С. 483–486.

377. Шмидт, Ю.И. Структурные сдвиги в аграрном секторе экономики: монография / Ю.И. Шмидт. – Тверь : Тверская государственная сельскохозяйственная академия, 2014. – 175 с. – Текст : непосредственный.

378. Шнипер, Р. И. Региональные проблемы рынковедения: экономический аспект: монография / Р. И. Шнипер, А. С. Новоселов. – Новосибирск : Сибирская издательская фирма «Наука», 1993. – 442 с. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21201246> (дата обращения: 12.06.2022). – Текст : электронный.

379. Шпакова, Р.Н. Генеральные цели стратегического развития регионов Российской Федерации / Р.Н. Шпакова. – Текст : непосредственный // Государственное управление. Электронный вестник. – 2019. – № 77. – С. 311–336.

380. Штеменко, К.С. Пространственный подход формирует стратегии социально-экономического развития малых и средних городов / К.С. Штеменко. – Текст : электронный // Экономика. Информатика. 2013. – 2013. – № 22-1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvennyy-podhod-k-formirovaniyu-strategiy-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-malyh-i-srednih-gorodov> (дата обращения: 02.02.2024).

381. Шумакова, О.В. Приоритеты развития российской аграрной экономики. Новые вызовы / О.В. Шумакова, О.Н. Крюкова, Д.С. Нардин, А.В. Зинич. – Текст : непосредственный // Экономика, предпринимательство и право. – 2023. – Т. 13, № 12. – С. 5669-5686.

382. Шумакова, О.В. Развитие отраслевого аграрного рынка для обеспечения устойчивости продовольственных систем: монография / О.В. Шумакова, О.Н. Крюкова, А.А. Дегенгардт, Е.С. Осипенко. – Омск : Омский государственный аграрный университет имени П.А. Столыпина, 2024. – 83 с. – Текст : непосредственный.

383. Шурдумова, Э.Г. Стратегические методы управления экономикой региона / Э.Г. Шурдумова, Б.В. Казиева, А.Б. Нагоев. – Текст : непосредственный // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2-1. – С. 104–108.

384. Электронные версии: Бюллетени о состоянии сельского хозяйства. – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13277> (дата обращения: 15.02.2024). – Текст : электронный. –

385. Якишин, Ю.В. Стратегия разработки структурной перестройки экономики в городах России: монография / Ю.В. Якишин. – Санкт-Петербург : Типография Любавич, 2014. – 360 с. – Текст : непосредственный.

386. Якишин, Ю.В. Структурная перестройка экономики социально-экономической системы «регион»: теория и практика : монография / Ю.В. Якишин. – Санкт-Петербург : Лигр, 2018. – 608 с. – Текст : непосредственный.

387. Якишин, Ю.В. Управление структурой экономики региона: теоретические положения и практические рекомендации / Ю.В. Якишин. – Санкт-Петербург : Лигр, 2019. – 456 с. – Текст : непосредственный.

388. Яковенко, Н.А. Структурная модернизация как фактор роста конкурентоспособности агропродовольственного комплекса России / Н.А. Яковенко, И.С. Иваненко А.С. Воронов. – Текст : непосредственный // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2019. – №(1). – С. 17–20.

389. Яковлев, А.В. Анализ различий ресурсного потенциала региональных продовольственных рынков / А.В. Яковлев. – Текст : непосредственный // Управленческое консультирование. – 2015. – №9. – С. 183–188.

390. Якутин, Е.М. О методологии организации социально-ориентированных производств / Е.М. Якутин. – Текст : непосредственный // Идеи и идеалы. – 2012. – №2. – С. 41–47.

391. Яременко, Ю.В. Экономические беседы / Ю.В. Яременко. – М. : Центр исследований и статистики науки, 1998. – 343 с.– URL: <https://crystalbook.ru/wp-content/uploads/2021/05/Яременко-ЮВ-Экономические-беседы.pdf> (дата обращения: 19.05.2023). – Текст : электронный.

392. Яременко, Ю.В. Экономический рост. Структурная политика / Ю.В. Яременко. – Текст : непосредственный // Проблемы прогнозирования. – 2001. – № 1. – С. 6–14.

393. Яркова, Т.М. Доктрина продовольственной безопасности России – что изменилось в 2020 году / Т.М. Яркова. – Текст : непосредственный // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2020. – № 6. – С. 7–10.

394. Яшкова, Н.В. Угрозы и риски продовольственной безопасности / Н.В. Яшкова, В.Н. Чумаков. – Текст : непосредственный // Журнал правовых и экономических исследований. – 2018. – № 2. – С. 245–249.

395. Agnew, J. Evolution of the regional concept / J. Agnew. – Text : direct // Handbook on the Geographies of Regions and Territories. – Edward Elgar Publishing, 2018. – Pp. 23–33.

396. Andreoni, A. The political economy of industrial policy: Structural interdependencies, policy alignment and conflict management / A. Andreoni., H. Joon. – Text : direct // Structural Change and Economic Dynamics, 2019.

397. Arifa, U. Productivity impacts of infrastructure development in Asia / U. Arifa, M. Javid, F.N. Khan. – Text : electronic // Economic Systems. – 2021. – URL: <https://ideas.repec.org/a/eee/ecosys/v45y2021i1s0939362520301692.html>.

398. Barbakov, O. M. Social and environmental mechanisms of management in agri-business / O. M. Barbakov, G. A. Gerasimova, D. A. Pezin. – Text : direct // Journal of Environmental Management and Tourism. – 2019. – Vol. 10, No. 3(35). – P. 660–668.

399. Behrens, K. Regional economics: A new economic geography perspective / K. Behrens, J.F. Thisse. – Text : direct // Regional Science and Urban Economics. – 2007. – V. 37, № 4. – P. 457–465.

400. Blanchard, O.J. A traditional interpretation of macroeconomic fluctuations / O.J. Blanchard. – Text : electronic // The American Economic Review. – URL: https://econpapers.repec.org/article/aeaaecrev/v_3a79_3ay_3a1989_3ai_3a5_3ap_3a1146-64.htm

401. Berger, C. Technologie- und Innovationspolitik in Bayern / C. Berger. – Text : electronic // Boeckler Stiftung Diskussionspapier. – 2002. – URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-234199>.

402. Boncio, P. A structural model for active extension in Central Italy / P. Boncio, G. Lavecchia. – Text : electronic // Journal of Geodynamics. – 2000. – V. 29, №3-5. – P. 233–244. – URL: https://www.researchgate.net/publication/222525762_A_structural_model_for_active_extension_in_Central_Italy.

403. Boschma, R. Towards a theory of regional diversification: Combining insights from evolutionary economic geography and transition studies / R. Boschma, L. Coenen, K. Frenken, B. Truffer. – Text : electronic // Regional Studies. – 2017. – V. 51(1). – P. 31–45. – URL: <https://ideas.repec.org/a/taf/regstd/v51y2017i1p31-45.html>.

404. Capello, R. Regional economics / R. Capello. – Text : electronic. – Routledge, 2015. – 378 p. – URL: <https://www.taylorfrancis.com/books/mono/10.4324/9781315720074/regional-economics-roberta-capello>.

405. Caron, P. Food systems for sustainable development: proposals for a profound four-part transformation / P. Caron, G. Ferrero, D. Nabarro [et al]. – Text : electronic // Agron. Sustain. – 2018. – URL: <https://doi.org/10.1007/s13593-018-0519-1>.

406. Chen, M. Regional Development and Its Spatial Structure in the Information Age / M. Chen, Yu Sui, Yu Liu. – 2024. – URL: https://www.researchgate.net/publication/385535314_Regional_Development_and_Its_Spatial_Structure_in_the_Information_Age. – Text : electronic.

407. Dergaliuk, B. Challenges of structural shifts in regional economic systems / B. Dergaliuk. – Text : electronic // Středoevropský věstník pro vědu a výzkum. – 2020. – № 4. – URL: https://czvestnic.eu/ojs/index.php/cz_ojs/article/view/50.

408. Dixit, A.K. Economics with and without the Law, from Lawlessness and Economics: Alternative Modes of Governanc / A.K. Dixit. – Text : electronic // Introductory Chapters. – 2007. – URL: https://www.researchgate.net/publication/286356786_Lawlessness_and_Economics_Alternative_Modes_of_Governance.

409. Dixit, A.K. Governance institutions and development / A.K. Dixit. – Text: electronic. – URL: https://www.researchgate.net/publication/23777468_Governance_Institutions_and_Development.

410. Dosi, G. Evaluating and Comparing the innovation performance of the United States and the European Union / G. Dosi, P. Llerena, M. S. Labini. – Text: electronic // Expert report prepared for the Trend Chart Policy Workshop. – 2005. – URL: https://www.researchgate.net/publication/237404961_Evaluating_and_Compaing_the_innovation_performance_of_the_United_States_and_the_European_Union.

411. Esteban, J. Regional convergence in Europa and the industry mix: a shift-share analysis / J. Esteban . – Text: electronic // Regional Science and Urban Economics. – 2000. – №30 (3). – P. 353–364. – URL: https://www.researchgate.net/publication/222522295_Regional_Convergence_in_Europe_and_the_Industry_Mix_A_Shift-Share_Analysis.

412. Freire, C. Economic diversification: A model of structural economic dynamics and endogenous technological change / C. Freire. – Text : direct // Structural Change and Economic Dynamics. – 2019. – № 49. – P. 13–28.

413. Galanakis, C.M. The food systems in the era of the coronavirus (COVID-19) pandemic crisis / C.M. Galanakis. – Text: electronic // Foods. – 2020. – V. 9, № 4. – P. 523. – URL: <https://www.mdpi.com/2304-8158/9/4/523>.

414. Gediminas, L. Infrastructural territorialisations: Mega-infrastructures and the (re)making of Kenya / L. Gediminas. – Text: electronic // Political Geography. – 2021. – URL: https://www.researchgate.net/publication/353104127_Infrastructural_territorialisations_Mega-infrastructures_and_the_remaking_of_Kenya.

415. Global supply chains are still a source of strength, not weakness. Resilience comes not from autarky but from diverse sources of supply. – Text: electronic // The

Economist. – URL: <https://www.economist.com/leaders/2021/03/31/global-supply-chains-are-still-a-source-of-strength-not-weakness>.

416. Godfray, H. C. J. The future of the global food system / H. C. J. Godfray [et al.]. – Text: electronic // Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences. – 2010. – V. 365, № 1554. – P. 2769–2777. – URL: <https://royalsocietypublishing.org/doi/full/10.1098/rstb.2010.0180>.

417. Gubarkov, S.V. Food Independence as Key Component of Food Security of the Far Eastern Federal District / S.V. Gubarkov, I.V. Zhuplei, N.A. Tretyak. – Text : direct // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science: International science and technology conference «Earth science», Vladivostok, Russian Federation. Vol. 666(2). – Vladivostok, Russian Federation : IOP Publishing Ltd, 2021. – P. 052042.

418. Hall, R.E., Market structure and macroeconomic fluctuations / R.E. Hall, O.J. Blanchard, R.G. Hubbard. – Text: electronic // Brookings papers on economic activity. – URL: <https://web.stanford.edu/~rehall/Market%20Structure%20BPEA%201986.pdf>.

419. Herzog, H.W. Shift-share Analysis Revisited: The allocation effect and the stability of regional structure, a reply / H.W. Herzog, R.J. Olsen. – Text: electronic // Journal of Regional Science. – URL: https://www.researchgate.net/publication/227590560_Shift-Share_Analysis_Revisited_the_Allocation_Effect_and_the_Stability_of_Regional_Structure.

420. Higgott, R. The theory and practice of global and regional governance. Accommodating American exceptionalism and European pluralism / R. Higgott. – Text : direct // European Foreign Affairs. – 2005. – №10 (4). – P. 575–594

421. Hoover, E.M. An introduction to regional economics / E.M. Hoover, F. Giarratani. – 2020. – 304 p. – URL: <https://researchrepository.wvu.edu/rri-web-book/4/>. – Text: electronic.

422. Howard, P.H. Concentration and power in the food system / P.H. Howard. – Text: electronic // Concentration and Power in the Food System. – 2021. – C. 1–232. – URL: https://www.researchgate.net/publication/313271883_Concentration_and_Power

_in_The_Food_System_Who_Controls_What_We_Eat_Philip_H _Howa rd
_Bloomsbury_Publishing_2016_216_p.

423. Hullman, A. Structural change and economic growth: Empirical evidence and policy insights from As. Who is winning the global nanorace? / A. Hullman. – Text: electronic // Nature Nanotechnology. – 2006. – № 1. – P. 81–83. – URL: https://www.researchgate.net/publication/348276691_Role_of_Structural_Change_in_Economic_Growth_An_Empirical_Evidence_from_a_Panel_of_Asian_Countries.

424. Isserman, A.M. Lost in Space? On the History, Status, and Future of Regional Science /A.M Isserman. – Text: electronic // The Review of Regional Studies. – Vol. 23. – № 1. Summer 1993. – P. 5–6. – URL: <https://ideas.repec.org/a/rre/publsh/v23y1993i1p1-50.html>.

425. Kahler, M. Economic Crisis and Global Governance: The Stability of a Globalized World / M. Kahler. – Text: electronic // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2013. – №77. – P. 55–64. – URL: https://www.researchgate.net/publication/257718453_Economic_Crisis_and_Global_Governance_The_Stability_of_a_Globalized_World.

426. Kahrl, F. Growth and Structural change in China's energy economy / F. Kahrl, D. Roland-Horst. – Text: electronic // ELSEVIER. Energy.xxx. – URL: https://are.berkeley.edu/~dwrh/Docs/egy_2325.pdf.

427. Knudsen, D.C. Shift Share Analysis: further examination of models for description of economic change / D.C. Knudsen. – Text: electronic // Socio-Economic Planning Science. – 2000. – № 3 (34). – P. 177–198. – URL: https://www.researchgate.net/publication/222531144_Shift-hare_Analysis_Further_Examination_of_Models_for_the_Description_of_Economic_Change.

428. Kovshov, V. A. International regional competitiveness of rural territories as a factor of their socio-economic development: Methodological aspects / V. A. Kovshov, M. T. Lukyanova, Z. A. Zalilova [et al.] . – Text : direct // Heliyon. – 2024. – Vol. 10, No. 1. – P. 23795.

429. Krul, M. The new institutionalist economic history of Douglass C. North: A critical interpretation / M. Krul. – Springer, 2018. – URL: <https://www.researchgate.net/>

publication/327267517_The_New_Institutionalist_Economic_History_of_Douglass_C_North_A_Critical_Interpretation. – Text: electronic.

430. Leksin, V.N. Systemic Causes and Consequences of Spatially Mediated Depopulation / V.N. Leksin. – Text : direct // Regional Research of Russia. – 2021. – Vol. 11, No. 4. – P. 513–523.

431. Mankiw, G.W. A contribution to empirics of economic growth / G.W. Mankiw, D. Romer, D.N. Weil. – Text: electronic // The Quarterly Journal of Economics. – 1999. – Vol. 2. – P. 407–437. – URL: https://eml.berkeley.edu/~dromer/papers/MRW_QJE1992.pdf.

432. Marcelo, D. Prioritizing Infrastructure Investment: A Framework for Government Decision Making / D. Marcelo, C. Mandri-Perrott, Sc. House, J. Schwartz. – Text: electronic // Policy Research Working Paper. – 2016. – № 7674. – URL: https://www.researchgate.net/publication/303216123_Prioritizing_Infrastructure_Investment_A_Framework_for_Government_Decision-Making.

433. Minakir, P.A. Spatial Interdisciplinary Synthesis: Experience of Policy Studies / P.A. Minakir. – Text : direct // Regional Research of Russia. – 2015. – Vol. 5. – P. 299–309.

434. Nayak, S. Structural Shifts / S. Nayak. – Text: electronic // The Global Financial Crisis: Genesis, Policy Response and Road Ahead. – 2013. – P. 187–219. – URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-81-322-0798-6_11.

435. Neri, A. Industrial sustainability: Modelling drivers and mechanisms with barriers / A. Neri, E. Cagno, G. di Sebastiano, A. Trianni. – Text : direct // Journal of Cleaner Production. – 2018. – P. 452–472.

436. North, D. The Role of Institutions in Economic Development / D. North. – Text: electronic // UNECE, ECE Discussion Papers Series. – URL: https://www.researchgate.net/publication/4888464_The_Role_of_Institutions_in_Economic_Development.

437. Nutrition and Food Systems. Report by the High Level Panel of Experts on Food Security and Nutrition. – Rome : HLPE, 2017. – 151 p. – URL: <http://www.fao.org/3/i7846e/i7846e.pdf>. – Text: electronic.

438. Oates, W.E. A Reconsideration of Environmental Federalism / W.E. Oates. – Text: electronic // Discussion Paper 01–54. Washington, DC, Resources. – URL: [https:// media.rff.org/documents/RFF-DP-01-54.pdf](https://media.rff.org/documents/RFF-DP-01-54.pdf).

439. Oesch, D. The structural shifts in switzerland's economy and society, 2000–2020 / D. Oesch. – Oxford : Oxford University Press, 2023. – P. 73–93. – URL: https://www.researchgate.net/publication/376191346_The_structural_shifts_in_Switzerland's_economy_and_society_2000-2020. – Text: electronic.

440. Onwusiribe, C.N. Dynamics of a complex system: investigating the interplay between food security, transition to renewable energy, democracy, and governance in Africa / C.N. Onwusiribe, G.V. Astratova, U. Ndubuisi, O.A. Ruschitskaya. – Text : direct // Agrarian Bulletin of the Urals. – 2024. – Vol. 24, No. 5. – P. 703–718.

441. Ostrom, E. Doing institutional analysis digging deeper than markets and hierarchies / E. Ostrom. – Text: electronic // Handbook of new institutional economics. – Boston, MA: Springer US, 2005. – P. 819–848. – URL: https://www.researchgate.net/publication/226096572_Doing_Institutional_Analysis_Digging_Deeper_Than_Markets_and_Hierarchies.

442. Policy Brief: The Impact of COVID-19 on Food Security and Nutrition.– United Nations, June 2020. – URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/sg_policy_brief_on_COVID_impact_on_food_security.Pdf. – Text: electronic.

443. Pothukuchi, K. The food system: A stranger to the planning field / K. Pothukuchi, J. L. Kaufman. – Text : direct // Journal of the American planning association. – 2000. – V. 66, № 2. – P. 113–124.

444. Risk, resilience, and rebalancing in global value chains. – Text: electronic // McKinsey Global Institute. – 2020. – URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/operations/our-insights/risk-resilience-and-rebalancing-in-global-value-chains>.

445. Rogoff, K.S. NBER Macroeconomics Annual 2005 / K.S. Rogoff.– MIT Press, 2006. – URL: <https://www.jstor.org/stable/i284982>. – Text: electronic.

446. Romano, L. The nature of industrial development and the speed of structural change / L. Romano, F. Traù. – Text : direct // Structural Change and Economic Dynamics. – 2017. – № 42. – P. 26–37.

447. Rumyantsev, N.M. Asymmetry problems of structural shifts in regional economy / N.M Rumyantsev, E.G. Leonidova. – Text : direct // Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny. – 2020. – V. 13, № 6. – P. 169–183.

448. Samaniego, R.M. Productivity growth and structural transformation / R.M. Samaniego, J.Y. Sun. – Text : direct. // Review of Economic Dynamics.– 2016. – № 21. – P. 266–285.

449. Semkin, A. Spatial development and management of strategy for socioeconomic growth of macroregions in Russia / A. Semkin, A. Altukhov, L. Silaeva [et al.]. – Text : direct // E3S Web of Conferences: International Scientific Conference Fundamental and Applied Scientific Research in the Development of Agriculture in the Far East (AFE-2022), Vol. 371. – Tashkent, Uzbekistan : EDP Sciences, 2023. – P. 01077.

450. Springmann, M. Options for keeping the food system within environmental limits /M. Springmann [et al.]. – Text : direct // Nature. – 2018. – V. 562, № 7728. – P. 519–525.

451. Stiglitz, J.E. Economics / J.E. Stiglitz, C.E Walsh. – WW Norton & Company, Inc., 2006. – URL: <https://thuvienso.hoasen.edu.vn/handle/123456789/11867>. – Text: electronic.

452. Stiglitz, J.E. Information and the Change in the Paradigm in Economics / J.E. Stiglitz. – Text : direct // American economic review. – 2002. – V. 92, № 3. – P. 460–501.

453. Tansey, G. The food system / G. Tansey, A. Worsley. – Routledge. – URL: <https://www.taylorfrancis.com/books/mono/10.4324/9780203380932/food-system-anthony-worsley-geoff-tansey>. – Text: electronic

454. Tendall, D.M. Food system resilience: Defining the concept / D.M. Tendall [et al.]. – Text: electronic // Global food security. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S2211912415300031>.

455. Tiebout, C. A Pure Theory of Local Expenditures / C. Tiebout. – Text: electronic // The Journal of Political Economy. – URL: <https://www.jstor.org/stable/1826343>.

456. Untura, G.A. Strategic support of the Russian regions: Problems of the assessment of the status of innovative territories / G.A. Untura. – Text : direct // Regional Research of Russia. – 2013. – Vol. 3, No. 2. – P. 153–161.

457. Van der Linden, J.A. The Determinants of Structural Change in the European Union: A New Application of RAS. / J.A. Van der Linden, E. Dietzenbacher. – Text: electronic // Environment and Planning A: Economy and Space, 2000. – № 12 (32). – P. 2205–2229. – URL: <https://doi.org/10.1068/a32105>.

458. Varnavskii, V.G. Structural shifts and the participation of Russian industries in global value chains: an analysis using world input-output tables / V. G. Varnavskii. – Text : direct // Control Sciences. – 2024. – No. 2. – P. 23–32.

459. Zhuplei, I.V. Analysis of Structural Changes in Food Accessibility Assurance in Russia and Its Macroregions Through Food Security / I.V. Zhuplei, Yu. I. Shmidt, N. A. Tretyak. – Text : direct // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science : International science and technology conference "Earth science", Vladivostok, Russian Federation. – Vol. 2 (666). – Vladivostok, Russian Federation : IOP Publishing Ltd, 2021. – P. 052028.

460. Zhupley, I.V. Structural shifts and reform of the agrarian sector of the Russian economy under the conditions of the import substitution policy / I.V. Zhupley, S.V. Gubarkov, N.A. Tretyak [et al.]. – Text : direct // Space and Culture, India. – 2018. – Vol. 6, No. 4. – P. 25–35.

461. Zhupley, I.V. The mechanism of regulation of agriculture in the formation of a sustainable food system of Russia / I.V. Zhupley, Yu.I. Schmidt, E.P. Zadvorneva. – Text : direct // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. – Krasnoyarsk : IOP Publishing Ltd, 2022. – P. 022023.

Приложение А (обязательное).

Нахождение весов оценочных показателей

Таблица А.1 – Нахождение весов оценочных показателей размера СХО (посредством экспертного метода)*

	Балл, поставленный экспертом							Сумма	Вес
I. Прямые (стоимостные) показатели размера предприятия:									
1) Выручка	2	6	2	1	2	3	5	21	0,138
2) Валовая прибыль	1	4	1	2	1	1	4	14	0,092
II. Косвенные (дополнительные) показатели размера предприятия:									
1) Среднегодовая численность работников	5	1	6	3	5	6	2	28	0,184
2) Среднегодовая стоимость основных фондов	4	5	3	6	6	5	6	35	0,231
3) Площадь сельхозугодий	3	3	5	5	4	4	1	25	0,164
4) Площадь пашни	6	2	4	4	3	6	4	29	0,191
Итого	21	21	21	21	21	25	22	152	1,000
Примечание – * оценка выполнена по шестибалльной шкале (6 – max)									

Таблица А.2 – Нахождение весов оценочных показателей экономической эффективности СХО в целом (посредством экспертного метода)*

	Балл, поставленный экспертом							Сумма	Вес
Выручка в расчёте на:									
– 1 га пашни	5	5	3	1	5	7	6	32	0,086
– 1 руб. основных средств (фондоотдача)	4	3	5	2	8	5	3	30	0,081
– 1 среднегодового работника	3	3	4	8	7	2	10	37	0,100
– 1 руб. материальных затрат	3	4	8	8	6	8	7	44	0,118
Валовая прибыль в расчёте на:									
– 1 га пашни	7	2	7	3	4	6	5	34	0,091
– 1 руб. основных средств	9	9	6	4	3	4	2	37	0,099
– 1 среднегодового работника	8	8	9	10	2	9	9	55	0,148
Среднегодовая стоимость основных фондов в расчёте на:									
– 1 работника (фондовооруженность)	2	7	1	6	10	3	4	33	0,089
– 100 га сельхозугодий (фондообеспеченность)	1	6	2	5	9	1	1	25	0,067
Уровень рентабельности предприятия	6	1	10	9	1	10	8	45	0,121
Сумма	48	48	55	56	55	55	55	372	1,000
<i>Примечание – * оценка выполнена по десятибалльной шкале (10 – max)</i>									

Таблица А.4 – Определение весов оценочных показателей эффективности отрасли животноводства (с помощью экспертного метода)*

[illegible]

Приложение Б
(обязательное).
Нормирование показателей

Таблица Б.1 – Нормирование показателей характеристики крупных СХО Приморского края в разрезе организационно-правовых форм по размеру (в расчете на одно хозяйство)* в среднем за 2014–2023 гг.

Показатель	СХПК		ООО		ЗАО (АО)		ОАО (ПАО)	
	Ед. изм.	b_i^{normal}	Ед. изм.	b_i^{normal}	Ед. изм.	b_i^{normal}	Ед. изм.	b_i^{normal}
Прямые (стоимостные) показатели размера СХО								
Выручка, тыс. руб.	39353	0,451	64867	0,743	77572	0,889	87291	1,000
Валовая прибыль, тыс. руб.	5663	0,259	8831	0,404	21836	1,000	10377	0,475
Косвенные (дополнительные) показатели размера СХО								
Среднегодовая численность работников, чел.	143	0,872	164	1,000	49	0,299	89	0,543
Среднегодовая стоимость основных фондов, тыс. руб.	77087	0,772	78765	0,789	45957	0,460	99832	1,000
Площадь сельхозугодий, га	12504	1,000	8133	0,650	9985	0,799	9124	0,730
Площадь пашни, га	4958	0,697	6984	0,981	5972	0,839	7117	1,000
<i>Примечание</i> – * здесь и далее жирным шрифтом выделено критериальное значение показателя								

Источник: сост. автором по данным годовой отчетности о финансово-экономическом состоянии товаропроизводителей агропромышленного комплекса Приморского края

Таблица Б.2 – Нормирование показателей экономической эффективности крупных СХО Приморского края в разрезе организационно-правовых форм (в расчете на одно хозяйство) в среднем за 2014–2023 гг.

Показатель	СХПК		ООО		ЗАО (АО)		ОАО (ПАО)	
	Ед. изм.	b_i^{normal}	Ед. изм.	b_i^{normal}	Ед. изм.	b_i^{normal}	Ед. изм.	b_i^{normal}
Выручка в расчете:								
– на 1 га пашни, тыс. руб.	19,29	0,426	9,51	0,210	13,06	0,288	45,31	1,000
– на 1 руб. основных средств, руб.	0,73	0,141	1,12	0,217	3,85	0,745	5,17	1,000
– на 1 среднегодового работника, тыс. руб.	390,96	0,404	579,14	0,598	408,49	0,422	968,21	1,000
– на 1 руб. материальных затрат, тыс. руб.	1,09	0,807	1,10	0,815	1,35	1,000	1,04	0,770
Валовая прибыль:								
– на 1 га пашни, тыс. руб.	3,25	0,864	2,14	0,569	3,76	1,000	2,32	0,617
– на 1 руб. основных средств, руб.	0,040	0,028	0,172	0,122	1,41	1,000	0,129	0,091
– на 1 среднегодового работника, тыс. руб.	17,60	0,167	30,43	0,289	81,69	0,775	105,36	1,000

Продолжение таблицы Б.2

Показатель	СХПК		ООО		ЗАО (АО)		ОАО (ПАО)	
	Ед. изм.	b_i^{normal}	Ед. изм.	b_i^{normal}	Ед. изм.	b_i^{normal}	Ед. изм.	b_i^{normal}
Среднегодовая стоимость основных фондов:								
– на 1 среднегодового работника, тыс. руб.	698,45	0,146	536,45	0,112	4784,50	1,000	951,83	0,199
– на 100 га сельхозугодий, тыс. руб.	1568,93	1,000	714,56	0,455	357,18	0,228	860,45	0,548
Уровень рентабельности предприятия, %	8,96	0,462	11,2	0,577	19,4	1,000	4,80	0,247

Источник: сост. автором по данным годовой отчетности о финансово-экономическом состоянии товаропроизводителей агропромышленного комплекса Приморского края

Таблица Б.3 – Нормирование показателей эффективности отрасли растениеводства в крупных СХО Приморского края в разрезе организационно-правовых форм (в расчете на одно хозяйство)

Показатель	СХПК		ООО		ЗАО (АО)		ОАО (ПАО)	
	Ед. изм.	b_i^{normal}	Ед. изм.	b_i^{normal}	Ед. изм.	b_i^{normal}	Ед. изм.	b_i^{normal}
Уровень рентабельности производства продукции растениеводства, %	22,3	1,000	15,2	0,682	16,4	0,735	16,1	0,722
Выход продукции с 1 га посевной площади, ц								
– зерновых	14,9	1	14,4	0,966	13,5	0,906	14,8	0,993
– сои	15,9	1	11,2	0,704	6,1	0,384	6,8	0,428
– картофеля	139,4	0,749	169	0,908	175,2	0,941	186,1	1,000
– овощей	155,3	0,922	168,5	1,000	152,2	0,903	144,6	0,858
Себестоимость								
– зерновых	918,9	1	999,2	0,920	937	0,981	1022,4	0,899
– сои	865,0	1	1265	0,684	1430,	0,605	1375,5	0,629
– картофеля	491,0	1	499,5	0,983	494,5	0,993	595,5	0,825
– овощей	325,0	1	341,8	0,951	375,4	0,866	438,2	0,742

Источник: сост. автором по данным годовой отчетности о финансово-экономическом состоянии товаропроизводителей агропромышленного комплекса Приморского края

Таблица Б.4 – Нормирование показателей эффективности отрасли животноводства в крупных СХО Приморского края в разрезе организационно-правовых форм (в расчете на одно хозяйство)

Показатель	СХПК		ООО		ЗАО (АО)		ОАО (ПАО)	
	Ед. изм.	b_i^{normal}	Ед. изм.	b_i^{normal}	Ед. изм.	b_i^{normal}	Ед. изм.	b_i^{normal}
Окупаемость затрат производства продукции животноводства, %	93,1	0,987	94,3	1,000	89,2	0,946	85,8	0,910
Среднегодовой надой молока на 1 корову, кг	3343	0,996	2848,4	0,849	3355,2	1,000	2423,5	0,722
Среднесуточный прирост живой массы, гр.:								
– КРС	300,1	0,876	342,7	1,000	326,4	0,952	219	0,639
– свиней	235,2	1,000	129,4	0,550	162,4	0,690	160,8	0,684
Себестоимость 1 ц продукции, руб.:								
– молока	2494	1,000	3461,1	0,721	4799,5	0,520	4579,8	0,545
– прироста массы КРС	12743,1	1,000	25936,4	0,491	20008,1	0,637	19995,1	0,637
– прироста массы свиней	10400,9	1,000	24139,2	0,431	13720,2	0,758	15564,3	0,668

Источник: сост. автором по данным годовой отчетности о финансово-экономическом состоянии товаропроизводителей агропромышленного комплекса Приморского края

Таблица Б.5 – Нормирование показателей характеристики малых СХО Приморского края в разрезе организационно-правовых форм по размеру (в расчете на одно хозяйство)

Показатель	СХПК		ООО		ЗАО (АО)		ОАО (ПАО)	
	Ед. изм.	b_i^{normal}	Ед. изм.	b_i^{normal}	Ед. изм.	b_i^{normal}	Ед. изм.	b_i^{normal}
Прямые (стоимостные) показатели размера СХО								
Выручка, тыс. руб.	9370	0,594	9456	0,600	15773	1,000	10130	0,642
Валовая прибыль (убыток -), тыс. руб.	823	0,799	286	0,278	-691	X	1030	1,000
Косвенные (дополнительные) показатели размера СХО								
Среднегодовая численность работников, чел.	32	0,615	40	0,769	42	0,808	52	1,000
Среднегодовая стоимость основных фондов, тыс. руб.	24700	0,880	16605	0,591	28084	1,000	22370	0,797
Площадь сельхозугодий, га	2470	0,696	1825	0,514	3550	1,000	2970	0,837
Площадь пашни, га	1770	0,753	1470	0,626	2350	1,000	1570	0,668

Источник: сост. автором по данным годовой отчетности о финансово-экономическом состоянии товаропроизводителей агропромышленного комплекса Приморского края

Таблица Б.6 – Нормирование показателей экономической эффективности малых СХО Приморского края в разрезе организационно-правовых форм (в расчете на одно хозяйство)

Показатель	СХПК		ООО		ЗАО (АО)		ОАО (ПАО)	
	Ед. изм.	b_i^{normal}	Ед. изм.	b_i^{normal}	Ед. изм.	b_i^{normal}	Ед. изм.	b_i^{normal}
Выручка в расчете на:								
– на 1 га пашни, тыс. руб.	4,50	0,618	7,28	1,000	5,85	0,804	5,86	0,805
– на 1 руб. основных средств, руб.	0,57	0,432	1,32	1,000	0,36	0,273	0,4	0,303
– на 1 среднегодового работника, тыс. руб.	303,1	1,000	272,4	0,899	192,9	0,636	295,3	0,974
– на 1 руб. материальных затрат, тыс. руб.	1,11	1,000	1,03	0,928	0,94	0,847	1,03	0,928
Валовая прибыль (убыток -) в расчете на:								
– на 1 га пашни, тыс. руб.	0,67	0,985	0,42	0,618	-0,45	X	0,68	1
– на 1 руб. основных средств, руб.	0,035	0,729	0,018	0,375	-0,025	X	0,048	1
– на 1 среднегодового работника, тыс. руб.	27,22	0,964	7,76	0,275	-18,44	X	28,23	1
Среднегодовая стоимость основных фондов, тыс. руб.:								
– на 1 среднегодового работника	929	0,918	561	0,554	1012	1,000	667	0,659
– на 100 га сельхозугодий	926	1,000	919	0,903	836	0,903	746	0,806
Уровень рентабельности (убыточности, -) предприятия, %	10,3	0,945	1,7	0,16	-9,3	X	10,9	1,000

Источник: сост. автором по данным годовой отчетности о финансово-экономическом состоянии товаропроизводителей агропромышленного комплекса Приморского края

Таблица Б.7 – Нормирование показателей эффективности отрасли растениеводства в малых СХО Приморского края в разрезе организационно-правовых форм (в расчете на одно хозяйство)

Показатель	СХПК		ООО		ЗАО (АО)		ОАО (ПАО)	
	Ед. изм.	b_i^{normal}	Ед. изм.	b_i^{normal}	Ед. изм.	b_i^{normal}	Ед. изм.	b_i^{normal}
Уровень рентабельности производства продукции растениеводства, %	20,1	1,000	12,1	0,602	13,3	0,662	16,9	0,841
Выход продукции с 1 га посевной площади, ц								
– зерновых	15,5	0,928	15,2	0,910	12,8	0,766	16,7	1,000
– сои	8,1	0,750	10,8	1,000	8,7	0,806	7,1	0,657
– картофеля	145,4	0,850	171	1,000	110,9	0,649	142,7	0,835
– овощей	149,1	0,918	162,4	1,000	134,8	0,830	130,1	0,801
Себестоимость производства 1 ц, руб.:								
– зерновых	610,6	1,000	799,2	0,764	887,1	0,688	1095,4	0,557
– сои	1084	0,990	1073,1	1,000	1406,8	0,763	1280,5	0,838
– картофеля	669	0,749	630,8	0,795	501,4	1,000	664,1	0,755
– овощей	500,2	0,960	480,2	1,000	563,6	0,852	593,7	0,809

Источник: сост. автором по данным годовой отчетности о финансово-экономическом состоянии товаропроизводителей агропромышленного комплекса Приморского края

Таблица Б.8 – Нормирование показателей эффективности отрасли животноводства в малых СХО Приморского края в разрезе организационно-правовых форм (в расчете на одно хозяйство)

Показатель	СХПК		ООО		ЗАО (АО)		ОАО (ПАО)	
	Ед. изм.	b_i^{norm}	Ед. изм.	b_i^{normal}	Ед. изм.	b_i^{normal}	Ед. изм.	b_i^{norm}
Окупаемость затрат производства продукции животноводства, %	93,2	0,940	99,1	1,000	88,1	0,889	78,2	0,789
Среднегодовой надой молока на 1 корову, кг	2900	0,965	3005	1,000	2730	0,908	1900	0,632
Среднесуточный прирост живой массы, гр.:								
– КРС	300,5	0,613	490	1,000	323,1	0,659	191,6	0,391
– свиней	180,3	1,000	144	0,799	166,5	0,923	177,1	0,982
Себестоимость 1 ц продукции, руб.:								
– молока	3966	0,959	3802	1,000	5900	0,644	3909	0,973
– прироста массы КРС	15462	0,908	14032	1,000	21100	0,665	22254	0,631
– прироста массы свиней	19455	0,725	15290	0,922	14100	1,000	15900	0,887

Источник: сост. автором по данным годовой отчетности о финансово-экономическом состоянии товаропроизводителей агропромышленного комплекса Приморского края

Приложение В
(обязательное).
Определение рейтинговых оценок

Таблица В.1 – Определение средней рейтинговой оценки размеров крупных СХО
Приморского края в разрезе организационно-правовых форм

	Вес	СХПК		ООО		ЗАО (АО)		ОАО (ПАО)	
	W_i	b_i^n	$W \cdot b_i^n$	b_i^n	$W \cdot b_i^n$	b_i^n	$W \cdot b_i^n$	b_i^n	$W \cdot b_i^n$
Прямые (стоимостные) показатели размера СХО									
Выручка	0,138	0,451	0,062	0,743	0,103	0,889	0,123	1,000	0,138
Валовая прибыль	0,092	0,259	0,024	0,404	0,037	1,000	0,092	0,475	0,044
Косвенные (дополнительные) показатели размера СХО									
Количество работников (среднегодовое)	0,184	0,872	0,160	1,000	0,184	0,299	0,055	0,543	0,100
Стоимость основных фондов (среднегодовая)	0,231	0,772	0,178	0,789	0,182	0,460	0,106	1,000	0,231
Площадь сельхозугодий	0,164	1,000	0,164	0,650	0,107	0,799	0,131	0,730	0,120
Площадь пашни	0,191	0,697	0,133	0,981	0,187	0,839	0,160	1,000	0,191
Суммарная рейтинговая оценка	-	0,722		0,800		0,667		0,823	
Средняя рейтинговая оценка	-	0,120		0,133		0,111		0,137	

Источник: составлено автором.

Таблица В.2 – Определение средней рейтинговой оценки размеров малых СХО
Приморского края в разрезе организационно-правовых форм

Показатель	Вес	СХПК		ООО		ЗАО (АО)		ОАО (ПАО)	
	W_i	b_i^n	$W \cdot b_i^n$	b_i^n	$W \cdot b_i^n$	b_i^n	$W \cdot b_i^n$	b_i^n	$W \cdot b_i^n$
Прямые (стоимостные) показатели размера СХО									
Выручка	0,138	0,594	0,082	0,6	0,083	1,000	0,138	0,642	0,089
Валовая прибыль	0,092	0,799	0,074	0,278	0,026	–	0,000	1,000	0,092
Косвенные (дополнительные) показатели размера СХО									
Количество работников (среднегодовое)	0,184	0,615	0,113	0,769	0,141	0,808	0,149	1,000	0,184
Стоимость основных фондов (среднегодовая)	0,231	0,88	0,203	0,591	0,137	1,000	0,231	0,797	0,184
Площадь сельхозугодий	0,164	0,696	0,114	0,514	0,084	1,000	0,164	0,837	0,137
Площадь пашни	0,191	0,753	0,144	0,626	0,120	1,000	0,191	0,668	0,128
Суммарная рейтинговая оценка	-	0,730		0,590		0,873		0,814	
Средняя рейтинговая оценка	-	0,122		0,098		0,145		0,136	

Источник: составлено автором.

Таблица В.3 – Нахождение средней рейтинговой оценки производственного потенциала крупных СХО Приморского края

Показатель	Вес W_i	СХПК		ООО		ЗАО (АО)		ОАО (ПАО)	
		b_i^n	$W \cdot b_i^n$	b_i^n	$W \cdot b_i^n$	b_i^n	$W \cdot b_i^n$	b_i^n	$W \cdot b_i^n$
Выручка в расчете:									
- на 1 га пашни	0,086	0,426	0,037	0,210	0,018	0,288	0,025	1,000	0,086
- на 1 руб. основных средств	0,081	0,141	0,011	0,217	0,018	0,745	0,060	1,000	0,081
- на 1 среднегодового работника	0,100	0,404	0,040	0,598	0,060	0,422	0,042	1,000	0,100
- на 1 руб. материальных затрат	0,118	0,807	0,095	0,815	0,096	1,000	0,118	0,770	0,091
Валовая прибыль в расчете:									
- на 1 га пашни	0,091	0,864	0,079	0,569	0,052	1,000	0,091	0,617	0,056
- на 1 руб. основных средств	0,099	0,028	0,003	0,122	0,012	1,000	0,099	0,091	0,009
- на 1 среднегодового работника	0,148	0,167	0,025	0,289	0,043	0,775	0,115	1,000	0,148
Среднегодовая стоимость основных фондов в расчете:									
- на 1 среднегодового работника	0,089	0,146	0,013	0,112	0,010	1,000	0,089	0,199	0,018
- на 100 га сельхозугодий	0,067	1,000	0,067	0,455	0,030	0,228	0,015	0,548	0,037
Уровень рентабельности предприятия, %	0,121	0,462	0,056	0,577	0,070	1,000	0,121	0,247	0,030
Суммарная рейтинговая оценка	-	0,426		0,409		0,775		0,655	
Средняя рейтинговая оценка	-	0,043		0,041		0,078		0,066	

Источник: составлено автором.

Таблица В.4 – Нахождение средней рейтинговой оценки производственного потенциала малых СХО Приморского края

Показатель	Вес W_i	СХПК		ООО		ЗАО (АО)		ОАО (ПАО)	
		b_i^n	$W \cdot b_i^n$	b_i^n	$W \cdot b_i^n$	b_i^n	$W \cdot b_i^n$	b_i^n	$W \cdot b_i^n$
Выручка в расчете на:									
- на 1 га пашни	0,086	0,618	0,053	1,000	0,086	0,804	0,069	0,805	0,069
- на 1 руб. основных средств	0,081	0,432	0,035	1,000	0,081	0,273	0,022	0,303	0,025
- на 1 работника	0,100	1,000	0,100	0,899	0,090	0,636	0,064	0,974	0,097
- на 1 руб. материальных затрат	0,118	1,000	0,118	0,928	0,110	0,847	0,100	0,928	0,110
Валовая прибыль:									
- на 1 га пашни	0,091	0,985	0,090	0,618	0,056	–	0,000	1,000	0,091
- на 1 руб. основных средств	0,099	0,729	0,072	0,375	0,037	–	0,000	1,000	0,099
- на 1 работника	0,148	0,964	0,143	0,275	0,041	–	0,000	1,000	0,148
Среднегодовая стоимость основных фондов:									
- на 1 работника	0,089	0,918	0,082	0,554	0,049	1,000	0,089	0,659	0,059
- на 100 га с.-х. угодий	0,067	1,000	0,067	0,903	0,061	0,903	0,061	0,806	0,054
Уровень рентабельности предприятия, %	0,121	0,945	0,114	0,160	0,019	–	0,000	–	0,000
Суммарная рейтинговая оценка	-	0,874		0,630		0,404		0,751	
Средняя рейтинговая оценка	-	0,087		0,063		0,040		0,075	

Источник: составлено автором.

Таблица В.5 – Нахождение средней рейтинговой оценки производственного потенциала растениеводства в крупных СХО Приморского края

Показатель	Вес W_i	СХПК		ООО		ЗАО (АО)		ОАО (ПАО)	
		b_i^n	$W \cdot b_i^n$	b_i^n	$W \cdot b_i^n$	b_i^n	$W \cdot b_i^n$	b_i^n	$W \cdot b_i^n$
Уровень рентабельности производства продукции растениеводства	0,152	1,000	0,152	0,682	0,104	0,735	0,112	0,722	0,110
Выход продукции с 1 га посевной площади, ц:									
- зерновых	0,165	1,000	0,165	0,966	0,159	0,906	0,149	0,993	0,164
- сои	0,158	1,000	0,158	0,704	0,111	0,384	0,061	0,428	0,068
- картофеля	0,127	0,749	0,095	0,908	0,115	0,941	0,120	1,000	0,127
- овощей	0,111	0,922	0,102	1,000	0,111	0,903	0,100	0,858	0,095
Себестоимость производства 1 ц, руб.:									
- зерновых	0,095	1,000	0,095	0,920	0,087	0,981	0,093	0,899	0,085
- сои	0,095	1,000	0,095	0,684	0,065	0,605	0,057	0,629	0,060
- картофеля	0,057	1,000	0,057	0,983	0,056	0,993	0,057	0,825	0,047
- овощей	0,041	1,000	0,041	0,951	0,039	0,866	0,036	0,742	0,030
Суммарная рейтинговая оценка	-	0,808		0,744		0,673		0,676	
Средняя рейтинговая оценка	-	0,101		0,093		0,084		0,085	

Источник: составлено автором.

Таблица В.6 – Нахождение средней рейтинговой оценки производственного потенциала растениеводства в малых СХО Приморского края

Показатель	Вес W_i	СХПК		ООО		ЗАО (АО)		ОАО (ПАО)	
		b_i^n	$W \cdot b_i^n$	b_i^n	$W \cdot b_i^n$	b_i^n	$W \cdot b_i^n$	b_i^n	$W \cdot b_i^n$
Уровень рентабельности производства продукции растениеводства	0,152	1,000	0,152	0,118	0,018	0,176	0,027	0,850	0,129
Выход продукции с 1 га посевной площади, ц:									
- зерновых	0,165	0,993	0,164	0,987	0,163	0,776	0,128	1,000	0,165
- сои	0,158	0,704	0,111	1,000	0,158	0,806	0,127	0,722	0,114
- картофеля	0,127	0,849	0,108	1,000	0,127	0,650	0,083	0,831	0,106
- овощей	0,111	0,926	0,103	1,000	0,111	0,815	0,090	0,798	0,089
Себестоимость производства 1ц, руб.:									
- зерновых	0,095	1,000	0,095	0,730	0,069	0,649	0,062	0,513	0,049
- сои	0,095	0,965	0,092	1,000	0,095	0,744	0,071	0,824	0,078
- картофеля	0,057	0,708	0,040	0,756	0,043	1,000	0,057	0,712	0,041
- овощей	0,041	0,742	0,030	0,635	0,026	0,817	0,033	0,755	0,031
Суммарная рейтинговая оценка	-	0,895		0,810		0,678		0,802	
Средняя рейтинговая оценка	-	0,100		0,090		0,080		0,089	

Источник: составлено автором.

Таблица В.7 – Нахождение средней рейтинговой оценки производственного потенциала животноводства в крупных СХО Приморского края

Показатель	Вес (ρ_i)	СХПК		ООО		ЗАО (АО)		ОАО (ПАО)	
		b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$	b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$	b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$	b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$
Окупаемость затрат производства продукции животноводства, %	0,190	0,995	0,189	1,000	0,190	0,924	0,176	0,880	0,167
Среднегодовой надой молока на 1 корову, кг	0,186	0,998	0,186	0,854	0,159	1,000	0,186	0,722	0,134
Среднесуточный прирост живой массы, гр.:									
- КРС	0,167	0,888	0,148	1,000	0,167	0,971	0,162	0,644	0,108
- свиней	0,138	1,000	0,138	0,538	0,074	0,687	0,095	0,683	0,094
Себестоимость 1 ц продукции, руб.:									
- молока	0,133	1,000	0,133	0,720	0,096	0,521	0,069	0,544	0,072
- прироста массы КРС	0,110	1,000	0,110	0,491	0,054	0,637	0,070	0,638	0,070
- прироста массы свиней	0,076	1,000	0,076	0,429	0,033	0,754	0,057	0,711	0,054
Суммарная рейтинговая оценка	-	0,980		0,772		0,815		0,700	
Средняя рейтинговая оценка	-	0,140		0,110		0,117		0,100	

Источник: составлено автором.

Таблица В.8 – Нахождение средней рейтинговой оценки производственного потенциала животноводства в малых СХО Приморского края

Показатель	Вес (ρ_i)	СХПК		ООО		ЗАО (АО)		ОАО (ПАО)	
		b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$	b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$	b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$	b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$
Окупаемость затрат производства продукции животноводства, %	0,190	0,938	0,178	1,000	0,190	0,877	0,167	0,756	0,144
Среднегодовой надой молока на 1 корову, кг	0,186	0,954	0,177	1,000	0,186	0,878	0,163	0,595	0,111
Среднесуточный прирост живой массы, гр.:									
- КРС	0,167	0,599	0,100	1,000	0,167	0,635	0,106	0,381	0,064
- свиней	0,138	1,000	0,138	0,774	0,107	0,846	0,117	0,880	0,121
Себестоимость 1 ц продукции, руб.:									
- молока	0,133	0,858	0,114	1,000	0,133	0,507	0,067	0,742	0,099
- прироста массы КРС	0,110	0,891	0,098	1,000	0,110	0,622	0,068	0,612	0,067
- прироста массы свиней	0,076	0,758	0,058	0,979	0,074	1,000	0,076	0,940	0,071
Суммарная рейтинговая оценка	-	0,863		0,967		0,764		0,677	
Средняя рейтинговая оценка	-	0,123		0,140		0,110		0,097	

Источник: составлено автором.

Приложение Г
(обязательное).
Структура производства продукции растениеводства

Таблица Г.1 – Структура продукции растениеводства по категориям товаропроизводителей Российской Федерации и Дальнего Востока Российской Федерации (в % от всех хозяйств)

Год	Россия			Дальний Восток		
	СХО	К(Ф)Х	ЛПХ	СХО	К(Ф)Х	ЛПХ
2001	48,2	5,8	46,0	22,8	6,9	70,3
2002	41,1	5,8	53,1	23,5	7,2	69,3
2003	42,3	7,2	50,5	23,2	8,1	68,7
2004	47,2	9,8	43,0	26,8	9,7	63,5
2005	43,9	9,6	46,5	25,8	9,5	64,7
2006	44,9	11,1	44,0	24,3	12,1	63,6
2007	48,9	12,3	38,8	25,8	11,6	62,6
2008	48,8	12,8	38,4	27,1	12,2	60,7
2009	43,8	11,6	44,6	24,4	11,5	64,2
2010	40,5	11,1	48,4	24,3	11,0	64,7
2011	45,5	13,5	41,0	25,2	11,2	63,6
2012	44,3	13,6	42,1	24,2	12,4	63,4
2013	43,8	14,5	41,7	25,3	12,1	62,6
<i>В среднем за II этап (2001 – 2013 гг.)</i>	44,9	10,7	44,5	24,8	10,4	64,8
2014	43,8	14,9	41,3	29,3	17,0	53,7
2015	46,8	16,5	36,7	32,5	17,7	49,8
2016	48,5	17,7	33,8	34,5	18,4	47,1
2017	51,4	19,2	29,4	37,9	20,9	41,2
2018	50,1	18,3	31,6	37,5	18,5	44,0
2019	53,7	20,8	25,5	40,2	19,1	40,7
2020	56,0	21,9	22,1	40,0	21,4	38,6
2021	56,7	22,5	21,1	45,5	23,4	31,1
2022	57,2	23,0	19,8	46,1	24,6	29,3
2023	55,7	22,6	21,7	44,5	24,2	31,3
<i>В среднем за III этап (2014 – 2023 гг.)</i>	52,0	19,7	28,3	38,8	20,5	40,7

Источник: сост. автором по [271, 384]

Таблица Г.2 – Структура производства зерновых (в массе после доработки) по категориям товаропроизводителей РФ и Дальнего Востока Российской Федерации (в % от общего объёма)

	2001	В среднем за							2022	2023	В среднем за	
		2001-2003	2004-2006	2007-2009	2010-2013	2014-2015	2016-2018	2019-2021			2001-2013	2014-2023
Сельскохозяйственные организации												
Россия	88,2	86,4	80,2	78,4	76,3	73,2	70,6	69,9	68,7	68,2	78,6	70,1
Дальний Восток	84,3	82,7	79,4	76,3	79,4	79,4	79,2	77,0	75,9	75,6	79,4	77,3
Приморский край	90,2	87,3	84,1	82,0	81,5	81,6	84,4	81,8	81,7	81,1	82,7	82,0
Хабаровский край	94,9	94,1	92,4	94,3	87,2	78,4	79,3	71,9	68,5	68,0	90,0	72,9
Амурская область	80,7	82,1	80,1	77,1	79,8	79,5	78,0	77,1	78,0	80,1	79,8	78,1
Еврейская АО	70,6	60,6	31,3	18,1	31,1	23,8	13,3	16,7	3,3	14,7	33,5	15,0
Крестьянские (фермерские) хозяйства												
Россия	11,0	12,5	18,6	20,7	22,7	25,8	28,6	29,4	30,2	30,8	20,4	29,1
Дальний Восток	13,5	12,1	18,3	23,0	19,7	20,1	20,6	22,8	24,0	24,2	18,9	22,5
Приморский край	4,0	3,9	10,8	15,9	16,6	17,3	15,2	17,9	18,2	18,7	13,9	17,6
Хабаровский край	3,2	4,0	5,7	4,5	10,5	20,1	20,5	27,9	31,5	32,0	8,0	26,8
Амурская область	19,2	17,7	19,8	22,9	20,2	20,4	22,0	22,9	21,9	19,8	20,2	21,8
Еврейская АО	28,6	36,5	66,2	81,5	68,5	76,0	86,5	82,9	96,6	85,3	65,4	84,7
Хозяйства населения												
Россия	0,8	1,1	1,2	0,9	1,0	1,0	0,8	0,7	1,1	1,0	1,0	0,9
Дальний Восток	3,0	5,1	2,2	0,7	0,9	0,6	0,2	0,2	0,1	0,1	1,7	0,2
Приморский край	6,9	8,8	5,1	2,1	1,9	1,2	0,4	0,3	0,2	0,3	3,3	0,4
Хабаровский край	1,8	1,9	1,9	1,2	2,3	1,5	0,2	0,1	0,0	0,0	2,0	0,3
Амурская область	0,3	0,2	0,1	0,0	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,0
Еврейская АО	1,0	2,9	2,5	0,4	0,5	0,2	0,2	0,4	0,2	0,0	1,1	0,2

Источник: сост. автором по [271, 384]

Таблица Г.3 – Структура производства картофеля по категориям товаропроизводителей РЭПС Дальнего Востока Российской Федерации (в % от общего по РЭПС объема производства)

	2001	В среднем за							2022	2023	В среднем за	
		2001–2003	2004–2006	2007–2009	2010–2013	2014–2015	2016–2018	2019–2021			2001–2013	2014–2023
Сельскохозяйственные организации												
Россия	6,3	5,8	8,1	11,5	11,9	12,9	19,2	21,0	23,0	25,8	10,4	20,5
Дальний Восток	6,5	6,4	7	7,7	7,4	6,1	9,5	10,0	11,6	10,1	7,2	9,6
Республика Саха (Якутия)	17,6	15,7	13,6	10,7	11,7	9,5	9,6	5,3	4,2	3,3	12,4	6,1
Приморский край	4,5	4,5	5,5	8,4	8,1	6,1	7,6	9,8	13,2	7,6	7,3	9,1
Хабаровский край	3,7	5,2	5,5	7,3	3,1	3,4	3,7	3,0	4,7	4,7	4,3	3,7
Амурская область	2,4	2,2	2	1,7	2,6	1,7	1,8	0,9	2,3	1,3	2,3	1,4
Камчатский край	11,8	11,3	15,1	18,8	17,5	18,2	19,5	18,6	18,0	17,3	16,4	18,4
Магаданская обл.	17,1	8,5	13,5	11,5	11,2	7,6	15,3	16,2	17,6	16,3	11,2	15,1
Сахалинская обл.	22,4	21,7	25,6	24,8	26,7	24,6	43,9	46,8	45,2	42,8	25,5	42,4
Еврейская АО	4,7	5,3	3,2	1,9	1,7	0,4	1,5	0,1	0,1	0,1	2,5	0,4
Крестьянские (фермерские) хозяйства												
Россия	1,2	1,3	2,9	5,1	6,9	8,0	12,0	13,7	15,6	16,8	5,3	13,4
Дальний Восток	3,4	3,5	5,3	6,2	7,3	8,0	13,4	12,6	16,0	15,5	6,3	13,0
Республика Саха (Якутия)	13,9	14,6	15,3	12,3	17,3	20,2	25,5	23,8	26,4	24,0	16,8	23,9
Приморский край	3,2	2,8	3,8	6	7,2	7,3	10,9	15,5	20,4	15,4	5,9	14,3
Хабаровский край	1,5	1,7	1,9	1,8	1,6	1,8	5,4	3,8	7,3	9,8	1,7	5,1
Амурская область	2	1,5	4,4	5	7,1	7,2	12,8	13,8	14,0	14,4	5,6	12,8
Камчатский край	3,4	4,3	10	13,5	11,3	17,1	24,1	24,8	21,5	23,8	10,4	23,0
Магаданская обл.	6,1	15,9	14,3	19,4	18,7	21,1	52,0	46,9	48,4	50,5	17,8	44,7
Сахалинская обл.	4,8	6,3	7,4	6,4	7,6	12,1	22,5	25,2	29,4	30,9	7,2	24,3
Еврейская АО	6,6	7,1	8,6	12,3	11,8	11,7	16,5	7,1	15,7	19,2	10,7	12,1
Хозяйства населения												
Россия	92,5	92,8	89	83,4	81,2	79,0	68,8	65,3	61,4	57,4	84,3	66,1
Дальний Восток	90,1	90,1	87,8	86,1	85,4	85,8	77,1	77,4	72,4	74,5	86,5	77,4
Республика Саха (Якутия)	68,6	69,7	71	77	71,1	70,3	64,9	70,9	69,4	72,7	71,7	70,0
Приморский край	92,3	92,8	90,7	85,6	84,7	86,5	81,4	74,7	66,4	77,0	86,8	76,5
Хабаровский край	94,9	93,1	92,6	91	95,4	94,7	90,9	93,2	88,0	85,5	94	91,2
Амурская область	95,6	96,3	93,6	93,2	90,3	91,1	85,5	85,3	83,7	84,3	92,1	85,8
Камчатский край	84,9	84,4	74,9	67,7	71,4	64,6	56,4	56,6	60,5	59,0	73,2	58,6
Магаданская обл.	76,8	75,6	72,2	69,1	70,3	68,3	32,8	36,9	33,9	33,2	71,2	39,8
Сахалинская обл.	72,8	72	67	68,8	65,7	63,3	33,6	28,0	25,4	26,3	67,2	33,2
Еврейская АО	88,8	87,6	88,2	85,8	86,5	87,9	82,0	92,8	84,2	80,7	86,8	87,6

Источник: сост. автором по [271, 384]

Таблица Г.4 – Структура производства овощей по категориям товаропроизводителей РЭПС Дальнего Востока Российской Федерации (в % от общего объёма производства по РЭПС)

	2001	В среднем за 2019–2021							2022	2023	В среднем за	
		2001– 2003	2004– 2006	2007– 2009	2010– 2013	2014– 2015	2016– 2018	2019– 2021			2001– 2013	2014– 2023
Сельскохозяйственные организации												
Россия	17,8	16,8	17,9	18,8	17,6	17,2	25,0	28,5	31,2	30,5	17,7	26,5
Дальний Восток	13,9	12,9	15,4	16,9	20,1	18,2	21,7	22,3	23,8	22,1	17,9	21,6
Республика Саха (Якутия)	18,1	18,8	13,1	13,7	11,3	7,9	10,8	8,3	11,7	12,0	12,9	10,1
Приморский край	16,7	14,7	20,7	23,9	31,6	27,9	27,3	23,5	27,7	23,5	26,5	26,0
Хабаровский край	7,3	7,1	7,7	6,9	3,4	5,5	6,8	7,9	7,5	8,3	5	7,2
Амурская область	7,7	8,3	7,2	4,8	5,4	3,9	8,1	9,0	9	10,8	6	8,2
Камчатский край	12,4	12,6	17,4	21,6	22,0	28,4	33,4	32,7	36,7	35,5	19,9	33,3
Магаданская обл.	28,1	22,8	8,6	3,0	3,4	2,4	3,3	4,0	3,9	4,1	6,9	3,5
Сахалинская обл.	36,8	33,8	36,6	44,4	39,0	37,7	53,4	62,1	59,4	59,0	38,7	54,3
Еврейская АО	3,2	2,0	2,4	1,0	1,4	0,4	2,3	–	-	-	1,6	0,7
Крестьянские (фермерские) хозяйства												
Россия	2,3	2,8	6,8	9,7	13,3	14,4	18,6	20,9	22,3	23,9	10,4	20,0
Дальний Восток	7,4	7,8	12,2	15,3	15,7	15,7	19,2	19,8	24,2	23,3	14	20,4
Республика Саха (Якутия)	16,4	19,5	24,2	26,1	30,1	28,6	10,8	45,2	41,6	40,8	27,2	33,4
Приморский край	7,4	4,4	10,2	14,4	14,8	12,0	14,6	20,1	26,6	23,1	5,1	19,3
Хабаровский край	2,8	3,0	4,5	4,7	6,0	4,6	8,4	10,4	15,5	17,8	8,1	11,3
Амурская область	4,4	4,4	8,1	13,3	7,7	10,0	17,3	20,3	18,2	17,3	12,6	16,6
Камчатский край	4,4	4,8	14,8	16,8	13,0	17,1	21,9	22,3	22,7	22,6	36,7	21,3
Магаданская обл.	16,7	14,8	28,1	37,2	44,2	40,9	51,5	50,8	42,8	60,6	17,9	49,3
Сахалинская обл.	9,8	11,2	18,6	17,5	19,5	23,5	25,1	20,3	25	24,2	30	23,6
Еврейская АО	27,7	26,9	25,9	28,5	32,3	46,8	35,6	20,0	7,4	11,3	1,6	24,2
Хозяйства населения												
Россия	79,9	80,4	75,3	71,5	69,2	68,5	56,4	50,5	46,5	45,7	72	53,5
Дальний Восток	78,7	79,3	72,4	67,8	64,2	66,1	59,0	57,9	52	54,5	68	57,9
Республика Саха (Якутия)	65,6	61,8	62,7	60,2	58,7	63,6	43,8	46,4	46,7	47,2	59,9	49,5
Приморский край	75,9	80,9	69,0	61,8	55,4	60,2	58,1	56,5	45,7	53,3	89,8	54,8
Хабаровский край	89,9	89,9	87,8	88,4	90,7	90,0	84,8	81,7	77	73,9	86	81,5
Амурская область	88,0	87,3	84,7	81,9	87,0	86,2	74,6	70,7	72,8	71,9	67,5	75,2
Камчатский край	83,2	82,6	67,8	61,5	65,1	54,5	44,9	45,6	40,6	42	56,5	45,5
Магаданская обл.	55,1	62,4	63,3	59,8	52,4	56,8	45,2	45,2	53,3	35,4	43,5	47,2
Сахалинская обл.	53,4	55,1	44,8	38,1	41,6	38,9	21,5	17,6	15,6	16,8	68,4	22,1
Еврейская АО	69,1	71,1	71,7	70,5	66,4	52,9	62,0	80,0	92,6	88,7	1,6	75,2

Источник: сост. автором по [271, 384]

**Приложение Д
(обязательное).**

Структура производства продукции животноводства

Таблица Д.1 – Структура производства мяса скота и птицы на убой (в убойном весе) по категориям товаропроизводителей РЭПС Дальнего Востока Российской Федерации (в % от общего объема производства)

	2001	В среднем за								2022	2023	В среднем за	
		2001–2003	2004–2006	2007–2009	2010–2013	2014–2015	2016–2018	2019–2021	2001–2013			2014–2023	
Сельскохозяйственные организации													
Россия	40,8	42,4	46,4	54,3	65,3	73,5	77,7	80,6	82,6	83,5	57,7	79,6	
Дальний Восток	28,9	29,4	36,4	46,3	54,3	53,3	41,5	41,4	72,9	73,1	47	56,4	
Республика Саха	18,3	16,3	14,6	17,5	33,0	27,6	29,3	28,5	24,9	22,9	25,7	26,6	
Приморский край	26,3	30,1	53,7	66,7	73,1	72,7	77,6	58,0	89,4	90,1	63,3	77,6	
Хабаровский край	43,9	44,8	43,0	50,9	56,1	53,4	32,8	17,0	19,8	19,1	51,9	28,4	
Амурская область	26,6	28,6	38,0	47,0	51,3	50,0	49,6	59,9	70,5	69,1	45,5	59,8	
Камчатский край	32,2	33,0	32,2	39,1	45,3	58,1	74,2	85,0	85	84,3	40,8	77,3	
Магаданская обл.	40,0	46,7	35,5	21,5	19,7	41,7	49,2	39,0	16,5	14,3	26,1	32,1	
Сахалинская обл.	61,5	59,2	54,7	52,7	61,2	67,6	78,2	88,8	90,1	89,7	58,8	82,9	
Еврейская АО	10,3	8,3	5,1	6,9	3,7	4,6	9,6	8,1	2,9	4	5	5,8	
Крестьянские (фермерские) хозяйства													
Россия	1,9	2,0	2,4	3,0	2,9	2,9	3,0	3,1	3,1	3,1	2,7	3,0	
Дальний Восток	6,3	6,6	7,1	8,7	8,7	8,7	7,7	8,9	7,3	7,1	8,2	7,9	
Республика Саха	15,0	15,4	20,0	30,0	27,4	28,9	29,0	28,3	29,1	28,7	25	28,8	
Приморский край	2,4	2,5	2,2	2,3	3,3	4,6	4,3	9,9	2,8	3	2,9	4,9	
Хабаровский край	1,3	0,8	0,0	0,9	2,7	2,3	4,9	6,2	7,3	5,4	1,8	5,2	
Амурская область	4,8	4,9	2,9	2,3	3,6	3,5	3,7	4,0	3,4	3,5	3,5	3,6	
Камчатский край	7,1	7,2	4,9	7,8	7,7	6,2	5,0	3,3	4,3	3,4	7,3	4,4	
Магаданская обл.	0,0	0,0	6,7	29,4	36,2	30,7	26,9	36,3	74	70,8	25,8	47,7	
Сахалинская обл.	7,7	7,9	11,2	10,4	8,5	8,0	8,2	5,1	5,4	5,1	9,1	6,4	
Еврейская АО	6,9	7,1	12,9	18,9	28,5	27,3	16,1	6,1	11,9	12,6	21,8	14,8	
Хозяйства населения													
Россия	57,3	55,6	51,2	42,7	31,8	23,6	19,3	16,3	14	13,5	39,5	17,3	
Дальний Восток	64,8	64,0	56,5	45,0	37,0	38,2	50,8	49,7	20,1	19,6	44,8	35,7	
Республика Саха	66,7	68,3	65,4	52,5	39,6	43,6	41,8	43,2	44,4	48	49,2	44,2	
Приморский край	71,3	67,4	44,1	31,0	23,6	22,8	18,1	32,1	7,3	7,1	33,8	17,5	
Хабаровский край	54,8	54,4	57,0	48,3	41,2	44,4	62,4	76,8	103,7	73,6	46,4	72,2	
Амурская область	68,6	66,5	59,0	50,7	45,1	46,5	46,7	36,1	28,1	27,5	51	37,0	
Камчатский край	60,7	59,8	63,0	53,2	46,9	35,8	20,9	11,6	11,4	11,4	52	18,2	
Магаданская обл.	60,0	53,3	57,8	49,1	44,2	27,6	24,0	24,8	12,4	11,8	48,1	20,1	
Сахалинская обл.	30,8	32,9	34,1	36,9	30,3	24,5	13,6	6,1	5,3	4,9	32,1	10,9	
Еврейская АО	82,8	84,6	82,0	74,2	67,8	68,2	74,3	85,8	83,9	84,1	73,2	79,3	

Источник: сост. автором по [271, 384]

Таблица Д.2 – Структура производства молока по категориям товаропроизводителей РЭПС Дальнего Востока Российской Федерации (в % от общего объёма производства)

	2001	В среднем за							2022	2023	В среднем за	
		2001–2003	2004–2006	2007–2009	2010–2013	2014–2015	2016–2018	2019–2021			2001–2013	2014–2023
Сельскохозяйственные организации												
Россия	47,2	47	45,1	44,3	45,7	47,3	51,9	55,3	57,6	59,4	45,6	54,3
Дальний Восток	23,3	23,1	21,5	22,6	25,9	27,2	25,4	22,8	33,6	35,7	24,4	28,9
Республика Саха	14,2	13,4	13	13,7	21,1	21,4	20,6	18,7	17,1	17,2	17,8	19,0
Приморский край	24,3	24,1	23,2	24,1	24,4	27,4	30,7	32,4	35,3	39,3	24,1	33,0
Хабаровский край	44,1	44,8	48,9	55,3	55,5	52,6	50,5	33,2	30,8	29,7	53	39,4
Амурская область	16,2	17,5	16,3	18,9	20,7	22,4	31	32,0	36,4	39,8	19,3	32,3
Камчатский край	51,7	49,7	44,1	41,7	44,1	45,1	55,5	59,1	59,9	61,9	44,6	56,3
Магаданская обл.	68	59,2	47,1	33,5	22,1	10	–	0,0	0	0	32,6	2,5
Сахалинская обл.	41	39,9	36,8	40,2	47,3	49,8	49,7	61,6	66,6	67,2	43,7	59,0
Еврейская АО	9,8	9,5	4,4	3,1	4,7	6,2	5,2	6,9	8,3	8,4	5,1	7,0
Крестьянские (фермерские) хозяйства												
Россия	1,9	2,2	3,2	4,2	5,2	6,4	7,8	8,8	9	8,8	4,3	8,2
Дальний Восток	6,5	6,5	11,9	16,5	15,8	17,2	18,3	19,2	21,9	21	14	19,5
Республика Саха	16,1	14,9	26,2	35,6	30,8	29,7	29,7	30,8	32,6	30,5	28,5	30,7
Приморский край	2,1	2,2	2,7	5	10	15,4	21,9	24,8	23,2	21,7	7,1	21,4
Хабаровский край	1,6	1,6	1,4	1,6	3	3,8	7,7	20,2	27,4	29,3	2,3	17,7
Амурская область	2,8	2,7	3,5	4,1	4,7	5,9	8,3	7,7	6,3	6,2	4,2	6,9
Камчатский край	4,1	4,8	6,9	9	9,7	11,4	11,9	14,0	17,2	17,9	8,5	14,5
Магаданская обл.	8	9,8	20,9	38,3	61	86,5	91	89,7	93,4	95,2	44,7	91,2
Сахалинская обл.	8,5	8,6	10,7	10,7	12,6	18	23,7	22,8	21,9	22,7	11,5	21,8
Еврейская АО	6,1	6,7	14,5	24,5	27,6	17,8	19,9	13,7	14,6	14,7	22,3	16,1
Хозяйства населения												
Россия	50,9	50,8	51,7	51,5	49,1	46,4	40,3	35,9	33,3	31,7	50,1	37,5
Дальний Восток	70,2	70,4	66,6	61	58,4	55,7	56,3	60,3	44,5	43,2	61,6	52,0
Республика Саха	69,7	71,7	60,8	50,7	48,1	49	49,7	50,5	50,3	52,4	53,7	50,4
Приморский край	73,6	73,7	74,1	70,9	65,6	57,3	47,4	42,9	41,5	39,1	68,7	45,6
Хабаровский край	54,3	53,6	49,7	43,1	41,6	43,7	41,8	46,5	42,2	41	44,7	43,0
Амурская область	81	79,8	80,2	76,9	74,7	71,8	60,7	60,4	57,2	53,9	76,5	60,8
Камчатский край	44,2	45,5	48,9	49,3	46,3	43,5	32,6	26,9	23,3	20,2	47	29,3
Магаданская обл.	24	31	32	28,3	16,9	8,6	9	10,3	6,6	4,8	22,7	7,9
Сахалинская обл.	50,5	51,5	52,5	49	40,1	32,3	26,5	15,6	11,7	10,2	44,8	19,3
Еврейская АО	84,1	83,8	81	72,5	67,7	76,1	74,9	79,4	78,1	77,9	72,6	77,3

Источник: сост. автором по [271, 384]

Таблица Д. 3 – Структура производства яиц по категориям товаропроизводителей
РЭПС Дальнего Востока Российской Федерации (в % к итогу)

Год	Россия			Дальний Восток		
	СХО	К(Ф)Х	Хозяйства населения	СХО	К(Ф)Х	Хозяйства населения
2001	71,3	0,5	28,2	70,4	1,3	28,3
2002	72,4	0,6	27	73	1,6	25,4
2003	72,8	0,5	26,7	72,1	2,5	25,4
2004	72,5	0,5	27	76,7	1,7	21,6
2005	73,7	0,7	25,6	75	2,6	22,4
2006	74,7	0,7	24,6	75,6	2,4	22
2007	74,4	0,8	24,8	72,9	4,5	22,6
2008	74,6	0,9	24,5	77,6	3,5	18,9
2009	75,7	0,8	23,5	79,5	2,8	17,7
2010	77,1	0,8	22,1	80,9	2,3	16,8
2011	77,5	0,8	21,7	78	0,8	21,2
2012	80,8	2,4	16,8	81,8	2,4	15,8
2013	78,1	0,7	21,1	83,6	0,8	15,6
<i>В среднем за 2001 – 2013</i>	75,0	0,8	24,1	76,7	2,2	21,1
2014	77,8	0,8	21,4	84,4	0,8	14,8
2015	78,5	0,9	20,7	83	2,1	14,9
2016	79,3	1	19,6	81,7	3,1	15,2
2017	80,1	1	18,8	81,9	3,3	14,8
2018	80,5	1	18,4	81,6	3,5	15
2019	80,7	1,1	18,2	79,4	4,5	16,1
2020	80,8	1,2	18	82,6	3,5	13,9
2021	81,2	1,2	17,6	82,9	3,2	13,9
2022	81,8	1,3	16,9	82,6	3,3	14,1
2023	82,4	1,3	16,3	81,9	3,7	14,5
<i>В среднем за 2014 – 2023</i>	80,3	1,1	18,6	82,2	3,1	14,7

Источник: сост. автором по [271, 384]

**Приложение Е
(обязательное).**

Анализ продовольственной самообеспеченности

Таблица Е.1 – Индикаторы критериальной оценки продовольственной самообеспеченности РЭПС Дальнего Востока Российской Федерации (2014 г. / 2018 г. / 2023 г.)

	Мясо и мясопро- дукты	Молоко и молокопро- дукты	Карто- фель	Овощи и бахчевые	Фрукты и ягоды
Индикатор достижения порого- вого уровня продовольственной независимости	0,311 / 0,408 / 0,489	0,461 / 0,612 / 0,644	1,055 / 0,958 / 1,001	0,822 / 0,603 / 0,587	0,169 / 0,148/ 0,139
Индикатор физической доступ- ности продуктов питания регио- нального производства согласно рациональным нормам питания	0,372 / 0,36 / 0,368	0,389 / 0,37 / 0,368	1,631 / 1,45 / 1,531	0,388 / 0,32 / 0,325	0,050 / 0,050 / 0,049
Индикатор удовлетворения фи- зиологических потребностей в продуктах питания	1,039 / 1,041 /1,043	0,689 / 0,662 / 0,649	1,731 / 1,650 / 1,674	0,740 / 0,750 / 0,754	0,609 / 0,622 / 0,599
Индикатор «бедности»	0,182 / 0,191 / 0,196				
Индикатор структуры затрат до- машних хозяйств на продукты питания	0,316 / 0,328 / 0, 350				

Источник: составлено автором по [271].

Приложение Ж
(обязательное).
Анализ качества структурных сдвигов

Таблица Ж.1 – Анализ качества структурных сдвигов в сельском хозяйстве России (по всем категориям хозяйств)

Год	Показатели качества структурных сдвигов					
	сдвига в изменении численности групп землепользователей		в распределении посевных площадей		выпуска сельхозпродукции (в фактических ценах)	
	Интенсивность, млн. ед.	Направленность	Интенсивность, млн. га	Направленность	Интенсивность, млн. руб.	Направленность
1997	0,372	-1,000	3,486	-1,000	5651	0,707
1998	2,395	-1,000	5,76	-0,858	39620	-1,000
1999	0,886	-1,000	3,815	-0,873	10772	1,000
2000	1,263	0,990	3,962	-0,734	16099	1,000
<i>В среднем за 1997 – 2000</i>	<i>1,229</i>	<i>-0,503</i>	<i>4,256</i>	<i>-0,866</i>	<i>18036</i>	<i>0,427</i>
<i>Коэффициент правдоподобия структурного сдвига (за 1997-2000)</i>	<i>-0,419</i>		<i>-0,968</i>		<i>-0,105</i>	
2001	0,708	-0,989	3,474	-0,192	19027	1,000
2002	0,402	-1,000	2,511	-0,070	5915	0,470
2003	0,103	-0,942	6,606	-0,754	9918	-0,123
2004	0,216	-1,000	3,537	-0,229	14255	0,556
2005	1,315	-1,000	3,455	-0,378	7951	0,611
2006	2,233	-1,000	2,94	-0,127	10215	1,000
2007	0,62	-1,000	2,608	-0,284	11064	1,000
2008	0,518	-1,000	3,379	0,165	36296	1,000
2009	0,062	0,516	0,882	1,000	6672	0,710
2010	0,017	-1,000	3,630	1,000	76588	0,938
2011	0,018	-1,000	3,741	-1,000	673945	1,000
2012	0,013	-1,000	0,161	-0,112	77464	1,000
2013	0,055	-1,000	0,190	0,895	34792	1,000
<i>В среднем за 2001–2013</i>	<i>0,483</i>	<i>-0,878</i>	<i>2,855</i>	<i>-0,007</i>	<i>75 700</i>	<i>0,782</i>
<i>Коэффициент правдоподобия структурного сдвига (за 2001–2013)</i>	<i>-0,623</i>		<i>-0,292</i>		<i>0,456</i>	
2014	0,081	-1	0,199	0,2	63198	1
2015	0,006	-1	0,14	0,571	85666	1
2016	0,092	-1	0,187	0,314	75473	1
2017	0,016	-1	0,211	0,212	74555	1
2018	0,023	-0,901	0,303	0,301	61402	1
2019	0,101	-0,805	0,021	-0,01	50387	1
2020	0,102	-1	0,111	-0,022	23138	1
2021	0,081	0,002	0,439	0,561	56390	1
2022	0,092	0,003	0,312	0,592	46370	0,915
2023	0,105	0,201	0,211	0,601	65590	0,986
<i>В среднем за 2014 – 2023</i>	<i>0,070</i>	<i>-0,650</i>	<i>0,213</i>	<i>0,332</i>	<i>60217</i>	<i>0,995</i>
<i>Коэффициент правдоподобия структурного сдвига (за 2014 - 2023)</i>	<i>-0,592</i>		<i>0,897</i>		<i>0,965</i>	

Источник: сост. автором по [271]

Таблица Ж.2 – Анализ качества структурных сдвигов в РЭПС Дальнего Востока
(по всем категориям хозяйств)

Год	Показатели качества структурных сдвигов					
	сдвига в изменении численности групп землепользователей		в распределении посевных площадей		выпуска сельхозпродукции (в фактических ценах)	
	Интенсивность, млн. ед.	направленность	Интенсивность, млн. га	направленность	Интенсивность, млн. руб.	направленность
1997	0,022	-1,000	0,217	-0,938	1269	-0,972
1998	0,074	-0,999	0,115	-0,850	1007	0,461
1999	0,098	-1,000	0,119	-0,847	664	-1,000
2000	0,009	-0,991	0,139	-1,000	268	-1,000
<i>В среднем за 1997 – 2000</i>	<i>0,051</i>	<i>-0,998</i>	<i>0,148</i>	<i>-0,909</i>	<i>802</i>	<i>-0,628</i>
<i>Коэффициент правдоподобия структурного сдвига (за 1997-2000)</i>	<i>-0,813</i>		<i>-0,970</i>		<i>-0,541</i>	
2001	0,002	0,585	0,093	-0,657	717	1,000
2002	0,088	-1,000	0,045	-0,327	250	0,762
2003	0,008	0,893	0,114	-0,601	602	-0,902
2004	0,026	0,989	0,123	-1,000	830	0,026
2005	0,056	-1,000	0,053	0,757	438	-0,527
2006	0,020	-1,000	0,068	0,648	993	0,232
2007	0,044	-0,998	0,029	0,719	420	0,915
2008	0,052	-1,000	0,06	1,000	567	1,000
2009	0,024	-1,000	0,088	1,000	721	0,639
2010	0,010	-1,000	0,262	-0,036	822	1,000
2011	0,010	-0,298	0,099	1,000	1576	1,000
2012	0,001	0,068	0,191	0,999	285	0,713
2013	0,002	-1,000	0,076	-1,000	351	-1,000
<i>В среднем за 2001 – 2013</i>	<i>0,026</i>	<i>-0,443</i>	<i>0,100</i>	<i>0,192</i>	<i>659,385</i>	<i>0,374</i>
<i>Коэффициент правдоподобия структурного сдвига (за 2001 - 2013)</i>	<i>-0,628</i>		<i>0,155</i>		<i>0,518</i>	
2014	0,001	-1	0,193	0,996	3524	1,000
2015	0,001	-0,751	0,099	0,966	1681	1,000
2016	0,002	-0,564	0,087	0,856	1924	1,000
2017	0,01	-0,432	0,15	-0,009	1311	1,000
2018	0,02	-0,235	0,099	0,031	1422	1,000
2019	0,05	-0,902	0,024	-0,12	815	-0,904
2020	0,058	-1	0,701	0,524	342	-0,735
2021	0,041	-0,963	0,08	1,000	1015	1,000
2022	0,053	-0,987	0,082	1,000	543	1,000
2023	0,037	-0,964	0,102	1,000	924	-0,015
<i>В среднем за 2014 – 2023</i>	<i>0,027</i>	<i>-0,780</i>	<i>0,162</i>	<i>0,624</i>	<i>1350,100</i>	<i>0,535</i>
<i>Коэффициент правдоподобия структурного сдвига (за 2014–2023)</i>	<i>-0,843</i>		<i>0,524</i>		<i>0,712</i>	

Источник: сост. автором по [271]

Приложение И
(обязательное).
Анализ корреляции

Таблица И.1 – Коэффициенты парной корреляции влияния на темп роста сельскохозяйственной продукции интенсивности и направленности структурных сдвигов в сельском хозяйстве России и Дальнего Востока

	Линейные коэффициенты парной корреляции					
	r_{yu_1}	r_{yn_1}	r_{yu_2}	r_{yn_2}	r_{yu_3}	r_{yn_3}
Россия	0,510	-0,032	0,083	-0,401	0,632	0,677
Дальний Восток	-0,423	-0,100	0,321	0,578	0,801	0,710
Обозначения:						
Y – темп роста сельхозпродукции по всем хозяйствам в расчёте на душу населения						
u_1 – интенсивность структурного сдвига в изменении численности групп землепользователей						
n_1 – направленность структурного сдвига в изменении численности групп землепользователей						
u_2 – интенсивность структурного сдвига в распределении посевных площадей						
n_2 – направленность структурного сдвига в распределении посевных площадей						
u_3 – интенсивность структурного сдвига в выпуске сельхозпродукции						
n_3 – направленность (n_3) структурного сдвига в выпуске сельхозпродукции						

Источник: сост. автором

Таблица И.2 – Совокупность характеристик основных структурных сдвигов в сельском хозяйстве России и Дальнего Востока для корреляционного анализа

Фактор	Россия	Дальний Восток
X_1	индекс структурного сдвига в посевных площадях СХО территории (%)	
X_2	индекс структурного сдвига в численности хозяйств населения территории (%)	
X_3	индекс структурного сдвига в численности К(Ф)Х РФ (%)	индекс структурного сдвига в посевных площадях К(Ф)Х территории (%)
X_4	масса структурного сдвига в выпуске сельхозпродукции СХО территории (в сопоставимых ценах, млрд. руб.)	масса структурного сдвига в выпуске сельхозпродукции хозяйствами населения территории (в сопоставимых ценах, млрд. руб.)
X_5	-	масса структурного сдвига в выпуске сельхозпродукции К(Ф)Х территории (в сопоставимых ценах, млрд. руб.)

Источник: сост. автором

Приложение К
(справочное).
Программно-целевые документы

Таблица К.1 – Программно-целевые документы государственной структурной политики развития Дальнего Востока РФ

Название	Этап	Дата принятия	Период планирования
ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 годы»	I	15.04.1996	До 2005 г.
ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 и до 2010 года»	II	19.03.2002	До 2010 г.
ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья в период до 2013 года»		21.11.2007	До 2013 г.
Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года		28.12.2009	До 2025 г.
Государственная программа «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона»		29.04.2013	До 2025 г.
ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 и до 2018 года»		06.12.2013	До 2018 г.
Государственная программа «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа» (в редакции от 23.03.2021 г.)	III	15.04.2014	До 2025 г.
Федеральный закон № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации»		29.12.2014	–
Концепция развития приграничных территорий субъектов РФ, входящих в состав Дальневосточного федерального округа		28.10.2015 (изменения 16.06.2022)	–
Федеральный закон № 119-ФЗ «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» («Закон о Дальневосточном гектаре»)		01.05.2016	До 2040 г.
Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года		20.06.2017	До 2025 г.
Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока до 2024 года и на перспективу до 2035 года		24.09.2020	До 2035 г.

Составлено автором по: [230, 232, 233, 351, 353]

Таблица К.2 – Приоритеты государственной политики Дальнего Востока

	ГП от 15.04.2014*	НП от 24.09.2020 **	ГП в ред. от 23.04.2021 ***
Превышение среднегодового темпа прироста валового регионального продукта			
Обеспечение притока инвестиций, формирование благоприятного инвестиционного климата			
Рост конкурентоспособности экономики			
Развитие транспортно-логистической инфраструктуры			
Преодоление структурных деформаций			
Поддержка экспорта			
Превышение уровня заработной платы по отношению к среднероссийскому уровню			
Повышение уровня и качества жизни населения			
Развитие гуманитарной сферы (здравоохранение, образование и наука, культуры, физической культуры и спорта)			
Развитие программы «Дальневосточный гектар»			
Привлечение трудовых ресурсов			
Ускоренное развитие и создание центров экономического роста			
<i>Примечания</i> – * ГП «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа» от 15.04.2014. ** Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока до 2024 года и на перспективу до 2035 года *** ГП «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа» в редакции от 23.03.2021.			

Составлено автором по: [230, 232, 233, 351, 353]